Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (42)
2016

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

id 28542 РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., *кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права*

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., *доктор педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Бажанов С.В., *доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;*

Дорская А.А., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);*

Дэвид Рейнольдс, *действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;*

Мкртумян А.Ю., *заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;*

Радько Т.Н., *заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;*

Рагулина Ю.В., *доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя научно-экспертного центра НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ;*

Солодуха П.Ф., *доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного социального университета;*

Стрекозов В.Г., *доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;*

Тарасов А.М., *заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАЕН;*

Тихонов А.В., *доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;*

Уоррен Кимбол, *почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;*

Шеремет И.А., *доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;*

Шкодинский С.В., *доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ СП;*

Ю Синода, *профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).*

Редакционная коллегия:

Главный редактор: В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор: Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор: В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Корректор: А.А. Леонтьева

© Коллектив авторов, 2016
© НОУ ВПО «МИГУП», 2016

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 1 (42)

2016

SCIENTIFIC JOURNAL

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The magazine has been put on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions, where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 42
SCIENTIFIC JOURNAL. ISSN 2074-9201

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences, President of the Moscow Institute of Public Administration and Law*

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor, Full State Counsillor of the Russian Federation, 1-st class*

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., *Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;*

Bazhanov S., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Member of the Petrovskaya Academy of Arts and Sciences, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*

David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nikhon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*

Dorskaya A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*

Mkrtumyan A., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*

Rad'ko T., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;*

Ragulina Yu., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Scientific and Expert Center of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation;*

Sheremet I., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;*
Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;*
Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;*

Strekozov V., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);*

Tarasov A., *Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;*
Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;*

Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Ruthgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*

Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Leont'yeva A.

© Group of Authors, 2016
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Бажанов С.В.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЛИЧНОГО СЫСКА
В ПЛАНИРОВАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ РОЗЫСКА **11**

Пашенцев Д.А.
ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НА ДИНАМИКУ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ **15**

Дорская А.А.
ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
К ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА **19**

Блинов А.Г.
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ЕФРЕМОВОЙ И.А. **24**

Деметрадзе М.Р.
ДОГОВОРНЫЙ ПРИНЦИП НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА.
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ **28**

Ефремова И.А.
УСМОТРЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ ПРИ ЗАМЕНЕ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ
БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ **36**

Третьякова Е.С.
ОСНОВНЫЕ КОНГРЕССЫ И КОНФЕРЕНЦИИ XIX ВЕКА И ИХ РОЛЬ
В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА **41**

Чеботарева А.А.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ:
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА **48**

Бокова Л.Н.
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ **52**

Шикула И.Р.
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ОТНОШЕНИИ БЕСПОМОЩНЫХ ПОТЕРПЕВШИХ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ **56**

Бочкарев С.В.
КОНЦЕПЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА Л.-А. ПРЕВО-ПАРАДОЛЯ **61**

Сопнева Е.В.,
ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ЛИЦА **66**

Крупеня Е.М.
ПРАВОСОЗНАНИЕ В ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА **70**

Гулиева М.М.
НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ИНГУШЕТИИ **78**

Седых Т.В.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
И НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА В СУД **82**

Скребнева Н.А.
ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ **87**

Шутурова Х.М.-Б.
ОСОБЕННОСТИ КОМПЕТЕНЦИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ) **93**

Шамаров П.В.
К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ **97**

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Шкодинский С.В., Продченко И.А.
МЕСТО И РОЛЬ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ **101**

Данилина Е.И., Чеботарев В.Е.
ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ **110**

Володарская Е.А.
РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В КОНТЕКСТЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА **117**

Марченко Е.В., Собянина С.В., Анфимова А.Ю.
РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ **128**

Ольховик И.В.
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗОВ **133**

Авджян Г.Д.
ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ АТРИБУТОВ КУРОРТНОЙ ТЕРРИТОРИИ **139**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Петрова Е.А., Шкурко Н.М., Козьяков Р.В.
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СНИЖЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ **147**

Лищина Г.Н.
РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ **154**

Орлова Е.А.
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ДОУ:
ДИАГНОСТИКО-КОРРЕКЦИОННЫЙ АСПЕКТ **159**

Баширова М.А., Сеидова Р.С., Гасанова Н.А.
КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ
КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ **164**

Бобрышов С.В., Саенко Л.А., Суменко Л.В.
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ СВОБОДЫ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ **170**

Северова Н.Ю., Заец Т.В.
ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МАЛЫХ ГРУППАХ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ РАБОТЕ
НАД АСПЕКТОМ «ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ» НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) **176**

Шилова В.А., Гусейнова К.Э.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО
АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ РАБОТЫ СМК: ПО МАТЕРИАЛАМ
АНАЛИЗА ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН **182**

Пиканина Ю.М.
ПРОГРАММА ОПТИМИЗАЦИИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТНОЙ НАДЕЖНОСТИ
СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ПРОФИЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ МГТУ ИМ. Н.Э. БАУМАНА) **189**

Ковров В.В.
НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ДИХОТОМИЯ ВЫБОРА ЦЕЛЕЙ ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ **195**

Медведицкова Л.В.
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ЗА РУБЕЖОМ **202**

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Bazhanov S.
HARNESSING POWERS OF A PERSONAL INVESTIGATION
IN THE PLANNING AND ORGANIZING OF SEARCH **11**

Pashentsev D.
THE IMPACT OF INTERNATIONAL FINANCIAL INSTITUTIONS
ON THE DYNAMICS OF THE LEGAL TRADITION OF RUSSIA **15**

Dorskaya A.
THE LEGAL TRADITION OF INTERNATIONAL RELIGIOUS ORGANIZATIONS
HANDLING TO THE MATTERS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW **19**

Blinov A.
REVIEW OF MONOGRAPH OF I. EFREMOVA **24**

Demetradze M.
TREATY PRINCIPLE OF PEOPLE'S SOVEREIGNTY.
POLITICAL-LEGAL ASPECTS OF THE PROBLEMS OF THE ELECTORAL
SYSTEM OF THE CONTEMPORARY RUSSIA **28**

Efremova I.
JUDICIAL DISCRETION OF LAW ENFORCEMENT IN THE COMMUTATION
OF UNSERVED PART OF PUNISHMENT BY A LESS SEVERE FORM
OF PUNISHMENT **36**

Tret'yakova E.
THE MAJOR CONGRESSES AND CONFERENCES OF THE NINETEENTH CENTURY
AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW **41**

Chebotareva A.
ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE PERSONALITY: THE ROLE OF INTERNATIONAL
INFORMATION SECURITY AND STRATEGIC PARTNERSHIP **48**

Bokova L.
THE INFORMATION SPACE AND THE LEGAL REGULATION
OF LABOUR RELATIONS **52**

Shikula I.
VICTIMOLOGIC PREVENTION OF VIOLENT CRIMES AGAINST HELPLESS VICTIMS
IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY: ISSUES AND SOLUTIONS **56**

Bochkarev S.
LUCIEN-ANATOLE PREVOST-PARADOL'S CONCEPTUAL IDEA
OF PARLIAMENTARISM **61**

Sopneva E.
OBJECTIVE GROUNDS OF THE APPEARANCE OF A SUSPECT **66**

Krupenya E.
THE LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE LEGAL REALITY OF CONTEMPORARY SOCIAL STRATUM **70**

Gulieva M.
A POPULAR REPRESENTATION IN INGUSHETIA **78**

Sedykh T.
ENFORCEMENT OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF A CRIMINAL PROCESS AT THE TERMINATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND REFERRAL OF A CASE TO COURT **82**

Skrebneva N.
THE CONCEPTION AND THE CLASSIFICATION OF MEDICAL RELATIONS AS A LEGAL CATEGORY **87**

Shuturova Kh.
THE JURISDICTION PECULIARITIES OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER IN CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION (BY THE EXAMPLE OF THE SOUTH RUSSIA) **93**

Shamarov P.
REVISITING THE PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT OF THE CONTEMPORARY SYSTEM OF INTERNATIONAL JUSTICE **97**

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Shkodinskiy S., Prodchenko I.
THE PLACE AND THE ROLE OF SMALL INNOVATION ENTERPRISES IN THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM **101**

Danilina E., Chebotarev V.
INCREASING THE LABOUR EFFICIENCY OF MUNICIPAL WORKERS **110**

Volodarskaya E.
REFORM OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN THE CONTEXT OF THE DISCIPLINARY ANALYSIS **117**

Marchenko E., Sobyanina S., Anfimova A.
THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN INVESTMENT ACTIVITY **128**

Ol'khovik I.
ECONOMICAL INCENTIVE OF INNOVATION ACTIVITY AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS **133**

Avjyan G.
ASSESSMENT OF SIGNIFICANCE OF ATTRIBUTES OF THE RESORT TERRITORY **139**

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY

Petrova E., Shkurko N., Koz'yakov R.
SOCIO-PEDAGOGICAL PRACTICES OF REDUCING THE AGGRESSION OF YOUNGER PUPILS **147**

Lishchina G.
THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COGITATION OF A SPECIALIST OF SOCIAL SERVICES IN NEW CONDITIONS **154**

Orlova E.
EMOTIONAL WELL-BEING OF CHILDREN IN THE EDUCATION ENVIRONMENT OF PRESCHOOL EDUCATION INSTITUTION (PSEI): DIAGNOSTIC-CORRECTIONAL ASPECT **159**

Bashirova M., Seidova R., Gasanova N.
COMPETENCE-ORIENTED APPROACH IN HIGHER EDUCATION AS A QUALITY FACTOR OF TRAINING **164**

Bobryshov S., Saenko L., Sumenko L.
THE PERSONIFICATION OF THE VALUES OF FREEDOM AND PERSONAL DIGNITY
IN THE CONTEMPORARY SOCIAL-PEDAGOGICAL PROCESSES **170**

Severova N., Zaets T.
ORGANIZING THE ACTIVITIES IN SMALL GROUPS OF COOPERATION
WHEN WORKING ON "HOME READING" ASPECT IN A FOREIGN LANGUAGE
AT NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTION
(IN THE CONTEXT OF THE GERMAN LANGUAGE) **176**

Shilova V., Guseynova K.
PRELIMINARY RESULTS OF APPLYING METHODOLOGY OF INTENTIONAL
ANALYSIS IN THE RESEARCH OF MCT PERFORMANCE: ACCORDING TO THE
CONTENT OF ANALYSIS OF PRINTED SOURCES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN **182**

Pikanina Yu.
OPTIMIZATION PROGRAM OF SELF-ADJUSTMENT OF PERSONAL SUSTAINABILITY
OF TECHNICAL SPECIALISTS
(THROUGH THE EXAMPLE OF BAUMAN MOSCOW STATE TECHNICAL UNIVERSITY) **189**

Kovrov V.
THE MORAL VALUES IN SOCIAL REALITY: THE DICHOTOMY OF CHOICE
OF TRAINING AIMS IN CONTEMPORARY EDUCATIONAL PRACTICE **195**

Medveditskova L.
PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING
OF POLICE OFFICERS IN FOREIGN COUNTRIES **202**

УДК 343

Бажанов С.В.,
доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, академик Петровской академии наук и искусств

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЛИЧНОГО СЫСКА В ПЛАНИРОВАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ РОЗЫСКА

В статье анализируются вопросы, связанные с участием частных детективов в организации розыска различных участников уголовного процесса и некоторых других его объектов.
Ключевые слова: личный сыск, розыск, субъект розыска, объект розыска

Bazhanov S.,
Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of Department of Prosecutorial Supervision Issues and Consolidation of Legality in the Economic Sphere of Research Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Academician of Peter's Academy of Arts and Sciences

HARNESSING POWERS OF A PERSONAL INVESTIGATION IN THE PLANNING AND ORGANIZING OF SEARCH

The article addresses the issues, related to the participation of private detectives in the organizing of search of the various participants in the criminal investigation process and some of its other facilities.
Keywords: personal investigation, search, subject of search, object of search

В словаре-справочнике «Оперативно-розыскная деятельность» (2001) под *розыском* предписывается понимать «деятельность розыскную», проявляющуюся, главным образом, в двух значениях:

как *часть уголовно-процессуальной деятельности*, регламентированной УПК РФ, представляющей собой совокупность действий уполномоченных на то субъектов (следователей, органов дознания) по установлению места нахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда;

как *часть* регламентированной отраслевым законодательством *оперативно-розыскной деятельности*, состоящей в решении одной из ее задач посредством осуществления оперативно-розыскных мероприятий уполномоченными на то субъектами (оперативными уполномоченными подразделений органов внутренних дел, полиции и др.) по установлению места нахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, а также уклоняющихся от уголовного наказания и без вести пропавших [7, с. 40; 137].

Отметим сразу, что используемый в упомянутом словаре понятийный аппарат оставляет желать лучшего, поскольку в качестве объектов розыска, по общему правилу, могут выступать лишь *установленные* (известные) участники уголовного процесса, приобретшие необходимый процессуальный статус (*подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и осужденные*), а не просто (абстрактно) *лица*, скрывшиеся от органов дознания, следствия и суда, от уголовного наказания, а равно пропавшие без вести, львиную долю которых как раз и составляют *пострадавшие* от преступлений, далеко не всегда успевающие заручиться согласием следователей на закрепление их правового положения в качестве *потерпевших*.

Однако, в принципе, при соблюдении необходимых условий *розыск* можно интерпретировать и как часть *частной детективной деятельности*, регламентированной Законом Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [3], заключающейся в оказании полномочными на то субъектами услуг по поиску без вести пропавших, а равно утраченного гражданами (организациями) имущества [8, с. 33; 34], хотя подобные утверждения воспринимаются не всеми. Так, например, Н.В. Стус полагает, что исторически понятия «сыск», «суд» и «розыск» в уголовно-процессуальном законодательстве Российской империи XV–XVIII вв. имели неадекватное значение и толкование. Сыск и суд являлись различными формами зарождавшегося следственного процесса, применение которых зависело от ка-

тегории разбираемых дел. Сыск, будучи рудиментом более древнего обвинительного процесса, постепенно становился основой розыска, представлявшего собой совершенно новую, особую форму инквизиционного процесса, получившего нормативное правовое закрепление в законодательстве второй половины XVII–XVIII вв. [10, с. 58–63].

Тем не менее с позиций этимологии вполне очевидно, что указанные понятия (розыск и сыск) происходят от единого корня, что в условиях текущего времени позволяет расценивать их в качестве *взаимозаменяемых*.

С учетом данных соображений в теории оперативно-разыскного права личный сыск и определяется как форма реализации оперативными уполномоченными подразделений органов внутренних дел (других правоохранительных ведомств), совокупности диктуемых конкретными обстоятельствами (не-) гласных оперативно-разыскных мероприятий и методов *оперативно-разыскной деятельности* в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников, решения других задач последней. При этом внимание акцентируется на объектах личного сыска, в качестве которых предписывается понимать:

– лиц, представляющих оперативный интерес;

– преступления и сведения о причастных к ним лицах;

– обстоятельства, составляющие предмет доказывания;

– предметы (документы) – вещественные доказательства (могущие стать таковыми впоследствии);

– имущество, подлежащее изъятию в возмещение причиненного ущерба.

Стало быть, в оперативно-разыскной теории личный *сыск* позиционируется не как разовое (отдельное) мероприятие, а как их совокупность, определенный процесс, в рамках которого реализуется комплекс целенаправленных оперативно-разыскных мероприятий, к числу которых принято относить: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Их перечень не является случайным, поскольку Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] жестко ограничивает возможность проведения отдельных (в данном контексте – других) оперативно-разыскных мероприятий не только оперативными уполномоченными органов внутренних дел, но и неспециализированными оперативными подразделениями последних.

Из анализа норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и (меж-) ведомственных нормативных правовых актов также усматривается, что субъектами оперативно-розыскных мероприятий являются исключительно должностные лица оперативно-розыскных органов [4, с. 51–54]; все предусмотренные ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскные мероприятия организуются и проводятся под их непосредственным началом. В то же время в качестве субъектов личного сыска не рассматриваются конфиденты и иные лица, оказывающие содействие оперативно-розыскным органам, которые хотя и используют отдельные детективные приемы, однако (по сути) остаются лишь вспомогательными его участниками [9, с. 411–416].

В указанном контексте трудно понять, из каких соображений исходил законодатель, увязывая правовые и тактические аспекты разыскной деятельности исключительно с оперативно-разыскными мероприятиями, а стало быть, и с должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Строго говоря, и в самом широком понимании анализируемой проблемы, личным сыском может заниматься *любое физическое лицо*, обладающее общими признаками правосубъектности (вменяемость и возраст), а также (по возможности) компетентностью. В этом смысле его (личный сыск) можно было бы трактовать как свободную от формализованных правил, заложенных в оперативно-разыскном и уголовно-процессуальном законодательстве, поисковую деятельность, субъектом которой наравне со следователями и оперативными уполномоченными подразделений различных оперативно-разыскных органов в состоянии выступать физические лица, приобретшие необходимую лицензию (что иногда и наблюдается). *Гарантии* их нормативно допустимого поведения кроются в предписаниях федерального законодательства в части, касающейся *контроля* лицензионной деятельности частных детективов со стороны органов внутренних дел, следователей, дознавателей и судей, в чьем производстве находится соответствующее уголовное дело, судов (в условиях текущего ведомственного контроля), а также прокуроров, осуществляющих *надзор* в этой сфере. На данное обстоятельство обращается внимание, в частности, в ч. 1 и 2 ст. 20 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», где декларируется, что контроль за частной детективной деятельностью на территории Российской Федерации осуществляют федеральный орган исполнительной власти, в ведении которого находятся вопросы внутренних дел, иные федеральные органы исполнительной власти и подчиненные им органы и подразделения в пределах, установленных настоящим Законом, другими законами и иными нормативными правовыми актами, а надзор за исполнением настоящего Зако-

на осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры.

В ст. 1 Закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» *частная детективная деятельность* (охранная деятельность в настоящей статье не рассматривается. – прим. авт.) определяется как оказание на возмездной договорной основе услуг физическим и юридическим лицам имеющими специальное разрешение (лицензию) органов внутренних дел организациями и индивидуальными предпринимателями в целях защиты законных прав и интересов своих клиентов; здесь же подчеркивается, что:

– на граждан, осуществляющих частную детективную деятельность, действие законов, закрепляющих правовой статус сотрудников правоохранительных органов, не распространяется;

– граждане, занимающиеся частной детективной деятельностью, не вправе осуществлять какие-либо оперативно-розыскные мероприятия, отнесенные к исключительной компетенции оперативно-розыскных органов.

Согласно п. 4 ст. 1.1 названного Закона, частным детективом признается гражданин Российской Федерации, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, получивший лицензию на осуществление частной детективной (сыскной) деятельности и оказывающий услуги (ч. 2 ст. 3), которые, в приложении к разбираемым в настоящей статье вопросам, сводятся к следующему:

– поиск без вести пропавших (п. 5);

– поиск имущества, утраченного гражданами или предприятиями, учреждениями и организациями (п. 6);

– сбор сведений по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса (при этом в течение суток с момента заключения соответствующего контракта частный детектив обязан письменно уведомить об этом лицо, производящее дознание, следователя или суд, в чьем производстве находится уголовное дело) – п. 7;

– поиск лица (его имущества), являющегося должником в соответствии с исполнительным документом (п. 8).

Статья 5 названного Закона устанавливает далее, что в ходе частной сыскной деятельности допускаются устный опрос граждан и должностных лиц (с их согласия), наведение справок, изучение предметов и документов (с письменного согласия их владельцев), внешний осмотр строений, помещений и других объектов для получения необходимой информации в целях оказания оговоренных в контракте услуг.

При осуществлении частной сыскной деятельности, согласно федеральному законодательству, допускается использование видео– и аудиозаписи, кино– и фотосъемки, технических и иных средств, не причиняющих вреда жизни и здоровью граждан и окружающей среде.

Заслуживают особого внимания предписания, содержащиеся в ст. 7 названного Закона, где для частных детективов устанавливаются ограничения в сфере частной сыскной деятельности, проявляющиеся в недопустимости:

– *сокрытия от правоохранительных органов ставших известными фактов готовящихся, совершаемых или совершенных преступлений*;

– позиционирования себя в качестве сотрудников правоохранительных органов;

– сбора сведений, связанных с личной жизнью, с политическими и религиозными убеждениями отдельных граждан;

– осуществления видео– и аудиозаписи, фото– и киносъемки в служебных или иных помещениях без письменного согласия соответствующих должностных (частных) лиц;

– действий, посягающих на права и свободы граждан, а также ставящих под угрозу их жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество;

– *фальсификации материалов или введения клиентов в заблуждение*;

– разглашения полученных в ходе выполнения договорных обязательств сведений о заказчике (в том числе касающихся защиты жизни и здоровья граждан) и (или) охраны его имущества, использования их в каких-либо целях вопреки интересам клиента (третьих лиц), кроме как на основаниях, предусмотренных федеральным законодательством;

– передачи своей лицензии для ее использования другими лицами;

– использования документов (иных сведений), полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскных органов;

– получения и использования информации, содержащейся в специальных и информационно-аналитических базах данных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в нарушение порядка, установленного федеральным законодательством (п. 1–11).

Изложенное предопределяет необходимость дальнейшего поиска путей совершенствования федерального законодательства и правоприменительной практики в целях активизации *контролируемого использования в оперативно-разыскном* и *уголовном процессах возможностей личного сыска частных детективов*, что, как представляется, в состоянии повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений, способствуя оптимизации государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью в целом [5; 6, с. 333–335].

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс».
3. Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 13.07.2015) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
4. *Бажанов С.В.* Соотношение уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных полномочий сотрудников органов внутренних дел (полиции) // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 4 (41).
5. *Бажанов С.В*. Выявление, раскрытие и расследование преступлений российской полицией: монография. Germany: Palmarium Academic Publishing, 2014.
6. *Бажанов С.В*. Государственно-правовая политика борьбы с преступностью в Российской Федерации // Прокуратура в системе обеспечения конституционной законности: энциклопедия. Серия « Academia» / под общ. ред. О.С. Капинус. Т. 2. – М.: Новое время, 2015.
7. Оперативно-розыскная деятельность: словарь-справочник / автор-составитель В.Ю. Голубовский. – М., 2001.
8. Краткая сыскная энциклопедия: деятельность оперативно-розыскная, контрразведывательная, частная сыскная (детективная) / автор-составитель А.Ю. Шумилов. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2000.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006.
10. *Стус Н.В.* «Сыск», «суд» и «розыск» в уголовно-процессуальном законодательстве России XV–XVIII веков // Юридический мир. – 2015. – № 4.

Reference list

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation – The Federal Law from 18.12.2001 № 174-FL (as amended on 13.07.2015) (as amended and supplemented, went into effect from 15.09.2015) // Legal Reference System "Consultant Plus".
2. Federal Law of 12.08.1995 № 144-FL (as amended on 29.06.2015) "On operational-investigative activity" // Legal Reference System "Consultant Plus".
3. The law of the Russian Federation of 11.03.1992 № 2487-1 (amended on 13.07.2015) "On private detective and security activity in the Russian Federation" // Legal Reference System "Consultant Plus".
4. *Bazhanov S.* The ratio of criminal-procedural and operational-investigative powers of internal affairs bodies (police) // Field Investigator (Detective). 2014. № 4 (41).
5. *Bazhanov S.* Exposure, Detection and Investigation of Crimes by the Russian Police. Germany: Palmarium Academic Publishing, 2014.
6. *Bazhanov S.* State-legal policy in the fight against crime in the Russian Federation // The Prosecutor's office in the system of ensuring constitutional legality: Encyclopedia. Series "Academia" / Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation; Under the general editorship of O. Kapinus. Vol. 2. M.: Novoe Vremya, 2015.
7. Operational– investigative activity: The dictionary-handbook / Author and editor V. Golubovskiy. M., 2001.
8. Shorter Detective Encyclopedia: The activity as an operational -investigative, counter-intelligence, private investigative (detective) / Author and editor A. Shumilov. M.: Shumilova I. the publisher, 2000.
9. The theory of operational-investigative activity: Textbook / Under the editorship of K. Goryainov, V. Ovchinskiy, G. Sinilov. M.: INFRA-M, 2006.
10. *Stus N.* "Investigation", "Court" and "Search" in the criminal procedure legislation of Russia in the XV–XVIII centuries // Yuridicheskiy Mir. 2015. № 4.

УДК 341

Пашенцев Д.А.,
доктор юридических наук, профессор, консультант по научной работе Московского института государственного управления и права, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ДИНАМИКУ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ[1]

В статье проанализированы особенности влияния международных финансовых организаций на развитие российского права. Показаны негативные последствия глобализации для национальной правовой традиции. Подчеркивается роль международных финансовых организаций в процессе глобализации. Сделан вывод о необходимости защиты российской правовой традиции.
Ключевые слова: международные финансовые организации, правовая традиция, глобализация, правовая система, право

Pashentsev D.,
Doctor of Law, Professor, Consultant for Research Activity of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City Pedagogical University

THE IMPACT OF INTERNATIONAL FINANCIAL INSTITUTIONS ON THE DYNAMICS OF THE LEGAL TRADITION OF RUSSIA

The article analyzes the characteristics of the impact of international financial institutions on the development of the Russian law. The negative consequences of globalization on national legal tradition have been shown. There is underlined the role of international financial institutions in the globalization process. In the article it has been concluded about necessity to protect the Russian legal tradition.
Keywords: international financial institutions, legal tradition, globalization, legal system, law

Исследование вопросов влияния международных финансовых структур на отечественную правовую традицию представляется актуальным в связи с целым рядом обстоятельств теоретического и практического характера.

1) В российской юридической науке остается нерешенной задача, связанная с выявлением сущностных характеристик правовой традиции и направлений ее динамики в современных условиях.

2) Требует научного осмысления результат деятельности международных финансовых структур, их влияния на национальную экономику и правовую систему.

3) Процесс глобализации ставит на повестку дня вопрос об анализе ее механизмов и последствий.

При проведении научного исследования необходимо исходить из понимания того, что международные финансовые организации являются одним из инструментов, при помощи которых реализуется сложный и многоплановый процесс, именуемый глобализацией.

Сегодня очевидно, что все попытки представить глобализацию как исключительно объективный и закономерный процесс являются несостоятельными. Глобализация – процесс во многом искусственный, направляемый и конструируемый. Не отрицая наличия и роли объективных факторов в динамике глобализирующегося мира, отметим, что современная модель глобализации выглядит как вестернизация, реализуемая при помощи многочисленных рычагов и способов.

Невозможно отрицать, что глобализация оказывает огромное влияние на развитие национальных правовых систем и правовых традиций. Прежде всего она способствует преодолению замкнутости данных правовых феноменов, порождая процессы унификации. В результате, как справедливо отмечает М.Н. Марченко, сегодня уже недостаточно исследовать каждую правовую систему в отдельности, а следует рассматривать их во взаимодействии, на

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния», проект № 15-03-00255. При написании статьи использованы материалы СПС «Консультант плюс».

макросистемном уровне [3, с. 4]. Правовая традиция и правовая система уже не являются самодостаточными явлениями. Вместо прежнего фокусирования на проблемах внутреннего правопорядка правовая система и правовая традиция вынуждены все больше обращаться к вопросам миропорядка внешнего, международного.

Глобализация влияет и на изменение сущности самого права, которое все больше превращается в наднациональный регулятор общественных отношений. Действие правовых норм выходит на новый уровень, регулируя взаимоотношения таких субъектов, как транснациональные корпорации, межгосударственные объединения и международные финансово-экономические организации [3, с. 5]. В итоге национальная составляющая в праве все больше вытесняется глобальной составляющей.

Если рассматривать правовую традицию как точку зрения о правилах, которыми руководствуется общество в повседневной правовой жизни, то в течение веков эта точка зрения менялась, но медленно. Под воздействием глобализации данный процесс значительно ускоряется. Давление внешних, межгосударственных факторов и приоритетов оказывает достаточно мощное воздействие на правовую традицию, следствием чего может стать даже ее деградация. Правовая традиция диктует определенные национальные правовые стандарты, которые в значительной мере отвечают национальному правовому менталитету, тому, что представители немецкой исторической школы права именовали «народным духом». Правовая традиция всегда несет в себе определенный ценностный заряд, она связана с поддержанием и воспроизводством тех или иных правовых ценностей. Глобализация связана с универсализацией ценностей, в том числе и в правовой сфере. В качестве образца при такой универсализации берутся западные правовые ценности, которые часто противоречат правовым ценностям, защищаемым российской традицией.

Также необходимо учитывать, что правовая традиция, как и любое правовое явление, диалогична, она существует только потому, что есть иные, отличные от нее, традиции и явления. Процессы глобализации и универсализации стирают грани между разными правовыми традициями, и в этих условиях существование самой традиции теряет смысл – она уже ничем не отличается от иных традиций, значит, не имеет своих определяющих признаков, т.е. не существует. Поэтому для традиции противодействие глобализации становится вопросом выживания и сохранения.

Изложенные позиции хорошо применимы к анализу роли международных финансовых организаций в современном развитии России. Дело в том, что глобализация, в первую очередь, затрагивает развитие отраслей права, связанных с финансами, информацией, интеллектуальной собственностью [5, с. 35]. А это именно те сферы, где отчетливо проявляется влияние международных финансовых организаций.

Деятельность указанных структур приобретает в условиях глобализации такую направленность, которая заставляет задуматься о потенциальном изменении всей мировой системы государственной власти. Уже сегодня, как отмечает В.В. Гончаров, «реальная власть по управлению государством, определению направлений его развития и созданию условий для жизнедеятельности населения страны, реализации гражданами своих прав, свобод и законных интересов (а ведь именно это и составляет практическую сердцевину государственного суверенитета в любой стране) все более переходит из рук государственного механизма в фактическое осуществление международными организациями, транснациональными корпорациями и прочими глобализационными структурами, которые все более смыкаются, систематизируются, образуя своеобразное надгосударственное правительство, по сути, и определяющее в настоящее время судьбу человечества» [1, с. 35].

Нередко международные финансовые организации выступают инструментом в руках транснациональных корпораций, так как их учредителями часто являются негосударственные структуры, контролируемые крупным капиталом. Международные финансовые организации имеют возможность контролировать большую долю мировых финансовых потоков. В силу этого они имеют существенные возможности оказывать влияние на экономику и политику национальных, формально суверенных государств. В итоге глобализация фактически меняет само понятие суверенитета, лишает его прежней абсолютности, и это непосредственным образом влияет на все стороны государственно-правовой жизни.

Международные финансовые и экономические организации, как справедливо указывают современные авторы, фактически уже взяли на себя функцию глобального экономического правительства и сумели подчинить себе большинство государств современного мира. При этом действуют они, как правило, в жесткой зависимости от американской администрации [4, с. 1326].

Вектор политики, проводимой Белым домом, направлен на установление гегемонии в мире, на активное выкачивание ресурсов из национальных экономик, на подрыв государственного суверенитета тех стран, которые пока не идут в кильватерной струе американской политики. Опыт целого ряда государств, в том числе и России, свидетельствует, что рекомендации, которые выдаются международными финансовыми организациями, нередко ведут к дегра-

дации национальной экономики, к сворачиванию социальных программ и ухудшению уровня жизни населения. Также они приводят к существенным изменениям в действующем законодательстве.

Правовая традиция в значительной мере формируется в контексте государственного суверенитета, она поддерживает государственную легитимность и потому становится одной из мишеней глобализационного воздействия.

В итоге вполне можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что деятельность международных финансовых организаций порождает большие сложности для национальных государств, когда разрабатываемые ими интеграционные стандарты вступают в противоречие с существующими правовыми традициями [2, с. 18].

Основными направлениями деятельности международных финансовых организаций являются следующие: операции на мировом валютном и фондовом рынке; инвестиционная деятельность; кредитование государственных проектов; финансирование программ международной помощи и научных исследований и т.д.

В современной ситуации деятельность международных финансовых организаций в России во многом определяется их участием в тех экономических санкциях, которые введены против нашей страны рядом зарубежных государств. Санкции распространяются и на сферу долгосрочного кредитования на внешнем рынке. С одной стороны, это создает определенные сложности для развития российского финансово-экономического сектора, с другой стороны – сдерживает активность международных финансовых структур по разрушению отечественной правовой традиции.

В то же время Россия остается членом целого ряда международных финансовых организаций, таких, например, как Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и т.д. При участии нашей страны создаются и иные, альтернативные финансовые структуры незападного типа, например в рамках БРИКС.

Следует отметить, что БРИКС еще не соответствует всем доктринально признанным и практическим критериям международной организации [7, с. 144]. В то же время это объединение представляется весьма перспективным в контексте создания новых, независимых от США финансовых организаций с широкими потенциальными возможностями. В частности, 15 июня 2014 г. был подписан Договор о создании пула условных валютных резервов стран БРИКС, который ратифицирован Российской Федерацией [6]. Создан Банк развития БРИКС, который фактически имеет все шансы стать первой достойной альтернативой существующей прозападной мировой финансовой системе и входящим в ее состав международным финансовым организациям.

Таким образом, необходимость сохранения и защиты отечественной правовой традиции определяет целесообразность разработки и внедрения правовых механизмов, направленных на сдерживание излишней, а порой и вредоносной активности международных финансовых организаций в рамках российского правопорядка. Прежде всего отметим необходимость решения на основе тщательного научного анализа проблемы соотношения норм и правил международных финансовых и экономических организаций с внутренним правом Российской Федерации. Также требуется доктринальное обоснование и последующее практическое решение вопроса о возможном частичном ограничении прямого действия норм ВТО в правопорядке России. В целом нахождение правильного баланса между нормами, регулирующими деятельность международных финансовых организаций, и российским законодательством будет способствовать укреплению как экономической сферы, так и правовой системы нашей страны. При этом не стоит полностью отказываться от сотрудничества с международными финансовыми организациями, но любое взаимодействие с ними должно быть взаимовыгодным и соответствовать российским традициям правового регулирования.

Список литературы

1. *Гончаров В.В.* Роль семьи как социального института в сохранении и развитии российской государственности // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 1.
2. *Дорская А.А.* Проблема соотношения правовых традиций и стандартов международных организаций в обеспечении прав человека в России // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. – Рязань, 2015.
3. *Марченко М.Н.* Влияние процессов глобализации и регионализации на развитие права и его теории // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 2010.
4. *Нехай В.Н.* Международные валютно-финансовые и торговые организации как фактор экономической глобализации // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. – № 4.
5. *Тосунян Г.А., Экмалян А.М., Санникова Л.В., Пашенцев Д.А.* Экономические санкции и развитие финансового за-

конодательства России // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – Т. 1.
6. Федеральный закон от 02.05.2015 № 107-ФЗ «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС» // Собр. зак. РФ. 04.05.2015. № 18. Ст. 2610.
7. *Шинкарецкая Г.Г.* О правовом статусе БРИКС // Современное право. – 2015. – № 10.

Reference list

1. *Goncharov V.* The role of the family as a social institution in the preservation and development of Russian statehood // Family and housing law. 2010. № 1.
2. *Dorskaya A.* The issue of correlation between legal traditions and standards of international institutions in enforcement of human rights in Russia // Rights and freedoms of man and citizen: Theoretical aspects and legal practice: Proceedings of the International scientific conference, dedicated the memory of Professor F. Rudinskiy. Ryazan, 2015.
3. *Marchenko M.* The influence of processes of globalization and regionalization on the development of law and law theory // Issues and prospects of development of state and law in the XXI century: Proceedings of the International scientifically-practical conference. Ulan-Ude, 2010.
4. *Nekhay V.* International monetary-financial and trade institutions as a factor of economic globalization // Bulletin of the Bashkir University. 2011. Vol. 16. № 4.
5. *Tosunyan G., Ekmalyan A., Sannikova L., Pashentsev D.* Economic sanctions and development of the financial legislation of Russia // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2016. T. 86. Vol. 1.
6. Federal law of 02.05.2015 № 107-FL "On ratification of the Agreement on creation of a Pool of arbitrary foreign exchange reserves of BRICS" // Code of Laws of the Russian Federation. 04.05.2015. № 18. Art. 2610
7. *Shinkaretskaya G.* About BRICS legal status // Modern law. 2015. № 10.

УДК 341.32

Дорская А.А.,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА[1]

В статье рассматривается значение вопросов международного гуманитарного права в деятельности международных религиозных организаций. Показано, что на разных исторических этапах мировые религии сыграли важную роль в становлении норм международного гуманитарного права, пытаясь предотвратить ужасы войны. На современном этапе сложилась правовая традиция обращения международных религиозных организаций к таким вопросам международного гуманитарного права, как защита жертв вооруженных конфликтов, запрещение новых средств и методов ведения войны. Рассматривается вопрос о включении норм международного гуманитарного права в учредительные и программные документы международных религиозных организаций, их роли в предотвращении конфликтов на религиозной почве.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, международная религиозная организация, вооруженный конфликт, права человека

Dorskaya A.,
Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia

THE LEGAL TRADITION OF INTERNATIONAL RELIGIOUS ORGANIZATIONS HANDLING TO THE MATTERS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

The article deals the importance of international humanitarian law matters in the activity of international religious organizations. It shows that the world's religions had played an important role in the development of international humanitarian law at the different historical instances, trying to prevent the horrors of war. At the present stage there was a legal tradition of international religious organizations handling to such matters of international humanitarian law as the protection of victims of armed conflicts and the prohibition of new means and methods of warfare. This paper addresses the issue about the inclusion of international humanitarian law standards in the constitutive and policy papers of the international religious organizations and about their role in preventing conflicts on religious grounds.

Keywords: international humanitarian law, international religious organization, armed conflict, human rights

На современном этапе главную роль в системе защиты прав человека в период вооруженных конфликтов играет международное право [10, с. 129–131]. Глобализационные процессы и новые вызовы конца XX – начала XXI вв. заставили международные религиозные организации обратиться не только к чисто религиозным теоретическим и практическим вопросам, но и вписаться в данную систему.

Необходимо отметить, что именно вопросы международного гуманитарного права органично стали отдельным направлением в деятельности международных религиозных организаций в силу целого ряда причин.

С древности религиозные организации пытались предотвращать ужасы войны. Например, как известно, на Вселенских соборах христианской церкви проводились «замирения по субъектам» (не могли рассматриваться как воюющие стороны дети до 12 лет, вдовы, паломники и купцы) и «замирения по объектам» (запрещалось вести боевые действия в церквях, монастырях, домах духовенства).

Правовые и религиозные нормы на протяжении веков развивались во взаимодействии, и поэтому, безусловно, сложились некоторые сферы совместного регулирования общественных отношений [11, с. 33–38].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

Кроме того, религиозные учения больше способствуют защите коллективных прав (религиозной общины, церковной организации и т.д.), что характерно и для международного гуманитарного права. Как отмечает П.Г. Зверев, «существенной особенностью, характеризующей различия между международным правом прав человека и международным гуманитарным правом, остаются качественно разные подходы к одним и тем же правам человека. Нет никаких сомнений в том, что международное гуманитарное право стремится защитить определенные человеческие интересы. Однако способ, которым оно это делает, отличается от способа, используемого правом прав человека: международное гуманитарное право создает обязательства и предусматривает ответственность за их нарушение, но оно все же не затрагивает отдельных прав индивида в той степени, в какой это делает международное право прав человека» [5, с. 64].

Удивительно, но сегодня религиозная терминология используется исследователями при характеристике деятельности международных неправительственных организаций. В частности, Л.М. Николлз признает методологию Международного Комитета Красного Креста, основывающуюся на правовых основах обычного права, каноническим правовым подходом [8, с. 38].

О взаимосвязи религиозного фактора и развития современного международного права говорит тот факт, что сегодня высказываются предложения выделить в качестве новой отрасли международного права международное каноническое право, регулирующее уникальный комплекс взаимосвязанных международных отношений – светских и канонических [4, с. 267]. Несмотря на то, что данная позиция пока нуждается в серьезной аргументации и обосновании, она показывает, что международные религиозные организации сегодня не могут обходить важнейшие международно-правовые проблемы, в том числе касающиеся защиты жертв войны, недопущения использования запрещенных средств и методов ведения войны и т.д.

Нормы международного гуманитарного права находят различное проявление в деятельности международных религиозных организаций.

Во-первых, со второй половины XX в. активно развиваются международные религиозные организации, которые имеют своей целью мирное урегулирование международных споров, мирное сотрудничество, защиту прав личности в период вооруженных конфликтов. Так, еще в 1970 г. на межконфессиональной конференции в Киото (Япония), в работе которой участвовало более тысячи священнослужителей, представляющих разные вероисповедания, была учреждена Всемирная конференция по вопросам религии и мира (World Conference on Religion and Peace).

Главной задачей Конференции является «содействие мирному разрешению международных и внутригосударственных конфликтов» [9, с. 13]. Основные направления деятельности конференции – это преодоление вооруженных конфликтов в различных точках мира, налаживание мирной жизни там, где шла война, предотвращение гуманитарных катастроф, борьба с распространением оружия массового поражения, голодом, СПИДом и эпидемиями, особенно на африканском континенте.

Членами конференции являются религиозные деятели различных вероисповеданий, желающие использовать свой авторитет для реализации этой задачи. Необходимо отметить, что это самая крупная в мире международная религиозная организация с миротворческими целями, объединяющая множество религиозных общин из разных стран [1].

Организационная структура данного международного объединения такова. Раз в пять лет проводится Мировая ассамблея членов Конференции. В промежутках между ними работой Конференции руководят Международный управляющий совет, Почетные президенты, а техническую работу выполняет Международный секретариат. Также в 2000 г. был создан Международный совет попечителей, в который входят лица, оказывающие финансовую помощь деятельности Конференции.

В 1995 г. Всемирной конференции по вопросам религии и мира был предоставлен генеральный консультативный статус при ЭКОСОС.

Примером работы данной конференции можно привести ассамблею 2006 г., на которой обсуждались вопросы коллективной безопасности верующих разных религий, рассматривались модели межрелигиозной работы по преодолению конфликтов, в частности на Ближнем Востоке.

Русская Православная Церковь участвует в деятельности данной Всемирной конференции с 1970 г., являясь одним из ее учредителей. Это было обусловлено позицией Церкви на протяжении всей истории XX в. Несмотря на гонения со стороны государства в советский период, Церковь сыграла большую роль в период Великой Отечественной войны [7, с. 21–25], помогая населению перенести все тяготы войны. Линия на поддержание мира и безопасности стала одной из важнейших во внешней деятельности Русской Православной Церкви в период «холодной войны».

Во-вторых, международные религиозные организации играют важную роль в разработке норм, ограничивающих средства и методы ведения войны, а также в их популяризации.

Ярким примером является деятельность Христианской мирной конференции (The Christian Peace Conference), решение о создании которой было принято в 1958 г., а реальная организация произошла в

1961 г. Эта международная религиозная организация объединяет православные и протестантские движения сторонников мира и имеет свою конституцию, согласно которой конференция представляет собой форум, где христиане всего мира должны встречаться для поиска путей разрешения политических, социальных и экономических проблем. Членами данной организации могут быть религиозные организации, а также группы духовных и светских лиц.

Органами Христианской мирной конференции являются Ассамблея, Координационный совет (110 членов), Исполнительный комитет (16 членов), Международный секретариат и комиссии [2, с. 367]. Раз в три месяца данная международная религиозная организация издает журнал «Christian Peace Conference» на английском, немецком и французском языках.

Показательной является Декларация руководства Христианской мирной конференции о нейтронной бомбе от 23 сентября 1977 г., в которой говорилось: «Христианская Мирная Конференция призывает всех христиан повседневно молиться о мире и использовать все возможности для влияния на христианские круги, дабы звучали голоса, предупреждающие о новой, еще более страшной ядерной угрозе: нейтронной бомбе.

После двадцати лет последовательных усилий, направленных на борьбу с гонкой ядерных вооружений и за мирное решение конфликтов, Христианская Мирная Конференция вместе с другими миролюбивыми силами осуждает планы по производству нейтронной бомбы, считая их «извращенностью разума»...

Необходимо отвергать психологические маневры, которые ведутся с целью умаления представления об опасности употребления нейтронной бомбы.

Это новое средство уничтожения, не влияющее на неживые продукты человеческой деятельности, является орудием агрессии. Само приобретение его являлось бы разоблачением агрессивных замыслов уничтожения людей и всего живого.

Мы призываем всех христиан, невзирая на различия в вероисповедании или национальности, молиться и трудиться во имя сохранения того, что сотворено Богом» [3].

В-третьих, международные религиозные организации пытаются предотвратить новые вооруженные конфликты, прежде всего на религиозной почве. Для этого они разрабатывают и принимают свои международные соглашения, которые, конечно, не имеют нормативно-правовой природы, но должны учитываться мировым сообществом и государствами при выработке новых международно-правовых стандартов, в том числе по вопросам международного гуманитарного права.

Примером может служить «Хартия экуменизма» («Charta Ecunemica») [13], которая была принята в Страсбурге 22 апреля 2001 г. Разработка этого документа велась несколько лет. Еще в 1989 г. на Первой европейской экуменической ассамблее в Базеле, а затем на Второй ассамблее 1997 г. в Граце европейским христианским церквам было рекомендовано «выработать общий рабочий документ, в котором описывались бы базовые экуменические права и обязанности». Это должно было помочь руководству и прихожанам церквей выяснить различия между прозелетизмом и христианским свидетельством. Для реализации этой программы была создана рабочая группа, в которую вошли представители Европейского совета епископов (Римско-католическая церковь) и Конференции европейских церквей (православные, протестантские церкви, старокатолическая церковь, свободные церкви Европы).

Сейчас «Хартию экуменизма» официально одобрили, по крайней мере на декларативном уровне, большинство традиционных для Европы христианских конфессий – Римско-католическая церковь, православные церкви (Русская, Греческая, Румынская, Вселенский патриархат, Армянская апостольская церковь), а также протестантские церкви (лютеранская, реформатская, англиканская, методистская). Как отмечает Е.А. Степанова, «большинство европейских стран уже применяют ее», это первый документ, который принадлежит всем христианским церквам Европы [12, с. 94].

В Хартии определено, что «ввиду многочисленных конфликтов церкви призваны вместе служить примирению между людьми и культурами. Мы знаем, что важной предпосылкой для этого является мир между церквами. Наши общие усилия направлены на обсуждение и разрешение политических и социальных проблем в духе Евангелия. Поскольку мы ценим личность и достоинство каждого человека как образа Божия, мы выступаем за абсолютно равную ценность всех людей. Как церкви мы намереваемся объединить силы в содействии процессу демократизации в Европе. Мы обязуемся трудиться для созидания структур мира, основанных на ненасильственном урегулировании конфликтов. Мы осуждаем любые формы насилия над человеком, особенно над женщинами и детьми».

Также в Хартии отмечено, что «…хотя между мусульманами и христианами всегда были и сейчас развиваются хорошие и добрососедские отношения, по-прежнему существуют серьезные препятствия и предрассудки с обеих сторон. Они коренятся в болезненном опыте истории и в недавнем прошлом. Нам бы хотелось интенсифицировать движение навстречу друг другу и улучшить христианско-мусульманский диалог на всех уровнях. В особенности мы рекомендуем проводить совместные беседы о нашей вере в одного Бога и выяснять наше понимание прав человека. Мы обязуемся:

– вести себя по отношению к мусульманам с уважением;

– работать вместе с мусульманами над проблемами, вызывающими общую обеспокоенность».

Таким образом, данный международный религиозный документ построен не только на канонических нормах, но и на таких принципах международного гуманитарного права, как гуманность и недопущение дискриминации.

В-четвертых, нормы международного гуманитарного права отражены в документах межправительственных организаций, ставящих перед собой задачу обеспечения религиозной солидарности во всех сферах жизни.

Ярчайшим примером является Каирская декларация о правах человека в исламе [6], которая была принята государствами – членами Организации Исламская Конференция (теперь – Организации Исламского сотрудничества) 5 августа 1990 г. В частности, в ней закреплены право на жизнь и физическую неприкосновенность (ст. 2) и защита личности и ее имущества в период вооруженных конфликтов (ст. 3).

Таким образом, развитие и поддержка норм международного гуманитарного права является одной из функций многих международных религиозных организаций, выделившейся благодаря векам складывавшейся правовой традиции. В условиях перехода к «постсекулярному миру» в начале XXI в., когда значение религиозного фактора во всех сферах жизни возрастает, на международных религиозных организациях лежит особая ответственность за реализацию норм о защите жертв вооруженных конфликтов, недопущение применения запрещенных видов оружия, распространение новых средств и методов ведения войны. Значение религиозного фактора должно учитываться при дальнейшей разработке норм международного гуманитарного права, так как международные религиозные организации могут являться одним из их авторитетных «проводников».

Список литературы

1. В Японии откроется ассамблея Всемирной конференции религий за мир. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://obzor.westsib.ru/news/99215 (дата обращения: 03.01.2016 г.).
2. *Галенская Л.Н.* Христианская мирная конференция // Энциклопедия международных организаций. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. Т. 2.
3. Декларация руководства Христианской мирной конференции о нейтронной бомбе от 23 сентября 1977 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.orthlib.ru/JMP/77_11/24.html (дата обращения: 30.12.2015 г.).
4. *Дмитриев А.И.* Вестфальский мир 1648 года как отраслевая основа международного канонического права // Российский ежегодник международного права – 2013. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия – Нева», 2014.
5. *Зверев П.Г.* Где проходит граница между правом прав человека и международным гуманитарным правом в условиях миротворческих операций // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 1 (39).
6. Каирская декларация прав человека в исламе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm? (дата обращения: 29.12.2015 г.).
7. *Каменских Н.А., Пашенцев Д.А.* Взаимоотношения государства и Русской Православной церкви в период Великой Отечественной войны // Вестник Академии права и управления. – 2015. – № 39.
8. *Курбанов Т.Б. Николлз Л.М.* Международный Комитет Красного Креста и его 161 правило по обычному международному гуманитарному праву // Международное гуманитарное право и новые вызовы мировому порядку: реферативный сборник. Серия «Правоведение» / Отв. ред. Е.В. Алферова. – М.: Центр социал. науч.-информ. исслед., 2009.
9. *Марусин И.С.* Всемирная конференция по вопросам религии и мира // Энциклопедия международных организаций. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. Т. 2.
10. *Матчанова З.Ш.* Международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов // Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.И. Иванчак. – СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007.
11. *Пашенцев Д.А.* Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. – 2015. – № 17.
12. *Степанова Е.А.* Проблема толерантности в межконфессиональных отношениях: курс лекций: в 2-х тт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. Т. 2. – 274 с.
13. Хартия экуменизма. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157 (дата обращения: 30.12.2015 г.).

Reference list

1. Japan will open the Assembly of the World Conference of Religions for Peace. [Electronic resource] – Access mode: http://obzor.westsib.ru/news/99215 (Reference date: 03.01.2016).

2. *Galenskaya L.* Christian Peace Conference // Encyclopedia of international organizations. SBR.: Publishing office of Saint Petersburg State University, 2006. Vol. 2.
3. The Declaration of the Leadership of the Christian Peace Conference about the Neutron Bomb of 23rd of September, 1977 [Electronic resource] – Regime of access: http://www.orthlib.ru/JMP/77_11/24.html (Reference date: 30.12.2015).
4. *Dmitriev A.* Peace of Westphalia of 1648 as the industry basis of International Canon Law // The Russian Yearbook of International Law – 2013. SBR.: Social-commercial company "Rossiya – Neva", 2014.
5. *Zverev P.* Where is the line between human rights law and international humanitarian law in a peacekeeping environment // Bulletin of the Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1 (39).
6. The Cairo Declaration on human rights in Islam. [Electronic resource] – Access mode: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm? (Reference date: 29.12.2015.).
7. *Kamenskikh N., Pashentsev D.* Relations between the state and the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. // Bulletin of Academy of law and management. № 39.
8. *Kurbanov T., Nicholls L.* The International Committee of the Red Cross and its rules 161of customary international humanitarian law // International humanitarian law and the challenges of the new world order: Abstract collection. The Series "Jurisprudence" / Executive editor E. Alferova. M.: Center for social scientific-informational research, 2009.
9. *Marusin I.* World Conference on Religion and Peace // The encyclopedia of international organizations. SBR.: Publishing office of Saint Petersburg State University, 2006. Vol. 2.
10. *Matchanova Z.* International legal protection of victims of armed conflict // Issues of protection of rights: History and modernity. Proceedings of the International scientifically-practical conference / Executive editor A. Ivanchak. SBR.: Publishing office of Leningrad State University named after A. Pushkin, 2007.
11. *Pashentsev D.* The interaction of legal and religious norms: Historical-theoretical aspect // History of state and law. 2015. № 17.
12. *Stepanova E.* The issue of tolerance in interfaith relations: A course of lectures: In 2 vols. Yekaterinburg: Publishing office of Ural University, 2008. Vol. 2. 274 p.
13. The Charter of ecumenism. [Electronic resource] – Access mode: http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157 (Reference date: 30.12.2015).

Блинов А.Г.,
доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ЕФРЕМОВОЙ И.А. «ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ»

(под ред. Б.Т. Разгильдиева; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2015. – 264 с.)

Проблемы освобождения от уголовного наказания достаточно широко исследуются в уголовно-правовой науке. Вместе с тем стоит признать, что монография Ефремовой И.А. «Проблемы освобождения от уголовного наказания», представленная на рецензирование, отличается от других исследований комплексным подходом. Данное исследование является актуальным как с позиций развития гуманистических начал института освобождения от уголовного наказания, так и с позиций рассмотрения уголовно-правовой природы каждого вида освобождения от уголовного наказания. Необходимость проведенного изучения обозначенных проблем была вызвана тем, что многие аспекты их остаются дискуссионными. Данная научная работа своевременна и актуальна. Институт освобождения от наказания претерпел законодательные изменения, выразившиеся во введении новых видов освобождения от наказания в действующий уголовный закон. Кроме того, имеющаяся отраслевая и межотраслевая рассогласованность правового регулирования различных видов освобождения от уголовного наказания способствовала неоднозначному правоприменительному подходу при реализации различных видов освобождения от уголовного наказания.

Научное исследование Ефремовой И.А. обладает новизной, поскольку предполагает системный подход в постановке и решении теоретически и практически важных аспектов в части преодоления отраслевой и межотраслевой рассогласованности правового регулирования института освобождения от уголовного наказания. В монографии раскрываются дискуссионные вопросы толкования норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, представлены предложения по их совершенствованию и реализации. Большое внимание уделено практике применения видов освобождения от наказания, представлены предложения, направленные на совершенствование норм уголовного закона в этой части.

Научной основой этого исследования выступили труды известных ученых, посвященные различным аспектам института освобождения от уголовного наказания: К.Л. Акоева, В.М. Анисимкова, И.М. Гальперина, Б.В. Волженкина, А.Н. Игнатова, М.А. Кауфмана, Ю.А. Красикова, В.П. Малкова, В.В. Мальцева, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеева, Б.Т. Разгильдиева.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее основные результаты и выводы могут быть использованы как в законотворческой деятельности, так и при оптимизации работы правоприменителей, реализующих различные виды освобождения от наказания.

Монография структурирована таким образом, что позволяет всесторонне и достаточно полно рассмотреть различные аспекты заявленной проблемы. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, и заключения. Такая оптимальная структура позволила автору в полной мере раскрыть содержание основных проблем, возникающих при реализации института освобождения от уголовного наказания, выявить многочисленные сложные аспекты, причем не только в области уголовного права, но и в других отраслях законодательства. Это, несомненно, помогает восприятию далеко не простых проблем и в ряде случаев дает дополнительные аргументы в пользу отстаиваемых автором позиций и предложений.

Во введении научного исследования раскрыта актуальность выбранной темы и теоретическая значимость. Глава первая «Социальная, уголовно-правовая, пенитенциарная природа освобождения от наказания» состоит из трех параграфов – «Социальная природа освобождения от наказания», «Уголовно-правовая природа освобождения от наказания» и «Пенитенциарная природа освобождения от наказания». Тематика этой главы привносит новизну как самой постановкой проблемы, так и содержательной ее частью. Большинство положений, выводов и рекомендаций являются новыми, обоснованными, достоверными. К ним следует отнести суждение автора о том, что институт освобождения от наказания прежде всего носит социальный характер, который проявляется в его содержании, основаниях и последствиях, что освобождение от наказания по своему содержанию связано с человеком и его существованием в социуме (с. 7). Примечательно, что автор связывает социальные основания различных видов освобождения от наказания исходя из позиции гуманистических основ уголовного права.

В качестве социальных последствий освобождения от наказания выступает социально значимый результат, при котором в общество возвращается законопослушный гражданин. Основная идея проявляется прежде всего в том, что человек выступает центральным звеном, от поведения которого зависит возможность его освобождения от конкретного наказания. Примечательно, что автор учитывает в этой части особенности различных видов освобождения от наказания. Так, в процессе применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания суд принимает во внимание положительное посткриминальное поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом компенсировал вред, причиненный в результате преступления. При замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания положительное посткриминальное поведение лица связано с его отношением к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, отношением к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом компенсировал вред, причиненный в результате преступления. При применении различных видов отсрочки отбывания наказания учитывается отношение осужденного к ребенку в возрасте до 14 лет и отношение к прохождению курса лечения от наркомании, а также медицинской либо социальной реабилитации. При применении освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, в связи с болезнью, а также освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда учитываются иные условия. Последствия применения освобождения от наказания и его отбывания носят социальный характер, поскольку при применении различных видов освобождения от наказания и его отбывания в общество возвращается законопослушный исправившийся гражданин.

Заслуживает внимания и тот факт, где автор отмечает, что социальная природа освобождения от наказания обусловливается принципом экономии уголовной репрессии действующего уголовного закона, и в основе его существования лежит гуманизм, что отражается при реализации всех видов освобождения от уголовного наказания (с. 10).

Принцип гуманизма, как известно, находит свое выражение в различных нормах международных правовых актов, Основного Закона Российской Федерации и регламентируется ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма». Согласно данной норме уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. В случае применения института освобождения от уголовного наказания обеспечивается безопасность как лица, к которому оно применяется, так и всего общества, поскольку лицо не будет совершать новых преступлений.

Весьма интересна авторская позиция относительно уголовно-правовой природы различных видов освобождения от уголовного наказания.

Уголовно-правовая природа условно-досрочного освобождения от наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда состоит в полном или частичном достижении целей наказания.

Уголовно-правовая природа освобождения от наказания в связи с изменением обстановки противоречит уголовному законодательству и природе уголовного права в целом, поскольку состоит в изменении обстановки, не влекущей утрату общественной опасности преступления и лица, его совершившего.

Освобождение от наказания в связи с болезнью обусловлено интересами больных осужденных, дальнейшее нахождение которых в условиях изоляции будет влечь более негативные последствия для их здоровья. Уголовно-правовая природа освобождения от наказания в связи с болезнью и отсрочки отбывания наказания определяется посредством того, что в этих случаях действует крайняя необходимость, при которой причиненный вред должен быть меньше предотвращенного вреда.

Особый интерес представляют систематизированный анализ несогласованности уголовного и уголовно-исполнительного законов и предложения автора по устранению межотраслевых коллизий в различных видах освобождения от наказания. Так, например, назрела необходимость исключения рассогласованности норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части изменения основания, связанного с заболеванием военнослужащих, делающим их негодными к военной службе, дополнив УК РФ наказанием в виде ограничения по военной службе. В связи с этим верно предлагается освобождение от наказания военнослужащих в случае заболевания, делающего их негодными к военной службе, представить в отдельной норме, как самостоятельный вид освобождения от отбывания наказания, что предусмотрено в УИК РФ, поскольку речь идет в таких случаях об особой категории субъектов – военнослужащих (с. 83). Примечательно, что пенитенциарная природа освобождения от наказания

связывается с установлением порядка и условий правильной реализации различных видов (оснований) освобождения от отбывания наказания.

Вторая глава «Основания освобождения от наказания» включает два параграфа – «Уголовно-правовые основания освобождения от наказания» и «Пенитенциарные основания освобождения от наказания». Следует согласиться с мнением автора о том, что основания освобождения от наказания различаются в зависимости от вида освобождения от наказания и его отбывания. Основания условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания могут быть формальными, материальными и процедурными. Основанием освобождения от наказания в связи с изменением обстановки является само изменение обстановки, которое не может влечь утрату общественной опасности как преступлением, так и лицом, его совершившим. Основаниями освобождения от наказания в связи с болезнью выступают: психическое расстройство, лишающее возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, возникшее после совершения преступления; иная тяжелая болезнь, возникшая после совершения преступления и препятствующая отбыванию наказания; заболевание военнослужащих, делающее их негодными к военной службе. Основаниями применения отсрочки отбывания наказания являются: в отношении женщин – беременность, наличие малолетних детей в возрасте до 14 лет, в отношении мужчин – наличие малолетних детей в возрасте до 14 лет при условии, что он является единственным родителем. Основаниями отсрочки отбывания наказания больным наркоманией выступают: заболевание наркоманией и добровольное согласие на прохождение курса лечения от наркомании, а также на медико-социальную реабилитацию. Основаниями освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности выступает неприведение в исполнение приговора суда, что происходит по обстоятельствам, которые не зависят от воли и желания виновного, например, по вине судебно-следственных органов. Заслуживает поддержки суждение автора о том, что пенитенциарные основания освобождения от отбывания наказания, за некоторыми исключениями, идентичны основаниям освобождения, предусмотренным в УК РФ (с. 85).

Третья глава «Эффективность правоприменительной деятельности в институте освобождения от наказания» содержит три параграфа – «Понятие и содержание усмотрения правоприменителя в институте освобождения от наказания», «Эффективность правоприменительной деятельности при реализации условных видов освобождения от наказания», «Эффективность правоприменительной деятельности при реализации безусловных видов освобождения от наказания». Совершенно справедливо и имеет практический интерес суждение автора о том, что усмотрение правоприменителя представляет собой деятельность должностных лиц (суда и сотрудников уголовно-исполнительной системы), позволяющую путем толкования закона осуществлять реализацию различных видов освобождения от наказания. Если усмотрение правоприменителя будет носить всеобщий, объективный характер, то это станет гарантией эффективности правоприменительной деятельности в институте освобождения от наказания (с. 88).

Исследуя условно-досрочное освобождение, автор обоснованно приходит к выводу, что возможность досрочного освобождения от наказания является стимулом к исправлению осужденного и достижению иных целей наказания. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, хотя и носит императивный характер, не исключает принятие некоторых решений по усмотрению правоприменителей (судей, сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания), что требует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, которые позволят сузить такое усмотрение, исключить рассогласованность и конкуренцию норм, регламентирующих данный вид освобождения, и четко прописать критерии исправления лиц, не нуждающихся в полном отбывании наказания. В работе представлена характеристика иных видов освобождения от наказания, которые носят дискреционный характер, и возможность их применения оставлена на усмотрение правоприменителя. В данном случае авторские суждения не оторваны от реальной действительности и основываются на материалах судебной практики.

В заключении приводятся выводы, к которым автор пришел в ходе исследования. Имеется в монографии и целый ряд других предложений, выводов и рекомендаций, заслуживающих одобрения.

Изучение научного исследования И.А. Ефремовой убеждает в его актуальности, в новом подходе к анализу выбранных аспектов проблемы. Однако некоторые положения вызывают критические замечания либо являются спорными и нуждаются в более глубокой аргументации. К их числу относится понимание уголовно-правовой природы некоторых видов освобождения от наказания. Недостаточно убедительным представляется положение о том, что досрочное освобождение от уголовного наказания выступает стимулом к правопослушному поведению и глубокому раскаянию осужденного.

Некоторые проблемы, заявленные в научном исследовании, не нашли должного разрешения, например, автор указывает на то, что применение сроков давности обвинительного приговора суда к ли-

цам, осужденным к смертной казни или пожизненному лишению свободы, оставлено на усмотрение суда и, по его мнению, требует соответствующей законодательной корректировки. Однако конкретные предложения на этот счет отсутствуют. Высказанные замечания носят преимущественно дискуссионный характер и не умаляют общей положительной оценки научного исследования. В целом необходимо отметить, что настоящее исследование отличает оригинальность подхода автора к решению поставленных проблем. Работа, безусловно, имеет научную и практическую значимость. По своей сущности представленная на рецензирование монография содержит теоретические положения и практические рекомендации, имеющие большое значение для развития уголовно-правовой доктрины, совершенствования действующего законодательства, выработки единого подхода в практической реализации.

Список литературы

1. *Ефремова И.А.* Проблемы освобождения от уголовного наказания. Под ред. Б.Т. Разгильдиева; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2015. – 264 с.

Reference list

1. *Efremova I.* Issues of relief from criminal punishment. Under the editorship of B. Razgil'diev; Saratov State Academy of Law. Saratov: Individual Entrepreneur Koval' Yu.V., 2015. 264 p.

УДК 342

Деметрадзе М.Р.,
доктор политических наук, профессор, профессор Института социологии РАН

ДОГОВОРНЫЙ ПРИНЦИП НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблемы обществ постсоветского пространства связаны с такими категориями, как трансформация, переход, развитие и т.д. Именно они определяют соответствие правовых и политических институтов, а также гражданского общества – процессам модернизации. В связи с этим целью работы является выявление факторов, препятствующих распространению демократических правил и норм, усиливающих социокультурную позицию граждан России. Автором рассматриваются такие вопросы, как двойственный характер политики перехода, сочетающий элементы традиционной политико-правовой культуры; попытки осуществления политики только «сверху», искажение принципов народного суверенитета и договора между обществом и государством. Особое внимание уделяется необходимости создания новой избирательной политики и механизмов соответствия политики социальным интересам и запросам граждан современной России. Методологической основой является совокупность социологических, культурно-антропологических, правовых и политологических подходов. Использование методов институционального, структурно-функционального, динамического и семантического служит инструментом выявления формальных и неформальных сторон отношений государства и общества. Новизна работы состоит в том, что автором предлагается модель народного суверенитета и его практическое значение для постсоветских обществ и прежде всего для России. Выделяются проблемы правовой системы, концепция проведения реформ в области избирательного права в соответствии с всеобщей декларацией прав человека, необходимость наличия института гражданского неповиновения как способ защиты социальных запросов граждан.
Ключевые слова: договор, народный суверенитет, избирательное право, права человека, мажоритарная избирательная система, пропорциональная избирательная система, отзыв депутата, институт гражданского неповиновения, подотчетность политиков, состязательность политиков

Demetradze M.,
Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS)

TREATY PRINCIPLE OF PEOPLE'S SOVEREIGNTY. POLITICAL-LEGAL ASPECTS OF THE PROBLEMS OF THE ELECTORAL SYSTEM OF THE CONTEMPORARY RUSSIA

The problems of post-Soviet space's societies are linked to such categories as transformation, transition, development, etc. Right now they define the compliance of legal and political institutions, as well as civil society to the processes of modernization. In this regard, the aim of this paper is to identify the factors which prevent the spread of democratic rules and norms, reinforcing the social-cultural position of Russian citizens. The author of this article considers such issues as the dual character of the transition policy that combines elements of conformist political-legal culture; attempts to implement policy only "from the top-down"; a distortion of the principles of people's sovereignty and the treaty between the society and the state. Special reference is paid to the need to establish a new electoral policy and mechanisms of compliance of the policy to social interests and demands of citizens of the contemporary Russia. The methodological framework is the set of sociological, cultural, anthropological, legal and political science approaches. The use of the institutional, structural-functional, dynamic and semantic methods provides a tool to indentify formal and informal relationships of the state and the society. The novelty of this paper is that the author offers the model of people's sovereignty and its practical importance for post-Soviet societies and primarily for Russia. In this article there are indentified problems of the legal system, the idea of implementing reforms in the field of electoral law in accordance with the Universal Declaration of Human Rights, the need in existence of civil disobedience institution as a way to protect social demands of citizens.
Keywords: treaty, people's sovereignty, electoral law, human rights, majority electoral system, proportional electoral system, recall of deputy, civil disobedience institution, answerability of politicians, competition of politicians

В настоящее время Россия, как и все постсоветское пространство, находится в переходном состоянии от социалистической к демократической модели. Этот процесс сопровождается кризисом, вызванным как внутренними, так и внешними факторами. Для того чтобы избежать бюрократизации государства и сделать его демократическим, народ должен влиять на политические процессы и принимать участие в управлении страной. А это требует от общества прежде всего освоения современной политической культуры, усиления позиции гражданственности, знания принципов народного суверенитета, договорной основы государства и общества.

Вместе с тем недооценка членами российского общества вызовов модернизации тормозит процесс их адаптации в меняющихся условиях. Это обусловлено фундаментальными проблемами пережитков советского прошлого, отсутствием четких механизмов институционализации политических процессов, практики и опыта построения современного государства и т.д.

Модель народного суверенитета и его практическое значение для постсоветских обществ

Фундаментальным основанием актов гражданского неповиновения является нарушение принципа **народного суверенитета**, т.е. народ как источник и носитель власти, обладающий правом делегировать доверенным лицам управление функционированием государственных институтов. Это право реализовывается в процедурах тайного голосования на всеобщих выборах и референдумах.

Основу народного суверенитета заложили процессы реформации, просвещения, а главное – Великая французская революция, которая изменила старый иерархический сословный порядок. В западном обществе произошел и ценностный переворот. Христианская формула апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим слоям, **ибо нет власти не от Бога**, существующие же власти от Бога установлены, противящийся власти противятся Божию установлению» (Рим 13, 1–3), – была заменена критической формулой: **не всякая власть от Бога** [1].

На протяжении XIX в. все революции стран Запада и других государств, выбиравших путь модернизации, носили реформаторский характер. Они стремились к усилению прав человека, его творческого потенциала – от превращения человека в основной капитал страны зависела динамика модернизации [2].

Династии и сословная передача власти были заменены выборами и избирательными системами (мы здесь не рассматриваем систему выборов в Древней Греции, Риме и странах Запада до Французской революции). Просвещенческие идеи «естественного права человека и гражданина» и разделения властей были заложены во французском законодательстве и стали основой *новой избирательной системы.* Периодические выборы давали гражданам право избирать и быть избранными, а также влиять на политиков и переизбирать их, если политики не решают социальные проблемы. Декларация прав человека и гражданина учредила современную избирательную систему, принципы разделения властей, выборности законодательных и судебных органов, отменила избирательный ценз (имущественный), выборы стали всеобщими и прямыми. Сформировались две основные выборные системы, применяемые до сих пор: **мажоритарная и пропорциональная**, голосование становится тайным, избирательные урны вскрываются в присутствии наблюдателей, вводятся единые стандарты избирательных бюллетеней и т.д.

Так был установлен принцип **«Вся власть от народа и общества»** путем делегирования права управления политиками от индивидов. Вместе с тем принцип народного суверенитета этим не ограничивается, так как голосование еще не означает верховенство власти человека в политических процессах. Необходимо также внедрение механизмов подчинения политиков и обеспечения их ответственности перед обществом. Утверждение такой практики требует установления принципов: 1) наличие программ политических партий и кандидатов, идущих на выборы; 2) состязательность между ними; 3) подотчетность политиков за реализацию программ и предвыборных обещаний. Все эти составляющие являются способами «привязки» политических действий к интересам общества.

1) **Наличие политических программ** – обязательная составляющая избирательных процедур и принципов делегирования обществом власти кандидатам. От программы требуется реалистичность, направленность на конкретные проблемы общества, объекты, определение этапов и временных рамок их решения, организационных механизмов и выделение ответственных лиц за выполнение решений.

Разные политические партии должны иметь разные программы, которые создают условия для многостороннего подхода к проблемной ситуации и выбора обществом того варианта, который будет наиболее эффективным. И в этом суть плюрализма, выбора альтернативы, многопартийной системы – действующей по принципу: **проблемы следует решать конкретными способами**.

2) **Состязательность политиков** на программной основе (дебаты) также является неотъемлемой частью процедуры «привязки» политических процессов к интересам общества и устранения злоупотребления властью. Основной тезис состязательности: **кто может решить проблему лучше**. Избираемые кандидаты соревнуются между собой публично и открыто, чтобы убедить избирателей в преимуществе своих программ и кандидатур, что формирует четкое представление общества о возможных способах ре-

шения его проблем. Состязательность открывает широкий спектр возможностей для выбора наилучшей политической программы и соответствующего лидера. Состязательность формирует **институты лидерства** и **политической элиты**, что позволяет заменить политика в случае отклонения от избранного курса или прибегнуть к альтернативе. *Выбор альтернативного курса и выбор альтернативного лидера – второй принцип плюрализма*.

3) **Подотчетность политиков перед обществом** должна носить систематический характер и не ограничиваться утверждением планов и программ в парламенте. К подотчетности относится определение этапов проводимой политической программы, конкретных проблем, соотношения с группами и подгруппами социальных проблем, расходов на эти цели. Подотчетность позволяет выявить, удалось ли реализовать политическую программу и с какими издержками, решались ли социальные проблемы и улучшились ли условия жизни людей. Подотчетность политиков выражается в представлении проверяемых сведений о ходе реализации программных целей в форме публичных отчетов (ежеквартальных, полугодовых, годовых и за весь период пребывания у власти политиков) с представлением достоверных статистических данных и конкретных фактов.

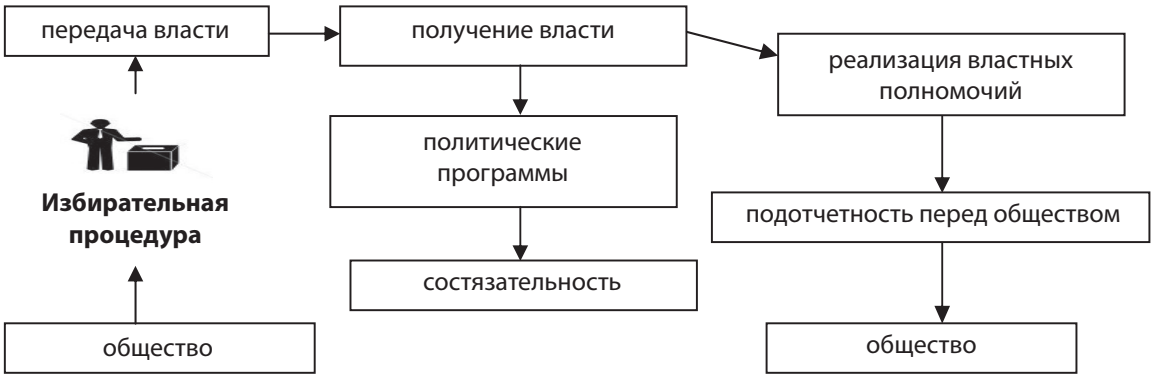
Следует отметить, что наличие **программ и состязательность являются процедурами доступа к власти и борьбе за право получения лимита доверия от общества, тогда как подотчетность** – основа правовой ответственности государства перед обществом. Процедуры получения власти и подотчетность должны быть строго взаимосвязаны, и, если хотя бы одна составляющая выпадает из этой связки, принцип первичности народного суверенитета разрушается (рис.).

Более того, все эти составляющие народного суверенитета: передача власти от народа, получение власти, реализация властных полномочий и подотчетность – закладывают основу **договорного взаимодействия** между обществом и государством. Они же закреплены в статьях конституции, непосредственно связанных с нормами международного права. Поэтому суверенитет народа охраняется не только конституцией современных государств, но и международными организациями и соглашениями по правам человека. Принцип **договора** выделяет также главные **права** и **обязанности** сторон: правом *передачи власти* наделен только народ, а у политиков есть право реализации политических программ и **обязанность** отвечать за результаты этой реализации перед обществом. Это означает, что общество имеет право требовать от политиков выполнения предвыборных обещаний и оказывать сопротивление, давление, протестовать, если политики игнорируют свои обязанности, поскольку в этом случае государство в лице политиков нарушает принцип договора[3].

Без соблюдения договорного принципа конституция становится формальным документом, а выборы – ритуальным и символическим действием; устанавливается иерархическая система власти, которой сопутствуют систематическое злоупотребление властью, манипулирование обществом, искажение принципов сдержек и противовесов, основ правового государства и политического порядка.

Специфика российской правовой системы советского периода и проблемы народного суверенитета

В современной России традиционное правосознание граждан не порывает связи с представлениями социалистического права. Государство, которое было сформировано по принципу борьбы с внешними и внутренними врагами, а не на приоритете социального благополучия граждан, долгое время держалось на применении силы, так как здесь отсутствовала категория общественного договора, а закон был инструментом господства бюрократии над обществом и индивидами.



Первичность народного суверенитета в политических процессах: народ – источник и основной носитель власти

Связь правосознания граждан с традиционалистскими представлениями о государстве, праве и справедливости является наследием советской политической системы. Ведущая роль коммунистической партии в управлении общественными процессами и осуществлении власти Советами всех уровней в конечном итоге привела к монополии коммунистической партии на единовластие.

Статья 59 Конституции СССР гласила: «Гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития». Смысл этой формулировки – создание своеобразного обычая в рамках закона, возлагающего на граждан определенные обязанности перед государством.

Вместе с тем оригинальность советского права не ограничивается спецификой самой конституции. Государствоцентричностью характеризировались и административное, и трудовое, и уголовное, и гражданское право.

Например, если в административном праве в странах Запада на первом месте стоит защита личности от злоупотребления власти со стороны чиновников, то в советской правовой системе особая роль отводилась охране существующего порядка и распространению контроля для сохранения и поддержания тоталитарного порядка.

В гражданском праве центральное место занимало понятие социалистической собственности и социалистические гарантии. Советская доктрина выделила три вида собственности: государственную (ст. 21), колхозную (ст. 23), профсоюзных и иных общественных организаций (ст. 24) и лишь затем объекты личной собственности (ст. 25). На самом деле земля, которая в СССР была национализирована, не принадлежала колхозам, а лишь отдавалась им в бессрочное пользование, никак не определенное в юридических терминах. При этом колхоз был обязан обрабатывать либо использовать землю по плану государства, так как на него возлагались обязанности осуществлять нормированные поставки сельскохозяйственной продукции государству. Такая ситуация привела к отказу от деления на публичное и частное право, установленное в романо-германской правовой системе. Доминирование публичного права переплеталось с политикой и почти не отличалось от административного права.

Советская модель связывала право и принуждение, подразумевая, что только государство является носителем справедливости и объективности. Тем самым правовая система становилась инструментом политики государства во всех сферах общественной жизни. Между государством и обществом сформировались не договорные, а уставные отношения, устраняющие принципы личной инициативы и индивидуальной свободы. Усиление централизованной власти поставило права и обязанности индивидуумов в прямую зависимость от интересов государства.

Советский строй как идеологически оправданный способ создания общества нового типа санкционировал императивность советского права. Власть народа, а на самом деле власть бюрократии, с одной стороны, и создание социалистической, а реально полностью контролируемой государством системы хозяйства – с другой, повлекли за собой приспособление общества к тоталитаризму [4].

Такая ситуация оставила глубокий след в обществе, которое от советского строя унаследовало ряд деструктивных факторов: ориентация индивидов на прошлое, а не на будущее, слабая распространенность либеральных ценностей, отсутствие системы контроля гражданского общества над политическими процессами, игнорирование принципа равенства всех перед законом, обязательность законов для всех и т.д.

Проблемы избирательного права и народного суверенитета в современной России

Не лучше обстоят дела и в современной России. Из мирового опыта процессов модернизации известно, что преодоление кризиса институциональной организации общества предполагает проведение структурных и функциональных изменений. Однако здесь все это носит формальный и неопределенный характер.

В России, где традиционно отсутствует современная политическая и правовая культура, формировались слабые, непредставительные политические партии, что привело к отсутствию практики реальной многопартийности. От граждан скрываются источники финансирования партийной деятельности, объемы государственной поддержки и т.д.

Правовая система не обеспечивает жизненно важную функцию экономической политики – подстраховку национальной экономики на мировом рынке и справедливое распределение благ в обществе. Иерархическая подчиненность целей, реформ приоритетам государства, а не общества, снижает инвестиционную активность.

Стратегия и тактика предвыборных кампаний, которые должны представлять конкуренцию программ решения социально значимых проблем общества, подменяются нереалистичными обещаниями, мифами и лозунгами. Поэтому сами партии представляют собой группы интересов, а не представительство социальных интересов широких слоев общества.

Законы об избирательном праве трактуются произвольно и запутанно, что воспроизводит патерналистско-поданическую политическую культуру и полную подчиненность индивидов государству. Слабость и формальность закона «О политических партиях и избирательном праве» привели почти к цен-

трализованному всевластию чиновников, к доминированию бюрократии, искажению механизмов разделения властей, игнорированию принципов договора между обществом и государством. Между положениями Конституции и реальными процессами существуют фундаментальные расхождения. Так, сегодня, как и раньше, единственным источником власти в стране народ считает первое лицо государства, хотя Конституция гласит, что носителем суверенитета в РФ является ее многонациональный народ. Далее, органы государственной власти согласно ст. 2 Конституции РФ функционируют исходя из принципа, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. В то же время практика показывает, что механизмы защиты либеральных норм и ценностей в стране практически не действуют. Тип права, навязываемый государством обществу, носит этатический характер и ставит права личности в подчиненное положение по отношению к государству. Соответственно, такие либеральные ценности, как уважение человеческого достоинства, признание его творческих возможностей и организация жизни по способностям индивидов, приобретают искаженный смысл.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что преодоление кризиса переходного периода требует формирования правового пространства. А это возможно при условии усиления социокультурной позиции и роли граждан в государстве. Для этого необходимо прежде всего проведение реформ в области избирательного права в соответствии с всеобщей декларацией прав человека. Требуется также конституционная расшифровка процедуры формирования парламента и ответственности должностных лиц за фальсификацию выборов.

Демократические выборы должны базироваться на избирательном законодательстве, нормах конституционного строя, согласно которым народ является носителем суверенитета и единственным источником власти.

При этом серьезной проблемой в избирательном законодательстве России остаются вопросы сочетания мажоритарной и пропорциональной избирательной системы: соотношения числа мандатов, получаемых в результате голосования по этим системам. Опасения вызывает также контроль будущей партийной системы в России при полном удалении оппозиции с политической сцены.

Мировой опыт свидетельствует, что мажоритарная избирательная система способствует возникновению двухпартийной политической системы, создающей возможности для более устойчивого функционирования парламента и правительства, в то время как принцип пропорционального представительства направлен на сохранение различных партий в парламенте. В любом случае законы о выборах должны обеспечивать равенство представительства разнонаправленных общественных интересов и правовое равенство кандидатов в депутаты.

Избирательная система должна носить прозрачный характер также в области финансирования предвыборной кампании, ответственности за нарушение избирательного законодательства. Важной задачей избирательного права является обеспечение в России принципа народного суверенитета. Это относится не только к одномандатным избирательным округам, но и к многомандатным, от каждого из которых избирается несколько депутатов.

При мажоритарной системе применяется принцип большинства: все мандаты получает тот кандидат, кто собрал большинство голосов избирателей. Однако такое большинство может исчисляться поразному: квалифицированное, абсолютное и относительное.

Система квалифицированного большинства означает, что кандидат, для того чтобы быть избранным, должен получить такое число голосов, которое значительно превышает абсолютное большинство, т.е. выше 50% голосов +1 голос. Обычно применение мажоритарной системы квалифицированного большинства не дает результата, и возникает необходимость проводить второй тур выборов с участием двух кандидатов с применением принципа абсолютного и относительного большинства. Пропорциональная избирательная система распределяет места по принципу пропорции к собранным голосам в долевом соотношении, и она возможна только в многомандатных округах. Вторым условием применения пропорциональной избирательной системы является голосование не за личность, а за партию, за ее программу.

Особое внимание следует уделить также вопросам квоты, т.е. количеству голосов, необходимых для избрания депутата по местному округу или в масштабах страны. В России применяется способ вычисления так называемой естественной квотой. В этом случае центральная или окружная избирательная комиссия, подсчитав число полученных действительных голосов по данным, представленным снизу, т.е. нижестоящими избирательными комиссиями, делит их на число депутатских мест по стране в целом или по данному округу.

Пока не совсем ясно, как регулируются все эти виды избирательной системы в России, по какому принципу регионы наделяются разными избирательными правилами.

Необходимо разъяснить избирателям различие и значение этих систем, что позволит повысить ответственность гражданина как избирателя, его функцию, роль и степень участия. И это крайне важно в современной России и других странах постсо-

ветского пространства, так как выборы здесь часто теряют демократический характер и принимают искаженную форму.

Порядок вычисления квоты и неравенство представительства гражданских институтов также должны стать особым объектом реформ политической и правовой системы в РФ. Первостепенное значение имеет не то, сколько мест получит партия, а кому, какому кандидату достанется депутатский мандат. Сегодня в России для привлечения избирателей разные партии привлекают авторитетных граждан, которые затем отрываются от мандатов в пользу стоящих в списке партийных функционеров. Депутатские места получают в порядке очередности лица, стоящие на первых местах списка.

Таким образом, избирательная система в России имеет не состязательный и представительный характер, а политтехнологический, манипуляционный, при этом выборы проводятся по ранее разработанной определенной групповой схеме. Неизвестно, какой вид избирательной системы будут внедрять (может быть, преференциальный вотум или предпочтительный) определенные группы, но очевидно, что в этой системе практически отсутствует право контроля избирателей. Не складывается и механизм отзыва депутатов, выборных должностных лиц по аналогии с США, Японией и т.д., где такие процедуры осуществляются по инициативе определенного количества избирателей [5].

Никакой четкости на официальном уровне нет и по поводу общенародного опроса или обсуждения тем, проводимых на государственном уровне. Все эти действия осуществляются властями в своих политических интересах для давления на избирателей, их запугивания «угрозой безопасности и темами революции». В то же время сами граждане практически не могут проводить референдумы и выносить вопросы «о доверии высшим органам государства и о путях социально-экономических преобразований».

Поэтому правовая реформа должна широко внедрять и поддержать практику народной законодательной инициативы, т.е. права участия определенного числа избирателей в принятии решений парламентом, а также местной правотворческой инициативы, реализуемой местным представительным органом. Народная законодательная (правотворческая) инициатива – это один из важных принципов гражданского общества (широко используется в Австрии, Швеции, Испании и т.д.). Право законодательной инициативы дает гражданам возможность ставить под сомнение тот или иной законопроект, собрав определенное количество подписей, либо сделать это в индивидуальном порядке.

Рассмотренные выше проблемы свидетельствуют о кризисе политической системы, о неполноценном функционировании принципа разделения исполнительной, законодательной и судебной власти, слабости и неразвитости Федерального закона «О политических партиях и избирательном праве РФ», что привело к полной зависимости этих структур и общества от государства. В такой ситуации задачей правовой системы является контроль соблюдения избирательного законодательства; подсчета голосов, результатов выборов; деятельности Центральной избирательной комиссии, результатов досрочного голосования, хода предвыборной агитации, а также обеспечение невмешательства государственного аппарата, должностных лиц в ход избирательной борьбы, создание равных условий для всех кандидатов и т.д.

Исходя из вышеизложенного, проблемы избирательной системы и народного суверенитета современной России можно сгруппировать в следующем порядке:

– нечеткость и неясность принципов мажоритарной и пропорциональной систем, определения соотношения количества мандатов, получаемых в результате голосования по этим системам; слабая информированность электората о действии механизмов российской избирательной системы;

– контроль государства над избирательной системой, удаление оппозиционных политических сил с политической сцены; необоснованность величины барьера для прохождения кандидатов партии в парламент; назначение глав субъектов по представлению президента, что ограничивает спектр возможностей граждан в электоральном поле;

– непрозрачность избирательных кампаний и финансирования предвыборной агитации; отсутствие ответственности официальных органов за нарушение избирательного законодательства;

– вялое и неэффективное поведение электората; низкий уровень политической культуры граждан, предпочитающих выбирать партии и кандидатов, дающих нереалистичные обещания;

– отсутствие в предвыборном марафоне принципа состязательности на программной основе, подмена рациональных планов мифами, безответственность кандидатов за такие обещания, а впоследствии и депутата – за их невыполнение;

– использование кандидатами политтехнологии PR-кампаний, направленных на манипуляцию общественным мнением, подавление соперника и применение так называемых грязных технологий (ложная информация, клевета и т.д.);

– отсутствие конституционного контроля за избирательной системой и избирательным процессом; за порядком вычисления квоты, получением количества мест партиями, способами подсчета голосов; отсутствием предвыборных программ, конструктивной состязательности между кандидатами, использова-

нием бюджетных средств в предвыборных кампаниях лицами, близкими к властным структурам.

Решение вышеназванных проблем требует целенаправленного воздействия на эти институты и процессы для радикальной смены ситуации. В связи с этим необходимо предложить основные направления реформ избирательной политики, обеспечения гражданского суверенитета и принципа договора между обществом и государством в современной России:

– формирование представительных органов, выражающих интересы как всего народа, так и различных слоев населения;

– постоянное совершенствование избирательной системы, обеспечивающей доступ к правлению наиболее эффективных кандидатов, независимо от партийной или иной принадлежности;

– внедрение принципа отзыва кандидата и широкое распространение основ народной законодательной инициативы;

– правовой контроль над недопущением доминирующего положения одной партии либо групп и фракции;

– преодоление привилегированного положения, отгораживающего представительную власть от народа; контроль над добросовестным исполнением депутатами предписанных законом функций;

– создание условий осуществления постоянного контроля со стороны избирателей.

Следует учесть, что все эти правила будут действовать при смене традиционной политической культуры, а именно патерналистско-поданической партисипаторной. До тех пор, пока граждане страны не будут полностью осведомлены о механизмах избирательной системы, знать нормы народного суверенитета и социальную основу гражданского неповиновения, т.е. правовые способы давления на политиков в случае нарушения их предвыборных обещаний, избирательная система будет носить манипуляционный характер и использоваться в интересах правящей бюрократии.

Этим и объясняется необходимость наличия института **гражданского неповиновения** в современных государствах как способ защиты социальных запросов граждан. Прибегая к гражданскому неповиновению, общество требует замены старых правил новыми, подрывает легитимность существующей власти, устанавливает социокультурные политические традиции. В особенности важно формирование институциональных форм гражданского неповиновения в обществах постсоветского пространства: они минимум на 200 лет отстают от западных обществ в сфере прав человека и современной политической культуры, а значит, не обладают опытом применения демократических выборных процедур, соответствующих договорному принципу народного суверенитета. Но это отдельная тема, требующая фундаментального подхода и специального исследования.

Список литературы

1. Послания апостола Павла к Римлянам (13:1–2).
2. The Sociology of Revolution. Chicago: Chicago University Press, 1973; *Cohan A.S.* Theories of Revolution: An Introduction. N.Y.: Wiley, 1975; *Hagopian M.N.* Regimes, Movements and Ideologies: a Comparative Introduction to Political Science. N.Y.: Longman, 1978. P. 276; *Goodwin J.* State-Centered Approaches to Social Revolutions // Theorizing Revolutions / Ed. by J. Foran. L.: Routledge, 1997; *Goodwin J.* No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991. Cambridge-N.Y.: Cambridge University Press, 2001; *Goodwin J., Skocpol Th.* Explaining Revolutions in the Contemporary Third World // Politics and Sociology (Los Altos). 1989. Vol. 17. № 4; *Farhi F.* States and Urban-Based Revolutions: Iran and Nicaragua. Urbana: University of Illinois Press, 1990; *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1993; *Tilly Ch.* European Revolutions, 1492–1992. Oxford: Blackwell, 1993; *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. N.Y.: Random House, 1978; *Tilly Ch.* Revolutions and Collective Violence // Handbook of Political Science. Vol. 3.
3. *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf
4. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. Трактаты: пер. с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. Кн. 1. Гл. VI и далее.
5. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций: пер. с англ. А.В. Гордона / под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999.
6. *Лычагин А.И., Кузьмина Ю.А.* Современные конституционные гарантии защиты прав личности в Российской Федерации и международные нормы в области защиты прав человека // Политика и Общество. – 2013. – № 7.

Reference list

1. The Epistles of the Apostle Paul to the Romans (13:1–2).
2. The Sociology of Revolution. Chicago: Chicago University Press, 1973; *Cohan A.S.* Theories of Revolution: An Introduction. N.Y.: Wiley, 1975; *Hagopian M.N.* Regimes, Movements and Ideologies: a Comparative Introduction to

Political Science. N.Y.: Longman, 1978. P. 276; *Goodwin J.* State-Centered Approaches to Social Revolutions // Theorizing Revolutions / Ed. by J. Foran. L.: Routledge, 1997; *Goodwin J.* No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991. Cambridge-N.Y.: Cambridge University Press, 2001; *Goodwin J., Skocpol Th.* Explaining Revolutions in the Contemporary Third World // Politics and Sociology (Los Altos). 1989. Vol. 17. № 4; *Farhi F.* States and Urban-Based Revolutions: Iran and Nicaragua. Urbana: University of Illinois Press, 1990; *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1993; *Tilly Ch.* European Revolutions, 1492–1992. Oxford: Blackwell, 1993; *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. N.Y.: Random House, 1978; *Tilly Ch.* Revolutions and Collective Violence // Handbook of Political Science. Vol. 3.

3. Goldstone Jack. 3.Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. Access mode: : http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf

4. *Rousseau Jean-Jacques*. The Social Contract or Principles of Political Right. Treatises: Translation from French by A. Khayutin and V. Alekseev-Popov. M.: KANON-press, Kuchkovo pole, 1998. Book 1. Chapter VI and et seq.

5. *Eisenstadt Shmuel*. Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilization: Translation from English by A. Gordon / Under the editorship of B. Erasov. M.: Aspect Press, 1999.

6. *Lychagin A., Kuz'mina Yu.* Modern constitutional guarantees for the protection of individual rights in the Russian Federation and international standards in the field of human rights protection // Politics and Society. 2013. № 7.

УДК 343.265

Ефремова И.А.,
кандидат юридических наук, доцент, докторант, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

УСМОТРЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ ПРИ ЗАМЕНЕ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ

Статья посвящена усмотрению правоприменителя при реализации замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Выявлены причины усмотрения правоприменителя, представлены возможности, направленные на его сужение, в связи с чем осуществлена уголовно-правовая характеристика замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Ключевые слова: усмотрение правоприменителя, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, основания замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условия замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания

Efremova I.,
PhD in Law, Associate Professor, Doctoral student, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Academy of Law

JUDICIAL DISCRETION OF LAW ENFORCEMENT IN THE COMMUTATION OF UNSERVED PART OF PUNISHMENT BY A LESS SEVERE FORM OF PUNISHMENT

This article is devoted to judicial discretion of law enforcement in the implementation of the commutation of the unserved part of punishment by a less severe form of punishment. There are indentified reasons of judicial discretion of law enforcement and presented opportunities which were aimed on its narrowing; wherefore, a criminally-legal description of commutation of unserved part of punishment by a less severe form of punishment has been implemented.

Keywords: judicial discretion of law enforcement, commutation of unserved part of punishment by a less severe form of punishment, grounds of commutation of unserved part of punishment by a less severe form of punishment, terms of commutation of unserved part of punishment by a less severe form of punishment

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания регламентируется ст. 80 УК РФ «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания», которая предусматривает следующее: лицу, отбывающему содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд с учетом его поведения в течение всего периода отбывания наказания может заменить оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания.

Неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания после фактического отбытия осужденным к лишению свободы за совершение: преступления небольшой или средней тяжести – не менее одной трети срока наказания; тяжкого преступления – не менее половины срока наказания; особо тяжкого преступления – не менее двух третей срока наказания; преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, – не менее трех четвертей срока наказания; преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, – не менее четырех пятых срока наказания.

При замене неотбытой части наказания суд может избрать любой более мягкий вид наказания в соответствии с видами наказаний, указанными в ст. 44 УК РФ, в пределах, предусмотренных УК РФ для каждого вида наказания.

Исходя из анализа представленной нормы, можно сделать вывод о том, что принятие решения о замене связано с усмотрением правопримените-

ля. Как отмечает Н.А. Лопашенко, «Законодательная формулировка некоторых положений, вместо закладываемого в уголовный кодекс предупредительного воздействия на граждан, оказывает (или, точнее, может оказывать) на некоторых из них качественно иное влияние, продуцируя совершение этими лицами преступлений. Это качество законодательства может быть квалифицировано как его потенциальная способность порождать криминогенное поведение или вносить свой вклад в его порождение. Заложить в закон все правила его применения на практике, предусмотреть законодательно все возможные ситуации, которые могут встретиться в конкретном уголовном деле, в принципе невозможно, да и, думается, не нужно. Решение многих конкретных вопросов правоприменения оставлено правоприменителю. В связи с этим в праве употребляют термин «судейское усмотрение», исходя из того, что именно судья, чаще всего, – то звено, которое принимает окончательное решение по уголовному делу. Соответственно, в целом ряде случаев законодатель оставляет окончательное решение вопроса ...правоприменителю, вырабатывая лишь общее правило, от которого отступление невозможно (если только сам законодатель не предусмотрел варианты подобного отступления)... именно судейское усмотрение может решить вопрос о возможности и необходимости освобождения лица от уголовной ответственности, опять-таки, в жестко ограниченных законом случаях» [1, с. 51–60]. Исходя из толкования уголовного закона, следует, что усмотрение правоприменителя отчетливо проявляется при применении замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Причем в данном случае усмотрение правоприменителя многогранно: это и судейское усмотрение, и усмотрение сотрудников уголовно-исполнительной системы.

На усмотрение правоприменителя возложены функции по принятию следующих решений: при определенных условиях замена лицу оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания; полное или частичное освобождение от отбывания дополнительного вида наказания; избрание любого более мягкого вида наказания в соответствии со ст. 44 УК РФ. В этих случаях суд имеет право разрешить эти вопросы в пользу осужденного либо нет. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания возможна при наличии совокупности формальных, материальных и процедурных оснований. Первое основание непосредственно зависит от периода, отбытого осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Так, в силу закона замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания возможна в отношении лица, отбывающего содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, полностью или частично возместившему вред, причиненный преступлением. Неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания, если осужденный к лишению свободы за совершение: преступления небольшой или средней тяжести – не менее одной трети срока наказания; тяжкого преступления – не менее половины срока наказания; особо тяжкого преступления – не менее двух третей срока наказания; преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, – не менее трех четвертей срока наказания; преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, – не менее четырех пятых срока наказания.

В тех случаях, когда наказание осужденному было смягчено определением (постановлением) суда, при применении замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания суду следует исчислять фактически отбытый срок наказания, исходя из срока наказания, установленного определением (постановлением) вышестоящего суда (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания») [2].

Материальное основание замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания связано с исправлением осужденного, с его поведением в течение всего периода отбывания наказания. В соответствии с ч. 1 ст. 80 УК РФ лицу, отбывающему принудительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, суд может заменить оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания. Основанием для такой замены является поведение осужденного, свидетельствующее о том, что цели наказания могут быть достигнуты путем замены неотбытой части наказания более мягким наказанием. Суду также надлежит учитывать данные о личности осужденного, его отношение к труду и учебе во время отбывания наказания. В данном случае речь идет по большей части об усмотрении правоприменителя, которое связано с деятельностью сотрудников уголовно-исполнительной системы, администрации исправительных центров, администрации исправительного учреждения и сотрудников дисциплинарной воинской части. Поскольку данные субъекты не только участвуют в подготовительной деятельности замены неотбытой части наказания, но и осуществляют непосредственный контроль за осужденными в период отбывания вышеуказанных наказаний, составляют характеристики на осужденных, применяют меры поощрения и взыскания к осужденным и т.п., что впоследствии и выступает одной из гарантий применения или отказа в

замене неотбытой части наказания более мягким видом уголовного наказания.

Вывод суда о том, что осужденный заслуживает замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления. При этом суду следует учитывать мнение представителя исправительного учреждения и прокурора о наличии либо отсутствии оснований для признания лица не нуждающимся в дальнейшем отбывании наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. При замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении несовершеннолетнего осужденного судам необходимо учитывать также его отношение к учебе, связи с родственниками в период отбывания наказания и другие обстоятельства, которые могут свидетельствовать об исправлении осужденного (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»). Кроме того, фактическое отбытие осужденным части срока наказания не может служить безусловным основанием для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Если суд установит, что цели наказания при применении замены неотбытой части наказания достигнуты не будут, то имеет право отказать осужденному в его ходатайстве. Так, например, С. осуждена 22.10.2007 городским судом по п. «а» ч. 2 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30 – п. «а» ч. 2 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30 – п. «а, б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ к 7 годам лишения свободы, на основании ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком на 5 лет с возложением дополнительных обязанностей. Постановлением горсуда от 17.12.2010 года условное осуждение отменено, назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 7 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Постановлением президиума областного суда от 24.04.2013 приговор городского суда от 22.10.2007 в части осуждения С. по ч. 3 ст. 30 – п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ отменен, и производство по уголовному делу в этой части прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Этот же приговор изменен: действия С. переквалифицированы с п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30 – п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, и на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ окончательно назначено 5 лет лишения свободы, на основании ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком на 5 лет с возложением дополнительных обязанностей. Осужденная С. обратилась в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Постановлением городского суда от 24 июля 2014 г. С. отказано в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В апелляционной жалобе осужденная С. с постановлением суда не согласна, указывает, что подала ходатайство о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания – исправительными работами, так как отбыла 2/3 срока наказания. Отмечает, что по прибытии была трудоустроена на швейную фабрику, затем переведена в дневальный отряд, к труду относится добросовестно, принимает активное участие в общественной жизни отряда, закончила профессиональное училище при ФКУ ИК на отлично, находится в облегченных условиях содержания, имеет 6 поощрений, вину признала полностью, в содеянном раскаялась, иска от потерпевших не имеет, имеет мать-пенсионерку. Обращает внимание на то, что администрация учреждения ее ходатайство поддержала. Суд апелляционной инстанции, проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционной жалобы, не нашел оснований для ее удовлетворения. В соответствии с ч. 1, 2 ст. 80 УК РФ лицу, отбывшему за совершение особо тяжкого преступления не менее двух третей срока наказания в виде лишения свободы, суд с учетом его поведения в период отбывания наказания может заменить оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания. Основанием для такой замены по смыслу закона является поведение осужденного, свидетельствующее о возможности достижения цели наказания путем замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. При этом суд должен учитывать данные о личности осужденного, его поведение в местах лишения свободы и отношение к исполнению обязанностей за весь период отбывания наказания, возмещение вреда, причиненного преступлением, мнение представителя исправительного учреждения и прокурора о наличии либо отсутствии оснований для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Решение об отказе в удовлетворении ходатайства С. о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания суд, исходя из данных о поведении осужденной за весь период отбывания наказания, мотивировал необходимостью дальнейшего отбывания ею наказания, что соответствует положениям ст. 80 УК РФ. При этом судом принято во внимание, что С. отбыт необходимый для разрешения ходатайства срок наказания и она принимает активное участие в общественной жизни отряда, к труду и обучению относится добросовестно, иск по приговору погашен, вину признала, имеет шесть поощрений, 4-мя из которых сняла ранее наложенное взыскание. Вместе с тем, несмотря на указанные обстоятельства, учитывая данные о личности осужденной, которой назначили наказание с применением ст. 73 УК РФ, что не привело к исправлению

осужденной, характер и степень общественной опасности совершенных осужденной преступлений, отсутствие стойкой положительной динамики в поведении осужденной, свидетельствующей об исправлении, крайне нестабильное поведение в период отбывания наказания, суд пришел к выводу о том, что данные обстоятельства свидетельствуют о том, что цели наказания путем замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания не будут достигнуты, с чем суд апелляционной инстанции соглашается. В связи с этим постановление городского суда от 24 июля 2014 г. в отношении С. оставлено без изменения, апелляционная жалоба без удовлетворения [3]. То есть в данном случае судом установлено, что цели наказания путем замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания не будут достигнуты.

При решении вопроса о возможности применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания согласно положениям ст. 80 и 93 УК РФ судам надлежит обеспечить индивидуальный подход к каждому осужденному (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»).

Процедурные основания закреплены в УИК и УПК РФ. Так, ч. 3 ст. 175 УИК РФ устанавливает: осужденный, которому неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания, а также его адвокат (законный представитель), вправе обратиться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Ходатайство о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания осужденный подает через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание, где он отбывает наказание. Администрация такого учреждения или органа не позднее чем через 10 дней после подачи ходатайства осужденного о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания направляет в суд указанное ходатайство вместе с характеристикой на осужденного. В характеристике должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию и о том, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом компенсировал вред, причиненный в результате преступления. В характеристике на лицо, которое на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы признано страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и которое осуждено за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, должны также содержаться данные о примененных к осужденному принудительных мерах медицинского характера, о его отношении к лечению. Одновременно с ходатайством такого осужденного в суд направляется заключение его лечащего врача.

Администрация учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание, вносит в суд представление о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении положительно характеризующегося осужденного. В представлении о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию и о том, что осужденный возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением. В представлении о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания на лицо, которое осуждено за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и признано на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, должны также содержаться данные о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера, о его отношении к лечению. Одновременно с представлением на такого осужденного в суд направляется заключение его лечащего врача.

В соответствии с п. 5 ст. 397 УПК РФ закреплено, что суд рассматривает вопросы, связанные с исполнением приговора о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, в соответствии со ст. 80 УК РФ, а также на основании п. 19 этой нормы о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания военнослужащего, уволенного с военной службы, в порядке, установленном ст. 148 УИК РФ.

Суд может полностью или частично освободить осужденного от отбывания дополнительного вида наказания.

При замене неотбытого наказания более мягким видом наказания судам надлежит обсуждать вопрос о возможности освобождения осужденного полностью или частично и от дополнительного наказания. Если дополнительное наказание исполнено (взыскан штраф, лицо лишено специального, воинского или почетного звания, классного чина, государственных наград), вопрос об освобождении осужденного от этого дополнительного наказания решаться не должен. При частичном исполнении дополнительного наказания (взыскана часть штрафа) суд вправе решить вопрос о частичном или полном освобожде-

нии лица от оставшейся части дополнительного наказания. В тех случаях, когда дополнительное наказание (например, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) не исполнялось, суд вправе освободить осужденного от него полностью или частично. Решение суда по этому вопросу необходимо изложить в резолютивной части постановления (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»).

Суд имеет право по своему усмотрению избрать любой более мягкий вид наказания в соответствии со ст. 44 УК РФ. Однако такое наказание в силу ч. 3 ст. 80 УК РФ не может быть больше максимального срока или размера наказания, предусмотренного УК РФ для этого вида наказания.

На основании изложенного следует констатировать, что замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания относится к дискреционным видам, поскольку оставлена на усмотрение суда. Усмотрение правоприменителя имеет широкую сферу действия при принятии решений, направленных на замену лицу оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания; полное или частичное освобождение от отбывания дополнительного вида наказания; избрание любого более мягкого вида наказания в соответствии со ст. 44 УК РФ, ограничение которого возможно лишь при внесении изменений в норму, предусматривающую институт замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Список литературы

1. *Лопашенко Н.А.* Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия: материалы Международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2004 г. – М.: Издание Государственной Думы, 2005.
2. БВС РФ. – 2009. – № 7.
3. Апелляционное постановление Московского областного суда от 25.09.2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Reference list

1. *Lopashenko N.* The scale of criminal punishments as a way of combating corruption in the justice sector: Proceedings of the International scientific-practical conference, 7th–8th of October, 2004. M.: Publishing office of the State Duma, 2005.
2. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 7.
3. Appellate resolution of Moscow Regional Court on 25.09.2014 // Legal Reference System "ConsultantPlus".

УДК 341

Третьякова Е.С.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин
филиала Московского института государственного управления и права в Пермском крае

ОСНОВНЫЕ КОНГРЕССЫ И КОНФЕРЕНЦИИ XIX ВЕКА И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Статья посвящена историко-правовому анализу основных конгрессов и конференций, проведенных с участием Российского государства в XIX в. Охарактеризована система конгрессов и конференций в целом, проанализированы основные результаты наиболее значимых из них. Сделаны выводы относительно влияния международных конгрессов и конференций на генезис международных организаций как институциональной формы сотрудничества государств, в содержательном плане обозначены основные итоги работы конгрессов и конференций, сформулированы принципы международного права, выработанные ими в рассматриваемый период и повлиявшие в том числе на становление современного международного права.

Ключевые слова: Международные конгрессы и конференции, развитие международного права, XIX век, принципы международного права

Tret'yakova E.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of Branch of the Moscow Institute
of Public Administration and Law in Perm Kray

THE MAJOR CONGRESSES AND CONFERENCES OF THE NINETEENTH CENTURY AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

The article is devoted to historical-legal analysis of major congresses and conferences which held jointly by the main actors of international law, including the Russian State in the nineteenth century. The system of congresses and conferences is being overall characterized; the main results that are most important of them are being analyzed. The conclusions were drawn on the influence of international congresses and conferences on the genesis of international organizations as institutional forms of cooperation between States; in terms of content there are denoted the main results of the work of congresses and conferences; the principles of international law which worked out by them during the period under review and specifically had an impact on the development of contemporary international law are formulated in the paper.

Keywords: international congresses and conferences, development of international law, nineteenth century, principles of international law

В настоящее время известно множество международных организаций, которые решают различные по направленности и значению вопросы сотрудничества государств. Но международные организации, как видно из истории международных отношений, появились сравнительно недавно, лишь на рубеже XIX–XX вв. Это отнюдь не означает, что ранее не существовало никаких институтов международного общения. Международные организации возникли не сами по себе, а явились результатом развития, эволюции ранее существовавшей институциональной системы межгосударственного общения – международных конгрессов и конференций.

Международные конгрессы и конференции появились на определенном этапе развития международных отношений, когда произошло усложнение самой международной жизни. Повышение напряженности и динамики международных отношений потребовало частого регулирования и координации деятельности государств в той или иной сфере. По мере интенсификации международных отношений неуклонно росло число проблем, требующих многостороннего урегулирования. В связи с этим международные конгрессы и конференции проводились все чаще и постепенно становились все более многочисленными по своему составу. Так, если за период от Вестфальского конгресса 1648 г. до 1840 г. они созывались лишь несколько десятков раз, то в 1840–1890 гг. их число увеличилось уже до 549 международных конгрессов и конференций. При этом именно в первое десятилетие XX столетия их количество стремительно возрастало. Данные о международных фору-

мах государств весьма показательны: в 1810–1900 гг. состоялось 649 конференций и конгрессов, в 1900–1919 гг. – 1082 [10, с. 46].

Первоначально многосторонние взаимоотношения государств ограничивались лишь вопросами мирного разрешения международных конфликтов и столкновений, а с XIX в. они занимаются во все возрастающем объеме социальными вопросами, постепенно становясь институтами своеобразной международной администрации и формирования международного права.

Одновременно расширяется и диапазон самих конференций. К началу XX в., как констатирует О.О. Эйхельман, можно было выделить следующие их виды.

1) «Специальные» конференции более позднего происхождения. Преимущественно в них принимали участие недипломатические представители. Цель таких конференций – обсуждение предполагаемого соглашения по какому-либо специальному вопросу международного общения как в мирное время, так и во время войны.

2) «Периодические административные» конференции, собиравшиеся согласно условию, заключающемуся в некоторых из международных конвенций. Как правило, такие конференции имели свое определенное устройство и порядок делопроизводства.

3) Конференции «смешанные» или официозные, которые собирались для обсуждения одобренного правительствами предмета общественно-культурным характером или при смешанном личном составе, т.е. из делегатов правительств и обществ, или же с участием специалистов. На обсуждение конгрессов и конференций выносились различные вопросы, являвшиеся предметом совместной заинтересованности государств, прежде всего, вопросы войны и мира, формирования международного правопорядка, оформления и создания механизмов противодействия преступным проявлениям – борьба с работорговлей и торговлей неграми, пиратством и другие.

Международные конгрессы и конференции, являясь органом международного общения, создавались в основном для выработки норм международного права, их компетенция зависела от полномочий участвующих в них представителей тех или иных государств. На практике на таких международных совещаниях вырабатывались проекты разрешения какого-либо вопроса, которые для получения окончательной силы должны были быть ратифицированы участвующими в собрании правительствами, что, в свою очередь, в подавляющем большинстве случаев было лишь формальностью.

Выделим «главные конгрессы» XIX в.: 1815 г. – Венский, 1818 г. – Ахенский, 1820 г. – Троппаупский, 1821 г. – Лайбахский, 1822 г. – Веронский, 1856 г. – Парижский, 1878 г. – Берлинский. Главные конференции: 1874 г. – Брюссельская, 1884–1885 гг. – Берлинская, 1893, 1894 гг. – Гаагские.

«Эпоха конгрессов» заслуживает отдельного внимания, так как являлась отражением соответствующих процессов, происходящих с точки зрения формирования единой мирополитической системы, и этапом формирования международного права в целом.

Прежде всего, в начале XIX в. сформировались условия для выстраивания многосторонних отношений между государствами и необходимость формирования международного правопорядка, однако воплощение этой идеи было весьма проблематично, о чем, свидетельствует проведение нескольких значимых конгрессов за весьма короткий промежуток времени.

Интенсивное формирование единой мирополитической системы в XIX в. началось с Венского конгресса 1815 г. Венская международная система, образованная по завершении наполеоновских войн в 1815 г., сформировала новый международный порядок, просуществовавший с незначительными изменениями до начала XX в. 28 мая (9 июня) 1815 г. был подписан акт Венского конгресса [1], решения которого имели огромное значение как для общеполитической истории Европы, так и для развития международного права в самых различных сферах. Альбер Солер писал по этому поводу: «Заключительный акт 9 июня 1815 года является самым обширным трактатом, который когда-либо был подписан. Это – первая попытка дать Европе хартию, по крайней мере территориальную, определить размеры владения каждого государства и путем коллективного договора положить начало прочному миру, основанному на торжественном его признании, на гарантии, данной ему подписью восьми главных европейских государств, на невозможности расторгнуть этот договор, не рискуя оказаться вне закона, и, наоборот, на возможности внести в него изменения с согласия санкционировавших его сторон. Это было новое явление» [4, с. 240].

Венский конгресс утвердил принцип легитимизма в международных отношениях, что способствовало созданию устойчивого международного порядка, основанного на четких правилах и принципах взаимоотношения государств. Со времени Венского конгресса одним из приоритетных направлений внешней политики Российского государства Александр I и его последователи считали охранение внешнеполитического статуса Европы на основе принципов Венского конгресса. Участники рассматриваемого конгресса согласились принять принцип легитимизма за основу своей политики, что означало усиление борьбы с революционным и национально-освободительным движением, а это при тех условиях, безусловно, считалось преступным. С этой целью был создан «Священный союз», акт которого, лично составленный

Александром I [12, с. 265–269], был подписан 14 (26) сентября 1815 г. первоначально Россией, Австрией и Пруссией, а затем вскоре в интересах сохранения европейского мира объединил почти все государства Европы (в стороне остались Великобритания, Турция, Церковная область). «Трактат Братского Христианского Союза» [16] обязывал государей «как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам», руководствоваться евангельскими заповедями любви, правды и мира, «которые, отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни, долженствуют напротив того непосредственно управлять волею царей и водительствовать всеми их деяниями, яко единственное средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающие их несовершенства». Поэтому государи, соединенные «узами действительного и не разрывного братства», заявили, что «во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которым они одушевлены, для охранения веры, мира и правды». Вместе с тем они приглашали «своих подданных со дня на день утверждаться в правилах и деятельном исполнении обязанностей, в которых наставил человеков Божественный спаситель», и призывали присоединиться к Священному Союзу все другие державы, «желающие торжественно признать в сем акте священные правила» и чувствующие, «сколь нужно для счастья колеблемых долгое время царств, дабы истины сии впредь содействовали благу судеб человеческих».

Таким образом, на Венском конгрессе было положено начало формированию первой международной системы безопасности. Она не была идеальной, в ряде случаев ее даже называли надуманной, искусственной. Так, Котляревский С. отмечал следующее: «При таких условиях создаваемый ими (ведущими европейскими державами – прим. авт.) европейский международный порядок неизбежно был отмечен печатью искусственности: он существенно расходился с интересами, стремлениями и идеалами европейских обществ и народностей» [7, с. 102]. С этим замечанием сложно не согласиться, ведь, действительно, государства Европы были весьма разнородны как по территории, так и по другим характеристикам (степень экономического развития, возможности политического влияния и пр.), кроме того, революционное движение было катализатором внутриполитических процессов, сдерживать которые было весьма затруднительно. Указанные факторы обусловили необходимость активного взаимодействия с целью поддержания создаваемой системы, в том числе силовыми методами.

Практическое осуществление «объединение» ведущих монархов нашло в Четверном Союзе, который был заключен 8 (20) ноября 1815 г. между Россией, Англией, Пруссией и Австрией. Присоединением Франции (на Ахенском конгрессе 1818 г.) союз этот расширился в «Пентархию великих держав», которая присвоила себе право решать участь Европы. Предполагалось обеспечить не только сохранение территориального деления государств, но и внутренний порядок от революционных посягательств. Для решения общеевропейских дел великие державы собирались на конгрессах в Ахене в 1818 г., в Троппау в 1820 г., в Любляне в 1821 г., и в Вероне в 1822 г.

В декларации Ахенского конгресса от 3 (15) ноября 1818 г. европейские державы признали «своею главною непременною обязанностью во всех сношениях как между собой, так и с другими державами следовать неуклонно указаниям народного права: ибо единственно исполнением предписаний оного в мирное время могут быть действительно обеспечены независимость каждого из правительств и твердость общей политической системы».

Ведущие государства – участники рассматриваемых конгрессов не были едины в своем понимании векторов дальнейшего развития. Так, например, в ходе проведения Ахенского конгресса Англия и Австрия настаивали на необходимости продолжения четверного союза, а Россия пыталась провести идею формирования общей (европейской) системы.

Именно на Ахенском конгрессе возникла идея о необходимости систематического планового взаимодействия государей и их представителей для разрешения общеевропейских дел, стало формироваться понимание эффективности и значимости такого сотрудничества. Так, Кесльри, представитель Российской империи, писал с ахенского конгресса Ливерпулю: «Приятно замечать, как мало замешательства и как много прочного добра проистекает от этих собраний, которые издали кажутся такими страшными. Конгресс представляется мне новым изобретением в европейском правительстве, уничтожающем паутину… представляющим всю систему в настоящем свете и дающим советам великих держав действительность и почти простоту одного государства» [15, с. 338].

К слову можно отметить, что это мнение также разделяли не все, и было принято решение о проведении конгрессов по мере необходимости, т.е. ad hoc. Как показала практика, необходимость не заставила себя ждать, и через 2 года был созван следующий конгресс в Троппау, обусловленный в первую очередь революционными настроениями в Европе, которые создавали серьезную угрозу политической стабильности и безопасности государств, а Священный союз «обращался в грандиозную контрреволюционную машину, в международное полицейское учреждение для

борьбы абсолютизма против стремлений европейского общества к политической свободе» [3, с. 113].

Конгресс открылся 23 октября 1820 г. под председательством князя Меттерниха, представителя прусского короля. Протокол конгресса в Троппау, подписанный Россией, Австрией и Пруссией 19 ноября 1820 г. провозглашал следующие принципы.

1. Государства, входящие в состав европейского союза, которые во внутреннем своем устройстве подверглись вследствие мятежа изменениям, угрожающим своими последствиями другим государствам, этим самым перестают быть составною частью сказанного союза … до тех пор, пока их положение не будет представлять гарантии законного порядка и прочности.

2. Союзные державы не ограничатся объявлением такового исключения, но … обязуются отказать в своем признании всех изменений, совершенных путями незаконными.

3. Если государства, в которых … совершаются такие перемены, возбудят в других странах опасения … и если союзные державы будут в состоянии иметь на них серьезное и благодетельное воздействие, они употребят … предварительно дружественные усилия, а затем принудительную силу [11].

Таким образом, была поддержана система легитимизма и сделан очередной шаг в вопросе формирования международного правопорядка, однако тот факт, что протокол подписали только три государства, вызвал серьезное недовольство, прежде всего со стороны Англии.

Следующий конгресс собрался в Лайбахе в связи с решением вопросов признания неаполитанской революции в самом начале 1821 г. и 16 января сообщил свое официальное решение: не признавать неаполитанскую революцию и положить ей конец или мирными средствами, если возможно, или силою, если будет необходимость.

Последний конгресс данного периода открылся в Вероне в октябре 1822 г., причина была все та же – активизация революционного движения по инициативе Франции, он в очередной раз поддержал выработанные принципы взаимодействия.

Конгрессы в Троппау, Лайбахе и Вероне показали необходимость объединения государств, в том числе для решения вопросов, связанных с внутреннеполитической стабильностью, самосохранением. Таким образом, революционное движение и угрозы, порождаемые им, стали еще одним катализатором сотрудничества государств и формирования мирополитической системы. Стоит заметить, что Венский конгресс, безусловно, пренебрег интересами национальностей, что и разрушило Священный союз, однако во второй половине XIX в. системы политического равновесия и легитимизма частично уступили место принципу национальности, который воспринимался как панацея против всех недоразумений и международных замешательств как наиболее разумное основание для разрешения возникающих между государствами споров и столкновений и для устройства такого порядка взаимных их отношений, который в состоянии обеспечить мирное развитие каждого народа [9, с. 147].

Понятие «национальные интересы» является производным от теории национального суверенитета, юридически оформившей образование США. В результате революций середины XIX в. правительства многих европейских государств резко изменили внешнеполитический курс. Они отказались от принципов Венской системы – от целей сохранения легитимного порядка и нерушимости границ – и заявили о стремлении отстаивать национальные интересы своих государств, не считаясь с умозрительными принципами и теориями [13, с. 123]. В то же время Великобритания и Россия пытались поддерживать легитимный порядок, в том числе и в Центральной Европе. Так, 2 июля 1850 г. был подписан протокол о сохранении целостности владений датского короля. Этот принцип был подтвержден и Лондонским договором 1852 г.

Необходимо отметить, что параллельно с вопросами национальной и международной стабильности на вышеуказанных конференциях параллельно обсуждались и иные вопросы, связанные с установлением правил взаимного сотрудничества государств и обеспечения иных интересов. Так, в вопросах международного права решения Венского конгресса, несомненно, характеризуются определенным прогрессом относительно предыдущих этапов развития. Это, прежде всего, его решения о свободе судоходства по рекам, о торговле неграми, о ранге дипломатических агентов, об образовании новых государств, о постоянном нейтралитете [2]. В разработке всех этих вопросов Россия играла активную роль. Это способствовало дальнейшему развитию взаимоотношений между странами.

Акт о свободной навигации по некоторым рекам Европы, освобождающий речное судоходство от ряда феодальных стеснений, бесспорно, явился одним из достижений конгресса, учитывая исторические условия того времени. Что касается торговли неграми, то на Венском конгрессе была обнародована общая декларация от 27 января (8 февраля) 1815 г., осуждавшая работорговлю. Были установлены положения о рангах дипломатических представителей от 7 (19) марта 1815 г. С тех пор правила Венского регламента о дипломатических представителях с последующими изменениями вошли в состав общепризнанных начал международного права.

Помимо рассмотренных выше, в XIX в. состоялось еще 2 значимых конгресса, отразивших соответствующие тенденции, имевшие непосредственное

значение для развития международного права и формирования мирополитической системы в целом.

Парижский конгресс был созван в результате окончания Восточной войны 1853–1856 гг., прежде всего, для юридического оформления ее последствий. Основными результатами Парижского конгресса 1856 г. и соответствующего договора можно назвать:

• принятие Турции в «Европейский концерт», тем самым признание ее статуса как полноправного члена межгосударственных отношений и, следовательно, расширение «акторов» международного права;

• установление правил судоходства по рекам, «разделяющим разные владения или протекающим через оные» (международные реки), определяемые актом Венского конгресса по отношению к Дунаю и его устьям. Эти правила «признаются принадлежащими к общему народному Европейскому праву», учреждалась Общеевропейская Дунайская комиссия, в которую включались представители от России, Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии, Сардинии и Турции;

• привилегии и иммунитеты Дунайских княжеств, оставшихся под властью султана, были гарантированы всеми державами, что означало юридическое оформление вопросов признания;

• принята особая Конвенция касательно проливов Дарданелл и Босфора, которая «подтвердила древнее правило Оттоманской империи» и Лондонской конвенции 1841 г., в силу последней запрещалось военным судам иностранных держав в мирное время входить в проливы;

• Черное море объявлялось нейтральным, т.е. открытым для коммерческих и закрытым для военных судов как прибрежных, так и иных государств. Кроме того, ст. 13 обязывала Россию уничтожить все береговые военно-морские сооружения и запретить возведение новых (данное положение в последующем было отменено Лондонской конференцией 1871 г.).

В рамках Парижского конгресса 16 апреля 1856 г. также была принята декларация относительно начал международного морского права, закрепившая следующие принципы:

• отмена каперства;

• нейтральный флаг покрывает неприятельский груз, за исключением военной контрабанды;

• нейтральный груз, за исключением военной контрабанды, не подлежит захвату под неприятельским флагом;

• блокада неприятельских берегов, чтобы быть обязательной, должна быть действительной, т.е. поддержанной таким числом кораблей, чтобы можно было закрыть доступ к портам противника.

Таким образом, Парижский конгресс положил начало формированию международного гуманитарного права как отрасли международного права, нормы которой направлены на установление правил ведения вооруженного конфликта, а также существенно развил положения международного морского права.

Берлинский конгресс 1878 г., в свою очередь, внес существенный вклад в формирование основных начал международного права рассматриваемого периода, его также принято называть «Африканской конференцией», так как он непосредственно заложил основы борьбы с колониальной зависимостью и определил основные правила в данной сфере.

Как уже отмечалось в настоящем исследовании, колониализм был одной из черт рассматриваемого этапа развития межгосударственных отношений и порождал соответствующие проблемы, в том числе в правовой сфере. Подготовка к конференции была весьма длительной и встретила множество препятствий со стороны основных европейских государств по вполне понятным причинам. К участию в конференции по взаимному соглашению Германии и Франции были приглашены не только колониальные державы (Англия, Испания, Португалия, Франция, Голландия, Бельгия и США), но и все ведущие европейские государства, а также две скандинавских страны ввиду желания придать соответствующим решениям не европейское, а общемировое значение. Согласно циркулярной ноте германского правительства от 24 сентября (6 октября) на конференции предлагалось обсудить следующие вопросы.

1. Установление свободы торговли на реке и в устьях реки Конго.

2. Применение к рекам Конго и Нигер начал, провозглашенных Венским конгрессом 1815 г. с целью обеспечения свободы судоходства по различным международным рекам и примененных впоследствии к Дунаю.

3. Определение формальных условий, при соблюдении которых захват свободных земель на берегах Африки должен считаться действительным [8, с. 517].

Оценивая результаты работы обозначенной конференции, можно сделать следующие выводы: была провозглашена свобода судоходства и торговых оборотов в составе района бассейна рек Конго и Нигер, провозглашен нейтралитет соответствующих территорий, запрещена дифференциация пошлин, подтвержден запрет относительно торговли неграми, проработка которого началась еще на Венском конгрессе, приняты обеспечительные меры для контроля за соблюдением данного запрета (создана соответствующая международная комиссия).

Наибольшее количество споров вызвал третий вопрос относительно правомерности оккупации территорий, в результате было принято решение, согласно которому правительство, имеющее намерение за-

нять какую-нибудь область или установить над ней свой протекторат, обязано объявить об этом факте другим правительствам.

Можно отметить, что вопросы, связанные с занятием новых территорий, активно обсуждались и в рамках работы Института международного права, принявшем на сессии в Лозанне в 1888 г. Проект международной декларации относительно занятия территорий, дополняющий и расширяющий постановления Берлинского акта [5].

Кроме того, Берлинский трактат наряду со Сан-Стефанским мирным договором в конце XIX в. сформулировал специфическое новое направление в сотрудничестве государств – защиту прав человека, соответственно, в Черногории и Сербии: «… различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям» [14].

Таким образом, несмотря на ограниченность и спорность решений, принятых на Берлинской конференции, с точки зрения их реализации они вписывались в общую систему правового оформления мирополитического устройства и имели свое определенное значение для дальнейшего развития международного права.

Итак, начиная с XIX в. уровень развития международного сотрудничества стал настолько высок, что государства осознали необходимость тесного взаимодействия по различным вопросам. Одной из характерных черт с уверенностью можно назвать развитие международных конгрессов и конференций, которые стали первоначальной стадией развития сотрудничества, вышедшего впоследствии на уровень межправительственных и неправительственных международных организаций.

На конгрессах и конференциях решались многие вопросы и проблемы, которые не могли или недостаточно эффективно могли решаться на уровне двухсторонних контактов различных государств. Характерной чертой развития межгосударственного общения на уровне конгрессов и конференций становится постепенный переход к развитию их содержательного диапазона: от мирных (по урегулированию послевоенных ситуаций) к специализированным (по отдельным проблемам межгосударственных отношений).

Разработка и принятие решений на конференциях и конгрессах еще более укрепили систему международного общения, что дало толчок к дальнейшему развитию и формированию такой формы международного взаимодействия, как международные организации, без которых современное международное общение невозможно представить.

В течение XIX в., начиная с Венского конгресса, был проведен ряд значимых конгрессов и конференций, о которых можно говорить как о соответствующей системе, так как все они были взаимосвязаны как с точки зрения государств, принимавших в них участие, так и с содержательной точки зрения. Изначально конгрессы занимались преимущественно политическими вопросами, с течением времени они стали приобретать все более целенаправленный характер.

Можно констатировать факт формирования первой системы безопасности. Так, в период с 1816 г. до 1914 г. не было ни одного конфликта, который перерос бы во всеобщий, и никаких боевых действий, которые перевернули бы внутренний порядок в государствах или нарушили бы эволюционное развитие государств и формирующегося международного правопорядка, что еще раз подтверждает эффективность и стабильность Венской мирополитической системы. Сформированная система изначально функционировала, основываясь на принципе легитимизма, который постепенно стал дополняться и корректироваться посредством влияния других принципов, отражавших соответствующий этап развития межгосударственных отношений.

В результате сотрудничества государств, в первую очередь на уровне конгрессов и конференций, Венский конгресс, безусловно, пренебрег интересами национальностей, что и разрушило Священный союз. Однако во второй половине XIX в. системы политического равновесия и легитимизма частично уступили место принципу национальности, который воспринимался как панацея против всех недоразумений и международных замешательств, как наиболее разумное основание для разрешения возникающих между государствами споров и столкновений, для устройства такого порядка взаимных их отношений, который в состоянии обеспечить мирное развитие каждого народа [9].

К началу XX в. был выработан ряд принципиальных основ международного права, что заложило основу формирования в последующем соответствующих отраслей и институтов права, доработанных и развитых в современном международном праве. К ним можно отнести принцип сотрудничества, принцип разрешения споров мирными средствами, ответственность государств за развязывание войны, режим международных рек, закрепляется принцип свободы открытого моря, провозглашен запрет торговли неграми, определение правового статуса дипломатических представителей и консульских агентов.

Здесь же можно еще раз отметить ту роль, которую занимало Российское государство в процессах формирования мирополитической системы и выработке основных начал международного права,

ее сложно переоценить. В XIX в. Российская империя заняла равное место в группе ведущих европейских государств, оказывала серьезное влияние на политические процессы, на заключаемые международные соглашения как с точки зрения инициатив, так и с содержательной стороны.

Список литературы

1. Акт Венского конгресса от 28 мая (9 июня) 1815 г. // ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 25863.
2. Англо-русская союзная конвенция о мерах к установлению мира в Европе от 30 марта (11 апреля) 1805 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Сер. I. Т. II. № 117.
3. *Бутенко В.* Священный союз и международная политика эпохи реставрации // Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV. Ч. 1. История западной Европы. – М., 1913.
4. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. – М., 2012.
5. *Камаровский Л.* О съезде института международного права в Лозанне в 1888 г. // Юридический вестник. – 1889. – Январь.
6. *Кожевников Ф.И.* Русское государство и международное право. – М., 1947.
7. *Котляревский С.* Венский конгресс // Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV. Ч. 1. История западной Европы. – М., 1913.
8. *Мартенс Ф.Ф.* Африканская конференция в Берлине // Вестник Европы. –1885. – Декабрь.
9. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб, 1887.
10. *Моравецкий В.* Функции международной организации. – М., 1976.
11. Протокол конгресса в Троппау от 19 ноября 1820 г. // Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. – М., 1925. Ч. I. № 131.
12. Развитие русского права в первой половине XIX века // Под ред. Е.А. Скрипилева. – М.: Наука, 1994.
13. *Ревякин А.В.* История международных отношений в Новое время: учебное пособие. – М., 2004.
14. Сенатский указ, по высочайшему повелению «О трактате, заключенном, 1/13 июля 1878 года, в Берлине, между Россией, Германией, Австрией, Венгрией, Францией, Великобританией, Италией и Турцией» от 27 июля 1878 г. // ПСЗ-2. Т. 53. № 58744.
15. *Соловьев С.* Эпоха конгрессов // Вестник Европы. 1867. Т. I. Март.
16. Трактат Братского Христианского Союза от 14/26 сентября 1815 г. // ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 25943.

Reference list

1. The act of the Congress of Vienna of May 28 (June 9), 1815 // Complete collection of laws of the Russian Empire-1. V. XXXIII. № 25863.
2. The Anglo-Russian Union Convention on measures to establish peace in Europe on March 30 (April 11), 1805 // Foreign policy of Russia XIX and early XX centuries. Ser. I. V. II. № 117.
3. *Butenko V.* Sacred Union and international policy of the Restoration // Book for reading on the history of modern times. V. IV. Part 1. History of Western Europe. M., 1913.
4. European diplomacy and international processes of era of the Napoleonic wars. Under the editorship of A.Torkunov, M. Narinskiy. M., 2012.
5. *Kamarovsky L.* About the Institute of International Law Congress in Lausanne in 1888 // Legal Gazette. 1889. January.
6. *Kozhevnikov F.* The Russian State and International law. M., 1947.
7. *Kotlyarevskiy S.* Congress of Vienna // Book for reading on the history of modern times. V. IV. Part 1. History of Western Europe. M., 1913.
8. *Martens F.* The African Conference in Berlin // Herald of Europe. 1885. December.
9. *Martens F.* Modern International Law of Civilized Nations. V. 1. St. Petersburg, 1887.
10. *Moravetskiy V.* Functions of international organizations. M., 1976.
11. Congressional Record in Troppau on November 19, 1820 // International policy of modern times in the contracts, notes and declarations. M., 1925. Part I. № 131.
12. Development of the Russian law in the first half of the XIX century // Under the editorship of E. Skripilev. M.: Nauka, 1994.
13. *Revyakin A.* The history of international relations in the modern era: Textbook. M., 2004.
14. Senate's Order by Royal decree dated July 27, 1878 "About the treatise, concluded between Russia and Germany, Austria, Hungary, France, Great Britain, Italy and Turkey at 1/13 July 1878 in Berlin " // Complete collection of laws of the Russian Empire-2. V. LIII. № 58744.
15. *Solov'ev S.* The era of congresses // Herald of Europe. 1867. V. I. March.
16. Treatise Fraternal Christian Union of September 14/26, 1815 // Complete collection of laws of the Russian Empire-1. V. XXXIII. № 25943.

УДК 341

Чеботарева А.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического института Московского государственного университета путей сообщения

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Проблему информационной безопасности личности автор рассматривает в аспекте значения стабильности системы международных отношений. Подчеркивается роль развития международной информационной безопасности. Анализируются основные концептуальные документы, принятые как на национальном уровне, так и на уровне международных договоров, норм международного права.
Уделяется серьезное внимание вопросу создания системы как национальных, так и международных организаций, способствующих реализации действенных механизмов обеспечения информационной безопасности.
Анализируются подписанные к настоящему времени соглашения о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности с точки зрения эффективности предусматриваемых ими форм и механизмов сотрудничества, реальных механизмов противодействия вызовам и угрозам в информационной сфере.
Ключевые слова: информационное общество, глобальное информационное общество, информационные права и свободы, информационная безопасность, информационная безопасность личности, международная информационная безопасность, кибербезопасность, стратегическое партнерство, механизмы противодействия вызовам и угрозам в информационной сфере

Chebotareva A.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Law Institute of the Moscow State University of Railway Engineering

ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE PERSONALITY: THE ROLE OF INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY AND STRATEGIC PARTNERSHIP

The article author considers the issue of information security of the personality in respect of the aspect of importance to the stability of international relations system. There is emphasized the role of development of international information security. The article analyzes the substantive conceptual documents, which have been adopted not only at the national level, but also at the level of international treaties and norms of international law.
Careful consideration is paid to the issue of creating system of both national and international organizations, which are contributing to the implementation of effective mechanisms, ensuring information security.
The article author analyzes signed to date cooperation agreements in the range of ensuring international security from a perspective of efficiency of forms and cooperation mechanisms, provided by them as well as the real mechanisms for reducing the challenges and threats in the information sphere.
Keywords: information-oriented society, global information-oriented society, information rights and freedoms, information security, information security of personality, international information security, cyber security, strategic partnership, mechanisms for reducing challenges and threats in information sphere

В решении проблем информационной безопасности немаловажную роль играет стабильность системы международных отношений.

Под международной информационной безопасностью, согласно «Основам государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» [1], понимается такое состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры. При этом участие в формировании системы международной информационной безопасности – одно из основных направле-

ний реализации «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» [2] в рамках международного сотрудничества.

Е.С. Зиновьева справедливо отмечает [3, с. 44–52], что «в настоящее время на международном уровне нет единства мнений относительно терминологии, ведутся дискуссии между государствами, придерживающимися различных толкований понятия «международная информационная безопасность». Россия выступает за широкий подход к определению содержания понятия «международная информационная безопасность», включая в нее как технические аспекты (безопасность информационных сетей и систем), так и обширный круг политико-идеологических аспектов (манипулирование информацией, пропаганда посредством глобальных информационных сетей, информационное воздействие). Страны Запада, прежде всего США, придерживаются узкого подхода, ограничиваясь техническими аспектами, и используют иную терминологию – «кибер-безопасность».

Учитывая специфику современных информационных отношений, многоаспектность угроз в глобальном информационном пространстве, позицию России следует признать более обоснованной и нацеленной на продуктивный подход в вопросах обеспечения информационной безопасности.

Предмет нашего исследования – анализ состояния глобального информационного пространства в ситуации возможных рисков и угроз, деструктивного воздействия на обеспечение (гарантированность) информационных прав и свобод и прежде всего – обеспечение информационной безопасности личности.

Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [4] свидетельствует об осознании необходимости выработки совместных мер по устранению угроз в условиях глобализации информационного общества за счет формирования системы международной информационной безопасности. Важно, что в своем предисловии к докладу второй ГПЭ Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций отмечает, что «для разработки общих концепций важное значение будет иметь диалог между государствами-членами» и что «жизненно важное значение имеет также практическое сотрудничество в целях обмена передовым опытом и информацией и создания потенциала в развивающихся странах, а также снижения риска неправильного восприятия, которое может ограничить возможности международного сообщества по принятию мер в случаях серьезных происшествий в киберпространстве» [5].

Особого внимания требует вопрос создания системы как национальных, так и международных организаций, способствующих реализации действенных механизмов обеспечения информационной безопасности. Это могут быть узкоспециализированные организации, непосредственно сконцентрированные на задачах реализации мер, направленных на противодействие угрозам в информационной сфере, либо за счет решения более широкого круга задач такие организации могут быть более универсальными, что уже находит отражение в концептуальных документах. Так, согласно принятой в конце 2015 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации наша страна выступает за качественное развитие Организации Договора о коллективной безопасности [6, с. 6–8], превращение ее в универсальную международную организацию, способную противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера (включая международный терроризм и экстремизм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, нелегальную миграцию), а также угрозам в информационной сфере. Такие универсальные международные организации могут осуществлять в том числе и функции мониторинга информационной безопасности личности, а также глобального информационного общества в целом.

Важно создание системы подобных организаций в рамках каждого международного института: Организации Объединенных Наций, Шанхайской организации сотрудничества, стран БРИКС, форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», «Группы двадцати» и других.

Анализ ряда подписанных к настоящему времени соглашений [7, с. 13–21] о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности приводит к выводу о том, что в целом эти соглашения нацелены на создание условий для взаимодействия компетентных органов данных государств, нежели на создание действенных механизмов противодействия вызовам и угрозам в информационной сфере, в том числе за счет развития специализированных международных организаций. Предусматриваемые формы и механизмы сотрудничества ограничиваются обменом данными о компетентных органах государств, возможностями заключения договоров межведомственного характера, а также проведением взаимных консультаций по вопросам международной информационной безопасности.

В то же время актуальность развития стратегического партнерства в вопросах обеспечения информационной безопасности в целом, как и в вопросе обеспечения информационной безопасности личности, данными документами подчеркивается. Так, подписание Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопас-

ности продиктовано, согласно положениям документа, в том числе принятием во внимание важной роли информационной безопасности в обеспечении прав и основных свобод человека и гражданина, важного значения баланса между обеспечением безопасности и соблюдением прав человека в области использования информационно-коммуникационных технологий, а также озабоченностью угрозами, связанными с возможностями использования таких технологий в гражданской и военной сферах в целях, не совместимых с задачами обеспечения международного мира, безопасности и стабильности, для подрыва суверенитета и безопасности государств и вмешательства в их внутренние дела, нарушения неприкосновенности частной жизни граждан и т.п.

Согласно ст. 2 данного Соглашения его стороны исходят из того, что основными угрозами международной информационной безопасности является использование информационно-коммуникационных технологий:

1) для осуществления актов агрессии, направленных на нарушение суверенитета, безопасности, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности;

2) для нанесения экономического и другого ущерба, в том числе путем оказания деструктивного воздействия на объекты информационной инфраструктуры;

3) в террористических целях, в том числе для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;

4) для совершения правонарушений и преступлений, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации;

5) для вмешательства во внутренние дела государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей и теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию и нестабильности, а также для дестабилизации внутриполитической и социально-экономической обстановки, нарушения управления государством;

6) для распространения информации, наносящей вред общественно-политической и социально-экономической системам, духовной, нравственной и культурной среде других государств.

В числе действенных мер формирования международной информационной безопасности в отношении обеспечения информационной безопасности личности может стать развитие как межгосударственных, с участием Российской Федерации, так и государственных, федеральных целевых программ в данной области.

Также один из актуальных вопросов – создание системы мониторинга обеспечения информационных прав и свобод, вопроса обеспечения информационной безопасности личности в условиях глобализации информационного общества и, соответственно, усложнения современной системы международных отношений с возможностью выработки на уровне международных организаций методик возможного реагирования на угрозы информационной безопасности личности.

Список литературы

1. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753) .

2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212).

3. *Зиновьева Е.С.* Международное сотрудничество по обеспечению международной информационной безопасности // Право и управление. XXI век. – 2014. – № 4 (33).

4. General Assembly, Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security, UN document A/65/201, 30 July 2010.

5. Разоружение. Издание Организации Объединенных Наций. Исследование 33. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/disarmament/HomePage/ODAPublications/DisarmamentStudySeries/PDF/DSS_33_Russian.pdf (дата обращения: 15.02.2016).

6. Договор о коллективной безопасности (вместе с «Протоколом об исправлении текста Договора о коллективной безопасности, подписанного в Ташкенте 15 мая 1992 года» и Нотой МИД Республики Беларусь от 24.05.1995 № 12/4913-н) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 12. Treaty Series. Volume 1894. – New York: United Nations, 1999. P. 309– 323. Договор подписан в г. Ташкенте 15.05.1992 и в г. Минске 18.05.1995; вступил в силу для России 20.04.1994.

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Москве 08.05.2015); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Гаване 11.07.2014). Документ вступил в силу 02.01.2015 // Официальный интернет-портал правовой инфор-

мации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (вместе с «Перечнями основных понятий и угроз, их источников и признаков»). Заключено в г. Москве 25.12.2013. Документ вступил в силу 27.02.2015 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru; Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (вместе с «Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков»). Заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009. Соглашение вступило в силу для России 02.06.2011 // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 1.

Reference list

1. The bases of state policy of the Russian Federation in the field of international information security until 2020 (Approved by the President of the Russian Federation 24.07.2013 № PI-1753).
2. The strategy of information- oriented society development in the Russian Federation (Approved by the President of the Russian Federation 07.02.2008 № PI-212).
3. *Zinov'eva E.* International cooperation in ensuring international information security // Law and Management. Century XXI. 2014. № 4 (33).
4. General Assembly, Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security, UN document A/65/201, 30 July 2010.
5. Disarmament. The Publication of the United Nations. Study 33. Achievements in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security [Electronic resource]. Access mode: http://www.un.org/disarmament/HomePage/ODAPublications/DisarmamentStudySeries/PDF/DSS_33_Russian.pdf (Date of access: 15.02.2016).
6. The Treaty on collective security (completed with the "Protocol on amending the Treaty on collective security signed in Tashkent on 15th of May, 1992" and the Note of the MFA of the Republic of Belarus dated 24.05.1995 № 12/4913-n) // Bulletin of international treaties. 2000. № 12. Treaty Series. Volume 1894. – New York: United Nations, 1999. P. 309–323. The Treaty has signed in Tashkent on15.05.1992 and in Minsk on 18.05.1995; it has come into operation for Russia on 20.04.1994.
7. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on cooperation in the field of ensuring international information security (concluded in Moscow on 08.05.2015); Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Cuba on cooperation in the field of ensuring international information security (concluded in Havana on 11.07.2014). The Document has come into operation on 02/01/2015 / The official internet portal of legal information [Electronic resource]. Access mode: http://www.pravo.gov.ru; Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on cooperation in the field of ensuring international information security (completed with the "Lists of key concepts and threats, their sources and characteristics"). Concluded in Moscow on 25.12.2013. The Document has come into operation on 27.02.2015 // The official internet portal of legal information [Electronic resource]. Access mode: http://www.pravo.gov.ru; Agreement between the Governments of Member States of the Shanghai Cooperation Organization on cooperation in the field of ensuring international information security (completed with the "Lists of key concepts and kinds of threats, their sources and characteristics"). Concluded in Ekaterinburg on 16.06.2009. The Agreement has come into operation for Russia on 02.06.2011 // Bulletin of international treaties. 2012. № 1.

УДК 347

Бокова Л.Н.,
заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству
и государственному строительству Федерального Собрания Российской Федерации

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием в России информационного пространства в области правового регулирования трудовых отношений. Автор приходит к выводу о существовании двух видов информационных пространств – общего и ограниченного. Это обусловлено частно-публичным характером такой отрасли, как трудовое право. В качестве общего информационного пространства в статье рассматривается государственная информационная система учета результатов проведения специальной оценки условий труда, в качестве ограниченного информационного пространства – персональные данные работников и информационное пространство, формирующееся при использовании труда работников, основанного на применении дистанционных способов организации их деятельности (дистанционных работников).

Ключевые слова: информационное пространство, трудовые правоотношения, специальная оценка условий труда, персональные данные, дистанционные работники

Bokova L.,
Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Building
of the Federal Assembly of the Russian Federation

THE INFORMATION SPACE AND THE LEGAL REGULATION OF LABOUR RELATIONS

The article discusses the issues which are connected with formation of the information space in the sphere of legal regulation of labour relations in Russia. The article author concludes about the existence of two types of information space such as a common and a confined. This is due to the private-public nature of such area as the labour law. As a common information space the article examines the state information accounting system of the results of special evaluation study of working conditions, but as a confined information space it examines employees' personal records and the information space, which is formed by the use of employees and based on the use of remote ways of organizing their activities (remote employees).

Keywords: information space, labour legal relations, special evaluation study of working conditions, personal records, remote employees

Вопросы, связанные с пониманием сущности и назначения информационного пространства, в последнее время все больше занимают внимание российских ученых, в том числе правоведов. Исследования, посвященные информационному пространству, проводятся в рамках различных отраслей в системе российского права. Вместе с тем в сфере регулирования трудовых отношений рассматриваемой теме, как представляется, уделено недостаточно внимания. В этой связи настоящая статья имеет своей целью восполнить имеющийся пробел и показать ключевые проблемы в этой области.

М.М. Магдилов и Л.В. Магдилова, характеризуя организационно-технические аспекты информационного пространства, понимают под ним «совокупность баз и банков данных, информационных технологий осуществления информационных процессов на основе телекоммуникационных сетей и программно-организационных структур, функционирующих по определенным принципам, обеспечивающим информационное взаимодействие субъектов и удовлетворение их информационных потребностей» [1, с. 27–32]. Таким образом, характерным признаком рассматриваемого информационного пространства в любой сфере регулирования общественных отношений можно считать наличие баз данных и возможности обмена этими данными с использованием современных телекоммуникационных сетей (в первую очередь сети Интернет в силу ее большой распространенности).

Н.Н. Ковалевой отмечается, что российское информационное пространство, с одной стороны, выступает в качестве сферы реализации государствен-

ной политики в этой области и, с другой стороны, является объектом воздействия на него государственных органов управления [2, с. 37–38].

Типичным примером динамичного развития и применения информационно-коммуникационных технологий является создание и расширение единого информационного пространства судебной системы Российской Федерации. Сегодня, как подчеркивается Д.А. Ловцовым и В.А. Ниесовым, претворяются в жизнь такие меры, как, в частности, создание и совершенствование единого информационного пространства (ЕИП) судебной системы государства, внедрение современных информационно-компьютерных технологий, перевод судебных архивов в электронную форму, размещение информации о деятельности судов на их сайтах в сети Интернет и т.д. [3, с. 13–18]. По мнению А.М. Тарасова, стремление к достижению истины в сфере осуществления правосудия сегодня подкрепляется новыми технологическими возможностями, имеется в виду электронными, являющимися важнейшим компонентом системы правосудия [4, с. 117].

При этом нужно отметить, что единое информационное пространство российской судебной системы определенным образом связано и с обеспечением информации в области правового регулирования трудовых отношений, поскольку значительная часть рассматриваемых судами споров относится к трудовым. Вместе с тем информационное пространство в сфере регулирования трудовых отношений имеет важное отличие от информационного пространства судебной системы. Это связано с тем, что процессуальные отрасли российского права являются публично-правовыми по своему характеру, в то время как трудовое право имеет частно-публичный характер. Соответственно, если определенные элементы регулирования трудовых правоотношений являются императивными по своей сути (например, порядок привлечения работника к дисциплинарной ответственности), то другие в основе своей имеют договорные начала (это, в частности, многие вопросы, относящиеся к заключению, изменению и прекращению трудового договора).

Исходя из этих предпосылок, можно говорить, характеризуя сферу трудовых правоотношений, о наличии не единого общего информационного пространства на всей территории Российской Федерации, а, скорее, о сочетании элементов общего и ограниченных пространств (в последнем случае имеются в виду отдельные работодатели, обеспечивающие информационное взаимодействие со своими работниками в ходе выполнения ими своей трудовой функции). Это вызывает определенные сложности в обеспечении доступности и защищенности данных информационного пространства в сфере трудового права, поскольку возможности отдельного работодателя несопоставимы с потенциалом государства в целом.

Примером общего информационного пространства, формируемого в настоящее время и относящегося к регулированию трудовых отношений, является Федеральная государственная информационная система учета результатов проведения специальной оценки условий труда, упоминаемая в ст. 18 Федерального закона от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» [5]. Согласно указанной статье проводящая специальную оценку организация передает в систему следующие сведения, касающиеся:

– работодателя (в частности, код по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности, количество рабочих мест – отдельно указываются места, на которых проведена специальная оценка условий труда, распределение рабочих мест по классам и подклассам условий труда и т.д.);

– рабочего места (индивидуальный номер места; код занятых на нем работников в соответствии с Общероссийским классификатором рабочих мест; класс или подкласс условий труда на нем; класс или подкласс условий труда для каждого вредного или опасного производственного фактора на рабочем месте, в том числе с указанием степени и продолжительности их воздействия на работника; при его наличии – основание для формирования прав на досрочную трудовую пенсию по старости; сведения о наличии на данном рабочем месте несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний за последние пять лет; сведения о качестве результатов проведения специальной оценки условий труда на этом месте и т.д.);

– самой проводящей специальную оценку условий труда организации (в том числе сведения о ее аккредитации; экспертах, имеющих право проводить специальную оценку условий труда; о применявшихся испытательной лабораторией средствах измерений).

Несмотря на то что специальная оценка условий труда проводится сейчас далеко не всеми работодателями, а возможности государственных надзорных органов проконтролировать выполнение ими этой обязанности явно недостаточны, само решение о создании единой государственной системы учета можно считать своевременным и необходимым. В ч. 2 ст. 57 «Содержание трудового договора» Трудового кодекса РФ (далее по тексту – ТК РФ) закреплено положение о том, что к обязательным условиям трудового договора относится информация об условиях труда на рабочем месте. В связи с тем, что наличие многих вредных и опасных производственных факторов можно выявить только путем проведения специальной оценки условий труда, наличие этих данных в централизованной информационной системе позво-

лит более эффективно защищать трудовые права работников. Кроме того, без проведения специальной оценки условий труда современный работодатель не в состоянии обеспечить создание и функционирование у себя эффективной системы управления охраной труда. По мере увеличения количества работодателей, проводивших специальную оценку условий труда, будет увеличиваться и сфера соответствующего информационного пространства.

Как уже было отмечено выше, информационная система учета результатов проведения специальной оценки условий труда в идеале должна носить всеобъемлющий общероссийский характер, если не принимать в расчет достаточно небольшое количество работодателей, которые законом освобождены от проведения этого мероприятия.

Вместе с тем в процессе правового регулирования трудовых отношений возможно создание и функционирование и ограниченного информационного пространства. Типичным его примером может служить дистанционная работа. Введенная в ТК РФ Федеральным законом от 05.04.2013 № 60-ФЗ глава 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» содержит основные принципы, касающиеся определения механизма взаимодействия работодателя и работника в процессе выполнения последним своих трудовых обязанностей.

Согласно ст. 312.1 ТК РФ дистанционная работа предполагает выполнение работником трудовой функции вне места нахождения работодателя в полном смысле, т.е. вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя. При этом обязательным условием является использование работником для своей работы и для осуществления взаимодействия с работодателем информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (в первую очередь сети Интернет).

В ряде случаев, в соответствии с указанной статьей и ст. 312.2 ТК РФ, возможно получение одной из сторон или взаимный обмен электронными документами, касающимися заключения, изменения или прекращения трудового договора.

Как отмечается Н. Лешуковой, появление соответствующей главы «было обусловлено прежде всего значительным увеличением применения новых информационных технологий в общественно-экономической жизни и особенно в бизнес-среде, выходе производственных отношений в России на новый уровень взаимодействия и коммуникаций» [6, с. 81–89]. Вместе с тем указанный автор пишет и о наличии определенных сложностей (подтверждаемых материалами судебной практики), связанных с подтверждением требований о допустимости и обоснованности доказательств законности увольнения работника.

Таким образом, закрепляемое в ч. 2 ст. 312.5 ТК РФ правило о том, что при ознакомлении работника с приказом работодателя о прекращении с ним трудового договора через информационно-телекоммуникационные сети работодатель обязан отправить работнику уведомление о прекращении трудового договора и традиционным способом – заказным письмом с уведомлением, не может в полной мере считаться соответствующим принципам формирования информационного пространства как ресурса, содержащего требуемый объем сведений для успешного решения определенных задач.

Исходя из сказанного выше, законодатель признает недостаточное на сегодняшний день совершенство организации дистанционного труда работников. Думается, что обозначенная проблема требует незамедлительного поиска способов ее устранения, для того чтобы обеспечить возможность наиболее полного использования современных технологий, тем более что в силу ее удобства дистанционная работа получает все большее распространение как в мире в целом, так и в Российской Федерации в частности.

Кроме того, рассматриваемая глава ТК РФ об особенностях регулирования труда дистанционных работников предусматривает возможность только взаимного обмена информацией через информационно-телекоммуникационные сети между работником и работодателем и не устанавливает возможность какого-либо контроля со стороны уполномоченных государственных органов (например, государственной инспекции труда в субъекте РФ) за трудовым процессом.

По сути, в этой ситуации нельзя вести речь о действительном оформлении требуемого информационного пространства в области регулирования труда дистанционных работников. Даже такое ограниченное информационное пространство должно быть более открытым в разумных пределах, не влекущих нарушение российского законодательства о персональных данных.

В качестве средства решения проблемы можно предложить обеспечение доступа государственного инспектора труда к информационным ресурсам работодателя для проверки соблюдения трудового законодательства (также дистанционным путем). Возможно, такая мера позволит избежать дополнительного обмена между работником и работодателем информацией на бумажных носителях и поможет реализовать главные цели формирования единых информационных пространств разного уровня – обеспечения доступности требуемых сведений, экономии времени и материальных ресурсов и соблюдения при этом действующего российского законодательства.

Еще один пример ограниченной информационной системы – персональные данные работников,

выполняющих свою трудовую функцию у отдельного работодателя. Согласно ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» [7] под такими данными понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определяемому или определенному физическому лицу (субъекту персональных данных)». В соответствии с п. 7 ст. 86 ТК РФ работодателем должна быть обеспечена защита персональных данных работника от их неправомерного использования либо утраты.

Фактически у современного работодателя часть персональных данных по конкретному работнику может присутствовать как в электронном виде, так и на бумажных носителях. Перевод информации на бумажных носителях (например, сведений, содержащихся в трудовой книжке работника) в электронную форму, обеспечение ее защиты от несанкционированного доступа сопряжены со значительными финансовыми и организационными издержками для работодателей и далеко не каждому из них доступны в силу целого ряда причин. Между тем обычно под единым информационным пространством понимается виртуальная область взаимодействия соответствующих субъектов в определенной информационной среде [8, с. 4–13], поэтому и в данной сфере отношений требуется обеспечить возможность получения требуемых сведений контрольно-надзорными органами. Однако ситуация осложняется, как уже говорилось, недостаточным уровнем возможностей отдельных работодателей. Для них требуется разработка целого ряда мероприятий, обеспечивающих больший уровень возможностей доступа к информационно-телекоммуникационным сетям и механизмам их защиты.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения данной темы, можно прийти к следующим выводам:

– во-первых, в отличие от публично-правовой сферы регулирования, в трудовом праве существует двухуровневое информационное пространство (единое и ограниченное), при этом далеко не всегда существует взаимодействие между этими уровнями;

– во-вторых, современный уровень социально-экономического развития не всегда позволяет работодателям обеспечить существование информационного пространства ограниченного уровня в полном его понимании;

– в-третьих, в развитии единого информационного пространства в области регулирования трудовых отношений, а также в развитии ограниченных информационных пространств у отдельных работодателей государство чрезвычайно заинтересовано, поскольку речь, в конечном счете, идет о первоочередной защите трудовых прав работника как одного из основных элементов обеспечения благосостояния государства.

Сделанные выше выводы обусловливают необходимость дальнейшего развития и применения соответствующего информационного пространства, поскольку это позволит обеспечить больший уровень защиты трудовых прав работников, повышение их мотивации и, в конечном счете, дальнейшее качественное развитие трудовых отношений в целом.

Список литературы

1. *Магдилов М.М., Магдилова Л.В.* Правовые аспекты развития информационного пространства региона // Информационное право. – 2015. –№ 3.
2. *Ковалева Н.Н.* Общая характеристика единого информационного пространства // Современное право. – 2011. – № 7.
3. *Ловцов Д.А., Ниесов В.А.* Актуальные проблемы создания и развития единого информационного пространства судебной системы России // Информационное право. – 2013. – № 5.
4. *Тарасов А.М.* Электронное правительство и информационная безопасность: учебное пособие. – СПб.: Галарт, 2011.
5. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» // СПС «Консультант Плюс».
6. *Лешукова Н.* Актуальные проблемы организации труда дистанционных работников // Трудовое право. – 2015. – № 8.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «Консультант Плюс».
8. *Ловцов Д.А.* Теоретические основы системологии информационного права // Информационное право. – 2014. – № 2.

Reference list

1. *Magdilov M., Magdilova L.* Legal aspects of information space development of the region // Information law. 2015. № 3.
2. *Kovaleva N.* General characteristics of a single information space // Contemporary law. 2011. № 7.
3. *Lovtsov D., Niesov V.* Topical issues of creation and development of a single information space of the Russian judicial system // Information law. 2013. № 5.
4. *Tarasov A.* E-government and information security: Textbook. SBR.: Galart, 2011.
5. Federal Law of 28.12.2013 № 426-FL "On special evaluation study of working conditions" // Legal Reference System "Consultant Plus".
6. *Leshukova N.* Topical issues of work organization of remote employees // Labour law. 2015. № 8.
7. Federal Law of 27.07.2006 № 152-FL "On personal records" // Legal Reference System "Consultant Plus".
8. *Lovtsov D.* Theoretical foundations of the systemology of information law // Information law. 2014. № 2.

УДК 343.988

Шикула И.Р.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Московского института государственного управления и права

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ БЕСПОМОЩНЫХ ПОТЕРПЕВШИХ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ

В статье раскрываются основные направления деятельности правоохранительных органов по виктимологической профилактике насильственных преступных посягательств, совершаемых в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии, представлены основные рекомендации для практических работников по снижению виктимизации данных потерпевших, так как в настоящее время отсутствует определенная программа для сотрудников правоохранительных органов по взаимодействию с такой категорией потерпевших.

В настоящее время в отношении беспомощного потерпевшего может быть совершено практически любое преступление, предусмотренное уголовным законодательством, которое посягает на жизнь, здоровье, достоинство личности, на личную собственность граждан, а также некоторые преступления против общественного порядка и военной службы, при этом научно-технический прогресс и развитие общественных отношений, катаклизмы, потрясающие нашу страну, вызывают к жизни новые, ранее не практиковавшиеся, формы преступных проявлений, связанных с умышленным приведением жертвы преступления в беспомощное состояние либо с использованием уже существующего беспомощного состояния потерпевшего.

Кроме того, в юридической науке отсутствует четкое и однозначное понятие «беспомощное состояние потерпевшего», имеющее уголовно-правовое и виктимологическое значение, не определены критерии его оценки; не в полной мере разработаны конкретные рекомендации по квалификации преступлений, совершаемых в отношении беспомощных потерпевших, которые могут оказать существенную помощь сотрудникам правоохранительных органов при расследовании данной категории дел, слабо изучены психологические особенности беспомощных потерпевших, не до конца раскрыт механизм влияния различных сенсорных и умственных дефектов на поведение потерпевшего; не в полной мере исследовалась проблема виктимности беспомощных потерпевших как криминогенного фактора, влияющего на повышение степени общественной опасности преступных посягательств, а без составления виктимологической характеристики насильственных преступлений в отношении беспомощных лиц невозможно ожидать определенного успеха в области виктимологической профилактики данных преступных посягательств в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: беспомощный потерпевший, виктимологическая безопасность, виктимизация, виктимогенные факторы, правоохранительные органы, насильственные преступления, виктимологическая профилактика.

Shikula I.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Criminal-Legal Disciplines of the Law Faculty of the Moscow Institute of Public Administration and Law

VICTIMOLOGIC PREVENTION OF VIOLENT CRIMES AGAINST HELPLESS VICTIMS IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY: ISSUES AND SOLUTIONS

The article defines the core aspects of the activity of law enforcement agencies through victimologic prevention of violent criminal infringements, committed against persons in a helpless state as well as the paper presents key recommendations for practitioners to reduce victimization of the victims, since there is currently no specific program for law enforcement officers on interaction with this category of victims.

At the moment any prescribed by the legislation crime can be committed against a helpless victim, which would impacted to life, health, dignity of a person, to personal ownership of citizens, as well as certain crimes against the public order and

soldering, therewith the scientific-technical progress and the development of social relations, cataclysms which are shattering our country and they are bringing to life the new, not previously practiced forms of criminal expressions, connecting with intentional bringing of the victim to a helpless state, either using already existing helpless state of the victim.
In addition, in legal science there is no clear and single conception as "helpless state of the victim" , which has a criminal-legal and victimologic significance; criteria for its evaluation are not defined; specific recommendations are not fully developed for the classification of crimes, committed against helpless victims, which could provide substantial assistance to law enforcement officers when investigating this category of cases; psychological characteristics of helpless victims are poorly studied; mechanisms of the influence of various sensory and psychical defects on the behavior of the victim are discovered by halves; issue of the victimization of helpless victims as a criminogenic factor, influencing the increase of degree of public danger of criminal infringements, is not fully studied, but without drawing on victimologic characteristics of violent crimes against helpless persons it is impossible to expect the some advances in the field of victimologic prevention of the criminal infringements in law enforcement activity.
Keywords: helpless victim, victimologic safety, victimization, victimogene factors, law enforcement agencies, violent crimes, victimologic prevention

Основной обязанностью правового государства в соответствии с Конституцией РФ является государственная защита прав и свобод человека и гражданина, что требует создания системы правовых гарантий обеспечения безопасности граждан от криминального насилия.

Насильственная преступность, как и прежде, занимает значительное место в ряду преступных посягательств, совершаемых на территории страны, что является отражением не только обострения криминогенной обстановки, но и острой необходимости в научных разработках, использование которых позволит снизить уровень виктимизации общества, удовлетворить потребность в рекомендациях по совершенствованию правоприменительной деятельности.

Так, по данным ГИАЦ МВД России в 2013 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 226 5944 насильственных преступлений, в 2014 г. зарегистрировано 189 084 насильственных преступлений, в 2015 г. – 175 256 преступлений, при этом тенденция снижения количества зарегистрированных насильственных преступлений далеко не адекватно отражает реальную динамику фактической преступности, которая может быть объяснена как усилением процесса сокрытия преступлений от учета и регистрации, устойчиво охватившего регионы страны и не встречавшего соответствующего противодействия, так и снижением активности правоохранительных органов по выявлению преступлений.

Эффективно бороться с преступностью возможно не только путем сокращения числа лиц, склонных к правонарушениям, но и принимая соответствующие меры к уменьшению числа возможных жертв.

По данным ГИАЦ МВД России, ежегодно совершается около 2 млн преступлений, и, соответственно, около 1,5 млн физических и юридических лиц оказываются потерпевшими (2008 г. – 2340375, 2009 г. – 2241710, 2010 г. – 2062937, 2011 г. – 1924192, 2012 г. – 1895970, 2013 г. – 1822767, 2014 г. – 1819811). Материальный ущерб, нанесенный потерпевшим в 2015 г., составил около 550 млрд рублей, что свидетельствует о сложной криминогенной обстановке, наличии в российском обществе тревожной тенденции, которая выражается в высоком уровне жестокости, незащищенности человека от насилия.

Многие потерпевшие не могут самостоятельно реализовывать свои права и осуществлять юридические обязанности по причине своей беспомощности (малолетний и пожилой возраст, инвалидность, физиологическое состояние беременной женщины, граждане, страдающие физическими и психическими недостатками, соматическими заболеваниями).

Понятие беспомощности потерпевшего давно перешагнуло рамки некоего элемента в контексте отдельных составов преступлений, приобрело глобальный характер, затрагивает не только материальное, но и процессуальное право.

Несмотря на то что защита прав и свобод потерпевших является одной из основных несущих конструкций правового государства, многие механизмы, обеспечивающие эффективную защиту прав беспомощных потерпевших, действуют неудовлетворительно, что обоснованно порождает у последних чувство безысходности и недоверия правоохранительным органам. К тому же многие положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающиеся защиты жертв преступления, носят декларативный характер и не применяются на практике [1, с. 41].

В связи с повышением уровня виктимизации лиц, находящихся в беспомощном состоянии, все более актуальными становятся проблемы уголовно-правовой охраны их прав, свобод и законных интересов, разработки конкретных рекомендаций по вик-

тимологической профилактике, направленной на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение данной категории потерпевших, снижение их вторичной виктимизации, обеспечение их виктимологической безопасности.

Виктимологическая безопасность беспомощных потерпевших от насильственных преступлений в сфере правоохранительной деятельности рассматривается автором *как процесс обеспечения со стороны правоохранительных органов защищенности беспомощных потерпевших от виктимологических угроз (оказание правовой, медицинской, социальной и психологической помощи, консультативной помощи по возмещению причиненного вреда от насильственных преступных посягательств), а также восприятие уровня такой защищенности обществом и государством.*

Имеющиеся пробелы в законодательстве и в организационном обеспечении не позволяют в полной мере включить виктимологическую профилактику в арсенал профилактической деятельности, поэтому органы внутренних дел вынуждены осуществлять профилактику преступлений в «усеченном» виде, воздействуя, как правило, на потенциального и реального преступника без максимального использования возможностей виктимологической профилактики, что, в конечном итоге, сказывается на росте преступности и напряженности криминогенной обстановки в целом [2, с. 12].

По этой причине у граждан растет чувство неуверенности в способность государства и органов внутренних дел защитить их от криминального насилия, надежно обеспечить охрану общественного порядка, вследствие чего некоторые граждане разрешают свои проблемы при помощи авторитетных криминальных структур или осуществляют самосуд над лицами, совершившими противоправные деяния.

Согласно результатам проведенного нами анкетирования 58% малолетних и их законных представителей, лиц пожилого возраста не обращались за помощью в органы внутренних дел в связи с совершенными в отношении них преступными посягательствами, что обусловлено лишней тратой времени (4,0%), неверием в реальную помощь со стороны сотрудников органов внутренних дел (3,5%), боязнью мести со стороны преступника (3,5%).

Увеличение результативности функционирования органов внутренних дел и иных субъектов виктимологического предупреждения преступлений невозможно без анализа состояния криминальной виктимизации, факторов, ее обусловливающих, а также без принятия мер по совершенствованию информационного обеспечения этой деятельности, создания и оптимального функционирования соответствующих информационных систем [3, с. 125].

Особая роль здесь может быть отведена участковым инспекторам полиции, которые ежедневно общаются с пострадавшими гражданами на обслуживаемой ими территории, они непосредственно должны оказывать не только психологическую поддержку, но и осуществлять консультации правового и профилактического характера.

Кроме того, негативные последствия для физического и психологического здоровья от преступного насилия для данной категории потерпевших требуют порой от органов внутренних дел принятия экстренных и действенных мер для их предотвращения.

Потерпевший чаще всего вынужден сам добиваться защиты своих прав, испытывая при этом дополнительные неудобства и страдания.

В этих условиях формирование государственной виктимологической политики как самостоятельного направления криминологической политики, представляющей собой целостную систему многоуровневого виктимологического предупредительного воздействия на преступность со стороны государства, его институтов и общества, является очевидным.

Под виктимологическим воздействием на преступность следует понимать систему общесоциальных и специальных мер, направленных на виктимное поведение жертв преступных посягательств, связанное с устранением, нейтрализацией или уменьшением факторов, обусловливающих или способствующих их виктимизации.

Данное направление в общей системе предупреждения преступлений включает в основном систему мер виктимологической профилактики, где «виктимологическая защита беспомощных потерпевших» должна стать перспективным направлением в общепредупредительной деятельности правоохранительных органов, что позволит в конечном итоге повысить уровень защищенности граждан от преступных деяний и вместе с тем стабилизировать весьма непростую виктимологическую ситуацию в обществе [4, с. 57].

В зарубежных государствах значимую роль в этом сложном механизме чаще всего выполняют не государственные структуры, а общественные организации, созданные с целью защиты интересов жертв преступлений, оказания им помощи и противодействия рецидивной виктимизации. Например, во Франции действует Национальный институт помощи жертвам преступлений (INAVEM); в Нидерландах – Национальная организация поддержки жертвы (NOVS); в США – Национальная организация помощи жертвам (NOVA).

Впрочем, виктимологическая профилактика, как правило, ограничивается в настоящее время только вынесением представлений и профилактическими беседами с жертвами криминального насилия.

Согласно результатам проведенного нами анкетирования сотрудников Следственного управления Московской и Кировской области, в целях предупреждения криминального насилия в отношении беспомощных потерпевших применялись следующие меры:

– профилактическая беседа с возможным преступником (78,0%);

– профилактическая беседа с возможной жертвой преступления (36,0%);

– профилактическая беседа с другими членами семьи (20,0%);

– постановка правонарушителя на профилактический учет (30,0%);

– оказание потерпевшему юридической помощи (12,0%);

– оказание потерпевшему психологической помощи (8,0%).

С целью обеспечения виктимологической безопасности беспомощных потерпевших от преступных посягательств насильственного характера, снижения уровня латентности, остановки процесса виктимизации, снижения вторичной виктимизации правоохранительным органам необходимо:

– усовершенствовать статистические данные, на основании п. 7 ст. 17 Федерального закона «О полиции» классифицировать в соответствии с количественными и качественными показателями, а также группами и видами преступлений информационные базы по беспомощным потерпевшим; при оценке количественных показателей применять коэффициент виктимности и скорость прироста (уменьшения) уровня виктимности по сравнению с аналогичным периодом;

– приказы МВД РФ дополнить положениями, относящимися к виктимологической профилактике правонарушений, определив в них цели, задачи и критерии оценки такого функционирования, а также детализировать права и обязанности сотрудников полиции по его реализации в отношении беспомощных потерпевших;

– разработать программу с пошаговым алгоритмом, регулирующую процесс взаимодействия сотрудника с данной категорией потерпевших с учетом их психологических и физиологических особенностей (структура беседы, оказание помощи консультативного характера и т.д.).

– ввести для сотрудников правоохранительных органов обязательный курс виктимологической подготовки с целью увеличения результативности проводимых ими профилактических мер виктимологической направленности.

Таким образом, комплексное использование возможностей виктимологической профилактики, ориентированной прежде всего на охрану прав, свобод и законных интересов беспомощных потерпевших от насильственных преступлений, в совокупности с иными мерами предупредительного воздействия будет содействовать уменьшению уровня преступности и стабилизации криминогенной обстановки в целом.

Обозначенные проблемы актуализируют необходимость поиска путей, направленных на повышение эффективности профилактической деятельности органов внутренних дел, одним из которых и является совершенствование теоретических, правовых и организационных основ виктимологической профилактики преступлений, разработка соответствующего направления в деятельности органов внутренних дел.

Виктимологическую профилактику в юриспруденции рассматривают как специфическую деятельность социальных институтов, направленную на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обусловливающих совершение преступлений; выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности с целью восстановления или активизации их защитных свойств; а также разработку либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан и конкретных лиц от преступлений [5, с. 155].

Исходя из приведенного определения, можно выделить следующие направления виктимологической профилактики насильственных преступлений, совершаемых в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии: выявление виктимогенных факторов, обеспечение безопасности беспомощных потерпевших, их правовой и социальной защиты для сведения к минимуму возможности повторной виктимизации, совершенствование правовой базы (законодательство, ведомственные приказы МВД РФ) в целях повышения эффективности защиты сотрудниками правоохранительных органов данных потерпевших.

Список литературы

1. *Салева Н.Н.* Проблема учета беспомощного состояния потерпевшего при квалификации сопряженного убийства, предусмотренного п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ // Уголовное право. – 2006. – № 9.
2. *Задорожный В.И.* Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики: монография. – Тамбов: Першина, 2005.
3. *Полубинский В.И.* Фундаментальные и прикладные начала криминальной виктимологии: монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2010.

4. *Полубинский В.И., Ситковский А.Л.* Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2006.
5. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. – СПб., 2002.

Reference list

1. *Saleva N.* The issue of consideration of the helpless state of the victim in the classification of aggravated murder, provided by the item of part 2 Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation // Criminal law. 2006. № 9.
2. *Zadorozhniy V.* The victimologic safety and its providing by the measures of victimologic prevention: Monograph. Tambov: Pershina, 2005.
3. *Polubinskiy V.* Fundamental and applied principles of criminal victimology: Monograph. M.: All-Russian Research Institute of the Russian Federation Ministry of Interior, 2010.
4. *Polubinskiy V., Sitkovskiy A.* Theoretical and applied principles of criminal victimology: Monograph. M.: All-Russian Research Institute of the Russian Federation Ministry of Interior, 2010.
5. *Rivman D.* Criminal victimology. SBR., 2002.

УДК 34.01

Бочкарев С.В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КОНЦЕПЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА Л.-А. ПРЕВО-ПАРАДОЛЯ

В статье предпринята попытка изложить основные положения концепции парламентаризма, обоснованные Л.-А. Прево-Парадолем в его работе «Новая Франция». Л.-А. Прево-Парадоль в понятие парламентаризма включает два основных элемента. Во-первых, это политическая ответственность правительства перед той палатой, которая избирается всеобщими прямыми выборами. Второй элемент парламентаризма – это право правительства распустить парламент. Таким образом, Л.-А. Прево-Парадолю удалось раскрыть сущность парламентаризма как системы организации и функционирования верховной государственной власти. Многие идеи Л.-А. Прево-Парадоля позднее нашли свое отражение в Конституционных законах 1875 г. Они были реализованы в создании двухпалатного парламента, избрании Палаты депутатов на основании всеобщего прямого голосования, предусматривалась коллегиальная ответственность министров перед парламентом.
Ключевые слова: парламентаризм, конституция, глава государства, правительство, ответственность

Bochkarev S.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia

LUCIEN-ANATOLE PREVOST-PARADOL'S CONCEPTUAL IDEA OF PARLIAMENTARISM

In the article there was an attempt to expound the fundamental principles of the conceptual idea of parliamentarism which had been established by Lucien-Anatole Prevost-Paradol in his work "The New France". Prevost-Paradol had included two essential elements in the conception of parliamentarism. Firstly, it is the political responsibility of the Government before the Chamber which had been electing by the general direct elections. The second element of parliamentarism is the Government's right to dissolve Parliament. Such way, Lucien-Anatole Prevost-Paradol had managed to uncover the essence of parliamentarism as a system of organization and functioning of Supreme State Power. Many of Prevost - Paradol's ideas later reflected in Constitutional Laws of 1875. They were implemented in the creation of Bicameral Parliament, in the election of the Chamber of Deputies on the grounds of the general direct election; collegial responsibility of Ministers to Parliament had been providing.
Keywords: parliamentarism, Constitution, head of state, government, responsibility

Видное место среди французских интеллектуалов второй половины XIX в. занимает Люсьен-Анатоль Прево-Парадоль (1829–1870). Творчество Л.-А. Прево-Парадоля было посвящено различным государственно-правовым проблемам Франции. Основной и наиболее известной работой стала книга «Новая Франция», впервые опубликованная в 1868 г. и сделавшая ее автора «ведущим политическим писателем» [9, с. 395].

Центральное место в творчестве Л.-А. Прево-Парадоля занимает обоснование идейно-теоретической концепции парламентаризма. Как писал К.Н. Соколов, «Новая Франция» посвящена пропаганде парламентаризма [5, с. 104].

Изложение своей концепции парламентаризма Л.-А. Прево-Парадоль начинает с парламента с бикамеральной структурой. Там палаты различались по численному составу, порядку формирования, статусу и компетенции.

Нижняя палата должна была избираться путем всенародного голосования, поскольку только оно позволит сделать «людям свободный выбор своих представителей» [12, с. 86]. Количественно палата «должна быть достаточно большой, чтобы отвечать требованиям и эффективно представлять интересы и мнения своей страны» [12, с. 85]. Л.-А. Прево-Парадоль считал, что должно избираться 600 депутатов. Стоит отметить, что действовавшая на момент написания «Новой Франции» Конституция 1852 г. не устанавливала точного количественного состава Законодательного корпуса. Согласно ст. 35 Конституции один депутат

избирался от 35 000 избирателей. По итогам парламентских выборов 1852 г. в Законодательный корпус входил 261 депутат, в 1857 г. – 267, в 1863 г. – 283. Количество депутатов в Законодательном корпусе зависело от числа избирательных округов [11, с. 272].

Верхняя палата необходима, поскольку «может предложить твердую точку опоры общественному мнению и правительству, в случае если другая палата станет легкомысленно злоупотреблять своей властью» [12, с. 106]. Ее состав мог быть сформирован тремя способами. Во-первых, по наследственному принципу для определенного круга привилегированных семей. Во-вторых, в силу назначения главой государства, но с некоторыми ограничениями, которые определяются законом. В-третьих, на выборной основе. Л.-А. Прево-Парадоль отвергает два первых способа, поскольку один противоречит концепции демократического правительства, а второй не обеспечит палату необходимыми полномочиями. Остается третий способ, в котором Л.-А. Прево-Парадоль совмещает систему косвенных выборов и занятие места по должности. Он обращается к необходимости образования во Франции региональных советов, которые должны образовывать региональные ассамблеи, «компетентные для составления верхней палаты» [12, с. 108]. Таким образом, путем косвенных выборов избираются около 250 членов. По должности в состав верхней палаты должны входить председатель Кассационного суда и Счетной палаты, маршалы и адмиралы Франции, а также по 2 представителя от каждой из 5 академий Института Франции. Срок полномочий – 10 лет. Л.-А. Прево-Парадоль особо подчеркивает, что состав верхней палаты должен определяться соответствующим законом, по которому «ни один член не мог бы к ней присоединиться по решению исполнительной власти» [12, с. 110]. Стоит отметить, что в дальнейшем соответствующие законы были приняты в первые годы существования Третьей республики, где были реализованы некоторые концептуальные идеи Л.-А. Прево-Парадоля. В частности, согласно Конституционному закону «Об организации Сената» от 24 февраля 1875 г. и органическому закону «О выборах в Сенат» от 2 августа 1875 г. Сенат состоял из 300 человек, из них 75 сенаторов назначались пожизненно, 225 избирались сроком на 9 лет с обновлением 1/3 состава через каждые три года. Причем выборы новых пожизненных сенаторов были отменены в 1884 г. Сенаторов от каждого департамента избирали специальные коллегии, которые формировались из депутатов департамента; его генеральных советников; окружных советников; делегатов от каждой коммуны, избранных муниципальным советом из лиц, пользующихся обычным правом избирателей (ст. 4 закона от 24 февраля 1875 г.). Причем независимо от численности населения избирался один делегат от коммуны [6].

Статус палат был неравным. Для Л.-А. Прево-Парадоля вторая или нижняя палата должна занимать центральное место в структуре высших органов власти во Франции с преобладающим влиянием на ход государственных дел. Такое положение, конечно, имело недостатки, но «человеческие учреждения могут выбирать только между неодинаковыми опасностями и этим преобладанием» [12, с. 92].

Свой тезис Л.-А. Прево-Парадоль формулирует от обратного: если последнее слово остается за исполнительной властью, то парламент становится консультативным органом. Напротив, когда «последнее слово остается за народным собранием, то это тот же народ,… и он всегда может изменить свое решение, через всеобщие выборы». Посредством периодических выборов (их необходимо проводить один раз в пять лет) народ выражает отношение к своим представителям. Следовательно, народ может оказывать влияние на деятельность правительства через выборы своих представителей.

Неравенство в статусе палат проявлялось в их полномочиях. Л.-А. Прево-Парадоль как сторонник парламентаризма считал необходимым создание во Франции ответственного правительства: «…однородное, ответственное и сменяемое министерство является наиболее важным инструментом парламентского правления и гарантией политической свободы» [12, с. 101]. Правительство должно формироваться на парламентской основе, что типично для стран с парламентарной формой правления. Нижняя палата наделялась полномочием по назначению председателя правительства, который самостоятельно формирует состав кабинета.

Следующие два полномочия – принятие бюджета и законов. Следует отметить, что по действующей на момент написания «Новой Франции» Конституции 1852 г. единственным полномочием Законодательного корпуса было обсуждение и принятие законопроектов, в том числе налоговых (ст. 39). Однако Л.-А. Прево-Парадоль отмечал: «Это право в настоящее время окружают ограничения» [12, с. 95]. Действительно, для принятия законопроекта Законодательным корпусом необходимо было получить его одобрение в Государственном совете, а глава государства обладал правом абсолютного вето. Поэтому Л.-А. Прево-Парадоль предлагал обратиться к конституционной истории Франции, когда «контроль народного собрания за доходами и расходами государства осуществлялся с большей свободой и властью,… тогда и кошелек нации будет в руках нации» [12, с. 95].

Верхняя палата должна иметь право законодательной инициативы, интерпелляций, а также «законодательную власть совместно с другой палатой» [12, с. 112]. Для принятия законов необходимо согласие обеих палат. В случае разногласий по законопроекту

Л.-А. Прево-Парадоль предлагал их разрешать методом согласительных комиссий. Особо было подчеркнуто, что верхняя палата «не будет наделена особыми правами, которые мы утверждали за другой палатой» [12, с. 112].

Действительно, особое внимание Л.-А. Прево-Парадоль уделил взаимоотношениям законодательной власти в лице нижней палаты и исполнительной (правительства). Он предусматривал политическую ответственность правительства и отмечал, что «серьезные разногласия между министром и большинством (в нижней палате – С.Б.) должны привести к немедленному краху правительства» [12, с. 99]. Аргументами в пользу своей позиции автор «Новой Франции» называл своевременные действия парламента по контролю за внутренней и внешней политикой правительства, которое должно находиться «в руках тех, кто за ним надзирает» [12, с. 100]. Л.-А. Прево-Парадоль еще раз отмечает, что «ответственность министров является движущей силой парламентского правления» [12, с. 126]. Правительство должно нести коллективную ответственность: «*Отсутствие доверия* (курсив Л.-А. П.-П.) равносильно для кабинета официальному уведомлению об отставке» [12, с. 102]. Для практической реализации механизма ответственности автор «Новой Франции» предлагал принять специальный закон, который должен строго ограничивать ответственность правительства за общую политику.

Л.-А. Прево-Парадоль предусматривал еще один элемент, характерный для парламентаризма: право правительства распустить парламент. Автор «Новой Франции» отмечал, что «главная ловушка парламентского правления… тирания законодательного большинства, которое, в ходе работы, перестает быть парламентом и перестает представлять мнение большинства граждан» [12, с. 147]. В таком случае исполнительная власть «в случае несогласия с Народным Собранием, должна иметь право консультироваться с нацией через всеобщие выборы, проведенные за пределами времени, установленного законом, при условии, однако, что это второе решение народа является окончательным» [12, с. 93–94]. Таким образом, право роспуска ограничено однократностью. Л.-А. Прево-Парадоль называет его министерским, т.е. «высказанный кабинетом, который потерял большинство или не имеющий достаточного большинства (в нижней палате) и желающий упрочить свое положение» [12, с. 148]. При этом не оговаривалась возможность роспуска верхней палаты.

Л.-А. Прево-Парадоль анализирует и второй вид роспуска, который называет королевским, «выраженный единоличной властью монарха, без согласия кабинета, для того, чтобы заставить нацию посредством новых выборов упрочить или низвергнуть парламентское большинство и кабинет, если есть подозрение, что они не представляют господствующее (в обществе) мнение» [12, с. 149]. Таким образом, при монархической форме правления глава государства должен иметь полномочия по роспуску как парламента, так и правительства. Такая ситуация может сложиться, когда «общественное мнение страны – с одной стороны, а парламент – с другой, и они находятся друг напротив друга, как две враждебные стороны, в таком случае революция витает в воздухе и политический строй находится под угрозой гибели» [12, с. 142].

Однако Л.-А. Прево-Парадоль высказывал сомнения, стоит ли наделять аналогичными прерогативами президента республики. Аргументировал он свою позицию тем, что избранный президент представляет какую-то партию и «является в ее руках инструментом, а не руководителем» [12, с. 144], и поэтому не следует слишком полагаться на его идею долга, поскольку президент и парламентское большинство может принадлежать к различным политическим силам.

Исходя из этого тезиса, автор «Новой Франции» отдавал предпочтение конституционной монархии, при которой у короля будет единственная прерогатива – право роспуска; монарх, как в Англии, «будет первым джентльменом в королевстве» [12, с. 150].

Однако для Л.-А. Прево-Парадоля вопрос об установлении определенной формы правления не являлся принципиальным, главным было то, что «народ управляет сам под названием республика или монархия с помощью свободно избранного собрания и ответственного министерства» [12, с. 153]. Таким образом, Л.-А. Прево-Парадоль постулирует парламентаризм как один из типов представительного правления.

Концепция парламентаризма Л.-А. Прево-Парадоля вызвала целый ряд критических замечаний. В частности, А. де Сен-Жирон, говоря о взаимодействии исполнительной и законодательной власти, изложенном в «Новой Франции», отмечал: «Министры больше не будут связующим звеном между общественными властями…: они станут инструментами парламентского всемогущества… Реальная роль Короля или Президента, в соответствии с парламентской системой, чтобы всегда сохранять в правительстве национальный характер. Если глава государства обычно назначает министров из парламентского большинства, то это дает наиболее точное представление о стране. Это не всегда верно, могут произойти такие события, которые изменяют идеи и чувства избирателей с тем, чтобы оставить Правительство в меньшинстве в стране… Поэтому ему иногда приходится выбирать министров не из парламентского большинства, если он хочет иметь поддержку в стране» [8, с. 439–440].

А.А. Алексеев посчитал, что приведенный тезис Л.-А. Прево-Парадоля приведет к поглощению законодательной властью исполнительной, что несо-

вместимо с принципами парламентаризма, поскольку «при таком порядке была бы порвана всякая связь, соединяющая его (главу государства – С.Б.) в настоящее время с кабинетом или советом министров» [1, с. 15]. По его мнению, при парламентском режиме главой государства становится безответственное лицо, которое, «сохраняя за собой в теории все прерогативы власти, в действительности осуществление их передает кабинету или совету министров, составленному из представителей партии, располагающей большинством в парламенте» [1, с. 12].

На наш взгляд, идея, высказанная Л.-А. Прево-Парадолем, не противоречила принципу парламентаризма. Он развивал мысль Б. Констана, который считал, что власть главы государства должна быть нейтральной. «Конституционная монархия, – писал Б. Констан, – создает такую нейтральную власть в лице главы государства. Подлинный интерес главы государства заключается вовсе не в низвержении одной власти другой, но в их взаимопонимании, взаимной поддержке и согласных действиях» [3, с. 38]. Для Л.-А. Прево-Парадоля глава государства не только должен соблюдать «нейтралитет», но и «оставаться арбитром сторон и не принадлежать ни к кому. Он должен быть авторитетом как для любого министерства, так и для любого человека и, если бы это было возможно, для любого мнения» [12, с. 146]. Таким образом, Л.-А. Прево-Парадоль сформулировал суть доктрины арбитража, при которой глава государства «должен возвышаться над всеми политическими силами и гарантировать нормальное функционирование государственных органов» [2, с. 58–59].

Доктрина арбитража, которая определяет место и роль главы государства, проистекает из концепции рационализированного парламентаризма, само понятие и основные постулаты которого первым обосновал Б. Миркин-Гецевич [10] и которая была практически реализована в период Четвертой республики.

В середине XX в. идеи Б. Констана и Л.-А. Прево-Парадоля получили в новых исторических политических условиях теоретическое обоснование в речи Ш. де Голля 16 июня 1946 г. в Байе. В частности, он отметил, что при возможной политической несогласованности ветвей власти над ними «верховенствовал национальный арбитр (глава государства – С.Б.), способный обеспечить дух преемственности в условиях существования разношерстных по партийному составу правительств» [7, с. 5]. Высказанные Ш. де Голлем идеи стали концептуальной основой проекта Конституции Пятой республики, о чем, например, свидетельствует ст. 5 Конституции Франции 1958 г., которая закрепляет, что президент республики «обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование органов публичной власти, а также преемственность государства» [4].

Таким образом, концепция парламентаризма Л.-А. Прево-Парадоля включала в себя два основных элемента: политическая ответственность правительства перед нижней палатой парламента и право правительства распустить парламент. Эти положения нашли затем свое воплощение в Конституции Третьей республики. Идейно-теоретические разработки Л.-А. Прево-Парадоля оказали также влияние на конституционное развитие Франции второй половины XX в.

Список литературы

1. *Алексеев А.А.* К учению о парламентаризме. СПб.: Сенатская типографія, 1908. – 94 с.
2. *Демишель А., Демишель Ф., Пикемаль М.* Институты и власть во Франции. М.: Прогресс, 1977. – 232 с.
3. К*онстан Б.* Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм. М.: РОССПЭН., 2000. – 592 с.
4. Полный текст Конституции 1958 года с изменениями, внесенными 23 июля 2008 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http.: // www.conseil-constitutionnel.fr/conseilconstitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe.pdf (дата обращения: 14.01.2016).
5. *Соколов К.Н.* Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб.: Печатный труд, 1912. – 452 с.
6. Constitution de 1875, IIIe République. URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1875-iiie-republique.5108.html (дата обращения: 19.01.2016).
7. *De Gaulle Ch*. Discours et messages. Dans l'attente, 1946–1958. Paris: Livre de Poche, 1970. – 800 p.
8. *De Saint-Girons A.* Manuel de Droit constitutionnel. 2-e éd. Paris: Larose et Forcel, 1885. – 706 p.
9. *Giquel J.-É.* Les idées constitutionnelles de Prévost-Paradol // La Revue administrative. – 2000. – № 316.
10. *Mirkine-Guetzevitch B.* Les Nouvelles tendances du droit constitutionnel. Paris: Giard, 1931. – 218 p.
11. *Morabito M.* Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours. 12-e éd. Paris: Montchrestien, 2012. – 563 p.
12. *Prévost-Paradol L.-A.* La France nouvelle. Paris: Michel Lévy frères, 1868. – 423 p.

Reference list

1. *Alekseev A.* In the doctrine of parliamentarism. SBR.: Senatskaya tipografiya, 1908. 94 p.

2. *Desmichelle A., Desmichelle F., Piquemal M.* Institutions and Power in France. M.: Progress, 1977. 232 p.
3. *Constant B.* The Principles of Politics Applicable to All Board // Classical French Liberalism. M.: ROSSPEN., 2000. 592 p.
4. The full text of the Constitution of 1958 was amended on 23rd of July 2008. Access mode: http.: // www.conseil-constitutionnel.fr/conseilconstitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe.pdf (Date of access 14.01.2016).
5. S*okolov K.* The parliamentarism. The experience of legal theory of parliamentary system. SBR.: Printed work, 1912. 452 p.
6. Constitution de 1875, IIIe République. URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1875-iiie-republique.5108.html (дата обращения: 19.01.2016).
7. *De Gaulle Ch.* Discours et messages. Dans l'attente, 1946–1958. Paris: Livre de Poche, 1970. – 800 p.
8. *De Saint-Girons A.* Manuel de Droit constitutionnel. 2-e éd. Paris: Larose et Forcel, 1885. – 706 p.
9. *Giquel J.-É.* Les idées constitutionnelles de Prévost-Paradol // La Revue administrative. – 2000. – № 316.
10. *Mirkine-Guetzevitch B.* Les Nouvelles tendances du droit constitutionnel. Paris: Giard, 1931. – 218 p.
11. *Morabito M.* Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours. 12-e éd. Paris: Montchrestien, 2012. – 563 p.
12. *Prévost-Paradol L.-A.* La France nouvelle. Paris: Michel Lévy frères, 1868. – 423 p.

УДК 343.1

Сопнева Е.В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ЛИЦА

В статье рассматриваются основания создания процессуальной фигуры подозреваемого лица. Вопрос об основаниях применения законных способов легализации статуса подозреваемого давно является предметом научного анализа и научных споров. Автор приходит к выводу, что появление подозреваемого лица в уголовном деле связано объективными основаниями подозревать лицо в причастности к преступлению. Объективные основания – это совокупность достаточных данных, позволяющих предположить, что конкретное лицо совершило, готовило преступление или иным образом к нему причастно. Достаточность – это количественный показатель подозрения. Данные – это качественный показатель подозрения. Данные, положенные в основу подозрения лица в причастности к преступлению, должны отвечать следующим требованиям: относимость, допустимость.
Ключевые слова: подозреваемый, подозрение, доказательства, сведения

Sopneva E.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Law, Stavropol' Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia

OBJECTIVE GROUNDS OF THE APPEARANCE OF A SUSPECT

The article deals the grounds of the creation a party for a proceeding of a suspect. Issue about the grounds for the application of legitimate ways to legalize the status of a suspect has been a subject of scientific analysis and scientific disputes. The article author concludes that in a criminal case the appearance of a suspect due to objective grounds to suspect a person's implication in a crime. Objective grounds – this is a complex of sufficient facts, suggesting that a particular person is committed, prepared a crime or otherwise it is directly an accessorial in it. Sufficiency is a quantitative index of apprehension. Facts are a qualitative index of apprehension. Facts, which are taking as a basis of the apprehension of a person's implication in a crime, must meet the following requirements: relevancy, admissibility.
Keywords: suspect, apprehension, evidences, information

Появление процессуальной фигуры подозреваемого лица связано с установлением необходимых и достаточных данных.

Законодатель ставит знак равенства между основаниями применения способов создания процессуальной фигуры подозреваемого (возбуждение уголовного дела в отношении лица, задержание по подозрению в совершении преступления, применение меры пресечения, уведомление о подозрении) и основаниями его появления в уголовном деле [12]. Вопрос об основаниях применения законных способов легализации статуса подозреваемого является предметом научного анализа. С. Денисов полагает, что законность задержанию придадут именно доказательства совершения преступления [5, с. 13]. Рассматривая основания для заключения под стражу подозреваемого, ученые указывают, что для этого вполне достаточно оснований подозревать лицо в совершении преступления, а также того, что на виновность лица указывают серьезные данные [3, с. 37–38]. По мнению Ю. Манаева, В. Посника, В. Смирнова, основаниями для заключения под стражу могут быть доказанные обстоятельства, позволяющие применить меру пресечения [8, с. 57]. Л. Даньшина приходит к выводу, что для применения мер пресечения необходимы данные, достаточные основания [4, с. 7–8]. По мнению С. Щерба, О. Цоколовой, основаниями для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу является предположение о возможном поведении лица, которое должно основываться на фактических данных, имеющихся в уголовном деле, достаточных для принятия решения. При этом следователь в большинстве случаев основывает свое решение на сведениях, лишь косвенным образом указывающих на намерения лица. Причем фактические данные могут быть получены не процессуальным путем [17, с. 6–7, 9, 15].

Таким образом, наблюдается многообразие взглядов на вопрос об основаниях применения спо-

собов легализации статуса подозреваемого. Важно отметить, что, по мнению ученых, основаниями их применения как способов создания процессуальной фигуры подозреваемого могут быть как доказательства, так и фактические данные.

Применительно к вопросу о том, что же должно быть основанием создания подозреваемого, ученые высказываются следующим образом. По мнению Э. Боровского, подозреваемым является лицо, на которое собранные доказательства указывают как на лицо, возможно, совершившее преступление [2, с. 34]. По мнению Л. Карнеевой, в деле должны быть данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления [6, с. 8–9], но недостаточные для предъявления обвинения [7, с. 19–21]. Утверждать о причастности лица к совершению преступления можно не на основании того, что в отношении этого лица возбуждено дело, не на основании того, что оно задержано, а только на основании доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления. Что касается какой-либо информации непроцессуального характера, не имеющей статуса доказательств, то такая информация также не может служить основанием для решения о наделении лица процессуальным статусом подозреваемого, для решения о привлечении лица в качестве подозреваемого. Подозреваемым лицо признается только в случаях, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, на основании имеющегося у стороны обвинения обоснованного подозрения, сформированного на доказательствах, которых недостаточно для того, чтобы признать лицо обвиняемым. Исключение может быть только для лиц, признаваемых подозреваемыми с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Подозрение – это сведения, которые формируют внутреннее убеждение следователя (дознавателя), прокурора о вероятности совершения преступления определенным лицом. Это могут быть как доказательства причастности лица к совершенному преступлению, так и непроцессуальная информация о преступной деятельности этого лица. Подозрение не требует обязательного процессуального оформления [15].

Появление подозреваемого в уголовном деле мы связываем с объективными основаниями подозревать лицо в причастности к преступлению. Полагаем, что для формулирования подозрения достаточно будет наличия одного из признаков преступления, в первую очередь противоправности, виновности. Установлению подлежат событие преступления и лицо, к нему причастное. Применительно к событию преступления необходимо выяснить следующие обстоятельства: время, место, способ совершения преступления, ибо провозглашается официальное подозрение, оно разъясняется лицу и предоставляется возможность давать по этому поводу объяснения, показания. Сформулировать подозрение возможно также при выяснении данных, указывающих на наличие конкретного лица, причастного именно к этому преступлению, в отношении которого и формулируется подозрение. На конкретное лицо указывает информация о его фамилии, имени, отчестве, дате рождения. Учитывая, что в ряде случаев в уголовном деле реализуется подозрение в отношении особых участников уголовного процесса, неотъемлемой характеристикой конкретного лица должна стать информация, подтверждающая соответствующие свойства. Например, это возраст лица, в отношении которого планируется провозгласить подозрение, принадлежность лица к той группе, в отношении которой применяются особые правила легализации подозрения (глава 52 УПК РФ).

Установив указанные обстоятельства, необходимо квалифицировать действия лица, чтобы указать на наличие именно преступления. Справедливо отмечает М. Селезнев, что фигура подозреваемого никогда не сможет обладать достаточно определенным статусом уже из-за недостаточной ясности не только квалификации, но и обстоятельств преступления, в совершении которого имеется подозрение [11, с. 41].

И. Овсянников пишет: «Достаточной в данном случае следует считать такую совокупность доказательств, которая позволяет с некоторой степенью вероятности установить: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), кроме, например, отдельных обстоятельств совершения преступления (например, может быть пока не установлено время или место совершения преступления); причастность лица к совершению преступления; виновность лица в совершении расследуемого деяния (кроме, например, конкретной формы вины и мотивов) [9, с. 44].

На наш взгляд, нет необходимости класть в основу подозрения только доказательства. Допустимо использовать данные, отвечающие определенным требованиям. В целом, требование – это просьба о том, что должно быть выполнено; правило, условие, обязательное для соблюдения.

Факторы, лежащие в основе расширительного подхода к основаниям подозрения, сводятся к следующему.

Во-первых, назначение подозрения в уголовном процессе в том, чтобы, быстро отреагировав на признаки преступления, инициировать в уголовном деле подозреваемого для обеспечения соблюдения его прав и законных интересов определения причастности или непричастности лица к преступлению. Тогда можно надеяться на большую вероятность того, что преступление будет раскрыто быстро, следы преступления не будут утеряны, очевидцы преступления сохранят значимую информацию, лицо, совершившее

преступление, не успеет создать препятствий для расследования преступного деяния. Обвинение же имеет иную правовую природу, в связи с чем в его основе должны лежать доказательства, ибо если подозрение – это предположение, то обвинение – это утверждение.

Во-вторых, доказательства должны быть получены только из источников, предусмотренных в УПК РФ (ч. 2 ст. 74). В уголовном же деле могут появиться иные источники информации (сообщение, анонимное заявление, объяснение, звонок в дежурную часть, явка с повинной), их содержание может иметь непосредственное отношение к подозрению.

Справедливо отмечают Г. Химичева, Л. Ульянова [16, с. 36], что в результате совершения преступления появляется множество носителей информации, к которым относятся: материальные следы, лица, оказавшиеся непосредственными наблюдателями либо знающие об обстоятельствах преступления от других. Носители информации и источники доказательств –соотносимые, но не тождественные понятия. Носителем информации может быть любой материальный объект или субъект. Источником же доказательств – только тот носитель информации, который получил статус процессуального источника.

Использование в уголовном деле только информации, полученной из источников доказательств, ограничивает возможности субъектов уголовного процесса, придает уголовному процессу неполный характер, в связи с чем считаем разумным расширить применительно к институту подозрения границы информации, позволительной для использования в уголовном процессе. В противном случае мы каждый раз будем сталкиваться с реализацией правила о признании доказательств недопустимыми, если они получены с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст. 75 УПК РФ).

В-третьих, доказательства должны отвечать требованиям допустимости, относимости, достаточности, достоверности. Требования, предъявляемые к доказательствам, сформулированы исходя из положений ст. 75, 86, 87, 88 УПК РФ, регламентирующих процесс доказывания.

В среде ученых высказаны следующие позиции. Например, В. Балакшин рассматривает свойства доказательств – относимость, допустимость, достоверность [1, с. 45].

В соответствии с ч. 3 ст. 7 УПК РФ («Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств») именно доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Мы полагаем, что недопустим автоматический перенос требований, предъявляемых к доказательствам, на данные, необходимые для формирования подозрения. Фактические данные, лежащие в основе подозрения, должны быть достаточными, относимыми, допустимыми на момент формулирования подозрения. На наш взгляд, при формировании подозрения в уголовном деле необходимо выдержать два критерия – количественный и качественный. Имеется в виду, что данные, лежащие в основе подозрения, должны быть допустимыми (качественный) и достаточными (количественный). Незаконные же данные не могут быть использованы в уголовном процессе ни при каких обстоятельствах.

На наш взгляд, данные, положенные в основу подозрения лица в причастности к преступлению, должны отвечать следующим требованиям: относимость, допустимость. Относимость означает связь с данными, подлежащими установлению при формулировании подозрения и создании статуса подозреваемого, возможность прямо или косвенно установить одно или несколько обстоятельств, имеющих значение для формулирования подозрения.

В-четвертых, исходя из анализа уголовно-процессуального закона, доказательства необходимы для принятия не всех процессуальных решений. Например, для привлечения лица в качестве обвиняемого необходимы достаточные доказательства (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), для возбуждения уголовного дела – достаточные данные (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), для производства обыска – достаточные данные (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), для составления обвинительного заключения – достаточные доказательства (ч. 1 ст. 215 УПК РФ). Учитывая альтернативность подхода к вопросу об основаниях принятия того или иного решения, заложенного в законе, а также первоначальность подозрения и временной промежуток его существования в уголовном деле, полагаем, что в основе подозрения могут лежать данные разного процессуального достоинства.

Таким образом, появление подозреваемого лица в уголовном деле связано объективными основаниями подозревать лицо в причастности к преступлению. Объективные основания – это совокупность достаточных данных, позволяющих предположить, что конкретное лицо совершило, готовило преступление или иным образом к нему причастно. Достаточность – это количественный показатель подозрения. Данные – это качественный показатель подозрения. Допустимость – это уголовно-процессуальное требование, согласно которому данные должны быть получены при соблюдении требований, изложенных в законе (надлежащий субъект, законные основания и правила оформления).

Список литературы

1. *Балакшин В.* Понятие доказательств в уголовном процессе // Законность. –2005. – № 2.
2. *Боровский Э.* Понятие подозреваемого в советском уголовном процессе // Вестник МГУ. Серия «Право». – 1963. – № 1.
3. *Галкин И., Кочетков В*. Процессуальное положение подозреваемого. – М., 1968.
4. *Даньшина Л.* Меры пресечения при производстве по уголовному делу: учеб. пособие. – М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1991.
5. *Денисов С.А.* Заведомо незаконный арест или задержание (уголовно-правовые вопросы): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1992.
6. *Карнеева Л.М.* К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 12. – М., 1959.
7. *Карнеева Л.М.* Процессуальное положение подозреваемого // Социалистическая законность. – 1954. – № 12.
8. *Манаев Ю.В., Посник В.С., Смирнов* В.В. Применение мер пресечения следователем: учеб. пособие. – М., 1976.
9. *Овсянников И.* Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемого // Юридический мир. – 2005. – № 10.
10. *Очередин В.Т.* Доказывание в уголовном процессе: учеб. пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2005.
11. *Селезнев М.* Арест – по решению суда // Российская юстиция. – 1995. – № 2.
12. *Сопнева Е.В.* Теоретическая модель процессуального статуса подозреваемого в уголовном процессе: монография. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2010. – 101 с.
13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И.Л. Петрухин. – М., 2006.
14. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. – М., 2005.
15. *Чупилкин Ю.Б.* Понятие подозреваемого, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством, не подлежит расширительному толкованию // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 2.
16. *Химичева Г.П., Ульянова Л.Т.* Конституция РФ и вопросы уголовного процесса: учеб. пособие. – М.: ЮИ МВД РФ, 1995.
17. *Щерба С., Цоколова О.* Заключение и содержание под стражей на предварительном следствии: пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 1996.

Reference list

1. *Balakshin V.* The conception of evidences in criminal process // Course of law. 2005. № 2.
2. *Borovskiy E.* The conception of a suspect in Soviet criminal process // Bulletin of Moscow State University. Series "Law". 1963. № 1.
3. *Galkin I., Kochetkov V.* Procedural status of a suspect. M., 1968.
4. *Dan'shina L.* The interim measures during the criminal case: Textbook. M.: Training Center in Central Personnel Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1991.
5. *Denisov S.* Deliberately illegal arrest or detention (Criminal-legal issues): Synopsis of a thesis of PhD in Law. M., 1992.
6. *Karneeva L.* Revisiting a suspect in Soviet criminal process // The Soviet forensic science in the service of the investigation. Vol. 12. M., 1959.
7. *Karneeva L.* Procedural status of a suspect // Socialist legality. 1954. № 12.
8. *Manaev Yu., Posnik V., Smirnov V.* The application of preventive punishment by the investigator: Textbook. M., 1976.
9. *Ovsyannikov I.* The criminal -procedural guarantees of the rights of a suspect // Yuridicheskiy Mir. 2005. № 10.
10. *Ocheredin V.* Proving in criminal process: Textbook. Volgograd: Bulletin of Academy of the Ministry of Interiors of Russia, 2005.
11. *Seleznev M.* Arrest through a court proceeding // Russian Justice. 1995. № 2.
12. *Sopneva E.* A theoretical model of procedural status of a suspect in criminal process: Monograph. Stavropol': Stavropol' Branch of Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia, 2010. – 101 p.
13. Criminal-procedural law of the Russian Federation: Textbook / Executive editor I. Petrukhin. M, 2006.
14. Criminal process: Textbook / Under the editorship of V. Bozh'ev. M., 2005.
15. *Chupilkin Yu.* The conception of a suspect under the criminal-procedural legislation, it does not subject to broad interpretation // Criminal proceedings. 2009. № 2.
16. *Khimicheva G., Ul'yanova L.* The Constitution of the Russian Federation and issues of criminal process: Textbook. M.: Law Institute of the Ministry of Interiors of Russia, 1995.
17. *Shcherba S., Tsokolova O.* Imprisonment and holding in custody during the preliminary investigation: Textbook. M: Institute of the Ministry of Interiors of Russia, 1996.

УДК 340

Крупеня Е.М.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Московского городского педагогического университета

ПРАВОСОЗНАНИЕ В ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

В статье анализируется значение правосознания для правовой теории и современной юридической практики. Обращаясь к понятию «правосознание», автор показывает современное состояние научного дискурса. Отдельное внимание уделено рациональному освоению различных сторон правовой реальности, в которую интегрировано правосознание (на примере анализа проблематики XV Международной конференции «Спиридоновские чтения»). Статья включает авторскую позицию относительно научной перспективы неклассической методологии со свойственными ей принципами персоноцентризма и широкой междисциплинарности в анализе правосознания субъекта публичного статуса.

Ключевые слова: правосознание, правовая реальность, государство, право, публичное право, субъект права, правовой статус, правомерное поведение, правопонимание, методология познания права

Krupenya E.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law of Law Institute of the Moscow City Pedagogical University

THE LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE LEGAL REALITY OF CONTEMPORARY SOCIAL STRATUM

The article analyses the effect of legal consciousness to legal theory and contemporary legal practice. Turning to the conception of "legal consciousness", the article author exposes the contemporary state of scientific discourse. Special attention is paid to the rational development of different sides of legal reality, which is integrated with legal consciousness (through the example of analysis of the problematic of the XV International conference "Spiridonovskie chteniya"). This article covers the author's attitude, regarding the scientific perspective of non-classical methodology with its principles of personcentrism and extensive interdisciplinary in the analysis of legal consciousness of a subject of public capacity.

Keywords: legal consciousness, legal reality, state, law, public law, legal subject, legal status, good behavior, understanding of law, methodology of law knowledge

Право только тогда осуществит свое назначение, когда правосознание примет его, наполнится его содержанием и позволит новому знанию влиять на жизнь души, определять ее решения и направлять поведение человека. Тогда право станет силой во внутренней жизни человека, а через это и в его внешней жизни.

И.А. Ильин [8, с. 394]

Актуальность темы, вынесенной в название данной статьи, для правовой жизни современного общества, в том числе и России, переоценить едва ли возможно. В процессе научной разработки вопросов юридической теории и практики оставить незамеченным, а тем более игнорировать познавательный потенциал теоретико-правового конструкта «правосознание» становится все труднее. Он в процесс познания различных аспектов правовой реальности создает необходимые теоретические предпосылки для иных научных построений.

Правосознание представляет собой пример такого рода феноменов, которые в структуре объекта общей теории государства и права обычно презентуются как часть неюридической социальной реальности, которая тем не менее обусловливает «формиро-

вание и развитие правовых явлений и процессов» [28, с. 43–97].

Глубинные основания правовой реальности, которые возникают и поддерживаются благодаря актам публично-правовой деятельности людей, расположены в области их субъективной реальности. Именно она детерминирует специфически человеческий способ публично-правового бытия. Уникальный и неповторимый внутренний мир человека как индивидуального субъекта права, различные его структуры оказывают свое, хоть и скрытое от внешнего наблюдения, но действенное влияние на акты публично-правовой активности человека (гражданина). И коль скоро это так, то появляется возможность расширить исследовательскую перспективу, воспользовавшись научным потенциалом того научного направления, которое в качестве локомотива социального поведения человека утверждает его сложноорганизованную психическую реальность [17, с. 13–19] и саморегуляцию [19, с. 126–140] психологизмом.

В качестве иллюстрирующих примеров, которые актуализируют ресурс психологизма в процессе теоретико-правового исследования правосознания, можно привести мнения ряда авторитетных исследователей прошлого и настоящего периодов развития науки.

Известный российский ученый дореволюционного этапа развития отечественной науки Л.И. Петражицкий, создавший синтетическую (по его собственной терминологии) теорию права, критически относился к представлениям о праве и государстве как о неких объективных явлениях (по аналогии с точными науками), наделенных психикой человека антропоморфных образованиях. Он предложил собственное понимание государства и права, «увязав» его с психикой человека. По мнению знаменитого отечественного ученого, государственная власть, к примеру – это особый вид права, предписанного правовой психикой определенным лицам. Л.И. Петражицкий подчеркивал, что государственная власть не есть «воля», могущая делать что угодно, опираясь на «силу». Государственная власть, по мнению автора психологической теории права, представляет собой «приписываемое известным лицам правовой психикой общее правило поведения и иных воздействий на подвластных для исполнения долга заботы об общем благе» [25, с. 181].

В связи с вышеизложенным стоит пристальнее присмотреться к творческому наследию Л.И. Петражицкого и еще по одной причине, на которую неоднократно обращали внимание и последователи, и критики основателя психологической теории права. Дело в том, что для Л.И. Петражицкого психологический признак государства входит в его понятие, является его существенным и необходимым свойством, которое позволяет отличать государство от других типов властных отношений в обществе (власти господина или вожака в разбойничьей шайке).

И.А. Ильин в качестве главной темы своих научных исследований также рассматривал правосознание, которому была посвящена отдельная работа – «О сущности правосознания». Ее, как полагают современные исследователи, можно с полным основанием именовать также «О сущности права и государства» [33, с. 73]. И это можно понять. И.А. Ильин рассматривал правосознание в качестве «духовной основы государственного бытия». А задача права, по его мнению, состоит в том, чтобы «создавать в душе человека мотивы для лучшего поведения».

Значительным познавательным ресурсом для настоящего исследования обладает позиция В.Т. Кабышева. Признанный авторитет по проблемам психологии власти анализировал государственную власть как объект социальной *психологии* (курсив мой – Е.К.) и в статике (социально-психологическая характеристика органов власти и должностных лиц), и в динамике (*психология властвования*) [9, с. 193–216.] (курсив мой – Е.К.).

Коррелирует мнению В.Т Кабышева и точка зрения И.Л. Честнова. Он признавал очевидным то, что социальный мир, а следовательно, и мир права и связанного с ним государства – это мир значений, которые люди приписывают своим действиям, событиям, самим себе. Профессор И.Л. Честнов подчеркивает важность изучения не только и не столько количественных показателей человеческой деятельности, «но ценности, значения, смыслы, опосредующие каждое человеческое действие, т.е. субъективную, ментальную, *психическую* (курсив мой – Е.К.) основу деятельности» [27, с. 5].

Схожую мысль высказывает и В.П. Малахов, который утверждает, что «только в рамках правосознания право способно предстать в наибольшей содержательности» [20, с. 157].

Следовательно, для того чтобы полно и всесторонне, с учетом всех тонкостей и нюансов описать представленное единством актов публично-правовой активности правомерное поведение субъектов права, которое обусловливает наблюдаемую правовую реальность, необходимо «погрузиться» в сферу правосознания. Именно правосознание и становится краеугольным камнем в сложном механизме действия права и связанного с ним государства.

Скрытые от внешнего наблюдения процессы, активно (активность – имманентное свойство материи, скрытая возможность действия, жизненная энергия, ее стремление, жизненный дух, напряжение) протекающие в сфере правосознания и всей субъективной реальности гражданина [37, с. 49], многообразны. Они проявляют себя в процессе интериоризации – деятельности сознания, направленной на вос-

приятие информации о политико-правовом сегменте культуры, – усвоение политико-правового опыта и «приложения» его к самому себе (переживания, аффекты, эмоции, ощущения, восприятие, мысли, концепции, теории и др.) как некоему организующему центру и «точке отсчета».

При этом активность сознания гражданина вовсе не обязательно порождает социально-значимые поступки. Более того, инициативность, интенсивность, напряженность психической активности гражданина, в чем проявляется его зрелость и состоятельность как личности, может потребовать и вовсе отказаться от каких бы то ни было актов поведения, имеющих общественный резонанс. В значительной степени такая ситуация демонстрирует себя в обществе с ценностями политико-правовой культуры западноевропейского типа и демократического, правового, социального государства [10, с. 332].

Следствием признания важности исследования внутренней стороны актов поведения субъекта права становится рациональное описание политико-правового сознания в системе с другими психическими феноменами (воли, потребностей, интересов, привычек, установок и др., влияющих на формирование правовой мотивации актов реализации, их наполнение правовым содержанием).

Ситуация существенно осложняется тем, что в современной отечественной общеправовой теории универсальное понятие «правосознание» до сегодняшнего дня не выработано, и едва ли можно ожидать, что ситуация кардинально поменяется в ближайшем будущем.

Хорошо известно, что одним из первых в отечественной науке определение понятия «правосознание» предложил И.Е. Фарбер [35, с. 204]. Анализ разнообразных и многочисленных научно-теоретических источников по вопросу о правосознании, имеющихся в распоряжении специалистов в области теоретико-правового анализа современного периода, убедительно показывает, что по вопросу о понятии «правосознание» высказываются разнообразные суждения. Многие из них подвергаются рациональному осмыслению и обсуждению многократно [11, с. 31–45]. При этом предложенные исследователями варианты понятия «правосознание» не лишены виртуозной философичности и демонстрируют примеры высочайшей научной обобщенности.

Именно таким видится определение правосознания, которое предложил В.С. Нерсесянц. Видный отечественный исследователь в учебнике, адресованном студентам вузов, писал: «Правосознание – это форма осознания права как специфического явления социальной действительности».

Л.И. Спиридонов [26, с. 122] в свое время специально акцентировал внимание на том, что правосознание – это один из видов общественного сознания, отражающего юридическую действительность.

В.П. Малахов обращает внимание на неразрывную связь права и правосознания, утверждая, что право есть не что иное как «продукт саморефлексии правосознания» [20, с. 76].

Ряд отечественных юристов считают возможным вести разговор о правосознании, имея в виду преимущественно его содержательную составляющую, прибегая при этом к ее детальному воспроизведению и описанию [30, с. 798].

Сложившееся в академической среде положение по вопросу о понимании правосознания, впрочем, вполне объяснимо, а наблюдаемый плюрализм обусловлен целым рядом объективных причин и субъективных условий, детальный анализ которых, однако, выходит за пределы задач настоящей работы.

В этой ситуации как позитивный следует оценивать тот очевидный факт, что научная общественность продолжает предпринимать интенсивные попытки «прояснить» значение категории «правосознание» [18, с. 97; 26, с. 122; 29, с. 750; 30, с. 798], исследуя соотношения данного научного конструкта как с самим правом, так и с различными парадигмами права и государства – правопониманием [5, с. 8–18; 7, с.106–109; 16, с. 19–24; 22, с. 60–67; 32, с. 13–21]. Поэтому, конечно, правы те представители теоретико-правового цеха, которые полагают, что «осмысление правосознания необходимо осуществлять в контексте и на пересечении основных школ права, с одной стороны, центрирующих различные аспекты действительности, а с другой – позволяющих в той или иной степени освоить «многоединство» понятия правосознание» [23, с. 255].

Так, В.М. Малахов считает, что правопонимание как ментальный феномен конкретного общества, конкретной правовой культуры и непрерывный интеллектуальный процесс вхождения в правовую реальность вырабатывается «на основе выяснения существенности различий в отражении феномена права общественным сознанием во всех его правовых формах, в том числе и в правосознании» [20, с. 2].

Другим примером, подтверждающим стремление исследователей прояснить значение правосознания для правовой реальности современного социума, являются периодические научные конференции.

Так, проблемным вопросам правосознания и его роли в правовой жизни современного общества в 2015 г. была посвящена XV Международная научная конференция «Спиридоновские чтения», приуроченная ко Дню памяти выдающегося отечественного ученого Льва Ивановича Спиридонова. Юбилейная конференция «Спиридоновские чтения» в прошедшем году, как и многие предшествующие годы, проводились на базе Санкт-Петербургского института внеш-

неэкономических связей, экономики и права (СПбИВЭСЭП).

Бессменными организаторами и вдохновителями Спиридоновских чтений, снискавших большую популярность среди экспертного сообщества России и зарубежья, стали ученики и последователи Льва Ивановича Спиридонова. Среди них отдельно стоит отметить известного специалиста в области постклассической теории права [36], профессора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации Честнова Илью Львовича – доктора юридических наук, профессора. Трудно представить организацию и проведение Спиридоновских чтений и без декана юридического факультета СПбИВЭСЭП Сапельникова Андрея Борисовича – кандидата юридических наук, доцента.

Значимость дальнейшей научной разработки правосознания как социально-правового явления и теоретико-правовой категории убедительно показал И.Л. Честнов в двух докладах, представленных на юбилейных Спиридоновских чтениях.

В своем, как всегда, интересном и побуждающем к размышлениям выступлении на тему «Место и роль правосознания в правовой реальности» Илья Львович, в частности, отметил изменения, которые вносит в рациональное осмысление феномена правосознания постклассическая методология. Попутно заметим, что постклассическая наука – это своеобразная оппозиция в концептуальной схеме «классика» – «неклассика» (постклассика). Благодаря этой идейной оппозиции создана возможность разработки стратегии и перспектив развития отечественной правовой теории на основе ряда фундаментальных идей, а именно: правовая теория – органическая и неотъемлемая часть социогуманитарного знания, критика безгранично господствовавшего правового позитивизма, поскольку классическая юридическая теория (позитивизм) «обесчеловечивала» юридическую теорию и практику, сводила его положение до формального правового статуса, не принимая во внимание интересы и потребности людей, систему ценностных ориентаций, механизмы социализации и др. Иными словами, неклассика (постклассика) «выступила» в принципиальной оппозиции к бессубъектной классической теории права, «предложив» новую характеристику правовой теории – человекоразмерность. Фундаментальный принцип неклассической науки – человекоразмерность – обусловил и позволил предложить такой методологический проект, как интегральная теория права [34, с. 63–65; 21]. Разумеется, постклассика предложила радикальное обновление методологических оснований разработки правовой теории: постулировалась невозможность мыслить право в категориях позапрошлого века.

С учетом вышеизложенного обращает на себя внимание и высказанная на конференции позиция И.Л. Честнова. С его точки зрения, правосознание – не просто категория общей теории права, а важнейший аспект правовой реальности. Именно правосознание обеспечивает конструирование норм права, их фиксацию в соответствующих формах и реализацию в практиках людей – носителей правосознания (статусов субъектов права).

Во втором докладе на тему «Теоретическое правосознание: результаты социологического исследования» профессор Честнов И.Л. актуализировал тему изменений в научном мировоззрении и, как следствие этого, обозначил проблему «размытости» критериев авторитета научного сообщества как референтной группы в современном обществе. В научном сообществе, делает вывод профессор Честнов, общезначимых авторитетов сегодня нет, авторитет фрагментирован по разным основаниям. В ходе проведенного им микроисследования в форме ответов на вопросы потенциальных участников конференции и других коллег установлено, что среди оснований для такой фрагментации выступают не только тип понимания права, но и другие факторы: идеологический, религиозный, национальный.

Отвлекаясь от непосредственного анализа докладов И.Л. Честнова, заметим, что проблематика XV Международной конференции «Спиридоновсикие чтения» традиционно широка и разнопланова. Условно представленные исследовательские позиции, в которых освещались различные аспекты общей проблемы – роли правосознания в правовой жизни современного общества – можно разделить на две группы.

К первой группе можно отнести те, в которых правосознание рассматривалось как объект теоретического анализа, ко второй – те, которые посвящены практико ориентированному (профессиональному) правосознанию. Отдельно следует отметить и те, которые затрагивают историческое измерение правосознания в контексте отечественной истории права.

С целью проиллюстрировать вышеизложенное, приведем лишь некоторые примеры.

Различные аспекты правосознания как одного из традиционных объектов общей теории государства и права анализировались в выступлениях Честнова И.Л. («Место и роль правосознания в правовой реальности»), Лапаевой В.В. («Правосознание и догма права»), Исаевой Н.В. («Концепция Л.И. Спиридонова о диалектике индивидуального, группового и коллективного правосознания в контексте правовой идентичности»), Ветютнева Ю.Ю. («Правосознание как ноэзис ценностей: феноменологический подход»), Беляева М.А. («Интенциональная картография правосознания: в поисках адекватной модели») и т.д.

В контексте отечественной истории права различные аспекты правосознания исследовали Пашенцев Д.А. («Правосознание и правовая традиция») [24, с. 168–173], Ефремова Н.Н. («Ценности правосудия как фактор формирования правосознания (на примере Великой судебной реформы в России)) и т.д.

Большой интерес у участников юбилейных Спиридоновских чтений вызвало сообщение Дорской А.А. – доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой международного права РГПУ им. А.И. Герцена. Повышенный интерес участников научной дискуссии к теме выступления Александры Андреевны – «Правовые реформы в России и развитие правосознания: обыденный, профессиональный, научный уровень» – легко объяснить. Она представила на суд присутствующих свои соображения на тему, с различными аспектами которой А.А. Дорская не просто хорошо знакома, но и знает данную тему «в деталях, в тонкостях, в нюансах». Подтверждает такую оценку и знакомство с монографией А.А. Дорской. Она посвящена правовым реформам [6].

Оригинальность доклада А.А. Дорской на Спиридоновских чтениях в апреле 2015 г. проявилась, в частности, и в том, что его автор изложил хорошо исследованную тему в контексте темы правосознания.

Другую группу докладов, авторы которых правосознание анализируют как феномен, непосредственно спроецированный на юридическую практику, можно показать на следующих примерах: «Правовосприятие в постсоветском пространстве» (Р.А. Ромашов), «Правосознание личности в контексте современной российской государственности» (С.Б. Глушаченко), «Правосознание молодежи в современной России» (З.Н. Каландаришвили), «Законотворчество: роль правосознания в юридическом регулировании» (М.А. Капустина), «Профессиональное правосознание как источник права» (Е.Н. Тонков), «Правовая психология отечественного предпринимательства в условиях санкций» (Мартынкевич М.И.) и т.д.

Заинтересованную дискуссию вызвало сообщение профессора Глухаревой Л.И. [1; 2; 3; 4] на тему «Игровые элементы права как факторы правового нигилизма россиян». Л.И. Глухарева обратила внимание на такие сюжеты общей темы правосознания, как роль (положительная и негативная) игровых действий в праве, игровые элементы права и правовые игры. В заключение сделала вывод о несоответствии типа сознания и личности, восстребуемые игрой, типу сознания и личности в национальном характере россиян. Данное обстоятельство поддерживает, по мнению Л.И. Глухаревой, правовой нигилизм в России.

Юбилейная, XV Международная научная конференция «Спиридоновские чтения» была отмечена еще одним важным моментом – Трибуной молодого ученого. В рамках этой части конференции результаты своих научных исследований представили 5 докладчиков, преимущественно студенты 2–3 курсов Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ и Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права. Отдельно стоит отметить и то, что часть представленных докладов была подготовлена на основе проведенных студентами микроисследований: «Профессиональное правосознание: опыт социологического исследования» (Курчевенкова А.В.).

С учетом вышеизложенного без преувеличения можно утверждать, что Спиридоновские чтения в жизни юридического сообщества и тех, кто живо интересуется различными проблемами теоретической юриспруденции и юридической практики, заняли, несомненно, достойное место. Для апрельской конференции «Спиридоновские чтения» в СПбИВЭСЭП характерно, что ее, как правило, двухдневная работа проходит напряженно (в 2015 г. было заявлено 38 выступлений, из них 5 – в рамках трибуны молодого ученого). На этой конференции, благодаря усилиям организаторов и бессменных участников, сложилась и царит особая атмосфера. Разнообразные научные позиции излагаются свободно и непринужденно даже начинающими исследователями. Самые злободневные проблемы теоретической юриспруденции, отраслевого правоведения и юридической практики всегда обсуждаются терпимо, доброжелательно, с уважением к оригинальной авторской позиции и мнению исследователя. (Например, Динесенко В.В. – доцент Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук – представил вызвавший всеобщий интерес и породивший эмоциональную реакцию доклад на тему «Секс и танатос в архетипах общества позднего модерна: политико-правовой аспект»).

Атмосфера свободной дискуссии в единстве с высокими стандартами обсуждения научной проблемы – необходимые условия для стимулирования рационального поиска, действительно, прорывных научных решений. Это то главное, что отличает Спиридоновские чтения.

Отрадно подчеркнуть, что XV Международная конференция «Спиридоновские чтения» исключением из этого правила не стала.

На правах участника конференции позволим себе коротко поделиться некоторыми суждениями на тему «Правосознание субъекта статусного публичного права: теоретико-методологический аспект» [14, с. 30–39; 12, с. 156–163; 13, с. 142–145].

Для теоретической разработки проблемы правосознания субъекта публичного статуса востребованным оказывается центрированный персоноцентризмом междисциплинарный опыт. Имеющиеся в распоряжении современной науки знания из области

таких социальных и гуманитарных сфер, как философия, психология, социальная психология, культурология и т.д., вынуждают отказаться от физикалистских теорий сознания при исследовании правосознания как категории теоретической юриспруденции.

Достижения этих и других сфер современной научной рациональности позволяют исследовать правосознание субъекта публичного статуса в контексте следующих мировоззренческих установок.

Во-первых, наличие психологического компонента – определенная степень осознанности своих действий субъекта в связи с реализацией своего статуса (правообязанностей). Для того чтобы породить новое правовое качество публично-правовых отношений и всей политико-правовой реальности, эта степень должна быть достаточно велика. Высокая степень сознательности субъекта образует самое глубокое основание качественного «скачка» в картине его поведения, определяет направление дальнейшей эволюционной динамики всей государственно-правовой жизни социума.

Во-вторых, правосознание субъекта публичного статуса не «покрывает» всей субъективной реальности личности. Оно лишь ее сегмент, который находится в сложном взаимодействии с другими компонентами его психики (интересы, потребности, воля, мотивация и т.д.).

Включенность в субъективный мир субъекта публичного статуса детерминирует исключительную связь, «привязку» правосознания к человеку (в этой связи коллективного правосознания не существует), его неповторимость, оригинальность, принципиальную непредсказуемость и принципиальную непросчитываемость.

В-третьих, правосознание субъекта публичного статуса – это не пассивная субстанция. Оно активно «созидает» субъективный образ поведения, вступает во взаимодействие с надсознательными и подсознательными элементами субъективной реальности человека, используемыми для моделирования и созидания самого себя (человек всегда не только то, что он есть, но и то, чем он может быть).

Таким образом, определенные научные перспективы в анализе правосознания субъекта публичного статуса, который одновременно является обладателем особого публичного статуса, получает неклассическая методология [15, с. 239–287], принципами которой являются персоноцентризм и широкая междисциплинарность.

Список литературы

1. *Глухарева Л.И.* Методологические основы теории прав человека. – М.: Логос, 2004.
2. *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире: социально-философские основы и государственно-правовое регулирование. – М.: Юристъ, 2003.
3. *Глухарева Л.И.* Современные проблемы теории прав человека. – М.: Логос, 2004.
4. *Глухарева Л.И.* Коннотация правовой реформы // Правовая реформа в современной России: опыт и перспективы: сборник трудов XV Международной научной конференции «Муромцевские чтения». – М., 2015.
5. *Графский В.Г.* Интегративная юриспруденция в условиях плюрализма подходов к изучению права // Проблемы понимания права. Право России: новые подходы. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 3.
6. *Дорская А.А.* Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности: монография. – СПб.: Астерион, 2014.
7. *Исаева Л.Н.* Сознание и правопонимание // Государство и право. – 2004. – № 8.
8. *Ильин И.А.* О сущности правосознания: собр. соч.: в 10 томах. – М., 1994. – Т. 4.
9. *Кабышев В.Т.* Психология власти: механизм реализации и ответственности. Публичная власть: проблемы реализации и ответственности: коллективная монография / под ред. Н.И. Матузова и О.И. Цибулевской. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2011.
10. *Крашенинникова Н.А.* Права человека в Индии // Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / под ред. Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, 2002.
11. *Каландаришвили З.Н.* Правосознание как ключевой элемент правовой культуры // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: ученые записки. – СПб.: СПбИВЭСЭП, 2009. – Том 12.
12. *Крупеня Е.М.* Коллективное бессознательное в механизме самореализации статусного публичного права // Политика. Власть. Право: «Мальцевские чтения». Материалы 1-ой Международной научно-практической конференции памяти и к 79-летию со дня рождения профессора Мальцева Г.В. – Москва – Белгород, 2014.
13. *Крупеня Е.М.* Правовой нигилизм как проблема, влияющая на развитие системы образования // Ценности и смыслы. – 2014. – № 2 (30).
14. *Крупеня Е.М.* Правосознание субъекта статусного публичного права: теоретические аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Юридические науки». – 2010. – № 14 (57).
15. *Крупеня Е.М.* Актуальные вопросы научной стратегии в исследовании статусного публичного права // Методологические проблемы современной юридической науки: коллективная монография по итогам круглого стола № 5 в Московском институте государственного управления и права / под общ. ред. профессора Д.А. Пашенцева и профессора А.Г. Чернявского. – М.: «Русайнс», 2015.

16. *Лапаева В.В.* Либертарная концепция права как теоретическая основа для синтеза различных типов правопонимания // Проблемы понимания права. Право России: новые подходы. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 3.
17. *Леонтьев А.А.* Сущность психического и построение психологического знания // Культурно-историческая психология. – 2011. – № 1.
18. *Лукашева Е.А.* Социалистическое правосознание и законность. – М.: Юрид. лит., 1973.
19. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.
20. *Малахов В.П.* Право в контексте форм общественного сознания. – М.: ЮНИТИ, 2015.
21. Методологические проблемы современной юридической науки: коллективная монография по итогам круглого стола № 5 в Московском институте государственного управления и права / под общ. ред. профессора Д.А. Пашенцева и профессора А.Г. Чернявского. – М.: «Русайнс», 2015.
22. *Немытина М.В.* Многообразие подходов к праву // Проблемы понимания права. Право России: новые подходы. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 3.
23. *Омарова У.А., Чупанова А.Ч., Рашидханова Д.К.* Основные подходы к правопониманию: методологическая база исследования региональных особенностей правосознания (на примере молодежи республики Дагестан) // Проблемы понимания права. Право России: новые подходы. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 3.
24. *Пашенцев Д.А.* Роль религии в формировании российской правовой традиции // Правоведение. – 2010. – № 6.
25. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Лань, 2000.
26. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. – СПб.: Изд-во АООТ «ГПНИИ-5», 1995.
27. Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма / под ред. С.А. Сидорова и И.Л. Честнова. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.
28. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2-х т.: Элементный состав. – М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2000. – Т. 1.
29. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004.
30. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2009.
31. Теория государства и права / под ред. М.М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004.
32. *Толстик В.А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. – 2004. – № 9.
33. *Томсинов В.А.* Мыслитель с поющим сердцем. – М.: Зерцало, 2012.
34. *Тимошина Е.В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: коллективная монография: в 2-х томах / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова. – СПБ.: Издательский дом «АЛЕФ-ПРЕСС», 2014. – Т. 1.
35. *Фарбер И.Е.* Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963.
36. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. – СПб., 2012.
37. *Щербакова Н.В.* Правовая установка и социальная активность личности. – М.: Юрид. лит., 1986.

Reference list

1. *Glukhareva L.* Methodological foundations of the theory of human rights. M.: Logos, 2004.
2. *Glukhareva L.* Human rights in the contemporary world: Social-philosophical foundations and public-legal regulation. M.: Yurist, 2003.
3. *Glukhareva L.* Contemporary issues of the theory of human rights. M.: Logos, 2004.
4. *Glukhareva L.* The connotation of legal reform // Legal reform in contemporary Russia: Experience and prospects: Proceedings of the XV International scientific conference "Muromtsevskie chteniya". M., 2015.
5. *Grafskiy V.* Integrative jurisprudence in the context of pluralism of approaches to the study of law // Issues of law understanding. Law of Russia: New approaches. Saratov: Scientific book, 2007. Number 3.
6. *Dorskaya A.* Legal reform in Russia: Typology, logic development, performance criteria: Monograph. SBR.: Asterion, 2014.
7. *Isaeva L.* The consciousness and law understanding // State and Law. 2004. № 8.
8. *Ilyin I.* About essence of law consciousness: Collected works: in 10 volumes. M., 1994. T. 4.
9. *Kabyshev V.* The psychology of power: The implementation mechanism and responsibility. The public sector: Problems of implementation and responsibility: Collective monograph / Under the editorship of N. Matuzov and O. Tsibulevskaya. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2011.
10. *Krasheninnikova N.* Human rights in India // Human Rights. Results of the century, tendencies, prospects / Under the editorship of E. Lukasheva. M.: Norma, 2002.
11. *Kalandarishvili Z.* The sense of justice as a key element of legal culture // Topical issues of modern legal science and practice: Scientific papers. SBR.: Saint Petersburg Institute of External Economic Relations, Economics and Law, 2009. Volume 12.
12. *Krupenya E.* The collective unconscious in the mechanism of realization of status public law // Policy. Power. Law: "Mal'tsevskie chteniya". The proceedings of the 1st International scientific-practical conference, dedicated to the memory and 79-th birthday of Professor G. Mal'tsev. Moscow – Belgorod, 2014.

13. *Krupenya E.* Legal nihilism as a problem affecting the development of education system // Tsennosti i Smysly. 2014. № 2 (30).
14. *Krupenya E.* The legal consciousness of the person of status public law: Theoretical aspects // Bulletin of RSUH. Series "Legal science". 2010. № 14 (57).
15. *Krupenya E.* Topical issues of scientific strategy in the study of status public law // Methodological issues of contemporary legal science: Collective monograph following the results of №5 Round Table at the Moscow Institute of Public Administration and Law / Under the general editorship of Professors D. Pashentsev and A. Chernyavskiy. M.: "Rusains", 2015.
16. *Lapaeva V.* The libertarian conception of law as a theoretical basis for the synthesis of various types of legal consciousness // Issues of law understanding. Law of Russia: New approaches. Saratov: Scientific book, 2007. Number 3.
17. *Leont'ev A.* The essence of the psychic and the construction of psychological knowledge // Cultural-historical psychology. 2011. № 1.
18. *Lukasheva E.* The socialist legal consciousness and legality. M.: Yuridicheskaya literatura, 1973.
19. *Mal'tsev G.* Social foundations of law. M.: Norma, 2007.
20. *Malakhov V.* Law in the context of forms of social awareness. M.: UNITI, 2015.
21. Methodological issues of contemporary legal science: Collective monograph following the results of №5 Round Table at the Moscow Institute of Public Administration and Law / Under the general editorship of Professors D. Pashentsev and A. Chernyavskiy. M.: "Rusains", 2015.
22. *Nemytina M.* The diversity of approaches to law // Issues of law understanding. Law of Russia: New approaches. Saratov: Scientific book, 2007. Number 3.
23. *Omarova U., Chupanova A., Rashidkhanova D.* The main approaches to law understanding: Methodological framework of study of regional features of legal consciousness (through the example of the youth of the Republic of Dagestan) // Issues of law understanding. Law of Russia: New approaches. Saratov: Scientific book, 2007. Number 3.
24. *Pashentsev D.* The role of religion in the formation of the Russian law // Jurisprudence. 2010. № 6.
25. *Petrazhitskiy L.* Theory of law and state in connection with the theory of morality. SBR.: Lan', 2000.
26. *Spiridonov L.* Theory of state and law. SBR.: Publishing office of JSC Leading of Design Research Institue-5, 1995.
27. Sociology of public law: anthropological and legal paradigm / ed. by S. Sidorov, and I. Chestnov. SBR.: Publishing office of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2009.
28. *Syrykh V.* Logical foundations of a general theory of law: In 2 volumes: The Element structure. M.: "Yustitsinform" Legal House, 2000. Vol. 1.
29. Theory of state and law: Textbook for higher education institutions / Under the editorship of M. Marchenko. M: Zertsalo, 2004.
30. Theory of state and law: Textbook for higher education institutions / Under the editorship of M. Marchenko. M: Zertsalo, 2009.
31. Theory of state and law / Under the editorship of M. Rassolov. M.: UNITY-DANA, Law and Right, 2004.
32. *Tolstik V.* From pluralism of law to the strife for the content of the law // State and Law. 2004. № 9.
33. *Tomsinov V.* Thinker with a singing heart. M.: Zertsalo, 2012.
34. *Timoshina E.* Classical and post-classical understanding of law as styles of thinking // Communicative theory of law and contemporary problems of Jurisprudence: Collective monograph: In 2 volumes / Under the editorship of M. Antonov, I. Chestnov. SBR.: "ALEF-PRESS" Publishing House, 2014. Vol.1.
35. *Farber I.* Legal consciousness as a form of social awareness. M., 1963.
36. *Chestnov I.* Post-classical legal theory. – SPb., 2012.
37. *Shcherbakova N.* Legal setting and social activity of personality. M.: Yuridicheskaya literatura, 1986.

УДК 340

Гулиева М.М.,
кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Ингушского государственного университета

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ИНГУШЕТИИ

В статье рассматриваются особенности народного представительства в Республике Ингушетия. Как отмечает автор, становление института народного представительства уходит своими корнями в глубину веков. В прошлом ингушский народ все важнейшие общественные вопросы решал на всеобщем Совете. В его состав входили наиболее мудрые и справедливые представители тейпов и родов. Решения принимались коллегиально и носили обязательный для всех членов общества характер. Всеобщий Совет выполнял функцию правосудия. Институт народного представительства Ингушетии имеет многовековую историю и был основной формой правосудия вплоть до 40-ых гг. XX в., когда ингушский народ был депортирован в Казахстан. В настоящее время в Республике Ингушетия постоянно действующим высшим представительным и единственным законодательным органом является Народное Собрание.

Ключевые слова: Республика Ингушетия, Конституция Республики Ингушетия, народное представительство, Народное Собрание Республики Ингушетия, съезд ингушского народа, демократия

Gulieva M.,
PhD in Political Science, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law
of the Ingush State University

A POPULAR REPRESENTATION IN INGUSHETIA

The article discusses the features of a popular representation in the Republic of Ingushetia. As says the author of the article, the development of the institution of popular representation has rooted in ancient times. Historically, Ingush people had been resolved all key public issues at the General Council. It had consisted greatest wise and fair representatives of teips and genders. Decisions were taken collectively and they were binding for all members of the society. The General Council had the function of justice. The institution of popular representation of Ingushetia has tracked back centuries and it had been the fundamental form of justice until the 40s of the twelve century before the Ingush people deported to Kazakhstan. In the Republic of Ingushetia, at this time, the standing supreme representative and the only legislative authority is the People's Assembly.

Keywords: Republic of Ingushetia, Constitution of Republic of Ingushetia, popular representation, People's Assembly of Republic of Ingushetia, Congress of Ingush people, democracy

Становление демократических начал российской государственности связано с развитием конституционно-правовой наукой фундаментальных понятий народного представительства, парламентаризма, исследованием общих и особенных признаков данной системы в России, путей развития и совершенствования представительных органов.

Фундаментальные общие принципы, отраженные в Конституции РФ, лежат в основе функционирования системы народного представительства Российской Федерации и раскрывают демократическую сущность и специфику данной системы. К ним отнесены: народный суверенитет, верховенство права, разделение властей, федерализм, наличие государственной и муниципальной власти как двух форм единой публичной власти, многопартийность, развитость институтов гражданского общества, высокий уровень правовой культуры. Совокупность данных принципов определяет природу системы народного представительства, ее идеологию, сущность, содержание и назначение. В основе современных представлений о народном представительстве находится идея народовластия. Актуальными остаются научные исследования о соотношении понятий «народовластие», «народное представительство», «представительное правление», «система народного представительства» и «представительные органы».

Вопросы народного представительства, формирования и функционирования представительных органов в большей или меньшей степени нашли отражение в трудах классиков философско-правовой мысли: Сократа, Платона, Аристотеля, Томаса

Мора, Жана Бодена, Жан-Жака Руссо, Гуго Гроция, Баруха Спинозы, а также работах Дж. Локка, Т. Гоббса, Ш.Л. Монтескье, И. Канта, трудах неопозитивистов – Огюста Конта и Тюрго, работах Иоганна Готлиба Фихте, Георга-Вильгельма-Фридриха Гегеля. Под влиянием идей народного суверенитета, народного представительства и представительного правления находились и отечественные ученые дооктябрьского периода: М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев; В.М. Устинов, Б.Н. Чичерин, Л.А. Шалланд, Г.Ф. Шершеневич и другие, чьи труды внесли достойный вклад в развитие теории народного представительства. Исторические этапы становления российского парламентаризма рассматривались в трудах Баглая М.В., И.А. Исаева, О.И. Чистякова и других ученых.

В Республике Ингушетия становление института народного представительства уходит своими корнями в глубину веков. В прошлом ингушский народ все важнейшие общественные вопросы решал на всеобщем Совете (Мехка Кхел). В его состав входили наиболее мудрые и справедливые представители тейпов и родов. Решения принимались коллегиально и носили обязательный для всех членов общества характер. Также Мехка Кхел выполнял функцию правосудия.

До выселения ингушей в Казахстан в 1944 г. вблизи храма Тхаба-Ерды в горной Ингушетии стояли каменные кресла, предназначенные для участников Совета. «Предводителем ингушской общины в историческом прошлом являлся старейшина, который в силу личного авторитета был для нее законодателем» [5, с. 195].

Следовательно, институт народного представительства имеет в ингушском народе многовековую историю.

С принятием 4 июня 1992 г. Верховным Советом РФ Закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» ингушский народ получил возможность формирования парламента как института государственной власти. 27 февраля 1994 г. в соответствии с Положением «О выборах депутатов Народного Собрания – Парламента Республики Ингушетия», утвержденным Указом Президента Республики Ингушетия от 04.01.1994 № 368, в Ингушетии впервые состоялись выборы депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия первого созыва, состоящего из 27 депутатов, избранных сроком на 5 лет [3, с. 83]. Эти выборы вошли в историю республики как точка отсчета деятельности Парламента, осуществляющего свои полномочия в соответствии с конституционным принципом разделения властей. Первое заседание Народного Собрания Республики Ингушетия состоялось 11 марта 1994 г. Основной задачей только что избранного Парламента было законодательное обеспечение государственного строительства Республики Ингушетия, создание правовой базы деятельности государственной власти, решение вопроса с беженцами из Пригородного района. Вместе с тем Народным Собранием Республики Ингушетия были предусмотрены законодательные решения вопросов, связанных с государственной символикой, со статусом депутатов, порядком формирования государственных органов власти. В соответствии с утвержденным планом уже в 1994 г. были приняты законы Республики Ингушетия о гербе, о флаге, о статусе депутата Народного Собрания.

Следующий (1995-ый) год парламентской деятельности по числу принятых законодательных решений оказался более удачным. Он начался с утверждения плана нормативной деятельности, согласно которому была предусмотрена работа по 20 проектам законов Республики Ингушетия. В их числе были проекты законодательных решений об учреждении специальных почетных званий Республики Ингушетия, о местных налогах и сборах, о землеустройстве и другие.

Планы нормотворческой работы Народного Собрания на 1995 и 1996 гг. подвергались постоянной корректировке, и из предусмотренных 32 законопроектов были приняты только 23. Но депутатский корпус уже показал, что начинает осваивать азбуку законодательной деятельности, и у него появилась способность к законотворчеству. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать некоторые законодательные акты Народного Собрания, которые были приняты: об охране, реставрации и использовании памятников истории и культуры; об охране окружающей природной среды; о лесе; о референдуме; об археологическом наследии; о налоговой системе Республики Ингушетия; о туризме; о библиотечном деле; о мировых судьях; о Правительстве Республики Ингушетия; о выборах Президента Республики Ингушетия; об образовании; о культуре; о выборах депутатов Народного собрания Республики Ингушетия и другие.

Эти законодательные акты позволили депутатскому корпусу первого созыва наполнить конкретным содержанием нормативную базу различных сфер общественно-политической жизни Ингушетии.

Первым Председателем Народного Собрания – Парламента Республики Ингушетия был избран М.Ю. Келигов, доктор философских наук, профессор.

Выборы депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия второго созыва состоялись 1 марта 1999 г. Согласно Конституции Ингушетии был избран 21 депутат. Председателем, по предложению Президента Р.С. Аушева, был избран Р.С. Плиев [6]. Следует отметить, что в депутатский корпус первого созыва входили 24 мужчины и 3 женщины, а депутатский корпус второго созыва состоял только из мужчин.

Выборы второго созыва прошли 28 февраля 1999 г. Позднее из депутатского корпуса второго со-

зыва выбыло 5 депутатов. Депутатский корпус Народного Собрания Республики Ингушетия второго созыва насчитывал 16 человек.

Внимание депутатов уделялось приведению республиканских законов в соответствие с федеральным законодательством, ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта осени 1992 г. и обеспечению конституционных прав граждан Российской Федерации ингушской национальности (в частности, право на свободу передвижения и право выбора места жительства и т.п.). Необходимо отметить, что депутаты второго созыва наладили конструктивные традиции партнерских взаимоотношений с субъектами, обмена опытом, взаимовыгодных инициатив в экономике и политических процессах нашей страны в целом.

В декабре 2003 г. были избраны депутаты Народного Собрания Республики Ингушетия третьего созыва общей численностью 34 депутата. Из них на постоянной основе числилось лишь 18. Председателем стал М.С. Сакалов.

Депутатским корпусом третьего созыва была налажена работа по принятию республиканского бюджета, много сделано по законодательному обеспечению социальной инфраструктуры, в области защиты прав и интересов населения республики. Нормативно-правовая база была пополнена законами: о регулировании земельных отношений, о статусе депутата Народного Собрания Республики Ингушетия, о мерах социальной поддержки малоимущих слоев населения, о социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов и другие.

Эстафету приняли у своих предшественников 27 депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия четвертого созыва, избранных в марте 2008 г. на 4 года. Порядок выборов депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия устанавливается Законом Республики Ингушетия «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия». Порядок деятельности Народного Собрания Республики Ингушетия определяется в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, Конституцией Республики Ингушетия и законами Республики Ингушетия.

Председатель Народного Собрания избирается из числа депутатов путем тайного голосования. Кандидатуры на должность Председателя Народного Собрания вправе выдвигать фракции и отдельные депутаты Народного Собрания. Из числа депутатов Народного Собрания по представлению Председателя избираются два его заместителя.

Народное Собрание Республики Ингушетия 4-ого созыва приоритетным в своей деятельности считает развитие и совершенствование регионального законодательства в области социально-экономического развития Республики Ингушетия, социальной защиты граждан республики и организации местного самоуправления. В подтверждение данных слов приведем несколько законопроектов, принятых депутатским корпусом четвертого созыва: о лекарственном обеспечении населения Республики Ингушетия, об охране окружающей среды, о местном референдуме в Республике Ингушетия, об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) Республики Ингушетия и Закон Республики Ингушетия «О местном самоуправлении в Республике Ингушетия». В результате были успешно проведены выборы в органы местного самоуправления (11 октября 2009 г. и 4 декабря 2011 г.), что является одним из принципов построения демократического государства.

Выборы в Народное Собрание Республики Ингушетия пятого созыва прошли 4 декабря 2011 г.

Председателем Народного Собрания Республики Ингушетия был назначен Дидигов М.И. По его словам, Народному Собранию пятого созыва необходимо и впредь соотносить принимаемые решения с потребностями и интересами наших сограждан. Речь идет о правовом обеспечении начатых преобразований в местном самоуправлении, жилищно-коммунальной сфере, образовании и здравоохранении, создании рынка доступного жилья, а также необходимо продолжить работу по созданию базы для реализации гражданами прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ и Конституцией Республики Ингушетия.

Ныне действующим Председателем Народного Собрания Республики Ингушетия является Дикажев М.М.

На сегодняшний день в Северо-Кавказском федеральном округе продолжает сохраняться напряженная социально-политическая обстановка: спад производства превышает среднероссийские показатели, велика проблема занятости трудоспособного населения, сохраняется проблема беженцев. Все эти проблемы характерны для Республики Ингушетия. При этом необходимо учитывать, что сложившаяся на сегодняшний день ситуация в республике является во многом предопределенной особым ходом социально-политического, а также экономического развития данного субъекта федерации. Ведь до сих пор не учитывались ни территориальные, ни социальные, ни психологические, ни культурные, ни религиозные потребности, а также нормативно-правовые особенности жизненного уклада ингушского народа.

Будущее развитие Республики Ингушетия во многом зависит от того, насколько верно будут оценены этнические, религиозные и политические факторы, насколько динамичными будут дальнейшие социально-политические процессы в регионе, оптимизация которых во многом зависит от позиции федерального центра по ряду жизненно важных для республики вопросов.

«Народное Собрание Республики Ингушетия является постоянно действующим высшим предста-

вительным и единственным законодательным органом государственной власти Республики Ингушетия» [1, ст. 72]. Однако Народное Собрание – это не единственный представительный орган в Республике Ингушетия. В соответствии с Конституцией Республики Ингушетия «органом народного представительства Республики Ингушетия является Съезд народа Ингушетии, обеспечивающий взаимодействие общества, органов государственной власти и местного самоуправления в целях эффективного управления процессами духовного и социально-экономического развития Республики Ингушетия и в интересах его населения. Полномочия, порядок формирования и деятельности Съезда народа Ингушетии устанавливаются республиканским законом» [1, ст. 105]. Законом, регулирующим деятельность съезда, является Закон Республики Ингушетия «О Съезде народа Ингушетии» [2]. Съезд народа Ингушетии – это орган народного представительства, призванный осуществлять полномочия, определенные настоящим Законом.

Правовой основой деятельности Съезда народа Ингушетии является Конституция Республики Ингушетия, вышеназванный Закон, другие законы Республики Ингушетия и принимаемые в соответствии с ними Указы Главы Республики Ингушетия.

В состав Съезда народа Ингушетии входят Глава Республики Ингушетия, депутаты Народного Собрания Республики Ингушетия, представители общественных объединений, религиозных конфессий, творческих союзов деятелей культуры и искусства, населенных пунктов Республики Ингушетия.

Председателем Съезда народа Ингушетии является Глава Республики Ингушетия. В случае необходимости Глава Республики Ингушетия может возложить исполнение обязанностей Председателя Съезда народа Ингушетия на другое лицо. Съезд народа Ингушетии созывает Глава Республики Ингушетия по мере необходимости.

К полномочиям Съезда народа Ингушетии относятся:

• выражение отношения народа Республики Ингушетия к вопросам и проблемам, связанным с ее административной границей;

• заслушивание совместно с Народным Собранием Республики Ингушетия посланий Главы Республики Ингушетия к Народному Собранию Республики Ингушетия и обращений к народу;

• рассмотрение вопросов и проблем, затрагивающих интересы населения Республики Ингушетия, определение и вынесение на этой основе предложений и рекомендаций;

• рассмотрение иных вопросов, связанных с национальными и историческими особенностями Республики Ингушетия по предложению Главы Республики Ингушетия.

Решения Съезда народа Ингушетии принимаются большинством голосов от числа участвующих в заседании представителей и оформляются в форме постановлений. Постановления Съезда народа Ингушетии подписываются председателем Съезда народа Ингушетии и подлежат официальному опубликованию в республиканских СМИ.

Решения Съезда народа Ингушетии, принятые в пределах его полномочий, носят рекомендательный характер и могут быть реализованы посредством нормативных правовых актов органов государственной власти Республики Ингушетия.

Список литературы

1. Конституция Республики Ингушетия.
2. Закон Республики Ингушетия «О Съезде народа Ингушетии» (2 апреля 1999г. № 10-РЗ).
3. Положение о выборах депутатов Народного Собрания – Парламента Республики Ингушетия // Ингушская государственность. – М., 1997.
4. *Баглай М.В.* Конституционное право. – М., 2013.
5. *Гойгов А-Г.С.* За новую жизнь. – Грозный, 1986.
6. *Хаутиев Р.С.* Современный ингушский парламентаризм // Вопросы истории Ингушетии. – Магас, 2005.
7. *Гулиева М.М.* Конституционное развитие Республики Ингушетия: учебное пособие. – Назрань, 2014.

Reference list

1. The Constitution of the Republic of Ingushetia.
2. The law of the Republic of Ingushetia "On the Congress of Ingush people" (2nd of April, 1999. № 10-RL).
3. The elective constitution of deputies of the People's Assembly – Parliament of the Republic of Ingushetia // Ingush nationality. M., 1997.
4. *Baglay M.* Constitutional law. M., 2013.
5. *Goygov A.* For a new start. Grozny, 1986.
6. *Hautiev R.* The contemporary Ingush parliamentary system // Issues of history of Ingushetia. Magas, 2005.
7. *Gulieva M.* the Constitutional development of the Republic of Ingushetia // Textbook. Nazran', 2014.

УДК 343.1

Седых Т.В.,
кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА В СУД

В статье подробно рассматриваются механизмы обеспечения прав участников уголовного процесса. Механизм защиты прав личности в уголовном судопроизводстве рассматривается как совокупность процессуально-правовых элементов, средств и способов, обеспечивающих в определенной последовательности функционирование всего уголовного судопроизводства в соответствии с его назначением. В статье подчеркивается, что правовой механизм защиты прав личности посредством уголовного судопроизводства должен не только соответствовать назначению уголовного судопроизводства, но и учитывать проявление как общих, так и специфических ее свойств, а также обеспечивать все уровни правовых и социальных отношений, посредством которых она осуществляется.
Ключевые слова: Конституция, Уголовно-процессуальный кодекс, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, механизм защиты прав личности

Sedykh T.,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Chair of Criminal Process of Stavropol' Branch of Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia

ENFORCEMENT OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF A CRIMINAL PROCESS AT THE TERMINATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND REFERRAL OF A CASE TO COURT

The article introduces detailed mechanisms for enforcement of the rights of participants of a criminal process. The mechanism of protection of individual rights of criminal procedure is a set of procedural-legal elements, means and methods, in certain sequence which are providing functioning of the entire criminal procedure in accordance with its designation. The article emphasizes that the legal mechanism of protection of individual rights through criminal procedure should not only to meet the designation of criminal procedure, but also to consider occurrence of the general as well as its particular properties, and to enforce all levels of legal and social relations, by which it is carried out.
Keywords: Constitution, Criminal Procedural Code, criminal procedure, preliminary investigation, mechanisms of protection of individual rights

Предварительное расследование – самая большая по срокам и количеству составляемых документов часть уголовно-процессуальной деятельности. Именно на этой стадии до суда решаются задачи уголовного процесса.

Основанная на законе, принципах и общих условиях производства предварительного расследования деятельность следователей (органов дознания) способствует эффективной борьбе с преступностью, укреплению правопорядка, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения законов.

Предварительное расследование – это урегулированная законом деятельность органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры по раскрытию преступлений, изобличению виновных, обоснованному привлечению их в качестве обвиняемых, по установлению всех обстоятельств уголовного дела и решения других задач уголовного процесса. Главные задачи этих органов заключаются в следующем:

• выяснение характера и размера ущерба, причиненного преступлением;

• обеспечение гражданского иска или возможной конфискации имущества;

• выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений;

• принятие мер к устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Преступление считается полностью раскрытым, когда установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу (ст. 73 УПК РФ):

• событие преступления (место, время, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

• виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления;

• обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

• характер и размер вреда, причиненного преступлением;

• обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

• обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

• обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Тем самым органы дознания и предварительного следствия обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры к их устранению. Они вносят в соответствующие государственные органы, общественные организации или должностным лицам представления о принятии мер к устранению этих причин и условий. Не позднее чем в месячный срок по представлению должны быть приняты меры и о результатах сообщено лицу, направившему представление.

Предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела.

Необходимость обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства была впервые официально признана Законом СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-I «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

В настоящий момент идея о приоритетности в уголовном судопроизводстве защиты от преступлений прав и законных интересов человека, общества и государства, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод положена в основу концепции уголовно-процессуального законодательства. Наряду с раскрытием преступлений и изобличением лиц, их совершивших, ради которых функционирует правоохранительная система и реформируется современное уголовно-процессуальное законодательство, задача состоит в создании должного механизма правового обеспечения и защиты конституционных прав и свобод всех участников судопроизводства [5].

Понятие прав личности в уголовном процессе рассматривается в неразрывной связи с возможностями их защиты. Реализация этого права влечет за собой возникновение особых правозащитных отношений. В соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина как непосредственно действующие и работающие компоненты общего права обеспечиваются правосудием [4].

Основными процессуальными средствами и способами механизма обеспечения прав и законных интересов, в частности подозреваемого и обвиняемого, в отношении которых избрана мера принуждения, являются:

• строгое соблюдение процессуальной формы (процедуры) применения мер принуждения:

• наличие законно и обоснованно возбужденного уголовного дела;

• наличие законно вынесенного мотивированного постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого, законные основания для задержания, привлечения в качестве подозреваемого;

• подтвержденность оснований применения меры принуждения доказательствами, обладающими свойствами относимости и допустимости; обусловленность целесообразности выбора той или иной меры принуждения обстоятельствами, перечисленными в ст. 91, 97, 99 УПК РФ;

• обязанности следователя, дознавателя, суда, возникновение и выполнение которых связаны с принятием решения об избрании меры пресечения: информирование обвиняемого, подозреваемого о процессуальных правах и их разъяснение; вручение копии постановления о применении меры пресечения, протокола задержания; иные обязанности, корреспондирующие с соответствующими правами обвиняемого (подозреваемого); процессуальные права обвиняемого и подозреваемого [3].

Обеспечение прав и законных интересов участников предварительного расследования является проявлением провозглашенных в УПК следующих принципов:

• неприкосновенности личности (ст. 10);

• охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11);

• неприкосновенности жилища (ст. 12);

• тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13);

• обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16);

• права на пользование родным языком (ст. 18);

• права на обжалование уголовно-процессуальных решений и действий или бездействия (ст. 19) [6].

Для обеспечения прав и законных интересов участников расследования главы 21–22 УПК содержат следующие условия:

• обязательность рассмотрения ходатайств;

• меры по защите участников процесса;

• меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества;

• судебный порядок получения разрешения на производство ряда следственных действий;

• участие переводчика.

Как отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, меры по защите потерпевшего, его представителя, свидетеля и их близких могут иметь как «оборонительный», так и «наступательный» характер:

• по мотивированному постановлению следователя с согласия прокурора личность свидетеля или потерпевшего можно «засекретить», а в материалах дела указывать их псевдоним (ч. 9 ст. 166). В суде эти лица могут давать показания в условиях, исключающих их визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК);

• активные средства обеспечения безопасности состоят в выявлении и привлечении к ответственности лиц, виновных в посягательствах на участников процесса, а также в избрании более строгих мер пресечения к обвиняемым. [3]

Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества применяются при задержании подозреваемого, применении заключения под стражу, помещении в психиатрический стационар подозреваемого или обвиняемого (ст. 160). Их несовершеннолетние дети, престарелые родители, иные иждивенцы передаются на попечение родственникам, иным лицам или помещаются в соответствующие детские или социальные учреждения. Мерами по сохранности остающегося без присмотра имущества являются передача его на хранение заслуживающим доверие лицам, жилищной организации. О принятых мерах следователь или дознаватель уведомляет подозреваемого или обвиняемого.

Часть 9 ст. 166 УПК РФ содержит наиболее распространенную в настоящее время процедуру обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства [6].

Так, при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае выносится специальное мотивированное постановление, в котором указывается псевдоним данного участника и приводится образец его подписи.

С целью обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц возможно назначение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе произвести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление. Помимо перечисленных выше уголовно-процессуальных мер, следует обратить внимание на возможность осуществления предупредительных (профилактических) мер безопасности. Так, в ходе следственных действий следователь вправе (и обязан) выявлять случаи потенциальных угроз в адрес участников уголовного судопроизводства и реагировать на них надлежащим образом.

Вышеизложенное позволяет обосновать вывод о том, что система уголовно-процессуальных мер, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, включает в себя три группы (табл. 1).

Правовой механизм защиты прав личности посредством уголовного судопроизводства должен не только соответствовать назначению уголовного судопроизводства, но и учитывать проявление как общих, так и специфических ее свойств, а также обеспечивать все уровни правовых и социальных отношений, посредством которых она осуществляется. Данный ме-

Таблица 1

Основные уголовно-процессуальные меры, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства

Совокупность мер		
Меры, непосредственно направленные на обеспечение безопасности при производстве конкретных процессуальных действий	Сопутствующие меры, принятие которых создает надлежащие условия для уголовного судопроизводства и тем самым минимизирует необходимость применения мер первой группы (ко второй группе относятся профилактические меры, которые могут осуществляться в ходе производства по уголовному делу)	Меры, закрепленные в иных нормативных правовых актах, которые не должны противоречить Конституции РФ, федеральным конституционным законам и УПК РФ

ханизм должен обеспечивать выполнение правовой задачи и назначение уголовного судопроизводства. Как отмечает В.Ю. Мельников [2], с чьим мнением мы солидарны, структурная и содержательная характеристика механизма реализации судебной власти в форме судебного контроля определяется требованием справедливости судебного разбирательства.

Необходимо отметить, что, согласно действующему законодательству, структура механизма реализации прав личности в уголовном судопроизводстве включает в себя:

- следователя, дознавателя, прокурора, суд и их уголовно-процессуальные полномочия;
- совокупность процедур реализации прав личности в уголовном судопроизводстве;
- взаимную ответственность участников уголовного судопроизводства [2].

В целом механизм обеспечения, реализации и защиты прав личности посредством уголовного судопроизводства – это совокупность процессуально-правовых элементов, средств и способов, обеспечивающих в определенной последовательности функционирование всего уголовного судопроизводства в соответствии с его назначением.

Что касается прав участников уголовного процесса при окончании предварительного расследования и направление дела в суд, необходимо выделить следующие основные моменты.

Если собранные по делу доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь обязан уведомить об этом каждого обвиняемого и разъяснить ему его право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, законного представителя, о чем составляется протокол в соответствии со ст. 166 и ст. 167 Кодекса.

Об окончании предварительного следствия, с момента принятия следователем такого решения, он уведомляет также каждого защитника, законного представителя обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, которым разъясняется право на ознакомление с материалами дела. Уведомления следователя об окончании им предварительного следствия и разъяснения каждому из этих лиц их права на ознакомление с материалами дела могут быть как письменными (например, повестка по почте), так и устными (телефонограмма), а также при личной явке указанных лиц к следователю. Важно, чтобы эти обстоятельства нашли отражение в деле путем приобщения к нему копий соответствующих документов (письма, телефонограммы, протоколы и т.п.). Если защитник, законный представитель обвиняемого или представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика по уважительным причинам не могут явиться для ознакомления с материалами уголовного дела в назначенное следователем время, то следователь предупреждает их о том, что ознакомление с материалами дела может быть отложено только на срок не более 5 суток.

Обвиняемому, изъявившему желание ознакомиться с материалами дела с помощью избранного им защитника, а равно в случаях, когда защитник уже участвует в деле, разъясняется, что в соответствии с законом (ч. 4 ст. 215 УПК) в случае невозможности избранного им защитника своевременно явиться для ознакомления с материалами уголовного дела предъявление материалов может быть отложено также на 5 суток. По истечении этого времени обвиняемому предлагается избрать другого защитника по его усмотрению либо при ходатайстве обвиняемого следователь оказывает ему помощь для явки другого защитника. Если обвиняемый откажется от назначенного защитника, то ему предъявляются материалы уголовного дела для ознакомления без участия защитника. Однако следует иметь в виду, что это правило не распространяется на случаи, когда участие защитника в уголовном деле в соответствии со ст. 51 Кодекса является обязательным.

В случае если обвиняемый, не содержащийся под стражей, при фактическом его уведомлении об окончании предварительного следствия и разъяснении ему права на ознакомление с материалами уголовного дела не является для реализации своих прав без уважительных причин либо иным образом уклоняется от ознакомления, следователь по истечении 5 суток со дня объявления ему об окончании следственных действий либо ознакомления с делом иных участников судопроизводства, указанных в ч. 2 ст. 215 Кодекса, составляет обвинительное заключение и направляет дело прокурору.

В материалах уголовного дела в обязательном порядке должны быть сведения о том, что обвиняемому разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст. 47, 215, 217 Кодекса, что они ему понятны, а также сведения о том, что обвиняемый не являлся для ознакомления с материалами уголовного дела без уважительных на то причин либо умышленно уклонялся от ознакомления с делом. В числе таких документов могут быть протокол уведомления об окончании следственных действий (приложение 148 к ст. 476 УПК РФ), подписанный обвиняемым и его защитником, в случае участия последнего в деле, процессуальные документы об избрании меры пресечения обвиняемому, протокол его допроса и т.п.

Существенным обстоятельством, гарантирующим право на защиту, является то, что на данном этапе следователь должен разъяснить обвиняемому его права:

• о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, если обвинение предъявлено по статьям УК РФ, входящим в перечень преступлений, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, одновременно разъяснив обвиняемому особенности рассмотрения уголовного дела этим судом, его права в судебном разбирательстве с участием суда присяжных и порядок обжалования такого судебного решения;

• о возможности рассмотрения уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции – в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ;

• ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства – в случаях, предусмотренных ст. 314 УПК РФ (без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы (гл. 40 Кодекса).

Тем самым вся процедура реализации прав и свобод личности представляет собой своеобразный юридический механизм. Органичной составной частью указанного механизма выступают гарантии прав и свобод личности: процессуальные права и гарантии их реализации, а также специальные юридические средства. Однако не следует забывать, что для обеспечения и реализации прав человека не всегда достаточно наличия политических, экономических, социальных и юридических гарантий. Необходимо также, чтобы человек в ходе уголовного судопроизводства осознавал свою социальную ценность и значимость. Следовательно, человек имеет право бороться за свои права и свободы. Каждое лицо, отстаивающее свое право всеми законными способами, участвует в осуществлении идеи свободы, равенства и справедливости.

В то же время имеется определенный пробел в существующем механизме обеспечения прав человека – отсутствие в законодательстве четких обязанностей участников уголовного судопроизводства, а также ответственности за их ненадлежащее исполнение. Режим гарантирования прав человека не может не включать в себя юридическую ответственность, которую несут органы государственной власти и другие правомочные субъекты. Вместе с тем существующая практика в этой области крайне неэффективна и нуждается в совершенствовании законодательства, научно обоснованных рекомендациях. В законодательстве нет четких последствий ответственности должностных лиц в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения обязанностей субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Список литературы

1. *Марченко Е.В.* Необходимость создания механизма обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scienceforum.ru/2014/742/6613 (дата обращения: 23.02.2016).
2. *Мельников В.Ю.* Структурная характеристика механизма обеспечения и реализации защиты прав личности в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2012. – № 7.
3. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс. – СПб.: Питер, 2005. –272 с.
4. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. – М., 2005.
5. *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М., 2003.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://upkod.ru/ (дата обращения: 23.02.2016).

Reference list

1. *Marchenko E.* The necessity to create a mechanism of enforcement, implementation and protection of human rights in criminal procedure [Electronic resource]. Access mode: http://www.scienceforum.ru/2014/742/6613 (Date of access: 23.02.2016).
2. *Mel'nikov V.* Structural feature of a mechanism of enforcement and implementation of protection of individual rights in criminal procedure // Russian judge. 2012. № 7.
3. *Smirnov A., Kalinovskiy K.* The criminal process. SBR.: Piter, 2005. – 272 p.
4. The Constitution of the Russian Federation. It has been adopted by the national referendum on 12th of December, 1993. M., 2005.
5. *Khimicheva G.* Pre-trial procedure in criminal cases: The conception of improvement of criminal-procedural activity. M., 2003.
6. The Criminal Procedural Code of the Russian Federation (CPC). [Electronic resource] – Access mode: http://upkod.ru/ (Date of access: 23.02.2016).

УДК 349

Скребнева Н.А.,
аспирант Московского института государственного управления и права, преподаватель Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

В статье рассматриваются понятие и виды медицинских отношений как правовой категории. В настоящее время как на законодательном, так и на доктринальном уровне отсутствует единое конкретное определение понятия «медицинские отношения», а также комплексное научное изучение данного явления. Вместе с тем настоящая проблематика в современных социально-правовых и социально-экономических условиях является актуальной, и с каждым годом интерес к ней закономерно возрастает. В работе анализируются существующие подходы к определению понятия «медицинские отношения» и предложено авторское понятие данной категории; представлена классификация медицинских отношений по основаниям выполняемой функции, области возникновения, характеру обязательств, воле пациента, цели правоотношения, отраслям права.

Ключевые слова: правоотношения, медицина, охрана здоровья, медицинская деятельность, медицинские отношения, классификация медицинских отношений

Skrebneva N.,
Postgraduate student of the Moscow Institute of Public Administration and Law,
Lecturer of the Moscow State Medical-Dental University named after A. Evdokimov

THE CONCEPTION AND THE CLASSIFICATION OF MEDICAL RELATIONS AS A LEGAL CATEGORY

The conception and types of medical relations as a legal category are discussed in the article. At this time on the both legislative and doctrinal levels there is no unique specific definition "medical relations", as well as there is no comprehensive scientific study of given phenomenon. However, the present issue is a relevant in contemporary social-legal and social-economic conditions, it is a matter of the greatest interest each year, naturally. The paper analyzes existing approaches to the definition "medical relations" and the author's conception of this category has been proposed; the classification of medical relations on the basis of performing function, the field of occurrence, the nature of obligations, patient's will, the goal of legal relations as well as on areas of law has been presented.

Keywords: legal relations, medicine, health protection, medical activity, medical relations, classification of medical relations

В силу отсутствия законодательного определения понятия «медицинские отношения», а также единого научного подхода к данному вопросу целью настоящей работы является рассмотрение понятия медицинских отношений как правовой категории путем анализа некоторых существующих подходов к данной проблеме с точки зрения юридической науки, а также выделения их отличительных признаков и разновидностей.

Правоотношения в юридической науке принято определять как общественные отношения, которые регулируются правовыми нормами и для которых характерны следующие черты: 1) их появление неразрывно связано с влиянием законодательства на действия человека; 2) правоотношения неотделимы от категории «воля», так как они появляются по воле всех или одного из субъектов правоотношения; 3) являются связующим звеном между его участниками в виде возникновения субъективных прав и юридических обязанностей; 4) подлежат непрерывной государственной охране [8, с. 318].

Медицинским отношениям, как и всем другим правоотношениям, присущи перечисленные признаки, однако к более конкретизированному их определению не существует общепринятого подхода.

В.А. Акопов рассматривает медицинские отношения как правовую категорию и понимает под отношениями, регулирующимися медицинским правом, «отношения между гражданином и лечебно-профилактическим учреждением, между пациентом и меди-

цинским работником в сфере организации, а также их прав, обязанностей и ответственности в связи с проведением диагностических, лечебных, санитарно-гигиенических мероприятий» [2, с. 21].

Более обобщенно определяет медицинские отношения С.Г. Стеценко, по мнению которого это отношения, формирующиеся в результате осуществления медицинской деятельности [15, с. 48].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» медицинская деятельность является сложной категорией, состоящей из других понятий, таких как медицинская помощь, медицинская услуга, медицинское вмешательство, благодаря которым сущность этой категории и отношений, связанных с ней, расширяется и конкретизируется.

Таким образом, если определять медицинские отношения как отношения, возникающие в процессе медицинской деятельности, к ним будет относиться широкий спектр отношений в различных сферах медицины, которые регулируются большим количеством нормативно-правовых актов; причем не только законов, посвященных исключительно медицинской деятельности, но и гражданским отношениям (медицинские услуги), регулируемым ч. 2 Гражданского кодекса РФ.

По мнению А.А. Мохова, целью медицинского права является упорядочение отношений, связанных с охраной здоровья граждан, в процессе формирования, реализации и развития здравоохранения, в том числе в связи с правовым воздействием на медицинскую деятельность [9, с. 42]. Автор обращает внимание на весь спектр отношений, связанных с охраной здоровья граждан (медико-социальное обеспечение, снабжение лекарственными препаратами, профилактические и гигиенические мероприятия, содействие в осуществлении правосудия и т.п.) [10, с. 8]. Исходя из всего вышесказанного, А.А. Мохов включает в понятие «медицинские отношения» не только отношения, возникающие в процессе медицинской деятельности, но и относит к этой категории отношения в связи с охраной здоровья граждан, включающие в себя как меры медицинского, так и иного характера, а также отношения, возникающие в рамках осуществления правосудия, привлечения к юридической ответственности.

С этим мнением в целом согласна и Е.О. Шленева, которая считает, что предметом регулирования медицинского (врачебного) права являются отношения, формирующиеся в сфере здравоохранения, участниками которых являются медицинская организация (учреждение) и (или) медицинский работник и пациент [16, с. 42–58].

С точки зрения законодательства РФ охрана здоровья граждан – это система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского характера, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи [1, ст. 2].

М.Н. Малеина рассматривает медицинские отношения как организационные, имущественные, личные отношения, связанные с проведением диагностических, лечебных мероприятий, санитарно-гигиенических мероприятий, медикаментозным снабжением [6, с. 32].

В данном определении также представлен широкий спектр связей, который охватывает отношения различных отраслей права (гражданское, административное), связанных с медицинской помощью, мероприятиями, лекарственным обеспечением и т.д., однако, в отличие от определения А.А. Мохова, отсутствует акцент на юридическую ответственность.

А.А. Рёрихт к медицинским отношениям относит общественные отношения, возникающие в процессе осуществления медицинской деятельности, участниками которых является определенный спектр физических и (или) юридических лиц, применяющих специальные медицинские знания с целью изменения состояния здоровья пациента. Кроме того, в категорию «медицинские отношения» автор включает общественные отношения организационно-управленческого, научно-исследовательского и иного характера, обеспечивающие основные (лечебно-профилактические) отношения, связанные с оказанием медицинской помощи пациентам. Особое внимание А.А. Рёрихт уделяет факту, что медицинские отношения основаны на публично-правовом регулировании, в рамках которого также существуют отношения частноправового характера [12].

Данное определение является достаточно широким и конкретизированным, в нем отражен целый ряд вспомогательных отношений из других отраслей права с открытым перечнем, что демонстрирует многообразие медицинских отношений, а также впервые выделена связь с использованием специальных медицинских знаний.

Ю.Д. Сергеев к медицинским относит отношения, возникающие при осуществлении лечебно-профилактической, санитарно-гигиенической и иной здравоохранительной и медицинской деятельности, и выделяет следующие их блоки: 1) по горизонтали гражданско-правовые отношения (оказание медицинских услуг, приобретение лекарственных средств,

охранительные гражданские отношения, возникающие при причинении вреда здоровью или жизни гражданина); 2) по вертикали административно-правовые отношения (контроль государственных органов за соблюдением медицинскими организациями и медицинскими работниками правовых норм, привлечение к административной ответственности); 3) внутренние отношения хозяйствующего субъекта (гражданские, трудовые, административные отношения); 4) отношения по диагонали – с другими хозяйствующими субъектами (конкурентные отношения) [14, с. 258].

Данный подход разделения медицинских отношений на несколько блоков является весьма информативным, так как наглядно представлены различные виды общественных взаимосвязей в области медицины. Следует отметить, что автором впервые выделены трудовые и конкурентные отношения в данной сфере; вместе с тем наряду с гражданской и административной юридической ответственностью нет указания на уголовную ответственность.

Схожего подхода к определению круга медицинских отношений придерживаются О.Ю. Александрова, Н. Ф. Герасименко, Ю.И. Григорьев, И.К. Григорьев, отмечающие административный, гражданско-правовой, трудовой и правоохранительный характер отношений в сфере здравоохранения. Следует подчеркнуть, что авторы выделяют особую роль правоохранительного характера медицинских отношений, относят к ним все виды юридической ответственности [3].

Представленный обзор мнений ряда авторов относительно понятия «медицинские отношения» демонстрирует взаимосвязь различных видов отношений, связанных с охраной здоровья граждан.

Таким образом, с нашей точки зрения, под медицинскими отношениями следует понимать отношения, возникающие при осуществлении охраны здоровья граждан и обладающие определенными признаками. К этим признакам целесообразно отнести следующие: 1) объектом медицинских отношений является жизнь и здоровье человека; 2) реализация большинства медицинских отношений связана с наличием специальных знаний и профессиональных навыков; 3) медицинские отношения регулируются различными отраслями права (административное, гражданское, уголовное, трудовое); 4) участниками медицинских отношений являются как публичные, так и частные субъекты.

Обладая общими родовыми признаками, медицинские правоотношения в то же время подразделяются на виды по различным критериям.

В зависимости от выполняемой функции правоотношения делятся на регулятивные и охранительные. Регулятивными является большинство медицинских отношений, складывающихся по поводу осуществления медицинской деятельности, выполнения медицинских услуг. Охранительные медицинские правоотношения возникают при причинении вреда жизни, здоровью пациентов, нарушении права на медицинскую помощь, т.е. отношения, связанные с привлечением к юридической ответственности лечебных учреждений, медицинских работников.

По критерию области возникновения правоотношения могут быть частными или публичными. Медицинские отношения регулируются как публичным (установление государственными органами стандартов оказания, критериев качества медицинской помощи, порядок лицензирования медицинской деятельности т.д.), так и частным правом (регулирование гражданским правом оказания платных медицинских услуг). Таким образом, чаще всего медицинские отношения одновременно обладают публичным и частноправовым характером, что является их отличительной особенностью.

С точки зрения вида обязательств медицинские правоотношения подразделяются на активные и пассивные. При активных отношениях имеют место обязанности по выполнению конкретных действий, пассивные отношения предполагают необходимость отказа от совершения действий, запрещенных законодательством. Подавляющее большинство медицинских отношений являются активными, направленными на совершение определенных действий в целях охраны, профилактики, лечения, улучшения состояния здоровья пациента. Ярким примером пассивных медицинских отношений являются отношения, связанные с юридической ответственностью в медицинских отношениях, например, с нарушением врачебной тайны, причинением вреда жизни и здоровью пациента, незаконным совершением аборта и т.д.

Если в качестве классификационного критерия отграничения медицинских отношений использовать волю лица, направленную на установление правоотношения, то можно установить два вида правовой связи, в соответствии с которой различают возникновение отношений по медицинскому обслуживанию по воле пациента и независимо от нее.

Следует отметить, что все правоотношения связаны между собой, поэтому достаточно актуально их разграничение на простые и сложные. А.Е. Самсонова в качестве основания для такого разделения правоотношений предлагает установить их цель. Субъекты сложного правоотношения вступают в него для достижения конкретного результата, когда он не может быть получен в рамках простого правоотношения. Цель объединяет всех субъектов сложного правоотношения и в то же время способствует разграничению правоотношений друг от друга. Таким образом, сложное правоотношение состоит из ряда «простых правоотношений», каждое из которых по отдельно-

сти не в состоянии достичь той цели, которую преследует сложное правоотношение в целом [13].

А.Е. Самсонова выделяет несколько отличительных признаков сложного правоотношения: 1) оно всегда динамично, отличается стадийностью, т.е. постепенно переходит из одного простого отношения в другое до момента достижения определенной цели; 2) характеризуется множественностью сторон; 3) появляется в том случае, когда стороны простого правоотношения не в состоянии без действий иных субъектов достичь поставленной цели; 4) в отличие от системы правоотношений, представляющей собой совокупность правоотношений, объединенных по определенному критерию, сложное правоотношение – это целостная категория, все элементы которой взаимосвязаны и направлены на достижение конкретной цели [13, с. 13–17].

Медицинские отношения, на наш взгляд, следует разделить на простые и сложные отношения. Так, примером простых медицинских отношений является оказание медицинской услуги конкретному пациенту. Вместе с тем целью любых медицинских отношений является жизнь и здоровье людей, а также деятельность, направленная на охрану этих ценностей. Охрана жизни и здоровья людей, в свою очередь, подразумевает целый комплекс действий и мероприятий, выражающийся в большом количестве правоотношений, возникающих между различными субъектами права, что выступает примером сложного правоотношения.

Исследование сложных правоотношений способствует решению ряда научных проблем, в частности формированию теории комплексных правоотношений, включающих в себя элементы частного и публичного права.

Медицинские отношения выступают одним из ярких примеров комплексных правоотношений. О существовании комплексных правоотношений говорила еще Р.О. Халфина, отмечая наличие определенных правовых норм, определяющих характер всей правовой системы, реализация которых производится опосредованно с помощью иных норм права [17, с. 55].

Таким образом, через комплексные правоотношения осуществляется взаимосвязанное сотрудничество между отраслями права, которые являются частью единого правового поля. Следовательно, можно сделать вывод о том, что комплексные правоотношения возникают в комплексных отраслях права [4, с. 10–17] либо являются способом взаимодействия правовых отраслей в форме межотраслевых отношений. По мнению В.Ф. Яковлева, одним из ключевых моментов развития права является оптимизация связей между его различными отраслями [18, с. 237].

Комплексность медицинских отношений обусловлена тем, что их регулирование осуществляется различными отраслями права и, соответственно, различными методами. Так, А.А. Рёрихт считает, что основа медицинского права как комплексной правовой отрасли применяет правовые нормы, которые регулируют только медицинские правоотношения, и в то же время использует для достижения поставленных целей нормы иных отраслей права – основных (конституционного, административного, гражданского, уголовного), производных (трудового права) и комплексных (экологического, информационного, предпринимательского и др.) [12, с. 12].

Подобного рода мысли высказывал и Г.Р. Колоколов, по мнению которого медицинское право представляет собой комплексную отрасль законодательства, состоящую из норм ряда отраслей российского права, посредством которых осуществляется регулирование правоотношений в различных областях охраны здоровья. Аналогичного мнения придерживаются и А.А. Мохов, Ю.Д. Сергеев.

Однако существуют и иные точки зрения. Некоторые авторы полагают, что отношения в сфере охраны здоровья регулируются конституционным правом [5, с. 5]; другие авторы считают, что в основе этих отношений лежит административный характер, и лишь в случаях причинения материального вреда пациенту могут возникать гражданские правоотношения [19, с. 217; 11, с. 4, 12].

Однако данным точкам зрения можно противопоставить определенные аргументы. Так, право на охрану здоровья и медицинскую помощь регламентировано конституционным правом (ст. 41 Конституции РФ), вместе с тем юридическая ответственность за причинение вреда здоровью граждан регулируется нормами гражданского права (ст. 1084–1094 Гражданского кодекса РФ), административного права (гл. 6 Кодекса РФ об административных правонарушениях) и уголовного права (гл. 16 Уголовного кодекса РФ), а отношения, возникающие при возмездном оказании медицинских услуг, также упорядочены положениями Гражданского кодекса (ст. 779 ГК).

Необходимо отметить справедливое высказывание М.И. Милушина, который отмечает, что комплексность законодательства о здравоохранении определяется, главным образом, комплексным подходом законодателя к правовой регламентации данной области в целях одномоментного регулирования отношений, объединенных по критерию их социальной функции, а не в зависимости от принадлежности к определенной правовой отрасли [7, с. 38].

Исходя из комплексности медицинских правоотношений, их можно классифицировать по отраслевому принципу на конституционные, административные, трудовые, гражданские, уголовные.

Таким образом, из всего вышесказанного мы пришли к следующим выводам.

Под медицинскими отношениями следует понимать отношения, возникающие при осуществлении охраны здоровья граждан, к определяющим признакам которых относятся: особый объект медицинских отношений – жизнь и здоровье человека; наличие специальных условий, знаний и профессиональных навыков для их реализации; комплексный характер, выражающийся в регулировании медицинских отношений различными отраслями права (конституционное, административное, гражданское, уголовное, трудовое); участниками медицинских отношений являются как публичные, так и частные субъекты.

Медицинские отношения классифицируются по следующим основаниям: выполняемой функции, области возникновения, характеру обязательств, воле пациента, цели правоотношения, отраслям права.

В настоящее время в действующем законодательстве РФ не представлено понятие «медицинские отношения», поэтому, с нашей точки зрения, целесообразность отражения определения данной правовой категории представляется очевидной.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // Российская газета. – 23.11.2011. – № 263. (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2016).
2. *Акопов В.И.* Медицинское право в вопросах и ответах. – М.: Приор, 2000.
3. *Александрова О.Ю., Григорьев И.К., Григорьев Ю.И.* Ответственность за правонарушения в медицине: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 240 с.
4. *Алексеев С.С.* Об отраслях права // Советское государство и право. –1972. – № 3.
5. *Косолапова Н.В.* Конституционное обеспечение права граждан на медицинскую помощь: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
6. *Малеина М.Н.* Законодательство о здравоохранении в России: современное состояние и перспективы развития // Современное медицинское право в России и за рубежом / под ред. О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоварова. – М.: ИНИОН, ИГПРАН, 2003.
7. *Милушин М.И.* Проблемы формирования комплексных образований в законодательстве России. – М., 2003.
8. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник. – М.: Эксмо, 2011.
9. *Мохов А.А.* Медицинское право (Правовое регулирование медицинской деятельности). – Волгоград: ВолГМУ, 2003.
10. *Мохов А.А.* Медицинское право как отрасль права и его место в системе российского оправа // Медицинское право. – 2003. – № 4.
11. *Новоселов В.П.* Административно-правовые проблемы управления здравоохранением в субъектах Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999.
12. *Рёрихт А.А.* Юридизация медицинского права: развитие публично-правовых начал: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009.
13. *Самсонова А.Е.* Сложные и комплексные правоотношения в финансовом праве // Финансовое право. – 2010. – № 6.
14. *Сергеев Ю.Д.* Медицинское право: учеб. комплекс для вузов. – М.: «Гэотар-Медиа», 2008.
15. *Стеценко С.Г.* Медицинское право: учебник. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004.
16. *Шленева Е.* О теоретических основах медицинского права // Право и жизнь. – 2003. – № 59 (7).
17. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая лит., 1974.
18. *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – Свердловск, 1972.
19. *Ярошенко К.Б.* Имущественная ответственность лечебных учреждений за вред, причиненный их работниками // Вопросы государства и права. – 1970. – № 2.

Reference list

1. Federal Law of 21.11.2011 № 323-FL “About principles of health protection of citizens in the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 23.11.2011. № 263. (as amended and supplemented, went into effect 01.01.2016).
2. *Akopov V.* Medical law in questions and answers. M.: Prior, 2000.
3. *Aleksandrova O., Grigor’ev I., Grigor’ev Yu.* Responsibility for offences against the law in medicine: Textbook for students of higher education institutions. M.: “Akademiya” Publishing center, 2006. – 240 p.
4. *Alekseev S.* About the areas of law // Soviet state and law. 1972. № 3.
5. *Kosolapova N.* The constitutional enforcement of the right of citizens to medical care: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Saratov, 2000.
6. *Maleina M.* Public health legislation in Russia: Current state and prospects of development // Contemporary medical law in Russia and in foreign countries / Under the editorship of O. Dubovik, Yu. Pivovarov. M.: INION, IGPRAN, 2003.
7. *Milushin M.* Issues of formation of integrated structures in the Russian legislation. M., 2003.
8. *Morozova L.* Theory of state and law: textbook. M.: Eksmo, 2011.

9. *Mokhov A.* Medical law (Legal regulation of medical activity).Volgograd: VolSMU, 2003.
10. *Mokhov A.* Medical law as branch of law and its place in the system of Russian law // Medical law. 2003. № 4.
11. *Novoselov V.* Administrative-legal issues of health management in subjects of the Russian Federation: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Ekaterinburg, 1999.
12. *Reriht A*. Medical law jurisdification: The development of public legal outsets: Thesis of PhD in Law. M., 2009.
13. *Samsonova A.* Compound and complex of legal relations in financial law // Financial law. 2010. № 6.
14. *Sergeev Yu.* Medical law: Textbook for higher education institutions. M: "GEOTAR-Media", 2008.
15. *Stetsenko S.* Medical law: Textbook. SBR.: The Juridical Center "Press", 2004.
16. *Shleneva E*. About the theoretical foundations of medical law // Law and life. 2003. № 59 (7).
17. *Khalfina R*. The General doctrine about legal relations. M.: Juridical literature, 1974.
18. *Yakovlev V.* Civil legal method of regulating social relations. Sverdlovsk, 1972.
19. *Yaroshenko K*. The property accountability of medical institutions for injuries caused by their workers // Issues of state and law. 1970. № 2.

УДК 341

Шутурова Х.М.-Б.,
ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ингушского государственного университета, соискатель Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕТЕНЦИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

В данной статье рассматриваются особенности компетенции Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ, в основе которых лежит неопределенность в том, является ли региональный Уполномоченный органом государственной власти в полном смысле этого слова, так как в этой структуре именно такой элемент, как компетенция, и делает Уполномоченного органом государственной власти с особым статусом. В компетенции Уполномоченного отсутствуют государственно-властные полномочия, характерные для других органов государственной власти, его компетенцию входит рассмотрение жалоб граждан РФ и находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих, если ранее они обжаловали эти решения или действия (бездействие) в судебном либо административном порядке, но не согласны с решениями, принятыми по их жалобе.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ, компетенция, обязанности, конституционные права и свободы человека и гражданина в субъекте РФ, правовые институты, конституционно-правовой институт, правозащитный орган, институт российского омбудсмена

Shuturova Kh.,
Teaching Fellow of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of Ingush State University, Degree-seeking student of the Law Institute of North-Caucasus Federal University

THE JURISDICTION PECULIARITIES OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER IN CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION (BY THE EXAMPLE OF THE SOUTH RUSSIA)

This article examines the jurisdiction peculiarities of the Human Rights Commissioner in constituent entity of the Russian Federation, which are based on uncertainty as to whether regional Commissioner of public authority in every sense of the word, as well as in this structure there is precisely this element, as the jurisdiction, and it makes the Commissioner as a public authority, having particular status. In the jurisdiction of the Commissioner there are no state-power authorizations, which are specific to other public authorities; it has the jurisdiction to hand complaints of the Russian citizens and non-citizens, located in the Russian territory, stateless persons on decisions or actions (inaction) of government agencies, self-government authorities, public officials, civil servants, if these persons had previously appealed these decisions or actions (inaction) in legal process or in administrative procedure, but they don't agree with the decisions, taken on their complaint.

Keywords: Human Rights Commissioner in constituent entity of Russian Federation, jurisdiction, charges, constitutional rights and liberties of person and citizen in constituent entity of Russian Federation, legal institutions, constitutional– legal institution, human rights institution, institution of Russian Ombudsman

Становление правовых институтов, традиционных для зарубежных государств, в России всегда сопровождается появлением новых особенностей, отражающих традиции и условия возникновения этого института. Конституционно-правовой институт Уполномоченного по правам человека является новым для России: он не имеет аналогов в тысячелетней истории нашей страны, хотя в мировой истории он уже известен давно. В классическом виде институт омбудсмена – так называют уполномоченных по пра-

вам человека в Европе и в мире – был создан в 1809 г. в Швеции.

Учреждение этого института как государственного правозащитного органа знаменует важный этап, на котором защита прав человека формулируется как задача Российского государства.

Ныне действующий институт российского омбудсмена приобрел независимость от всех ветвей власти в сложной политической борьбе, что, естественно, породило множество правовых пробелов в установлении его статуса. Демократические преобразования в России, новые социально-экономические процессы и реформирование российской государственности показывают пути совершенствования института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах. В этих целях важен системно-правовой анализ как сущности явления, так и имеющихся пробелов правового регулирования.

Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ является одним из важнейших правозащитных институтов в России. Как отмечается в новейших изданиях по конституционному праву России, в том числе в учебнике кафедры государственного и международного права Ставропольского государственного университета [6], роль и значение Уполномоченного для региональной системы защиты прав и свобод человека и гражданина переоценить невозможно.

Нужно сказать, что в п. 3 ст. 37 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [1, с. 1011] указывается, что Уполномоченный по правам человека в РФ и его рабочий аппарат являются государственным органом с правом юридического лица, имеющим расчетный и иные счета, печать и бланки со своим наименованием и с изображением Государственного герба Российской Федерации. В большинстве законов субъектов РФ, находящихся в пределах ЮФО, об Уполномоченном по правам человека существует аналогичная норма, устанавливающая, что уполномоченные и их аппараты относятся к государственным органам.

Нужно сказать, что заключения Уполномоченных по правам человека носят рекомендательный характер. Для государственного органа, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного служащего обязателен лишь письменный ответ о принятых мерах по рекомендациям Уполномоченного по правам человека, содержащихся в его заключении, а также предоставление Уполномоченному запрошенных материалов и документов, иной информации, необходимой для осуществления его полномочий.

Как следствие, убеждаемся в том, что Уполномоченный по правам человека в РФ и Уполномоченные по правам человека в субъектах РФ не обладают таким признаком органа государственной власти, как наличие в правовом статусе государственно-властных полномочий.

Таким образом, Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ, находящемся в пределах ЮФО, является независимым органом государственной власти субъекта Федерации с особым статусом, выражающимся в отсутствии у него такого государственно-властного полномочия, как обязательность актов Уполномоченного для органов публичной власти и их должностных лиц.

Как каждый орган государственной власти, региональный Уполномоченный по правам человека в субъектах РФ, находящихся в пределах ЮФО, наделен определенным конституционно-правовым статусом.

На мой взгляд, структуру конституционно-правового статуса уполномоченных по правам человека в субъекте РФ должны составлять следующие элементы: 1) место регионального уполномоченного по правам человека в системе государственных органов субъекта РФ и его функции; 2) порядок назначения и освобождения от должности уполномоченного по правам человека в субъекте РФ; 3) компетенция уполномоченного по правам человека в субъекте РФ; 4) гарантии деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте РФ.

В этой структуре именно такой элемент, как компетенция, и делает Уполномоченного органом государственной власти с особым статусом, так как в компетенции отсутствуют государственно-властные полномочия, характерные для других органов государственной власти.

Как отмечается в научной литературе, «институт омбудсмена – деполитизированный публично-правовой институт по защите прав граждан, пострадавших от действий государства, как правило, не относящийся ни к одной из ветвей власти и не встроенный ни в одну из властных структур» [5, с. 14]. Именно в таком контексте рассматривается компетенция регионального Уполномоченного в новейших научных исследованиях, в частности в диссертации А.Ю. Семеновой «Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» [7].

В компетенцию Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации входит рассмотрение жалоб граждан РФ и находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих, если ранее они обжаловали эти решения или действия (бездействие) в судебном либо административном порядке, но не согласны с решениями, принятыми по их жалобе.

Аналогичные положения имеются и в законах об Уполномоченных по правам человека субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа.

Так, согласно ст. 11 Закона Краснодарского края от 4 июля 2000 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Краснодарском крае» [2] Уполномоченный рассматривает жалобы граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Краснодарского края, их объединений на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления Краснодарского края и должностных лиц, нарушающих основные права и свободы человека и гражданина.

Согласно ч. 2 ст. 16 Федерального конституционного закона Уполномоченный не рассматривает жалобы на решения палат Федерального Собрания Российской Федерации и законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Также и региональный Уполномоченный по правам человека не рассматривает жалобы на решения законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта Федерации и представительных органов местного самоуправления.

Уполномоченный по правам человека в субъектах РФ, в пределах ЮФО, также как и Федеральный Уполномоченный, может обращаться к компетентным органам для защиты нарушенных прав граждан (только на территории соответствующего субъекта Федерации).

Федеральный конституционный закон налагает на Уполномоченного по правам человека в РФ ряд обязанностей.

Среди них следующие:

• действовать на основе Конституции РФ и законов РФ;

• направлять государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и свобод граждан, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и свобод (ст. 27);

• не разглашать сведения о частной жизни отдельных лиц, а также не разглашать информацию о ходе рассмотрения жалобы до принятия окончательного решения;

• по окончании календарного года Уполномоченный обязан направить доклад о своей деятельности Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации и Государственную Думу, Правительство Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации и Генеральному прокурору Российской Федерации.

Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации также наделен законодательством определенными обязанностями, которые по своему содержанию сходны с обязанностями Уполномоченного по правам человека в РФ, но, естественно, отличаются региональной спецификой.

Конституция РФ и федеральное законодательство не наделили Уполномоченного правом законодательной инициативы. Однако законодателю следовало бы предоставить возможность оказывать влияние на правотворчество, инициировать реформы в области прав человека. Важной функцией Уполномоченного должны стать не только анализ и выявление тенденций, актуальных проблем в тех сферах, где наиболее часто встречаются нарушения прав граждан, но и право на основе этих данных вносить в парламент предложения об изменении законов или принятии новых законодательных актов [4].

Между тем в законах субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа, содержатся нормы, аналогичные норме п. «б» ст. 15 Закона Ставропольского края «Об Уполномоченном по правам человека в Ставропольском крае»:

«При наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, Уполномоченный вправе обращаться к субъектам права законодательной инициативы в Государственной Думе Ставропольского края с предложениями о внесении изменений и дополнений в законодательство Ставропольского края, если Уполномоченный полагает, что решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан, совершаются на основании и во исполнение законодательства Ставропольского края либо в случае пробелов в законодательстве Ставропольского края, либо в случае если законодательство Ставропольского края противоречит федеральному законодательству, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации».

Закон Республики Ингушетия «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Ингушетия» от 24 марта 2003 г. [3] предоставляет Уполномоченному право законодательной инициативы по вопросам, связанным с реализацией и защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина (ч. 5 ст. 18).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ, находящемся в пределах ЮФО, является независимым органом государственной власти субъекта Федерации с особым статусом, выражающимся в отсутствии у него такого государственно-властного полномочия, как обязательность актов Уполномоченного для органов публичной власти и их должностных лиц;

– компетенция Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ, находящихся в пределах ЮФО, обладает определенными особенностями, которые продиктованы местом регионального уполномоченного в системе органов государственной власти в Российской Федерации и субъекте РФ;

– компетенция регионального Уполномоченного сходна с компетенцией Уполномоченного по правам человека в РФ, но обладает определенной региональной спецификой. Ее важнейшей особенностью является право законодательной инициативы по вопросам, связанным с реализацией и защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина в субъекте РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.02.1997 №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собр. зак. РФ. – 03.03.1997. – № 9. – Ст. 1011.
2. Закон КК от 4.07.2000 № 287-КЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Краснодарском крае» // СПС «Консультант Плюс».
3. Закон Республики Ингушетия от 24.03.2003 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Ингушетия» // СПС «Консультант Плюс».
4. *Башимов М.С.* Становление и перспективы института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Журнал российского права. – 1998. – № 17.
5. *Бойцова В.В., Бойцова Л.В.* Комментарий к Федеральному конституционному закону «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». – М., 1997.
6. Конституционное право России: в 2 т. / под ред. проф. И.В. Мухачёва. – Ставрополь: Сервисшкола, 2007. – Т. 2.
7. *Семенова А.Ю.* Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис…. канд. юрид. наук. – Тюмень, 2006.
8. *Хаманева Н.Ю.* Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. – М., 1997.

Reference list

1. Federal Law of 26.02.1997 № 1-FCL "On the Human Rights Commissioner in the Russian Federation" // Official Gazette. 03.03.1997. № 9. Art. 1011.
2. The Law of Krasnodar Krai from 4.07.2000 № 287-KL "On the Human Rights Commissioner in Krasnodar Krai" // Legal Reference System "Consultant Plus".
3. The Law of the Republic of Ingushetia dated 24.03.2003 "On the Human Rights Commissioner in the Republic of Ingushetia" // Reference Legal System "Consultant Plus".
4. *Bashimov M.* The formation and future of the Institution of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation // Russian Law Journal. 1998. № 17.
5. *Boytsova V., Boytsova L.* The review to the Federal Constitutional Law "On the Human Rights Commissioner in the Russian Federation". M., 1997.
6. Constitutional Law of Russia: In 2 volumes / Under the editorship of Professor I. Mukhachev. Stavropol': Servisshkola, 2007. Vol. 2.
7. *Semenova A.* The Human Rights Commissioner in mechanism for enforcement of the rights and freedoms of a person and a citizen in the Russian Federation: Thesis of PhD in Law. Tyumen, 2006.
8. *Khamaneva N.* Protection of the citizens' rights in the sphere of executive power. M. 1997.

УДК 341

Шамаров П.В.,
аспирант Национального института имени Екатерины Великой

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

В статье анализируются и уточняются принятые в отечественной и зарубежной юриспруденции подходы по периодизации развития современной системы международного правосудия, а также обосновывается авторская научная позиция по предмету исследования.

В частности, за последние 25 лет был принят ряд важнейших международных правовых документов в сфере судебной практики. Одним из знаковых юридических событий конца XX в. явилось учреждение Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (далее МТБЮ).

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным ограничить длительность пятого этапа 1992-ым г. и предложить в качестве «точки отсчета» следующего – шестого (текущего) периода развития современного правосудия – факт образования в 1993 г. МТБЮ. При этом полагаем, что, хотя Экономический суд СНГ и был формально создан несколько ранее – в 1992 г., данный международный судебный орган не может быть идентифицирован в названном качестве вследствие ряда причин.

Главной «вехой» пятого этапа (исходя из степени важности данного юридического события для теории международного права и оказанного им влияния на развитие всей системы международного правосудия) следует считать учреждение в 1945 г. Нюрнбергского трибунала (Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси).

В целом, по нашему мнению, периодизация современной системы международного правосудия может включать шесть последовательных эмпирических этапов ее развития.

Ключевые слова: международное право, международные суды, система современного международного правосудия, этап (период) развития современной системы правосудия

Shamarov P.,
Postgraduate student of Ekaterina the Great National Institute of Russia

REVISITING THE PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT OF THE CONTEMPORARY SYSTEM OF INTERNATIONAL JUSTICE

The article is analyzed and specified approaches to the periodization of the development the contemporary system of international justice which were adopted in national and foreign jurisprudence, as well as the author's scientific standpoint is also based on the scope of study. In particular, over the past 25 years a number of sensitive international legal instruments have been adopted in the field of jurisprudence. One of the key legal developments of the end of the XX century has been the creation of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the former Yugoslavia (hereinafter the ICTY).

Having regard to the above, it seems advisable to limit the duration of the fifth stage by 1992, and to offer as a "point of reference" of the next – the sixth (current) period of the development of contemporary justice – the fact of creation of the ICTY in 1993. Thus, it is believed that although the Economic Court of the CIS was formally established earlier – in 1992, due to variety reasons this international judicial body could not be identified in this capacity.

The major "milestone" of the fifth stage (based on admissibility of the current legal development to the theory of international law and its affected impact on the development of the whole system of international justice) should be considered for creation of the Nuremberg Tribunal in 1945 (International Military Tribunal for the tribal and punishment of the major war criminals of the European Axis). Generally, in our view, the periodization of the contemporary system of international justice may include six consecutive empirical stages of its development.

Keywords: international law, international courts, system of contemporary international justice, stage (period) of development of contemporary system of justice

Развитие человечества обусловило обращение за разрешением международных споров к беспристрастному органу, который на основе норм права выносил справедливый вердикт. Подобный подход являлся достаточно распространенной практикой. Наиболее ранняя форма такой международной юрисдикции – классические третейские суды народов Древнего мира. Данная форма разрешения международных споров наблюдалась и в средние века [1].

Вместе с тем в научной литературе прослеживается мнение, что «в современном виде и качестве международное право было сформировано…после Второй мировой войны» [2, с. 3], т.е. временной период современного международного правосудия ограничивается последними 70 годами.

К этому необходимо добавить, что некоторые ученые становление системы современного судебного рассмотрения международных споров соотносят с активизацией во второй половине XIX в. деятельности международных третейских судов [3, с. 78–79.].

Однако система международной судебной деятельности охватывает более продолжительный исторический период, превышающий 220 лет. В истории государства и права принято делить длительные исторические периоды на ряд последовательных этапов по тому или иному основанию периодизации.

1. Заметим, что одни исследователи делят рассматриваемый период на четыре этапа [3], другие – на пять [4, с. 31–44; 5]. При этом ни один из авторов не называет основания периодизации, и поэтому в ряде случаев наблюдается смещение временных интервалов.

Со своей стороны полагаем, что если признать за основание классификации правовые основы регулирования и судебные разбирательства в сфере международных отношений, то рассматриваемый исторический период начинает свой отсчет с 1774 г. При этом общепризнанной в научном сообществе периодизацией предмета исследования является деление названного исторического периода на пять последовательных этапов (периодов).

На **первом этапе (1794–1871 гг.)** важнейшим юридическим событием считается принятие англо-американского договора о дружбе, торговле и мореплавании в 1794 г. (договор Джея), который предусматривал создание смешанных комиссий, возглавляемых третейскими судьями и состоявших из равного числа членов комиссий Великобритании и США.

Второй этап (1872–1898 гг.) ознаменовался третейским разбирательством в 1872 г. спора между США и Великобританией, касавшегося претензии по делу о нарушении английским крейсером «Алабама» нейтралитета во время гражданской войны в США («алабанское дело»).

Определяющим событием **третьего периода (1899–1919 гг.)** явилось подписание в 1899 г. Гаагской конвенции о мирном разрешении международных споров. В соответствии с ее нормами, державы – участники конференции обязались обеспечивать урегулирование международных разногласий исключительно мирными средствами.

Четвертый этап (1920–1944 гг.) характеризуется созданием в 1920 г. Постоянной палаты международного правосудия – первого постоянного международного суда, предусмотренного Статутом Лиги Наций. Данное решение реализовывало нормы Версальского мирного договора 1919 г.

Пятый этап (с 1945 г. – по настоящее время) характеризуется окончанием Второй мировой войны и созданием Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов (международных уголовных судов «первого поколения»), а также Международного суда ООН и Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ).

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением В.Л. Толстых, считающего, что деятельность международных судов с 90-х гг. XX столетия можно классифицировать **в качестве нового этапа** развития системы международного правосудия [1, с. 81–83], поскольку именно в этот период произошли знаковые международные события, оказавшие сущностное влияние на систему международного правосудия. К их числу можно отнести:

– образование международных уголовных судов «второго поколения»: в 1993 г. принят Устав Международного трибунала по бывшей Югославии; в 1994 г. – Устав Международного трибунала по Руанде; в 1998 г. – Статут Международного уголовного суда;

– учреждение (спустя несколько лет после формирования международных уголовных судов «второго поколения») судов «третьего поколения», так называемых «интернационализированных» или «гибридных» – внутригосударственных судов, в состав которых, помимо национальных судей, вошли их международные коллеги. При участии ООН такие судебные органы были сформированы в Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе и Косово [6, с. 6.];

– создание новых региональных международных судов. В их число вошли: в 1992 г. – Экономический суд СНГ; в 1994 г. – Суд Общего рынка Восточной и Южной Африки (COMESA); в 2001 г. – Карибский суд (действует в рамках Карибского сообщества – CARICOM); в 1998 г. – Африканский суд по правам человека и народов (хотя протокол, предусматривающий создание этого суда, вступил в силу только в 2004 г.);

– завершение реформирования ряда действующих международных судов. В частности, в 1994 г. принят, а в 1998 г. вступил в силу Протокол № 11 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), закрепивший важные изме-

нения в структуре ЕСПЧ. В 1996 г. одобрен и в 1999 г. вступил в силу Протокол, вносящий изменения в Договор о создании Суда Андского сообщества.

По нашему мнению, за последние 25 лет был принят ряд важнейших международных правовых документов в сфере судебной практики. Одним из знаковых юридических событий конца XX в. явилось учреждение Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (далее – МТБЮ) [7; 8, с. 41–44].

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным ограничить длительность пятого этапа *1992-ым г.* и предложить в качестве «точки отсчета» следующего – *шестого (текущего)* периода развития современного правосудия факт образования *в 1993 г.* МТБЮ.

Одновременно полагаем, что, хотя Экономический суд СНГ и был формально создан несколько ранее – в 1992 г., данный международный судебный орган не может быть идентифицирован в названном качестве вследствие следующих основных причин [9].

Во-первых, Экономический суд СНГ представляет собой довольно нетипичное для международной судебной системы учреждение: его решения не имеют обязательной юридической силы; основания подсудности четко не классифицированы; судебная практика практически отсутствует, так как суд занят в основном судебным толкованием норм права.

Во-вторых, в данном суде нарушен основополагающий принцип судебной деятельности – независимости судей, поскольку отрешение судьи от должности является исключительной прерогативой государства, его назначившего. При этом общеизвестно, что судья любого международного судебного учреждения, разбирая межгосударственные споры, должен обладать такой степенью независимости, чтобы быть в состоянии, в случае необходимости, принять справедливое судебное решение, в том числе и против интересов собственной страны.

В-третьих, в структуру суда введен Пленум (формируемый судьями из состава высших национальных судов государств-участников), который может заблокировать любое решение Экономического суда при условии его обжалования в Пленум.

В-четвертых, работа суда характеризуется низкой востребованностью со стороны правоприменителей и малой значимостью рассматриваемых проблем (в основном разбираются вопросы социального обеспечения и правового статуса граждан СНГ, правопреемства, права международных договоров и соглашений) [10].

В свою очередь заметим, что *главной «вехой» пятого этапа* (исходя из степени важности данного юридического события для теории международного права и оказанного им влияния на развитие всей системы международного правосудия) следует считать учреждение в 1945 г. Нюрнбергского трибунала (Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси) [11].

В целом, по нашему мнению, периодизация современной системы международного правосудия может включать следующие шесть последовательных эмпирических этапов ее развития:

– первый этап (1794–1871 гг.), определяющее правовое событие – англо-американский договор 1794 г.;

– второй этап (1872–1898 гг.) – третейский суд по «алабанскому делу» 1872 г.;

– третий этап (1899–1919 гг.) – мирная конференция в Гааге 1899 г.;

– четвертый этап (1920–1944 гг.) – статут Постоянной палаты международного правосудия 1920 г.;

– пятый этап (1945–1992 гг.) – учреждение Нюрнбергского военного трибунала в 1945 г.;

– шестой (текущий) этап (1993 г. – по настоящее время) – образование в 1993 г. Международного трибунала по бывшей Югославии.

В заключение отметим, что ч. 4 ст. 15 Конституции РФ признает приоритет международных договоров в отношении норм национального законодательства [12, с. 29], что предопределяет законное право российских правоприменителей обращаться в различные международные судебные инстанции для разрешения тех или иных споров и дел на основе применения норм международного права. Такая юридическая практика, в свою очередь, способствует «насыщению» конкретным правовым содержанием шестого (текущего) этапа современной системы международного правосудия.

Список литературы

1. История создания третейских судов // Департамент правовых отношений. – Режим доступа: http://sud.dlr-rus.ru/history (дата обращения: 18.11.2015).

2. *Абашидзе А.Х., Верещетин В.С., Егоров С.А., Марочкин С.Ю.* Международное право: учебник, 4-е изд., перераб. – М.: Норма, 2014.

3. *Толстых В.Л.* Международные суды и участие России в их деятельности // Экономические стратегии. – 2009. – № 7.

4. *Хадсон М.* Международные суды в прошлом и будущем. – М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947.
5. *Клеандров М.И.* Международные суды: учебное пособие. – Тюмень: Изд-во Тюменского международного института экономики и права, 2000.
6. *Толстых В.Л.* Гибридные суды. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/jspui/bitstream/ nsu/4240/1/15.pdf (дата обращения: 18.11.2015).
7. *Моторов И.* О работе Международного трибунала по бывшей Югославии // Зарубежное военное обозрение. – 2015. – № 2.
8. Документ ООН. Резолюция СБ ООН № 827 от 25 мая 1993 г. – http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml (дата обращения: 27.10.2015).
9. *Шинкарецкая Г.Г.* Суд СНГ – не судебное учреждение? // ЭЖ – Юрист. – 2005. – № 42.
10. Официальный сайт экономического суда СНГ. – Режим доступа: http://sudsng.org (дата обращения: 16.11.2015).
11. Нюрнбергский процесс // официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа: http://genproc.gov.ru/history/nuremberg/ (дата обращения: 9.11.2015).
12. *Бархатова Е.Ю.* Комментарий к Конституции Российской Федерации, 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Проспект, 2015.

Reference list

1. The history of creation of the common court of arbitration // The Department of legal relations. Access mode: http://sud.dlr-rus.ru/history (date of access: 18.11.2015).
2. *Abashidze A., Verescchetin V., Egorov S., Marochkin S.* International law: Textbook, 4th edition, arranged. M.: Norma, 2014.
3. *Tolstykh V.* International courts and Russia's participation in their activities // Economic strategy. 2009. № 7.
4. *Hudson M.* International Courts in the Past and the Future. M.: State publishing house of foreign literature, 1947.
5. *Kleandrov M.* International courts: Textbook. Tyumen: Publishing house of Tyumen international Institute of Economics and Law, 2000.
6. *Tolstykh V.* Hybrid courts. Access mode: http://www.nsu.ru/jspui/bitstream/ nsu/4240/1/15.pdf (date of access: 18.11.2015).
7. *Motorov I.* On the work of the International Tribunal for the former Yugoslavia // Foreign military review. 2015. № 2.
8. UN document. The UN Security Council resolution № 827 of 25th of May, 1993 http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml (date of access: 27.10.2015).
9. *Shinkaretskaya G.* The court of the CIS – is it not a judicial institution? // EJ – Lawyer. 2005. № 42.
10. Official website of Economic Court of the CIS. Access mode: http://sudsng.org (date of access: 16.11.2015).
11. The Nuremberg trials / the official website of the Prosecutor General of the Russian Federation. Access mode: http://genproc.gov.ru/history/nuremberg/ (date of access: 9.11.2015).
12. *Barkhatova E.* The commentary on the Constitution of the Russian Federation, 2nd edition, revised and enlarged. M.: Prospekt, 2015.

УДК 334

Шкодинский С.В.,
доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ
Счетной палаты Российской Федерации

Продченко И.А.,
кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Государственного НИИ
Счетной палаты Российской Федерации

МЕСТО И РОЛЬ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

Современные вызовы российской экономике носят комплексный характер. Они усилены экономическими санкциями со стороны США и западных стран и негативно отражаются на поступательном развитии экономики страны. Одним из способов нейтрализации этих вызовов является построение не сырьевой, а инновационной модели развития экономики России.

Данная модель предполагает, в первую очередь, создание современных наукоемких промышленных производств, модернизацию действующих предприятий на новой, технологической основе. Особое место в этих процессах должны занять малые инновационные предприятия (МИП). Это обусловлено опытом развитых стран – именно малый инновационный бизнес является одним из основных внедренческих центров наукоемких технологий. В статье исследуется проблематика функционирования малых инновационных предприятий в составе национальной инновационной системы, дается оценка эффективности взаимодействия с МИП с различными субъектами инновационной инфраструктуры России.

Ключевые слова: инновации, малые инновационные предприятия, национальная инновационная система, модель, инновационная инфраструктура, финансирование, инновационная активность

Shkodinskiy S.,
Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the State Research Institute of Systematic Analysis
of Accounts Chamber of the Russian Federation

Prodchenko I.,
PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the State Research Institute of Systematic Analysis
of Accounts Chamber of the Russian Federation

THE PLACE AND THE ROLE OF SMALL INNOVATION ENTERPRISES IN THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM

Modern challenges to the Russian economy are very complex. They are aggravated economic sanctions by the USA and West countries and these economic sanctions have a negative impact on the progressive economic development of the country. One way of counteraction to these challenges is a building not resource – based, but the innovation model of Russia's economic development.

First of all, this model presumes the creation of modern science-intensive industrial constructions and modernization of operating enterprises on new technological basis. A special place must take small innovation enterprises (SIE) in these processes. This is due the experience of developed countries – a small innovation business is one of the main implementation centers of high-end technologies, especially.

This article is examined the problematic of operating small innovation enterprises as a part of the national innovation system; the paper is provided the assessment of the effectiveness of SIE interaction with various stakeholders of Russia's innovation infrastructure.

Keywords: innovations, small innovation enterprises, national innovation system, model, innovation infrastructure, financing package, innovation activity

Малый бизнес играет важную роль в современной экономике. Он обеспечивает прежде всего дифференциацию продуктов в зависимости от потребностей локальных рынков, дает возможность крупным компаниям размещать заказы на производство небольших партий товаров, служит источником инноваций. Малые предприятия берут на себя часть функций по организации экспертизы, информационного и консалтингового обеспечения, проведению научных семинаров, тренинговых и образовательных программ и т.п. В силу своей мобильности и приближенности к конечному потребителю малый бизнес может также выступать партнером крупных корпораций по аутсорсингу бизнес-процессов, требующих постоянного мониторинга рыночной ситуации.

На долю малых предприятий приходится значительная часть государственных исследовательских грантов, а стартапы, организованные учеными, являются важным источником трансфера технологий, что обеспечивает эффективное взаимодействий между различными участниками национальной инновационной системы (НИС).

В связи с необходимостью роста инновационной составляющей в современной экономике и важностью разработки эффективных методов и инструментария государственной поддержки инновационного развития [9, с. 40] произошло выделение малых инновационных предприятий (далее – МИП) в отдельный приоритетный сегмент государственной экономической политики.

Несмотря на важность малых инновационных предприятий как элемента НИС, их жизнедеятельность характеризуется высокой степенью уязвимости в силу ограниченности финансовых, технологических и организационных ресурсов. МИП гораздо сложнее получить информацию о состоянии внешней среды, основных конкурентах, требованиях покупателей к свойствам и качеству продукции; о поставщиках производимой ими продукции и ее технологических характеристиках; о технологиях и их применимости в экономике в настоящее время; о наиболее оптимальной организационно-правовой форме создания предприятия, позволяющей учесть интересы будущих инвесторов.

В силу этого успешное функционирование МИП предполагает их непрерывное взаимодействие с другими участниками национальной инновационной системы и инновационной инфраструктуры.

Отметим основные показатели и тенденции, которые характеризуют современный этап развития национальной инновационной системы России. Так, в последние годы наблюдается рост номинальных расходов на финансирование научных исследований, хотя в 2014 г., в связи с кризисными явлениями в экономике, общий объем расходов на гражданскую науку из средств федерального бюджета снизился с 0,64% ВВП до 0,61% ВВП (таблица 1).

В период 2010–2014 гг. наблюдался устойчивый рост внутренних текущих затрат на проведение НИОКР по направлениям: фундаментальные и прикладные исследования, разработки (таблица 2).

Наибольшую инновационную активность в 2014 г. проявляли организации, осуществляющие свою деятельность в Приволжском, Северо-Западном и Центральном федеральных округах (таблица 3).

Лидерами среди отдельных регионов по показателю инновационной активности организаций в 2014 г. стали: Чукотский АО – 29,2%, Чувашская Республика – 23,7%, Республика Татарстан – 20%, г. Санкт-Петербург – 18,9%, г. Москва – 18,8%, Липецкая область – 18,6%, Пензенская область – 17,1%.

Общий объем инновационных товаров, работ и услуг в общей структуре производства за последние 5 лет в Российской Федерации вырос с 1243712,5 млн руб. в 2010 г. (4,8% от общих объемов производства) до 3579923,8 млн руб. в 2014 г. (8,7% от общего объема производства), из которых в 2014 г. на организации промышленного производства пришлось 3037407,3 млн руб. (8,2%), а на организации сферы услуг – 542516,5 млн руб. (12,8%). Среди различных видов расходов на инновационную деятельность лидируют затраты на технологические инновации (2,9%

Таблица 1

Финансирование науки из средств федерального бюджета в 2011–2014 гг. (по данным Федерального казначейства)*

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млн руб.	313899,3	355920,1	425301,7	437273,3
в том числе:				
на фундаментальные исследования	91684,5	86623,2	112230,9	121599,5
на прикладные научные исследования	222214,8	269296,9	313070,8	315673,8
в процентах:				
к расходам федерального бюджета	2,87	2,76	3,19	2,95
к валовому внутреннему продукту	0,56	0,57	0,64	0,61

** Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики (далее – ФСГС).*

Таблица 2

Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ, по Российской Федерации в 2010–2014 гг., млн руб.*

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки – всего	489450,8	568386,7	655061,7	699948,9	795407,9
в том числе по видам работ:					
фундаментальные исследования	95881,4	106924,0	108160,9	114829,1	130618,0
прикладные исследования	92010,7	113096,8	129304,4	133788,0	155231,4
разработки	301558,7	348365,9	417596,4	451331,8	509558,4

** По данным ФСГС.*

Таблица 3

Инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций), по федеральным округам Российской Федерации в 2010-2014 гг., %*

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	9,5	10,4	10,3	10,1	9,9
Центральный федеральный округ	8,6	10,2	10,9	10,7	10,9
Северо-Западный федеральный округ	9,4	11,2	11,0	10,7	10,3
Южный федеральный округ	7,5	6,5	7,4	7,2	7,7
Северо-Кавказский федеральный округ	6,2	5,2	6,4	5,9	6,5
Приволжский федеральный округ	12,3	12,7	11,9	11,7	11,4
Уральский федеральный округ	11,5	11,5	10,6	9,6	8,9
Сибирский федеральный округ	8,2	8,8	8,5	9,1	8,8
Дальневосточный федеральный округ	8,6	11,2	10,8	9,5	8,9
Крымский федеральный округ	…	…	…	…	9,6

** По данным ФСГС.*

в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг), организационные инновации (2,8%), тогда как на маркетинговые и экологические инновации пришлось соответственно 1,7% и 1,6%.

Основой организационно-технологической инфраструктуры национальной инновационной системы являются организации, выполняющие НИОКР, к которым, согласно принятой в России классификации, относятся научно-исследовательские организации, конструкторские бюро, проектные и проектно-исследовательские организации, опытные заводы, общеобразовательные организации высшего профессионального образования, научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения предприятий и т.д. Сведения о количестве организаций данных типов представлены в таблице 4.

Как видно из представленных данных, за рассматриваемый период произошло существенное сжатие научно-технического потенциала страны, резко сократилась численность научно-исследовательских, проектных и проектно-изыскательских организаций, тогда как сектор вузовской науки значительно вырос, что может быть объяснено переходом на модель развития науки, характерную для развитых стран, предусматривающую концентрацию научных исследований вокруг ведущих национальных университетов.

Данные об общей инновационной активности малого бизнеса в Российской Федерации представлены в таблицах 5 и 6.

Лидерами среди регионов в реализации малыми предприятиями инновационной деятельности в технологической сфере в 2013 г. являлись Ненецкий АО (16,7%), Алтайский край (13%), Курская область (12,1%), Томская область (9,5%), г. Санкт-Петербург (9,1%), Липецкая область (9,1%), Пермский край (8,8%), г. Москва (8,4%).

С точки зрения распределения малых предприятий, осуществлявших технологические инновации по отраслям, в 2013 г. лидировали такие сектора экономики, как: производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (12,6% от общего количества обследованных малых предприятий), химическое производство (10,7%), производство машин и оборудования (5,6%), производство транспортных средств и оборудования (5,3%), металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (4,8%).

Таблица 4

Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, по типам организаций по Российской Федерации, ед. *

	2010 гг.	2011 гг.	2012 гг.	2013 гг.	2014 гг.
Число организаций – всего	3492	3682	3566	3605	3604
в том числе:					
научно-исследовательские организации	1840	1782	1744	1719	1689
конструкторские бюро	362	364	338	331	317
проектные и проектно-изыскательские организации	36	38	33	33	32
опытные заводы	47	49	60	53	53
образовательные учреждения высшего образования	517	581	562	673	700
организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	238	280	274	266	275
прочие	452	588	555	530	538

** По данным ФСГС.*

Таблица 5

Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных малых предприятий, по федеральным округам, %*

	2007 гг.	2009 гг.	2011 гг.	2013 гг.
Российская Федерация	4,3	4,1	5,1	4,8
Центральный федеральный округ	3,6	3,6	5,0	5,2
Северо-Западный федеральный округ	5,1	4,5	5,9	5,6
Южный федеральный округ	3,4	2,7	4,0	2,6
Северо-Кавказский федеральный округ	3,1	2,5	3,5	2,4
Приволжский федеральный округ	5,6	5,0	5,4	4,7
Уральский федеральный округ	4,3	5,1	5,9	5,9
Сибирский федеральный округ	4,8	4,3	5,6	5,7
Дальневосточный федеральный округ	2,8	3,6	3,3	2,3

** По данным ФСГС.*

Таблица 6

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг малых предприятий, по федеральным округам Российской Федерации, %*

	2009 г.	2011 г.	2013 г.
Российская Федерация	1,38	1,48	2,07
Центральный федеральный округ	1,76	1,46	1,82
Северо-Западный федеральный округ	1,42	0,88	2,54
Южный федеральный округ	1,01	0,96	1,89
Северо-Кавказский федеральный округ	0,65	0,74	0,85
Приволжский федеральный округ	1,50	1,78	2,41
Уральский федеральный округ	0,67	1,74	1,95
Сибирский федеральный округ	1,73	2,48	2,72
Дальневосточный федеральный округ	0,14	0,15	0,53

** По данным ФСГС.*

Ведущими регионами в 2013 г. являлись: Мурманская область (13,09%), Республика Мордовия (7,44%), Пензенская область (5,97%), Липецкая область (5,85%), Алтайский край (8,94%), Брянская область (4,44%), Курская область (4,37%), Республика Татарстан (4,27%), Томская область (4,11%), Хабаровский край (4,09%).

Отметим, что ключевым фактором развития малого инновационного предпринимательства является наличие развитой инновационной инфраструктуры [10, с. 52], осуществляющей поддержку деятельности МИП по следующим направлениям: коммерциализация и трансфер технологий, инновационный

менеджмент, защита и юридическое сопровождение интеллектуальной собственности, финансирование инновационных проектов, подготовка кадров, международное сотрудничество и др.

Субъекты инновационной инфраструктуры России характеризуются различной степенью развитости и эффективностью взаимодействия с МИП. Дать характеристику всем субъектам в рамках одной статьи не представляемся возможным. Остановимся на бизнес-инкубаторах, которые являются одним из ключевых компонентов инфраструктуры НИС и обеспечивают деятельность инновационных предприятий на стадии посева и открытия проекта. Бизнес-инкубаторы прежде всего оказывают помощь тем малым предприятиям, которые не имеют возможность осуществлять инновационную деятельность собственными силами.

Важно подчеркнуть, что бизнес-инкубаторы, ориентированные на внедрение инновационных разработок, тесно связаны с университетами, центрами инноваций либо технопарками. В сферу их деятельности входит, помимо традиционных средств поддержки малых предприятий, ряд специфических форм: проведение экспертизы инновационных проектов; оказание услуг по оценке и защите объектов интеллектуальной собственности; повышение квалификации сотрудников малых предприятий в инновационной сфере; оказание консультационных услуг по взаимодействию с потенциальными инвесторами; оказание услуг по лицензированию и сертификации инновационных разработок; продвижение созданных товаров и технологий на рынок и др.

Как правило, инновационные инкубаторы эффективно функционируют при наличии государственной поддержки и высокой активности венчурных компаний. Достаточно эффективным является создание бизнес-инкубаторов на основе крупных компаний, заинтересованных в передаче части инновационного функционала малым предприятиям. На практике возможна также организация сетевого межвузовского инновационного инкубатора, что позволяет привлекать к инновационным разработкам специалистов, которые отсутствуют в отдельно взятом университете.

В таблице 7 представлен SWOT-анализ оценки современного состояния системы бизнес-инкубирования в России.

Важным элементом национальной инновационной системы, тесно связанным с бизнес-инкубаторами, являются также технопарки – организации, главной целью которых, по определению Международной ассоциации технологических парков, является повышение уровня благосостояния местного сообщества посредством продвижения инновационной культуры, а также состязательности инновационного бизнеса и научных организаций. Для достижения данных целей технопарк стимулирует и управляет потоками знаний и технологий между университетами, научно-исследовательскими институтами, компаниями и рынками, упрощает создание и рост инновацион-

Таблица 7

Оценка современного состояния системы бизнес-инкубирования в России [3, с. 177–182]

	сильные стороны	**слабые стороны**
внутренняя среда	– мобильность малого бизнеса; – расширение возможностей для ускорения процесса внедрения инноваций; – высокая инициатива и деловая активность; – независимость от власти; – сплоченность коллектива; – расширение доступа к научным лабораториям и выделение специализированных помещений бизнес-инкубаторам для целевой деятельности; – расширение возможностей обучения сотрудников и начинающих предпринимателей	– отсутствие необходимого образования, навыков и какого-либо опыта у значительной части начинающих предпринимателей; – нехватка перспективных бизнес-планов, направляемых на рассмотрение в бизнес-инкубатор; – недостаточная мотивация и ориентированность на результат сотрудников бизнес-инкубаторов; – отсутствие четко структурированной программы действий бизнес-инкубаторов; – слабые связи между бизнес-инкубаторами и внешней средой; – нехватка приспособленных помещений и лабораторий для эффективной работы в различных областях бизнеса
	возможности	**угрозы**
внешняя среда	– развитая система высшего образования; – рост внимания к бизнес-инкубаторам со стороны Национального содружества бизнес-инкубаторов; – организация курсов, семинаров, конференций и целевого обучения начинающих предпринимателей; – повышение заинтересованности в продуктивности деятельности системы бизнес-инкубирования со стороны государства, расширение финансовой, правовой и ресурсной поддержки	– высокий уровень конкуренции на рынке; – нехватка должной поддержки со стороны государства; – сложная система оформления соответствующей документации для начала работы бизнес-инкубатора

ных компаний с помощью инкубационных процессов и процессов выведения новых компаний из существующих [1, с. 182].

Развитие инфраструктуры инновационного финансирования предусматривает как активное участие государства, так и создание системы финансовых посредников, которые, как правило, проявляют интерес к поздним этапам развития МИП, характеризующихся наличием уже разработанных прототипов инновационной продукции, опытного производства, планов маркетинга и т.д. [5].

Отметим, что основная доля отечественных венчурных инвестиций приходится на ОАО «Российская венчурная компания», являющееся государственным фондом и институтом развития. ОАО «РВК» является одним из основных институтов, реализующих инновационную политику государства, и ключевым элементом инновационной инфраструктуры.

При осуществлении инвестиционной деятельности РВК вкладывает средства через венчурные фонды, создаваемые совместно с частными инвесторами. Общее количество фондов, сформированных РВК по состоянию на конец 2014 г., достигло двадцати (включая 2 фонда в зарубежной юрисдикции), их суммарный размер – 31,2 млрд рублей. Доля РВК – более 18,3 млрд рублей. За время деятельности РВК одобрено к инвестированию более 175 инновационных портфельных компаний фондов, созданных с участием капитала РВК на сумму свыше 15 млрд рублей. В 2013 и 2014 гг. отечественный рынок венчурных инвестиций характеризуется отрицательными тенденциями роста – объем венчурных сделок в 2012 г. составил 912 млн долл., в 2013 г. – 653 млн долл., в 2014 г. – 481 млн долл. [4, с. 3].

С точки зрения поддержки малого инновационного предпринимательства особую роль играет дочерний фонд РВК – ООО «Фонд посевных инвестиций РВК», созданный в 2009 г. объемом 1982 млн руб. К концу 2014 г. при участии капитала данного фонда были созданы 4 микрофонда в форме инвестиционного товарищества: «Посевной фонд ЭйСиПи», «Венчурный фонд-акселератор», «Посевной фонд Софтлайн», «Посевной фонд высоких технологий». На конец 2014 г. в фонде насчитывалось 64 проектных компании, объем проинвестированных средств составил 902,36 млн руб., одобренных инвестиций – 1496,6 млн руб., было совершено 11 сделок выхода из ранее проинвестированных компаний [4, с. 16].

Также в контексте развития инновационной инфраструктуры НИС РФ важную роль играет Фонд ООО «Инфраструктурные инвестиции РВК» фактическим размером 1,1 млрд руб., стратегической задачей которого является развитие инфраструктуры инновационных рынков, позволяющей их участникам эффективно коммерциализировать результаты научной и исследовательской деятельности. Инфрафонд РВК осуществляет инвестиции в коммерчески перспективные компании, оказывающие широкий спектр услуг всем участникам инновационных рынков и находящиеся в регионах с развитой научно-исследовательской и образовательной базой. На 31.12.2014 в фонде насчитывалась 21 проектная компания, объем проинвестированных средств составил 297 млн руб., одобренных инвестиций – 987 млн руб. [4, с. 18].

Необходимо также отметить, что наиболее перспективными инициативами РВК являются: Программа развития инвесторов, направленная на развитие венчурных инвесторов и бизнес-ангелов; проекты «Увеличение количества инвесторов ранней стадии и популяризация деятельности бизнес-ангелов» (реализуется совместно с Национальной ассоциацией бизнес-ангелов), «Увеличение количества и качества венчурных инвесторов» (реализуется совместно с Российской ассоциацией венчурных инвесторов), «Стимулирование корпорации к созданию корпоративных венчурных фондов» (реализуется совместно с Клубом директоров по науке и инновациям iR&DClub.), «Развитие площадок общения венчурных инвесторов» (реализуется совместно с RusBase и Российской ассоциацией венчурного инвестирования) [5, с. 20].

Одним из ключевых институтов развития инновационного предпринимательства в России является Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (далее – Фонд содействия), осуществляющий финансирование проектов на основе договоров (контрактов), а также путем предоставления грантов физическим и юридическим лицам на финансовое обеспечение проектов, результаты которых имеют перспективу коммерциализации и реализуются субъектами малого инновационного предпринимательства. Место Фонда содействия в национальной инновационной системе – одно из ведущих. Он реализует свою деятельность по 6 основным направлениям:

– «УМНИК» – поддержка талантливой молодежи (от 18 до 28 лет), ориентированной на инновационную деятельность;

– «СТАРТ» – поддержка МИП на посевной стадии;

– «Развитие» – поддержка проектов по приоритетным направлениям развития науки и техники;

– «Интернационализация» – поддержка совместных проектов малого инновационного бизнеса России и зарубежных организаций;

– «Коммерциализация» – поддержка МИП, завершивших НИОКР и планирующих создание или расширение производства инновационной продукции;

– «Кооперация» – поддержка инновационной деятельности в рамках взаимодействия малого инновационного бизнеса с крупными компаниями.

К основным результатам деятельности Фонда содействия относятся:

– за 21 год своего существования Фондом было рассмотрено свыше 55 000 заявок на выполнение НИОКР, поддержано более 12 000 молодых инноваторов, создано более 4800 новых проектов, в том числе в 2014 г. в рамках конкурсов по программам «Развитие», «СТАРТ» и «Интернационализация» независимыми экспертами было рассмотрено около 2000 заявок, сделано около 4000 экспертных заключений на заявки и 1100 экспертных заключений на научно-технические отчеты;

– в рамках программы «Развитие» было отобрано 2900 победителей программы, создана сеть инновационно-технологических центров, обеспечивающих эффективное функционирование МИП, что позволило создать более 1800 новых компаний и более 30 тысяч новых рабочих мест;

– в рамках программы «СТАРТ» поддержано более 4800 проектов, создано более 850 МИП, действующих в соответствии с Федеральным законом № 217-ФЗ от 02.08.2009;

– в рамках программы «УМНИК» было поддержано 12367 победителей программы, которые создали 2340 объектов интеллектуальной собственности;

– по линии международного сотрудничества Фондом содействия было профинансировано 78 проектов по российско-германской программе, 28 – в рамках ERANET, 20 – в рамках российско-французского сотрудничества, 19 проектов – по линии российско-финского сотрудничества;

– с 2014 г. в рамках стартовавшего проекта «Коммерциализация» было выделено 950 млн рублей на предоставление грантов МИП (168 победителей из 518 заявок) [8, с. 122].

Финансовые результаты Фонда содействия в 2014 г. свидетельствуют о ключевой роли данного института в системе поддержки инновационного предпринимательства: на оплату НИОКР, выполняемых МИП по договорам (контрактам), фактически израсходовано 2,47 млрд рублей; на финансирование грантов на выполнение НИР физическими лицами фактически израсходовано 608,8 млн рублей; на финансирование грантов на выполнение НИОКР малыми инновационными предприятиями фактически израсходовано 180,695 млн рублей; на финансирование грантов в рамках программы «Коммерциализация» фактически израсходовано 439,3 млн рублей; на проекты, направленные на развитие инфраструктуры малого инновационного предпринимательства, – 115,27 млн рублей; на организацию и проведение конкурсов, экспертизу, мониторинги, сопровождение проектов на всех стадиях их реализации – 103,52 млн рублей [9, с. 39–43].

В 2014 г. Фонд содействия провел 151 мероприятие, направленное на популяризацию научно-технической деятельности и инновационной активности, в том числе: Форум молодых ученых U-NOVUS (12 000 участников мероприятий форума из 64 регионов, 150 новых проектов – участников выставки из 60 регионов, 31 победитель конкурса инновационных разработок); Форум «Открытые инновации» и выставка Open Innovations Expo (более 15000 участников, представлявших 70 стран), Russian Startup Tour (рассмотрено более 2500 заявок), Startup Village (в конкурсах инновационных разработок приняли участие 750 команд, из которых 21 была признана победителем), ряд конференций, конгрессов и др.

Фонд содействия осуществляет взаимодействие с институтами развития, в том числе с Российской венчурной компанией, Фондом посевных инвестиций РВК, РОСНАНО, Фондом «Сколково», Внешэкономбанком (ВЭБ) и др. За время работы Фонда более 200 МИП, профинансированных программами Фонда в объеме около 1 млрд руб., смогли привлечь в дальнейшем более 13 млрд. руб., в том числе 20 МИП получили поддержку институтов развития в 2014 г.

В рамках развития НИС было заключено «Соглашение о взаимодействии институтов развития и заинтересованных организаций в сфере обеспечения непрерывного финансирования инновационных проектов на всех стадиях инновационного цикла». Участниками данного соглашения являются:

– Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»;

– Открытое акционерное общество «Российская венчурная компания» (ОАО «РВК»);

– Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий»;

– Открытое акционерное общество «Российский банк развития»;

– Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия);

– Закрытое акционерное общество «Московская межбанковская валютная биржа» (ЗАО «ММВБ»);

– Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ»;

– Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ);

– Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь).

Предметом Соглашения является взаимодействие сторон по определению потребностей инновационных компаний и их обеспечение инструментами, сервисами и условиями для эффективной деятельности по реализации инновационных проектов на территории Российской Федерации и глобальном рынке.

В заключение отметим, что в контексте развития малого инновационного предпринимательства наибольшее значение приобретает деятельность центров трансфера технологий, обеспечивающих выполнение следующих функций: выявление, сбор и оценка коммерческого потенциала результатов научно-исследовательской деятельности университета или научной организации; патентная экспертиза разработок и защита интеллектуальной собственности; экспертиза научно-технического уровня разработок; доведение объектов трансфера и сопутствующей документации до готовности к коммерциализации; выполнение маркетинговых мероприятий в отношении промышленной собственности, научно-технической продукции, исследовательских, инжиниринговых и иных услуг; финансовая экспертиза проектов, разработка финансовых условий для соглашений по коммерциализации и их дальнейшее сопровождение; обучение, консультирование и распространение информации в области коммерциализации и защиты интеллектуальной собственности среди работников МИП, исследователей и административного персонала; помощь в создании малых предприятий; ведение базы данных по разработкам и научным направлениям университета или научной организации; взаимодействие с государственными и негосударственными организациями, финансирующими проведение НИОКР; развитие делового партнерства и проведение переговоров с отечественными и зарубежными компаниями, занимающимися трансфером технологий [2].

Итогом современного этапа развития информационной поддержки инновационных проектов через МИП стало то, что сейчас в России насчитывается 332 инновационно-технологических центра и центра трансфера технологий [7], осуществляющих свою деятельность преимущественно на основе университетов или научных организаций.

Отметим, что особое значение для стимулирования создания малых инновационных предприятий имеет Федеральный закон № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», который был принят 2 августа 2009 г. И к 1 ноября 2010 г. в Российской Федерации уже было создано более 600 малых инновационных предприятий при вузах. Вместе с тем уже тогда эксперты отмечали, что Федеральный закон № 217-ФЗ лишь декларирует возможность создания хозяйственных обществ при вузах и НИИ, не устраняя ни одного препятствия к этому [6].

Список литературы

1. *Гаврилова Н.М.* Инновационная инфраструктура России: анализ, проблемы, пути развития: монография. – М.: Издательство «Спутник», 2012. – 182 с.
2. *Лушников А.В.* Роль центров трансфера технологий в развитии малого и среднего инновационного бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://riep.ru/upload/iblock/213/2134a649c0c776665d4b2a5f1787a06d.pdf
3. *Маслова Т.Е.* Проблемы развития системы бизнес-инкубирования в России // Ежегодное исследование рынка ангельских инвестиций – 2014., 2014.
4. ОАО РВК. Годовой отчет – 2014.
5. Развитие инновационных экосистем вузов и научных центров. – РВК, СПб., февраль 2015.
6. Создание инновационных фирм по ФЗ-217: взгляд со стороны права, управления стоимостью, бухгалтерского и налогового учета: стенограмма круглого стола ЦЭМИ РАН, 8 сентября 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.labrate.ru/20090908/stenogramma.htm. (дата обращения: 10.12.2015).
7. Структуры поддержки инновационной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://projects.innovbusiness.ru/organizations/default.asp?THSort= 1Name&OrgType=21
8. Фонд содействия развитию малых предприятий в научно-технической сфере. Годовой отчет – 2014. – 122 с.
9. *Харламов А.В., Шкодинский С.В.* Проблема институциональных ограничений при выборе сценария экономического роста // Вестник Академии. 2015. № 1.
10. *Шкодинский С.В., Назаров А.Г.* Кластерный подход в развитии региональной инновационной системы // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 2.

Reference list

1. *Gavrilova N.* The innovation infrastructure of Russia: analysis, problems, and ways of development: Monograph. – M.: "Sputnik" Publishing House, 2012. 182 p.
2. *Lushnikov A.* The role of technology transfer centers in developing small and medium-sized innovation businesses [Electronic resource]. Access mode: //http://riep.ru/upload/iblock/213/2134a649c0c776665d4b2a5f1787a06d.pdf4.
3. *Maslova T.* Problems of development of business incubation system in Russia // Annual research of the market of angelical investments – 2014.
4. OJSC RVC. Annual report, 2014.
5. The development of innovation ecosystem of higher education institutions and research centers. RVC, SBR., February of 2015.

6. The creation of innovative firms FL-217: A view from law, total cost management, accounting and tax records: Roundtable verbatim report of CEMI of the Russian Academy of Sciences, 8th of September, 2009 [Electronic resource]. Access mode: http://www.labrate.ru/20090908/stenogramma.htm. (Date of access: 10.12.2015).
7. Patterns of support for innovation activity [Electronic resource]. Access mode: http://projects.innovbusiness.ru/organizations/default.asp? THSort= 1Name&OrgType=21
8. The Fund of assistance to development of small enterprises in scientific-technical sphere. Annual report – 2014. 122 p.
9. *Kharlamov A., Shkodinskiy S.* The problem of institutional constraints in the choice of the scenario of economic growth // Bulletin of the Academy. 2015. № 1.
10. *Shkodinskiy S., Nazarov A.* The clustered approach in the development of regional innovation system // Education. Science. Scientific manpower. 2012. № 2.

УДК 332.1

Данилина Е.И.,
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Московского института государственного управления и права

Чеботарев В.Е.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета, анализа и аудита Московского института государственного управления и права

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

В статье показана роль и применение системы показателей и повышения эффективности труда муниципальных служащих. Отражены основные подходы, использующиеся в оценке эффективности работы органов местного самоуправления; единая модель оценки органов государственной и муниципальной власти; показатели профессиональной деятельности кадров муниципального управления. С позиций функционального и процессного подходов сделан обзор содержания труда муниципальных служащих, представлен зарубежный опыт применения показателей результативности, дана оценка их деятельности.

Ключевые слова: эффективность труда, стратегия, результативность, система органов государственного и муниципального управления

Danilina E.,
Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of State and Municipal Management of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Chebotarev V.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Economics, Accounting, Analysis and Audit of the Moscow Institute of Public Administration and Law

INCREASING THE LABOUR EFFICIENCY OF MUNICIPAL WORKERS

The article shows the role and application of the system of indicators and increasing the labour efficiency of municipal workers. There are reflected basic approaches, used in evaluating the efficiency of the work of local self-government authorities; a single model in evaluating the state and municipal authorities; the indicators of professional activity of municipal personnel management. From the standpoint of functional and process approaches there is offered an overview of the scope of municipal workers labour and presented foreign experience of application of performance indicators as well as it is evaluated their activity.

Keywords: labour efficiency, strategy, performance, system of authorities of state and municipal management

В условиях практической реализации административной реформы, направленной на модернизацию управления, особую актуальность приобретает проблема повышения эффективности и качества труда органов муниципальной власти, поскольку основными потребителями услуг являются граждане, и от результатов труда муниципальной власти зависит качество жизни населения. Повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления становится в современных условиях стратегической целью, где необходимым элементом, позволяющим реально стимулировать к достижению конкретных результатов, является оценка деятельности.

Объектом деятельности органов местного самоуправления является процесс, нормативно определяющий и регулирующий различные социально-экономические отношения в обществе. Предметом деятельности органа муниципального управления являются процессы, отражающие компетенцию органа управления по реализации административных, правовых и экономических полномочий в отношении объекта управления [8].

В качестве основной стратегии совершенствования деятельности органов местного самоуправления в настоящее время внедряется стратегия управления по результатам, предусматривающая их оценку на основе показателей эффективности. В научной литературе существует множество подходов к изучению эффективности деятельности, что, в свою очередь, подчеркивает актуальность решения проблем ее достижения и способствует определению ее сущности. Наиболее понятным и соответствующим осо-

бенностям управленческого труда в системе органов местного самоуправления является показатель результативности управленческой деятельности.

Следует отметить, что исследователи в большинстве своем понятия «эффективность» и «результативность» часто используют как синонимы. Однако, по нашему мнению, данные понятия не являются тождественными, и для построения полноценной системы муниципального управления необходимо их четкое разграничение.

Под эффективностью муниципального управления следует понимать соответствие полученных результатов поставленным целям и задачам деятельности. Результативность – это результаты труда, которые могут быть запланированными или незапланированными, т.е. позитивными или негативными. Следовательно, труд может быть неэффективным, но результативным; с позиции эффективности поставленные цели могут быть не достигнуты, но определенный результат будет получен в любом случае [11].

Применение показателей результативности в системе органов государственного и муниципального управления стало активно происходить на Западе, в первую очередь в США, начиная с конца 1980-х гг. В настоящее время существует многообразие подходов к управлению, в основе которых лежат очень схожие принципы. Чаще всего в связи с этим выделяют такие модели, как «управление по целям», «управление по результатам», «система сбалансированных показателей», «управление эффективностью» и, в какой-то степени, «всеобщее управление качеством». Все эти модели имеют свои особенности, но так или иначе они связаны с построением «дерева целей», в ходе чего цели более высокого уровня транслируются на нижние уровни управления, что позволяет закрепить индивидуальную ответственность за результаты деятельности на всех управленческих и исполнительских уровнях.

В теории муниципального управления выделяются три основных подхода, использующихся в оценке эффективности работы органов местного самоуправления: ресурсный, инструментальный, проблемный.

Наиболее распространенным сегодня является ресурсный подход, основанный на сопоставлении итогов работы органов местного самоуправления и затрат на их достижение. Под эффективностью здесь понимается получение максимального результата на единицу потраченных ресурсов. В англоязычной литературе она оценивается через соотношение costs и benefits либо input и output [10]. В рамках ресурсного подхода допустимо использование понятия «результативность» как синонима понятия «эффективность» в ее узком значении.

Следует подчеркнуть одно требование методологического характера: эффективность каждого конкретного решения должна определяться в соответствии с критерием, обусловленным содержанием решения и его результатов [9].

Несмотря на разные подходы к разработке критериев и показателей оценки эффективности деятельности органов муниципальной власти, они обязательно предполагают сопоставление полученного результата с затраченными средствами и поставленными целями муниципального управления. Данная структура оценки обусловлена применением программно-целевого подхода в управлении муниципальными образованиями Российской Федерации, что предполагает описание целей и содержательную структуризацию задач, выступающих в роли движущих сил механизма управления социально-экономическим развитием местной территории. Подобного рода структуризация формирует ряд взаимосвязанных блоков, которые согласно логической формуле программно-целевого планирования «цели – средства – результат» сосредоточены на достижении основной цели, что позволяет оценить эффективность и отдельный вклад в управление органов и должностных лиц местного самоуправления [11].

Для повышения эффективности муниципального управления необходимо осуществлять систематическую оценку деятельности органов местного самоуправления, что позволит в максимальной степени сориентировать их на достижение поставленных целей и выработать меры по корректировке дальнейших действий органов муниципальной власти.

Механизм оценки довольно прост: по установленным на федеральном уровне показателям органы местного самоуправления муниципальных образований подготавливают необходимую статистическую информацию и направляют ее в региональную администрацию. В администрации региона на основе единой методики проводится анализ полученных результатов и оценка эффективности, которые должны стать основой для принятия дальнейших управленческих решений. Отличительной особенностью всего механизма оценки эффективности от иных подобных документов стало обязательное опубликование на сайтах муниципальных образований докладов глав муниципалитетов о результатах работы за два предыдущих года и планах на ближайшие три года.

В настоящее время в Российской Федерации комплексно вводится единая модель оценки органов государственной и муниципальной власти, которая в конечном счете характеризует социально-экономическое развитие страны. Существенным продвижением в этой работе стало появление двух Указов Президента – Указа «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» [4] и Указа «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [5].

Правительством РФ были разработаны и утверждены методики оценки эффективности, включая перечень дополнительных показателей, состоящий из 53 групп индикаторов оценки. Таким образом, в настоящее время в России создается система оценки эффективности деятельности муниципальной службы, базирующаяся на единых методологических принципах.

Непосредственно эффективности региональной власти посвящен Указ президента № 1199 от 21.08.2012 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». С учетом последующих уточнений данный Указ установил 12 отчетных показателей, которые слабо связаны с полномочиями и возможностями региональных и муниципальных властей.

В то же время эти изменения четко продемонстрировали, в чем состоит смысл оценки: ставя перед регионами общеэкономические и общесоциальные задачи и заставляя их находить ресурсы для решения таковых, федеральная власть опирается на региональные и муниципальные органы, которые помогают ей повысить собственную эффективность.

Кроме того, существует набор индивидуальных показателей по шести направлениям, которые ближе к реальной работе региональных и муниципальных органов: доходы населения; демография и здравоохранение; образование; обеспечение граждан жильем; жилищно-коммунальное хозяйство; создание благоприятной и безопасной среды проживания.

Из 12 показателей 11 представляют по своей сути статистическую отчетность по различным направлениям деятельности и имеют количественные характеристики. И лишь один показатель «Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации» характеризует уровень качества муниципальной власти. Однако на сегодняшний момент нет устоявшихся методик оценки, как нет и лучших практик, которые могли бы распространяться в масштабах страны. Поэтому сложно объективно оценить мнение граждан относительно деятельности муниципальных органов. Социологические опросы, которые, как правило, отдаются на аутсорсинг, часто показывают значительное расхождение в оценках деятельности органов власти по сравнению с аналогичным показателем оценки субъектов, где исследование удовлетворенности населения проводит ФСО России.

Существующие методы оценки ориентированы на обеспечение взаимосвязи между интегральными показателями муниципального управления, принципами TQM и принципами формирования открытого демократического общества. Показатели качества управления ориентированы на повышение эффективности публичной власти на всех уровнях, улучшение качества публичных услуг, предоставляемых населению.

Методологический поиск путей наиболее качественной оценки эффективности муниципального управления не ограничивается исключительно российскими разработками. Показатели качества управления нашли широкое применение в европейской практике государственного и муниципального управления.

Результаты анализа документальных источников позволили выделить следующие методики, которые могут быть рекомендованы для оценки деятельности органов муниципального управления:

• различные системы несбалансированных показателей, используемые в рамках метода программно-целевого управления;

• система оценки сбалансированных показателей Balanced Scorecard (BSC);

• модель оценки менеджмента Common Assessment Framework (CAF);

• модель оценки эффективности деятельности на основе интегральных показателей О.А. Заббаровой.

Программно-целевое управление на основе проектного подхода является основой государственного и муниципального планирования и управления в Российской Федерации. Особенностью данного метода является его ориентированность на пошаговое достижение результата: конечные цели проекта декомпозируются на более конкретные, характеризующие реализацию отдельных мероприятий проекта. В рамках программно-целевого метода значительная роль отводится целеполаганию и разработке показателей результативности, увязанных с поставленными целями [12].

Основная проблема проектного подхода заключается в том, что в практике муниципального управления в большинстве случаев используются индикаторы, которыми оценивается ход реализации программы, а не его последствий, которые наступят в случае достижения либо недостижения программных целей. Это противоречит основополагающему принципу проектного подхода – строго целевому использованию средств и ориентации финансирования на результат. Для обеспечения более полной и качественной оценки программ целесообразно осуществлять формирование перечня показателей с учетом особенностей мероприятий и ожидаемых результатов (конечных эффектов).

Методы балансирования показателей и комплексной оценки эффективности ориентированы на учет полноты удовлетворения потребностей населения как главного потребителя муниципальных услуг, а потому используют многокритериальные оценки, сбалансированные между собой определенным образом.

Наиболее известными методами данной группы являются система анализа информации для принятия управленческих решений Balanced Scorecard (BSC) и модель оценки эффективности и улучшения качества управления организаций общественного сектора Common Assessment Framework (CAF).

Достоинством методики BSC является учет как финансовых, так и нефинансовых показателей, что обеспечивает системность в достижении целей, стоящих перед банком. Показатель прибыли не является основным: главное – это перевод миссии и стратегических целей в показатели эффективности. Система получила название сбалансированной, так как главной идеей стало сочетание, комплексный подход к учету материальных и нематериальных факторов успеха.

Структура методики включает следующие показатели эффективности реализации стратегии: 1) проекция финансов; 2) проекция внутренних бизнес-процессов; 3) проекция маркетинга; 4) проекция обучения и роста организации.

В настоящее время методика успешно применяется для оценки эффективности деятельности государственных и некоммерческих организаций в зарубежных странах.

В настоящее время во многих европейских странах внедряется так называемая «Общая схема оценки» (CAF), которая представляет собой систему оценки эффективности и улучшения качества деятельности организаций сферы государственного и муниципального управления.

Совершенствование публичного менеджмента по критериям CAF основывается не только на принципах контроля, т.е. соответствия результатов запланированным целям, но и позволяет определить, насколько успешно были использованы возможности, которые есть у организации и ее руководителя. Кроме того, модель CAF по духу является не карательным, а позитивным, мотивирующим инструментом повышения эффективности.

Интерес к модели CAF в России – это ответ растущему спросу на системы «государственного менеджмента качества» со стороны руководителей всех уровней органов власти. Внедрение CAF будет способствовать повышению эффективности работы государственной машины и улучшению качества публичных услуг, предоставляемых гражданам нашей страны.

В России в 2006 г. на основе модели CAF была разработана Концепция системы оценки эффективности деятельности аппаратов органов государственной власти и местного самоуправления «Эффективная публичная служба» (ЭПУС), которая предлагает критерии и подходы, адаптированные к российской практике государственного и муниципального управления. Общая схема оценки – это хорошо известная в Европе модель оценки качества деятельности организаций сферы государственного и муниципального управления. В соответствии с моделью ЭПУС показатели результативности деятельности муниципальных служащих являются составной частью общей системы оценки эффективности деятельности органов власти.

Оценка эффективности деятельности аппаратов органа государственной власти и органов местного самоуправления в рамках системы ЭПУС предполагает двухуровневую диагностику аппарата: самооценку и экспертную оценку.

Модель ЭПУС включает в себя две группы индикаторов эффективности [13]:

• группа «Возможности» характеризует подходы, используемые аппаратом органа государственной власти (местного самоуправления) для достижения результатов и повышения эффективности деятельности;

• группа «Результаты» характеризует достижения аппарата органа государственной власти (местного самоуправления).

Метод оценки эффективности деятельности на основе интегральных показателей.

На сегодняшний день в научных трудах отечественных и зарубежных экономистов изложены различные методы проведения интегральной оценки деятельности органов местного самоуправления и социально-экономического развития муниципальных образований.

Под показателями интегральной оценки результативности понимаются показатели, характеризующие результативность деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления опосредованным путем (за счет аналитического сведения значений показателей по образованным группам) [7].

Порядок интегральной оценки качества управления и результативности деятельности органов местного самоуправления определяет методику балльной оценки качества управления по каждому мероприятию на основе индикаторов. В качестве исходных данных для проведения оценки используются официальная финансовая отчетность и нормативные правовые акты муниципальных образований, информация муниципальных образований. В общем виде интегральный показатель результативности (R) рассчитывается на основе комплексных критериев (*Ki*) с учетом их весовых коэффициентов (*Zi*) по формуле (1).

$$R = \sum_{i=1}^{n} K_i * Z_i \qquad (1)$$

Комплексные критерии формируются из первичных критериев (k_i). $Ki = k_1 + k_2 + ... + k_i$

Степень соответствия показателей результативности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления первичным критериям ki оценивается по 10-балльной шкале. Далее значения интегрального показателя сопоставляются с качественной шкалой, приведенной в нормативных документах региона.

Сравнительная оценка различных методов оценки эффективности органов местного самоуправления предполагает разработку критериев, в соответствии с которыми производится сравнение. В качестве таких критериев выступают:

• нормативность методики в смысле ее признания государственными органами управления в качестве способа оценки эффективности деятельности муниципальных служащих;

• признанность в смысле распространенности методики и ее практического использования в мире;

• универсальность методики с точки зрения ее применимости к разным типам муниципальных образований;

• формализованность с точки зрения детального описания порядка ее использования и получения исходных данных;

• доступность исходных данных с точки зрения стоимости и сроков их получения;

• возможность получения количественных оценок эффективности для проведения сопоставительного и темпорального анализа деятельности различных органов муниципальной власти и муниципальных организаций;

• результативность как способность методики оценивать процесс деятельности органов местного самоуправления или результаты этой деятельности.

Каждому из перечисленных показателей присваивается числовая оценка по пятибалльной шкале со значениями: 1 – крайне низкий уровень, 2 – низкий уровень, 3 – средний уровень, 4 – высокий уровень, 5 – очень высокий уровень. Все показатели имеют одинаковый вес. В результате суммирования значений показателей выводится итоговая оценка методики.

В результате сравнительного анализа и ранжирования рассмотренных методов оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления на первом месте с суммой 26 баллов находятся методы проектного управления, что представляется оправданным.

Поскольку решение вопросов местного значения возлагается в первую очередь на исполнительно-распорядительный орган муниципального образования (местную администрацию), то эффективность и результативность деятельности органов местного самоуправления во многом определяется показателями профессиональной деятельности кадров муниципального управления.

Одним из приоритетных направлений формирования кадрового состава муниципальной службы является оценка результатов работы муниципальных служащих, которая проводится в процессе аттестации в соответствии со ст. 32 25-ФЗ [1]. Более того, статья предусматривает возможность применения современных технологий в работе с кадрами при прохождении муниципальной службы.

Принимая во внимание положение ст. 5 25-ФЗ «Взаимосвязь муниципальной службы и государственной гражданской службы Российской Федерации», можно утверждать, что принципы и механизмы оценки эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих должны отвечать требованиям единства и соотносительности условий их оценки эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих.

Основные подходы к разработке и внедрению показателей эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих, нормативно закрепленные в Федеральном законе РФ № 79-ФЗ [2], могут быть применены в процедуре оценки профессиональной деятельности муниципальных служащих [6].

1. Различие показателей «эффективность и результативность деятельности органов управления» и «эффективность и результативность профессиональной деятельности муниципального служащего».

2. Классификация показателей эффективности и результативности деятельности включает две группы показателей: обобщенные и специфические.

3. Показатели эффективности и результативности труда муниципальных служащих должны быть составной частью должностной инструкции и должны быть учтены при рассмотрении вопросов о включении в кадровый резерв, присвоении классного чина и поощрении служащего.

4. Показатели эффективности и результативности труда служащих могут иметь отношение к особому порядку оплаты труда муниципального служащего, замещающего должность муниципальной службы и осуществляющего профессиональную деятельность на условиях срочного служебного контракта.

Содержание труда муниципальных служащих можно рассматривать с позиций функционального и процессного подходов. С позиций функционального подхода профессиональная деятельность муниципального служащего близка к реализации функций муниципального образования. Как следствие, содержание профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих определяется полномочиями органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения [3] и полномочиями

по реализации переданных органам местного самоуправления государственных полномочий [3].

Одной из наиболее сложных проблем оценки управленческого труда муниципальных служащих является перечень критериев и показателей оценки. Анализ отечественной практики оценки результативности и эффективности профессиональной служебной деятельности позволяет сделать вывод о том, что единого подхода к формированию системы оценки не существует.

Вместе с тем определенные закономерности можно выделить. Наиболее часто в качестве показателей результативности профессиональной служебной деятельности применяют количественные, качественные, временные показатели и частные показатели сложности управленческого труда.

Количественные показатели применяются для оценки результативности деятельности при проведении аттестации муниципальных служащих, качественные и временные показатели, помимо аттестации, применяются и как показатели для поощрения муниципальных служащих. Зачастую в качестве показателей результативности и эффективности деятельности рассматриваются частные показатели, характеризующие личные качества муниципальных служащих.

Расчет обобщающей оценки (Э обобщ.) эффективности и результативности деятельности муниципального служащего определяется как средневзвешенная сумма оценок эффективности его деятельности на основе качественных, количественных, временных критериев по следующей формуле:

$$Э\ обобщ. = Ч1 \times k1 + Ч2 \times k2 + Ч3 \times k3,$$

где Э обобщ. – обобщающая оценка эффективности (результативности) муниципального служащего (в процентах);

Ч1 – оценка эффективности на основе количественных критериев;

Ч2 – оценка эффективности на основе качественных критериев;

Ч3 – оценка эффективности на основе временных критериев.

К1, К2, К3 – весовые коэффициенты оценок эффективности на основе количественных, качественных и временных критериев соответственно.

Именно это значение можно принять за показатель эффективности деятельности муниципального служащего в данном отчетном периоде. Деятельность муниципального служащего признается:

Э обобщ. ≥60% – деятельность результативна

Э обобщ. <60% – деятельность муниципального служащего нерезультативна.

В случае если оценка профессиональной деятельности муниципального служащего производится для целей материального поощрения либо формирования кадрового резерва, можно установить категории результативности муниципальных служащих.

Таким образом, представленная система показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих представляется комплексной, способной отражать степень достижения целей органа местного самоуправления. Все приведенные показатели измеримы, реально достижимы, ограничены во времени, обеспечивают возможность объективной и независимой оценки, экономически оправданы, позволяют связать результаты деятельности муниципального служащего с его должностными обязанностями.

Список литературы

1. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 47, 50).
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», гл. 17.
4. Указ Президента РФ от 28.06.2007 № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
5. Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».
6. *Антошина Н.М.* Актуальные вопросы повышения эффективности государственной службы и результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 10.
7. *Баженова Е.В.* Мотивация и стимулирование: на пути к успеху фирмы. – СПб: Питер, 2009.
8. *Васильева М.В.* Совершенствование управления экономикой регионов на основе применения методики сравнительной комплексной оценки эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления // Управление экономическими системами. – 2011/12. – № 36.
9. *Глазунова Н.И.* Система государственного и муниципального управления. – М.: Проспект, 2010.
10. *Горб В.Г.* Методологические основы определения эффективности и качества результатов профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих // Вопросы управления. – 2011. – № 3 (16).

11. *Дербетова Т.Н.* Оценка эффективности государственного управления: от общих подходов к конкретно-предметным // Науковедение. – 2012. – № 1.
12. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт / А.Н. Беляев, Е.С. Кузнецова, М.В. Смирнова, Д.Б. Цыганков. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
13. *Крахмалов А.Н.* Оценка эффективности труда муниципальных служащих // Вестник ПАГС – 2013.
14. *Минченко О.С.* Подходы к оценке целевых программ в российской практике // Вопросы управления. – 2012. – № 4 (21).
15. Общая схема оценки CAF: Совершенствование через самооценку: Центр экспертных программ Всероссийской организации качества (ВОК) / Перевод и адаптация на русский язык Д.В. Маслова, 2008.
16. Система муниципального управления / Под редакцией В.Б. Зотова. – СПб.: Питер, 2008.

Reference list

1. Federal Law "On municipal service in the Russian Federation" on 02.03.2007 № 25-FL.
2. Federal Law of the Russian Federation of 27.07.2004 № 79-FL "On state civil service of the Russian Federation" (Art. 47, 50).
3. Federal Law of 06.10.2003 № 131-FL "On general principles of local self-government in the Russian Federation", Chapter 17.
4. President's Decree of RF from 28.06.2007 № 825 "About the evaluation of efficiency of activity of executive authorities of the Russian Federation subjects"
5. President's Decree of RF from 28.04.2008 № 607 "About the evaluation of efficiency of activity of local self-government authorities of city districts and municipal areas".
6. *Antoshina N.* Topical issues of increasing the efficiency of civil service and the professional performance of service activity of state workers // Administrative and municipal law. 2010. № 10.
7. *Bazhenova E.* Motivation and incentives: Towards the success of the company. SBR.: Piter, 2009.
8. *Vasil'eva M.* Improvement of management of economy of regions on the basis of using methods of comparative integrated evaluation of efficiency of activity of state authorities and local self-government // Management of economic systems. 2011/12. № 36.
9. *Glazunova N.* The system of state and municipal management. M.: Prospect, 2010.
10. *Gorb V.* Methodological basis for determining the efficiency and quality of results of professional activity of government and municipal workers // Issues of management. 2011. № 3 (16).
11. *Derbetova T.* Evaluation of the efficiency of public management: From general approaches to specific-subject // Science studies. 2012. № 1.
12. Performance measurement and evaluation in public management: International experience / A. Belyaev, E. Kuznetsov, M. Smirnov, D. Tsygankov. M.: Publishing house of SU HSE, 2005.
13. *Krakhmalov A.* Evaluation of efficiency of work of municipal workers // Bulletin of PACS – 2013.
14. *Minchenko O.* Approaches to the evaluation of target programs in the Russian practice // Issues of management. 2012. № 4 (21).
15. The CAF evaluation framework: Improvement through self-evaluation: The Center of expert programs of the Russian organization for quality (ROQ) / Translated and adapted to Russian language by D. Maslova, 2008.
16. The system of municipal management / Under the editorship of V. Zotov SBR.: Piter, 2008.

УДК 001

Володарская Е.А.,
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В КОНТЕКСТЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

В статье анализируется процесс реформирования Российской академии наук с точки зрения разных научных дисциплин. Акцент ставится на взаимодействии науки, государства, бизнеса, общества с позиций науковедения и психологии. В науковедении обсуждаются функции взаимодействия, выраженные в информировании, формировании общественного мнения, экспертизы принимаемых решений. Психология при исследовании реформы РАН выделяет особенности выстраивания межгрупповых отношений между большими социальными группами на основе использования закономерности межгруппового восприятия. Обсуждаются направления изучения феноменов науки в междисциплинарном контексте.
Ключевые слова: реформа РАН, науковедение, взаимодействие, психология науки, стереотип восприятия

Volodarskaya E.,
Doctor of Psychology, Leading Researcher of History of the Organization of Science and Science Studies of Institute for the History of Natural Science and Technics named after S. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

REFORM OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN THE CONTEXT OF THE DISCIPLINARY ANALYSIS

The article analyses the process of reform of the Russian Academy of Sciences from the perspective of various scientific disciplines. From the standpoint of science studies and Psychology the emphasis is on the interaction of science, government, business, society. In the science studies there are discussed the interaction functions, expressed in informing, shaping of public opinion and expertise of decision-making. In the study of reform of the Russian Academy of Sciences Psychology highlights the particular features of forming intergroup relations between large social groups, based on using pattern of intergroup perception. In the article directions of phenomena study of science are discussed in an interdisciplinary context.
Keywords: reform of Russian Academy of Sciences, science studies, interaction, science psychology, stereotype of perception

Наука как система знаний и как система деятельности по производству нового знания представляет собой объект анализа многих дисциплин, категориальный аппарат которых выделяет свой собственный угол зрения и предметное поле. Так, философия науки сосредоточивает внимание, в частности, на внутренней логике приращения знания, критериях продуктивности труда ученых. Право рассматривает законодательное обеспечение исследовательской деятельности. Статистика науки выделяет показатели ее функционирования. Психология описывает индивидуально-личностные признаки научного творчества, особенности коллективных форм исследований и разработок. Менеджмент выявляет параметры эффективного управления наукой как социальным институтом. Политология очерчивает закономерности формулирования государственной научной политики. Этот перечень дисциплин, фокусом анализа которых является наука, можно продолжить.

Любой феномен науки можно рассмотреть сквозь призму выделяемых в объекте характеристик. В связи с этим процесс реформирования Российской академии наук также предполагает междисциплинарное изучение.

Цель статьи заключается в выделении по крайней мере психологического и науковедческого фокусов изучения реформы РАН, описании общих и частных закономерностей этого социального явления. И главный вопрос, на наш взгляд, – это вопрос взаимодействия всех субъектов, которых затрагивает изменение положения РАН: ученые, руководство РАН, государственные органы управления, общество, предпринимательский сектор.

Вначале сосредоточимся на науковедческом подходе. В науковедческой литературе выделены

возможные формы взаимодействия науки, бизнеса, образовательных структур, содержание которых определяется функциями продвижения научного знания внутри научного сообщества и заинтересованным пользователям-потребителям вне его пределов. Это такие формы, как информационно-коммуникационная, консультационная и экспертная [1, с. 32–38.]. Информационно-коммуникационная форма связана с популяризацией научного знания в средствах массовой информации, создании коммуникационных площадок в сети Интернет.

Консультационная форма взаимодействия определяется потребностью в выражении разных точек зрения, диалоге в форме конференций, круглых столов и других видов непосредственного общения заинтересованных сторон для выработки общественного мнения, которое следует учитывать при выработке научно-технической политики.

Экспертная форма взаимодействия проявляется в создании условий для всесторонней экспертной оценки решений, принимаемых в области науки.

Интересно было проанализировать, каким образом Российская академия наук взаимодействовала с разными заинтересованными в научном знании социальными группами в соответствии с описанной выше классификацией форм общения в системе «наука – общество» на момент начала реформирования РАН в 2013 г.

В пользу важности развития фундаментальной науки в России свидетельствует Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., подготовленный Министерством образования и науки России и утвержденный Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым 3 января 2014 г. В документе сказано, что «долгосрочный прогноз является одним из основных документов системы стратегического планирования развития Российской Федерации. Он определяет наиболее перспективные области развития науки и технологий на период до 2030 г., обеспечивающие реализацию конкурентных преимуществ страны» [7]. Долгосрочный прогноз сформирован с учетом приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации (утверждены указом Президента Российской Федерации от 07.07.2011 № 899). Для каждого приоритетного направления сформулированы детальные приоритеты перспективных научных исследований (см. табл. 1) [9].

Таблица 1.

Прогнозируемые приоритетные направления научно-технологического развития РФ до 2030 г.

Приоритетное направление	Приоритетные области научных исследований
1. Информационно-коммуникационные технологии	Компьютерные архитектуры и системы
	Телекоммуникационные технологии
	Технологии обработки и анализа информации
	Элементная база и электронные устройства, робототехника
	Предсказательное моделирование, функционирование перспективных систем
	Информационная безопасность
	Алгоритмы и программное обеспечение
2. Биотехнологии	Научно-методическая база исследований в области биотехнологий
	Промышленные биотехнологии
	Агробиотехнологии
	Экологические биотехнологии
	Пищевые биотехнологии
	Лесные биотехнологии
	Аквабиокультура
3. Медицина и здравоохранение	Перспективные лекарственные кандидаты
	Молекулярная диагностика
	Молекулярное профилирование и выявление молекулярных и клеточных механизмов патогенеза.
	Биомедицинские клеточные технологии
	Биодеградируемые и композитные материалы медицинского назначения
	Биоэлектродинамика и лучевая медицина
	Геномная паспортизация человека
4. Новые материалы и нанотехнологии	Конструкционные и функциональные материалы
	Гибридные материалы, конвергентные технологии, материалы медицинского назначения

Окончание табл. 1

4. Новые материалы и нанотехнологии	Компьютерное моделирование материалов и процессов
	Диагностика материалов
5. Рациональное природопользование	Сохранение благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности
	Мониторинг состояния окружающей среды, оценка и прогнозирование чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера
	Изучение недр, поиск, разведка и комплексное освоение минеральных и углеводородных ресурсов, техногенного сырья
	Изучение и освоение ресурсов Мирового океана, Арктики, Антарктики
6. Транспортные и космические системы	Развитие единого транспортного пространства
	Повышение безопасности и экологичности транспортных систем
	Перспективные транспортные и космические системы
7. Энергоэффективность и энергосбережение	Эффективная разведка и добыча ископаемых топлив
	Эффективная и экологически чистая теплоэнеогетика
	Безопасная атомная энергетика
	Эффективное использование возобновляемых видов энергии
	Перспективная биоэнергетика
	Глубокая переработка органических топлив
	Эффективное аккумулирование электрической и тепловой энергии
	Водородная энергетика
	Эффективная транспортировка топлива и энергии
	Интеллектуальные энергетические системы будущего
	Эффективное потребление энергии
	Моделирование перспективных энергетических технологий и систем
	Разработка прогрессивной электронной компонентной базы для энергетики
	Новые материалы и катализаторы для энергетики будущего

Важно, что данный долгосрочный прогноз был согласован с Российской академией наук, а при его формулировании использованы материалы институтов государственных академий наук (Российская академия наук, Российская академия медицинских наук, Российская академия сельскохозяйственных наук). Таким образом, на момент начала реформирования РАН существовала нормативно-правовая база для дальнейшего функционирования фундаментальной науки, причем РАН принимала активное участие в составлении этих документов. Это показывает, что РАН достаточно активно взаимодействовала с органами государственной власти и выполняла экспертную функцию.

Важной особенностью актуального состояния учреждений Российской академии наук является их участие в современных способах взаимодействия науки, бизнеса и государства. Способность их координации и кооперации является главным фактором, определяющим успешное функционирование национальной инновационной системы. Важно обеспечить инфраструктурные условия для качественного инновационного взаимодействия и способствовать установлению тесных партнерских отношений между сферами науки и бизнеса. Необходимо формирование и развитие центров производства научных знаний и бизнес-идей – технопарков и инновационных технологических центров. Созданные для одновременной разработки большого количества проектов и обладающие внутренними структурированными инструментами передачи знаний, они обеспечивают благоприятную среду и инфраструктуру для поддержания начинающего бизнеса в сфере инноваций.

Одним из подобных инструментов координации усилий разных участников, в том числе и науки, выступает технологическая платформа. В ее рамках совместными усилиями разрабатываются приоритетные направления развития, составляются программы исследований, обеспечиваются горизонтальное взаимодействие научно-инновационной, промышленной, образовательной, предпринимательской, управленческой сфер.

Технологическая платформа – это «коммуникационный инструмент, направленный на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), на привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства, гражданского общества), совершенствование норма-

тивно-правовой базы в области научно-технологического, инновационного развития» [5]. Интересно проанализировать роль учреждений РАН в функционировании отечественных технологических платформ на момент начала реформы (см. табл. 2) [8].

Данные, представленные в таблице, показывают, что институты РАН принимали участие в деятельности 28 (из 34) отечественных технологических платформ, что говорит о значительной роли РАН в современных формах интеграции и продвижения научного знания на разных этапах инновационного процесса.

Одним из возможных направлений осуществления взаимодействия Российской академии наук со всеми заинтересованными группами является Совет по науке при Министерстве образования и науки, созданный в апреле 2013 г. Совет выступает в качестве совещательного органа для подготовки предложений по повышению эффективности научно-технической и инновационной деятельности, для обсуждения и экспертизы государственных программ и законодательной базы в сфере науки. Таким образом, коммуникативная, экспертная и консультативные функции взаимодействия науки и органов государственной власти включены в содержание деятельности данного органа с целью повышения эффективности научной, научно-технической и инновационной деятельности в России [Электронный ресурс, режим доступа: http://sovet-po-nauke.ru/info/about].

К задачам созданного Совета по науке отнесены такие виды деятельности, как оценка эффективности и корректировка реализации программ поддержки научных исследований; анализ и выделение приоритетных научных направлений; выработка принципов и механизмов научной экспертизы исследовательских проектов, анализ и оценка качества экспертизы исследовательских проектов.

В состав Совета включены 22 активных российских ученых, работающих в различных областях знаний, из которых 11 человек работают в научно-исследовательских институтах Российской академии наук. Председателем Совета по науке избран академик, член президиума РАН А.Р. Хохлов. Заместителем председателя Совета избран член-корреспондент РАН А.И. Иванчик.

Можно говорить о том, что на момент начала реформы РАН все функции межгруппового взаимодействия в системе «наука – общество» были реализованы с определенной долей успешности. Хотя, на наш взгляд, можно было бы усилить взаимодействие по линии «государство – наука» с целью популяризации и продвижения содержания, целей, задач реформы Российской академии наук, которая была «спущена сверху» в уведомительном порядке.

Описание возможностей реализации информационно-коммуникационной функции взаимодействия государства, науки, образования, бизнеса могло бы эффективно осуществляться с учетом психологического подхода к анализу феноменов науки в целом и процесса реформирования РАН в частности. Наука и общество представляют собой большие социальные группы, общение между которыми осуществляется по описанным в социальной психологии закономерностям функционирования межгрупповых отношений. Управление научной деятельностью, особенно в условиях изменения функционирования отечественной фундаментальной науки, предполагает включение психологического сопровождения осуществления этого социокультурного процесса.

Межгрупповая деятельность может осуществляться как в форме непосредственного взаимодействия различных групп, так и в опосредованных формах при отсутствии непосредственного взаимодействия между группами, как, например, в случае отношений между большими группами. Образ другой группы с точки зрения психологии межгрупповых отношений может формироваться с опорой на впечатления из средств массовой информации. Механизмом возникновения представлений о больших социальных группах выступает стереотипизация межгруппового восприятия. С одной стороны, стереотип помогает быстро и достаточно надежно отнести воспринимаемую группу к какому-то более широкому классу явлений. Поэтому стереотип важен, так как дает относительно быстрое и схематичное знание действительности. С другой стороны, если стереотип другой группы включает в себя негативные характеристики, предубеждения, то он способствует формированию межгрупповой враждебности, снижению понимания, принятия мнения представителей другой группы.

Учет данной психологической закономерности с необходимостью предполагает расширение информационной базы для формирования более точных, объективных суждений о том, что делает группа. Перенеся данную объяснительную схему на особенности взаимодействия в рамках системы «государство – наука – образование – бизнес – общество» в контексте реформирования РАН, можно утверждать, что потенциал информационно-коммуникационной формы межгрупповых отношений не был использован полностью. Это и привело, в частности, к непринятию, сопротивлению осуществлению реформы РАН внутри научного сообщества.

Формирование согласованного видения перспектив фундаментальной науки в России в пореформенный период способствовало бы принятию данной реформы, снижению недовольства субъектов этого процесса, главным образом ученых, руководителей науки. Возможным путем формирования эффективной научной политики на государственном уровне с учетом психологических особенностей коллективной творческой деятельности может стать выявление,

Таблица 2.

Сводный перечень российских технологических платформ

№№	Название технологической платформы	Учреждения РАН – участники технологической платформы	Кол-во участников от РАН
1	Авиационная мобильность и авиационные технологии	Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН Институт системного программирования	2
2	Биоиндустрия и биоресурсы	Институт биологии гена Институт биологии Коми НЦ УрО Институт биологического приборостроения (ИБП РАН) Институт космических исследований Институт леса им. В.Н. Сукачева КНЦ СО РАН Институт леса КарНЦ РАН Институт лесоведения РАН Институт математических проблем биологии РАН Институт почвоведения и агрохимии СО РАН Институт проблем промышленной экологии Севера КНЦ Институт проблем химико-энергетических технологий СО РАН Р Институт систематики и экологии животных СО РАН Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН Институт химии растворов РАН Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН Институт экологии Волжского бассейна РАН Институт экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра РАН Прикаспийский институт биологических ресурсов ДНЦ РАН Институт биологии Коми научного центра Уральского отделения РАН (ИБ Коми НЦ УрО РАН) Институт биоорганической химии им. Академиков М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова Институт биохимии им. А.Н. Баха РАН (ИНБИ РАН) Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН Институт цитологии и генетики СО РАН Центр «Биоинженерия» РАН Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН Институт экологии и генетики микроорганизмов УО	26
3	Биоэнергетика	Институт физической химии и электрохимии им А.Н Фрумкина РАН Институт нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева РАН Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН Институт общей и неорганической химии им Н.С. Курнакова Институт биохимии им А.Н. Баха РАН Объединенный институт высоких температур РАН Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН Институт цитологии и генетики СО РАН Институт альтернативных топлив РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина и РАН Институт проблем химико-энергетических технологий СО РАН	10
4	Высокоскоростной интеллектуальный железнодорожный транспорт	Институт машиноведения Институт проблем информатики Институт проблем передачи информации Институт проблем управления Институт системного программирования Институт систем обработки изображений Институт проблем транспорта Институт космических исследований Институт общей физики Институт прикладной математики имени Келдыша Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн имени Н.В. Пушкова Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности	12
5	Глубокая переработка углеводородных ресурсов	Институт Катализа им. Г.К. Борескова СО РАН Институт Нефтехимического Синтеза им. А.В. Топчиева РАН Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова Институт органической и физической химии РАН им. А.Е. Арбузова Казанского нефтяного центра РАН	15

Продолжение табл. 2

		Институт проблем нефти и газа РАН Институт Проблем Химической Физики РАН Институт химии и химической технологии СО РАН Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН Институт проблем переработки углеводородов СО РАН Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН Институт сильноточной электроники СО РАН Новосибирский институт органической химии им. Н. Н. Ворожцова СО РАН Казанский научный центр РАН Институт химии нефти СО РАН	
6	Замкнутый ядерно-топливный цикл с реакторами на быстрых нейтронах	Институт проблем безопасности развития атомной энергетики	1
7	Инновационные лазерные, оптические и оптоэлектронные технологии – фотоника	Институт автоматики и процессов управления ДВО РАН Институт автоматики и электрометрии СО РАН Институт вычислительных технологий СО РАН Институт лазерной физики СО РАН Институт оптики атмосферы им. В.Е. Зуева СО РАН Институт общей физики им. А.М. Прохорова РАН Институт проблем лазерных и информационных технологий Институт прикладной физики РАН Институт сильноточной электроники СО РАН Конструкторско-технологический институт прикладной микроэлектроники – Новосибирский филиал ИФП СО РАН Научный центр волоконной оптики РАН Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН	13
8	Интеллектуальная энергетическая система России	Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН Объединенный институт высоких температур РАН Институт энергетических исследований РАН Институт проблем безопасного развития атомной энергетики Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН	5
9	Малая распределенная энергетика	Институт теплофизики им. С.С. Кутателадзе СО РАН Институт высоких температур Институт сильноточной электроники СО РАН)	3
10	Материалы и технологии металлургии	Институт Химии и технологии редких элементов и минерального сырья им. И.В. Танаева Институт металлургии и материаловедения им. А.А. Байкова Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН) Институт физики прочности и материаловедения СО РАН	4
11	Медицина будущего	Отдел структурной макрокинетики Учреждения Российской академии наук Томского научного центра СО РАН (ОСМ ТНЦ СО РАН) Институт биологии гена РАН Институт биохимии и генетики Уфимского научного центра Институт биохимии имени А.Н. Баха Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля Институт лазерной физики СО РАН Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова Институт оптики атмосферы имени В.Е. Зуева СО РАН Институт органического синтеза им. И.Я. Постовского Уральского отделения РАН (Институт органической и физической химии имени А.Е. Арбузова Казанского научного центра Институт органической химии имени Н.Д. Зелинского РАН Институт органической химии Уфимского научного центра Институт проблем химической физики Институт сильноточной электроники СО РАН Институт теоретической и прикладной механики имени С.А. Христиановича СО РАН (Институт физики прочности и материалов СО РАН Институт физиологически активных веществ Институт химии Коми Научного центра УрО РАН) Институт химии растворов Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН)	

Продолжение табл. 2

		Институт цитологии Институт цитологии и генетики СО РАН Институт элементоорганических соединений им. А.Н. Несмеянова РАН Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова СО РАН Тихоокеанский институт биоорганической химии Дальневосточного отделения РАН Биолого-почвенный институт Дальневосточного отделения Институт общей физики им. А.М. Прохорова РАН Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта 29. Институт спектроскопии РАН Институт химии твердого тела и механохимии СО РАН Институт проблем химико-энергетических технологий СО РАН	31
12	Моделирование и технологии эксплуатации высокотехнологичных систем	Институт проблем информатики	1
13	Национальная информационная спутниковая система	Красноярский научный центр СО РАН Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Институт вычислительных технологий СО РАН Институт астрономии Институт систем обработки изображений Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН Институт оптики атмосферы им. В.Е. Зуева СО РАН Институт динамики систем и теории управления СО РАН Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН Институт космических исследований РАН	10
14	Национальная космическая технологическая платформа	Институт теоретической и прикладной механики имени С.А. Христиановича СО РАН Институт сильноточной электроники СО РАН	2
15	Национальная программная платформа	Институт проблем информатики Институт системного программирования Институт программных систем им. А.К. Айламазяна Институт информатики и математического моделирования технологических процессов Кольского научного центра Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова» Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН	6
16	Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа	Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН Объединённый Институт Высоких Температур РАН Институт проблем Безопасного Развития Атомной Энергетики (ИБРАЭ) РАН Институт Математики и Механики УрО РАН Институт проблем Безопасного Развития Атомной Энергетики РАН Институт математических проблем биологии РАН Институт нефтехимии и катализа РАН (ИНК РАН) Институт проблем химической физики РАН Институт машиноведения уральского отделения РАН Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН Институт Систем Обработки Изображений РАН Физико-Технологический институт РАН Институт Проблем Проектирования в Микроэлектронике Геофизический центр РАН Институт Точной Механики и Вычислительной Техники им. С.А. Лебедева Институт Системного Анализа РАН Отделение нанотехнологий и информационных технологий Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН Институт химической физики им. Н.Н. Семенова РАН Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН Институт проблем лазерных и информационных технологий Институт вычислительных технологий СО РАН Институт механики и машиностроения Казанского научного центра РАН Институт проблем информатики РАН Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН	37

Продолжение табл. 2

		Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН Карельский научный центр РАН Центр Научно-исследовательский институт системных исследований РАН Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН (ИРЭ им. В.А. Котельникова РАН) Секция открытых систем совета РАН Институт вычислительного моделирования СО РАН Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН Межведомственный суперкомпьютерный центр РАН Казанский Научный Центр РАН Институт проблем механики им. А.Ю. Ишлинского РАН Институт прикладных математических исследований карельского научного центра РАН Институт конструкторско-технологической информатики	
17	Новые полимерные композиционные материалы и технологии	Институт органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Институт проблем Машиноведения Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе» Институт химии растворов им. Г.А. Крестова Институт химической физики им. Н.Н. Семенова Инновационно-технологический центр РАН «Черноголовка» Институт проблем химической физики	7
18	Освоение океана	Специальное конструкторское бюро средств автоматизации морских исследований ДВО Опытно-конструкторское бюро океанологической техники Институт океанологии им. П.П. Шершова Институт прикладной физики Институт общей физики им. А.М. Прохорова	5
19	Перспективные технологии возобновляемой энергетики	Физико-технический институт им. Иоффе Институт высоких температур Институт системной энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН Институт океанологии им. П.П. Ширшова Институт проблем морских технологий ДВО	5
20	Радиационные технологии	Институт ядерных исследований Институт проблем химической физики Институт физической химии и электрохимии им. А.М. Фрумкина Институт Электрофизики УрО Институт физики прочности и материаловедения СО РАН Институт физики твердого тела	6
21	СВЧ-технологии	Институт сверхвысокочастотной полупроводниковой электроники Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова	2
22	Технологии добычи и использования углеводородов	Институт нефтехимического синтеза им. А.В. Толмачева Институт проблем нефти и газа Институт проблем химической физики Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН	4
23	Технологии мехатроники, встраиваемых систем управления, радиочастотной идентификации и роботостроение	Институт автоматики и процессов управления Дальневосточного отделения РАН Институт конструкторско-технологической информатики Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН Институт проблем машиноведения РАН Институт проблем механики им. А.Ю. Ишлинского Институт проблем нефти и газа Институт проблем управления им. В.А.Трапезникова Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН Институт системного программирования	11
24	Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания	Институт биофизики клетки Институт нефтехимического синтеза им. А.В. Толмачева	2
25	Технологии экологического развития	Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности Институт проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Институт общей физики имени А.М. Прохорова Институт космических исследований Институт физики Земли имени О.Ю. Шмидта	14

Окончание табл. 2

		Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН Институт физики атмосферы им. А.М. Обухова Институт географии Институт прикладной физики Институт биологии моря им. А.В. Жирмунского Дальневосточного отделения РАН Институт химической кинетики и горения СО РАН	
26	Экологически чистая тепловая энергетика высокой эффективности	Объединенный институт высоких температур Институт теплофизики им. Куталадзе СО РАН	2
27	Экологически чистый транспорт «Зеленый автомобиль»	Конструкторско-технологический институт вычислительной техники СО РАН Объединенный институт высоких температур	2
28	Легкие и надежные конструкции	Институт системного прогнозирования	1
Итого:			**239**

анализ сопоставления социальных представлений о специфике, роли науки, которые имеются не только у российских ученых, но и у более широкой части общества, напрямую не связанной с производством научного знания [2, с. 8–20].

Усиление реализации информационно-коммуникационной функции взаимодействия науки с другими заинтересованными социальными группами могло проявиться, например, в более активном обмене мнениями до объявления о начале реформы в рамках круглых столов, конференций, фокус-групповых интервью и т.д. Важно использовать ресурсы научной популяризации, продвижения для многократного объяснения содержания реформы на разных тематических площадках.

Необходимо было сосредоточить усилия на развитие диалогического общения, осуществление психологически грамотного переговорного процесса, способствующего снижению остроты конфликта как внутри научного сообщества, так и при переговорах между Президиумом Российской академии наук и Федеральным агентством научных учреждений. Прояснение позиций сторон, их сближение или пересмотр, другие закономерности достаточно полно и всесторонне представлены в литературе [6].

Значимым фактором принятия реформы в научном сообществе и в обществе в целом могло бы стать использование рекламных возможностей, маркетинговых технологий, позволяющих оценить потенциал реформы как нового продукта, внедрение которого влечет за собой серьезные изменения в условиях функционирования фундаментальной науки [3, с. 24–28].

Усилия, связанные с выстраиванием эффективной коммуникации в рамках проводимой реформы, должны способствовать увеличению общего объема информации, на основе которого формируется более адекватный образ как реформы науки, так и государственной научной политики.

Анализ реформирования РАН предполагает соотнесение мероприятия с подобными, осуществленными в сходных социально-экономических условиях. Интересным для обсуждаемых вопросов является опыт реформирования Польской академии наук, организованной сходным с Российской академией наук образом и имеющей близкую политическую историю функционирования. Реформа Польской академии наук была осуществлена в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В качестве основных целей реформы Польской академии наук провозглашались повышение эффективности использования человеческого потенциала исследователей, усиление продуктивности и результативности фундаментальной науки [1].

Реформа Польской академии наук входила в более широкий комплекс мер по модернизации всей науки Польши «Развитие, основанное на знаниях». К таким направлениям изменения были отнесены:

• совершенствование процедур и институциональных основ финансирования исследований на основе создания двух независимых агентств, отвечающих за финансирование исследований в Польше: Национальный научный центр, призванный оценивать результативность научных исследований в фундаментальной науке, и Национальный центр по науке и разработкам, определяющий приоритетные направления прикладных разработок исходя из стратегических национальных приоритетов и налаживающий сотрудничество с предпринимательским сектором;

• модернизация структуры финансирования исследований на основе конкурсного отбора двумя описанными выше центрами при обязательном 20%-ом выделении бюджетных грантов ученым моложе 35 лет;

• совершенствование методов оценки эффективности научных организаций, для чего был создан

Комитет по оценке деятельности исследовательских организаций, направленный на поддержку более эффективных и упразднение менее эффективных исследовательских организаций. Все учреждения Польской академии науки распределены по трем категориям на основании уровня эффективности функционирования: лидирующие на национальном уровне, демонстрирующие приемлемый (требующий повышения) уровень научно-исследовательской деятельности, работающие неэффективно и вынужденные провести реструктуризацию в течение шести месяцев, что позволит им и в дальнейшем получать финансирование в форме грантов.

Реформирование Польской академии наук решает следующие задачи:

– упростить структуру ПАН, в частности взаимодействие между ее Президиумом и исследовательскими институтами;

– омолодить кадровый состав Академии, в частности ограничить занятие лицами старше 70 лет ключевых (выборных) должностей;

– предоставить руководству Академии властные полномочия, политическую поддержку и финансирование для реструктуризации академических институтов на основе их объединения и внедрения современных методов управления;

– восстановить контроль над государственным имуществом, которым владеет Академия;

– создать Комитет по вопросам научной этики.

Первоначально предполагалось вывести Польскую академию наук из подчинения премьер-министра страны, что позволяло вести самостоятельную политику управления имуществом, и переподчинить Академию наук министру науки и высшего образования. Но Президиум Польской академии наук сумел отстоять свое первоначальное положение, связанное с престижем, независимостью, контролем имущества. Министерство науки и образования проиграло в этой схватке. Первые итоги реформирования Польской академии наук свидетельствуют о том, что «реформа, направленная на повышение эффективности использования человеческого потенциала и результативности исследовательской деятельности, способствовала не столько модернизации науки и высшего образования, сколько перераспределению властных полномочий в этой области» [1, с. 32].

Сложность, многомерность, многоаспектность такой большой социальной группы, как Академия наук, невозможна без объединения усилий психологии, истории, науковедения, культурологии, экономики, социологии, методологии и других сфер социально-гуманитарного знания. Подобный анализ свидетельствует, во-первых, о дифференциации дисциплинарности научного знания, каждое направление которого имеет свой собственный предмет в трактовке общего объекта. А во-вторых, предполагает объединение усилий и выводов всех направлений с целью получения более полной, истинной, адекватной картины изучаемой социальной реальности.

Различия в дисциплинарном изучении феноменов науки позволяют сделать более рельефным общий объект исследования, выделить перспективные линии совершенствования в деятельности всей системы взаимодействия науки, образования, государства, бизнеса. Осуществленный анализ процесса реформирования РАН с позиции науковедения и психологии показал продуктивность междисциплинарного подхода, обогащающего и помогающего каждой сфере науки выстроить общее целостное понимание происходящих событий, способствовать развитию каждого участника данного взаимодействия, сделать более эффективной работу целостной системы науки как социального института.

Список литературы

1. *Антонович Д.* Невозможное возможно. Модернизация Польской академии наук // Форсайт. – 2010. – Т. 4. – № 3.
2. *Володарская Е.А.* Наука и общество: отношение и взаимодействие // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов. Вып. 26. – СПб., 2010.
3. *Володарская Е.А.* Социально-психологические особенности коммуникации в межгрупповом взаимодействии науки и общества // Человеческий капитал. – 2013. – № 9.
4. *Гришакина Е.Г.* Проблемы координации взаимодействия науки, образования и бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inecon.org/docs/Grishakina_paper_20150203.pdf.
5. Инновации в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://innovation.gov.ru/taxonomy/term/546.
6. *Козьяков Р.В.* Психология переговоров: учебное пособие. – М.: Директ-Медиа, 2014.
7. Прогноз научно-технологического развития Российской федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf.
8. Технологические платформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/org/hse/tp/catalogue.
9. Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1563800.

Reference list

1. *Antonovich D.* The Impossible is Possible. Modernization of the Polish Academy of Sciences // Foresight. 2010. Vol. 4. № 3.
2. *Volodarskaya E.* Science and society: Attitudes and interaction // Issues of activity of scientists and research teams. Number 26. SBR., 2010.
3. *Volodarskaya E.* Socio-psychological characteristics of communication in intergroup interactions between science and society // Human capital. 2013. № 9.
4. *Grishakina E.* The problem of coordination of interaction of science, education and business [Electronic resource]. Access mode: http://inecon.org/docs/Grishakina_paper_20150203.pdf.
5. Innovations in Russia [Electronic resource]. Access mode: http://innovation.gov.ru/taxonomy/term/546.
6. *Koz'yakov R.* Psychology of talks: Textbook. M.: Direct-Media, 2014.
7. Forecast of scientific – technological development of the Russian Federation for the period until 2030 [Electronic resource]. Access mode: http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf.
8. Technology platforms [Electronic resource]. Access mode: http://www.hse.ru/org/hse/tp/catalogue.
9. The Decree of the President of the Russian Federation of 07.07.2011 № 899 "On approval of priority growth area of science, technologies and technics in the Russian Federation and list of critical technologies of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode: graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1563800.

УДК 338.28

Марченко Е.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Университета «Дубна»

Собянина С.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Туристический бизнес и сервис» Московского государственного машиностроительного университета

Анфимова А.Ю.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Университета «Дубна»

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья содержит анализ возможностей развития государственно-частного партнерства путем создания коворкинг-центров для повышения инвестиционной деятельности в регионах России. Предложены инновационные методы формирования и инвестирования объектов дорожного сервиса.

Ключевые слова: коворкинг, кластер, инвестиционная деятельность, транспортная инфраструктура, объекты дорожного сервиса

Marchenko E.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State and Municipal Management of the "Dubna" University

Sobyanina S.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of "Tourism Business and Service" of the Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)

Anfimova A.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State and Municipal Management of the "Dubna" University

THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN INVESTMENT ACTIVITY

The article includes the analysis of development opportunities of public-private partnership by creating of coworking centers to raise the investment activity in regions of Russia. There are proposed innovation methods of formation and investment of road service facilities.

Keywords: coworking, cluster, investment activity, transportation infrastructure, road service facilities

В современных экономических условиях государство заинтересовано в развитии инвестиционной деятельности в различных регионах страны с учетом изменяющихся условий в трудовой деятельности населения. В промышленно развитых странах увеличение транспортной подвижности населения явилось прямым следствием роста его деловой активности. С ростом мобильности у людей возникает необходимость работать в разных городах и странах, при этом работники, перемещаясь, не имеют рабочего пространства вне офиса. Поэтому возникает необходимость поиска подходящего места для работы вне дома. Рост мобильности населения становится одной из причин возникновения коворкинг-центров.

В России за последние годы произошли немаловажные положительные изменения как в экономике, так и на законодательном уровне, что, в свою очередь, открыло множество возможностей для развития собственного бизнеса. Исходя из этого, зачастую у молодых предпринимателей или малых компаний нет финансовой возможности арендовать для себя и своих сотрудников целые офисы, поэтому коворкинг-центры находятся в выигрышной для своего развития ситуации. Тенденция увеличения количества фрилансеров в нашей стране сохраняется. Зачастую это люди творческих профессий и направлений, которые, в свою очередь, приобретают огромное количество плюсов от работы в коворкинг-центрах.

Появилась и развивается новая форма занятости – дистанционная занятость, рабочий процесс, осуществляемый вне традиционного места работы и предполагающий взаимодействие с работодателем посредством информационно-коммуникационных технологий. На рынке формируется новая категория работников – профессионалы, работающие вне офиса организаций в режиме удаленного доступа.

К основным преимуществам коворкинг-центров можно отнести следующие:

• возможность аренды (съема) рабочего места на маленький промежуток времени, что очень удобно для открывающихся компаний, у которых нет четкого представления о будущем бизнеса через 1–2 года;

• коворкинг-центры не привязаны к конкретному месту работы, поэтому работник или работодатель может работать в коворкинг-центре непосредственно рядом с местом работы или местом проживания;

• сотрудничество в коллективе между клиентами коворкинг-центра. Владельцы коворкинг-центров предпочитают обмениваться мнениями друг с другом и со своими клиентами – это совершенно другой подход к бизнесу, нежели в других сферах, где бизнесмены воспринимают друг друга как конкурентов, готовых украсть идею. В коворкинг-центре, наоборот, происходит обмен идеями: у меня есть что-то, чего нет у тебя, и вместе мы «толкаем отрасль вперед». Клиенты в этот центр будут приходить для поиска новых бизнес-связей;

• возможность работать в ближайшем коворкинг-центре, а не ездить в офис, не тратить время на дорогу;

• коворкинг-центры могут предоставлять большое количество дополнительных услуг для клиента, которые не предоставляют классические офисы, например, тренажерный зал или детскую комнату;

• благоприятное воздействие коворкинг-центров на социально-экономическую сферу города, на имидж территории [3, с. 104–110].

Коворкинг-центры в первую очередь возникнут в местах концентрации стартап-компаний, так как они ориентированы на развивающийся креативный бизнес.

Привлекательность данных центров складывается из целого ряда факторов:

– заинтересованность работодателей в привлечении квалифицированных кадров, создание для персонала максимально комфортных условий для работы как с точки зрения транспортной доступности, так и инфраструктуры (паркинг, коммуникации, высокоскоростной доступ в интернет и прочее);

– облегчение бремени содержания офисного помещения либо аренды помещения на длительный срок как для большого числа сотрудников, привлекаемых для выполнения краткосрочных задач, так и для небольших групп;

– место организации большого числа стартап-компаний, потенциальных команд разработчиков, новых идей и решений;

– предоставление дополнительной возможности обмена опытом людей, работающих в самых разных отраслях, в том числе с иностранными специалистами;

– обеспечение рабочим местом, максимально близким к месту проживания, и гибкий график работы позволяет снизить поток людей и автотранспорта в часы-пик;

– возможность занятости молодых мам, студентов, пенсионеров;

– проведение информационных семинаров повышает общий уровень развития населения городов и стимулирует профессиональный рост;

– развитие современных телекоммуникационных технологий, повышение качества связи, мобильности людей и доступности информации.

Перспектива возникновения коворкинг-центров в России актуальна, потому что низкая мобильность россиян сдерживает рост экономики России. Необходимо повышать мобильность населения. В условиях российской экономики создавать такие предприятия целесообразно как государственно-частное партнерство, так как именно данный вид партнерства обеспечит высокую эффективность взаимодействия власти и бизнеса. Создание данного центра как государственно-частное партнерство способствует выгодному сотрудничеству коворкинг-центров как с муниципальными, так и с коммерческими предприятиями.

Для города коворкинг-центры могут служить центром развития технологий, новых разработок и перспективных идей. Мэры городов начинают понимать, что коворкинг-центры повышают привлекательность города. Руководители муниципалитетов обращаются к уже имеющимся операторам коворкинг-центров в других городах и предлагают им открыть филиал в их городе, предоставляя офисное здание по невысокой цене. Современные специалисты, предпочитающие работать в коворкинг-центрах, перемещаются между городами и странами, но речь идет не о классической утечке мозгов, которая считалась негативным явлением, а о мобильности, обмене опытом, что благоприятно сказывается на социальной и экономической сферах муниципалитета. Через коворкинг-центры в города будут приходить знания из других регионов. А сами коворкинг-центры будут зонами обмена опытом между специалистами различных сфер и уровней.

Для города создание коворкинг-центров благоприятно по следующим причинам:

• создание новых рабочих мест;

• развитие рынка аренды коммерческой недвижимости;

• развитие рынка услуг;

• возникновение и развитие новых бизнес-процессов;

• развитие коммуникационной сети и инфраструктуры;

• возникновение новых перспективных направлений в науке и бизнесе;

• повышение уровня жизни жителей города;

• развитие территории города, региона;

• привлечение высококвалифицированных специалистов из других регионов;

• привлечение новых инвестиций.

Развитие государственно-частного партнерства для повышения инвестиционной деятельности путем создания в регионах коворкинг-центров можно рассмотреть на примере развития транспортной инфраструктуры в России. Для экономики России нужен инновационный сценарий формирования единого транспортного пространства страны на базе опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры. Поэтому остро встает вопрос о комплексном подходе в дорожном строительстве и развитии как самих дорог, так и объектов дорожного сервиса (ОДС).

До недавнего времени в сфере российского дорожного сервиса отсутствовала единая государственная концепция и нормативно-правовая база его развития, из-за чего наблюдалась хаотичность, отсутствие единых стандартов к местам размещения ОДС, к объему, составу и качеству предоставляемых ими услуг [6; 7]. Анализ международного опыта развития придорожного сервиса лидеров национальных рынков этих услуг, таких, например, как Tank& Rast в Германии, Total во Франции, Marche в Швейцарии, Landzeit и Rosenberger в Австрии, Autogrill в Италии, Tatsumo corporation в Японии, свидетельствует о том, что в период становления транспортной инфраструктуры этих стран «ядром» формирования ОДС становились автозаправочные станции, вокруг которых постепенно образовывались центры других услуг: обслуживания и ремонта автомобилей; питания, размещения и иного обслуживания водителей [8]. Поэтому исторически во многих странах основными инвесторами в ОДС становились крупные, вертикально интегрированные нефтяные компании, имеющие достаточные инвестиционные ресурсы. В нашей современной российской концепции развития ОДС этот мировой опыт трансформирован в положение, согласно которому ядром ОДС также являются автозаправочные станции и станции технического обслуживания. Однако международный опыт сегодняшнего развития ОДС свидетельствует, что главными центрами привлечения клиентов ОДС становятся не столько АЗС и СТО, сколько крупные деловые и торгово-развлекательные центры, отели, рестораны и объекты культурно-исторического наследия. То есть ядром современных ОДС стали не объекты обслуживания технических средств, ориентированные на грузоперевозки, а объекты по обслуживанию людей, участвующих в дорожном движении; ОДС сами превращаются из центров чисто транспортной инфраструктуры в центры формирования кластеров, включающих предприятия разных отраслей и сфер. Иными словами, изменилось ядро формирования ОДС и его роль в развитии экономик регионов. Поэтому считаем совершенно неправильным в современной Концепции развития дорожного сервиса России делать акцент на АЗС и СТО как ядре формирования ОДС. Таким подходом к формированию ОДС мы используем устаревший опыт и тормозим тем самым развитие внутреннего автотуризма, культурного и религиозного туризма, торговли, сельского хозяйства, промышленности, снижаем потенциал развития территорий. Совершенно очевидна необходимость подхода к формированию объектов ОДС не с узковедомственных позиций, как к формированию объектов, способствующих развитию только транспортной сети, а с позиций комплексного развития территорий и всей национальной экономики [5, с. 191–193].

Для развития российского дорожного сервиса важен анализ успешного опыта функционирования многофункциональных зон дорожного сервиса (МФЗ), созданных государственной компанией «Автодор», в ведении которой находятся федеральные трассы. Многофункциональные зоны (МФЗ) – это зоны комплексного обслуживания пользователей и размещения объектов дорожного сервиса, обеспечивающие предоставление полного пакета услуг для пользователей автомобильных дорог, включая услуги по обслуживанию и ремонту автомобилей, питанию, отдыху и т.д. С 2010 г. ГК «Автодор» уже обустроены 22 МФЗ, заключено 26 инвестиционных договоров на создание 45 МФЗ вдоль автодорог М-1 «Беларусь» и М-4 «Дон». Программой деятельности ГК «Автодор» предусмотрено до 2020 г. создать 70 МФЗ. В ГК «Автодор» создан Экспертный Совет, разработана «Концепция развития дорожного сервиса вдоль сети автомобильных дорог ГК «Автодор». Важным достижением явилась разработка в 2013 г. межгосударственного стандарта ГОСТ «Дороги автомобильные общего пользования. Требования к размещению объектов дорожного и придорожного сервиса», в котором требования технического регламента гармонизированы с Европейским соглашением о международных автомагистралях и другими соглашениями ЕС и СНГ. Не менее важным этапом явилось и создание в 2014 г. ООО «Автодор-Девелопмент» для разработки нормативной базы развития ОДС [2].

Вместе с тем нельзя рассматривать опыт МФЗ как единственно возможную форму развития объек-

тов дорожного сервиса. Опыт ГК «Автодор» показал, что если интенсивность движения составляет менее 20 тыс. автомобилей в сутки, то строительство МФЗ экономически неэффективно. Поэтому для дорог с малой проходимостью необходим поиск новых форм комплексных объектов дорожного сервиса. Формирование ресторанно-гостиничных, автотуристических кластеров по примеру Ульяновской области является важной инновацией. Здесь найден удачный вариант соединения интересов страны, региона, частного бизнеса. Формирование кластеров предполагает, что ОДС должны быть не «приложением» к развитию дороги, а самостоятельными объектами, способствующими развитию территорий. Поэтому важно распространение опыта производственно-строительной компании «Город зодчих» по созданию в России 25 гостинично-ресторанных комплексов с ярким национальным колоритом в качестве главных элементов таких кластеров. При развитии этих кластеров возможно осуществление государственной поддержки по Федеральной целевой программе развития внутреннего и въездного туризма. Возможны и другие варианты ядра ОДС в соответствии с задачами и особенностями территорий. ОДС должны решать задачи не только дороги, но и территории. Поэтому ядром ОДС могут стать культурно-развлекательные центры, образовательные и досуговые центры, зоны развития народных ремесел и торговли сельскохозяйственной продукцией, коворкинг-центры [1].

Зарубежный опыт развития коворкинг-центров показал их достаточно высокую эффективность. Появление доступных по стоимости и по простоте использования средств связи и коммуникации, инструментов работы создало принципиально новый способ занятости наемных работников и ведения бизнеса [4, с. 41–48].

В России коворкинг-центры возникли в крупных городах с населением свыше 1 млн человек, где присутствует значительное количество представителей креативной индустрии. Однако это не означает, что данную форму нельзя использовать в сельской местности или небольших городах. Рассмотренные выше преимущества позволяют предусмотреть создание коворкинг-центров в объектах дорожного сервиса. Коворкинг-центры могут превратить объекты дорожного сервиса из элементов транспортной инфраструктуры в центры формирования региональных и местных кластеров, способствующих развитию регионов и муниципальных экономик.

В настоящее время велико влияние экономического кризиса на отрасли и отдельные рынки, в связи с чем компании-работодатели сокращают издержки на персонал. Сокращение издержек на персонал возможно путем дистанционной занятости. Это позволит сохранить рабочие места на предприятиях региона. Коворкинг-центры, созданные на территории региона в ОДС, могут оказать существенное влияние на данный процесс.

Не меньшее значение могут иметь коворкинг-центры для представителей малого бизнеса, у которых нет финансовой возможности арендовать целые офисы. Коворкинг-центр может использоваться фермерами для организации изучения спроса на свою продукцию, развития их рекламной деятельности.

Важным является наличие коворкинг-центров в ОДС для бизнесменов, находящихся в пути по автодорогам, для фрилансеров. Развитие информационных технологий рождает спрос на оказание услуг в данной области и на соответствующих специалистов, которые могут функционировать в условиях гибкого рабочего времени и удаленного рабочего места. Создание коворкинг-центров вне мегаполисов в ОДС позволит фрилансерам приобрести огромное количество плюсов.

Таким образом, перспектива возникновения коворкинг-центров в составе ОДС в России актуальна, поскольку низкая мобильность россиян сдерживает рост экономики, а развитие транспортной инфраструктуры в инновационных формах способствует повышению мобильности населения.

Список литературы

1. *Гусев С.А.* Менеджмент в автомобильном бизнесе и техническом сервисе: учебное пособие: В 2 ч. 4-е изд., исп. и доп. – М.: Университет машиностроения, 2015. – 120 с. – Ч. 1.
2. Концепция развития дорожного сервиса в РФ. – ГК «Автодор».
3. *Марченко Е.В.* Развитие коворкинг-центров как инновация в муниципально-частном партнерстве // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей. – М.: МАКС Пресс, 2015. – Выпуск 3.
4. *Марченко Е.В.* Зарубежный опыт реализации инновационных проектов в муниципальном управлении // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей. – М.: МАКС Пресс, 2015. – Выпуск 4.
5. *Собянина С.В.* Инновационно-инвестиционный механизм развития дорожного сервиса на автомобильных дорогах России // Институциональные и инфраструктурные аспекты развития экономических наук: сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. редактор А.А. Сукиасян. Уфа, 2015.
6. Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г.
7. Федеральная Целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.)»
8. Официальный сайт отраслевой медиа-корпорации «Держава» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dorvest.ru

Reference list

1. *Gusev S.* Management in the auto business and technical service: Textbook: In 2 parts. 4th edition, revised and enlarged edition. M.: University of Mechanical Engineering, 2015. – 120 p. Part 1.
2. The conception of development of road service in the Russian Federation. The "Avtodor" State Company.
3. *Marchenko E.* The development of coworking centers as innovation in public- private partnerships // Innovation technologies in management: Collector of scientific articles. M.: MAKS Press, 2015. Number 3.
4. *Marchenko E.* Foreign experience of realization of innovation projects in municipal management // Innovation technologies in management: Collector of scientific articles. M.: MAKS Press, 2015. Number 4.
5. *Sobyanina S.* Innovation and investment mechanism of development of road service on auto roads of Russia // Institutional and infrastructural aspects of development of Economic sciences: Collector of articles of the International scientific-practical conference / Executive editor A. Sukiasyan. Ufa, 2015.
6. Transport policy of the Russian Federation for the period until 2030.
7. Federal Target program "Development of transport system of Russia (2010–2020)".
8. The official website of the "Derzhava" Branch Media Corporation [Electronic resource]. Access mode: www.dorvest.ru

УДК 331.225.5

Ольховик И.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории»
Белорусского национального технического университета

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗОВ

Мировой опыт показывает, что в современной конкурентной борьбе идет соревнование не только и уже даже не столько за обладание капитальными ресурсами и материальными ценностями, сколько за способность к разработке и внедрению эффективных нововведений. Поэтому статья посвящена экономическому стимулированию инновационной деятельности как фактору конкурентоспособности вузов, в ней предлагаются меры по повышению эффективности управления инновационной деятельности в вузах. Автор предлагает механизм экономического стимулирования инновационной деятельности в вузах; разработаны методики экономического стимулирования инновационной деятельности в качестве элемента кадровой политики. Предложенные методы позволят поднять уровень кадрового обеспечения перехода страны к инновационной модели развития.
Ключевые слова: управление инновационной деятельностью, экономическое стимулирование инновационной деятельности, экономика высшего образования

Ol'khovik I.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair "Theoretical Economics" of the Belarusian National Technical University

ECONOMICAL INCENTIVE OF INNOVATION ACTIVITY AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

The global experience shows that in the contemporary competitive struggle there is the concurrence not only, and not even mainly for proprietorship of capital resources and material items, but also for the ability to develop and implement effective innovations. Therefore, this article is devoted to the economical incentive of innovation activity as a factor of competitiveness of higher education institutions and the paper also proposes some measures to increase managerial efficiency of innovation activity in higher education institutions. The author of this article offers a mechanism of the economical incentive of innovation activity in higher education institutions; methods of the economical incentive of innovation activity as an element of recruitment policy have been developed. The proposed methods will allow increasing the level of human resources of the country's transition to innovation model of development.
Keywords: management of innovation activity, economical incentive of innovation activity, economy of higher education

Введение

Уже вполне очевидно, что процессы глобализации не обойдут стороной анализируемый сегмент мировой экономики, чему в немалой степени способствует также и Болонский процесс. В связи с этим грядущее обострение конкуренции на международном рынке образовательных услуг неизбежно отразится и на аналогичных национальных рынках. По мере интеграции в мировое экономическое, научно-технологическое, информационное, образовательное пространство вузы вынуждены будут вступать в жесткую конкурентную борьбу не только за иностранного, но и за отечественного студента, который согласно законам рыночной экономики станет отдавать предпочтение образовательным услугам исходя из соотношения их цены и качества [2]. В результате выжить и устойчиво развиваться в указанной конкурентной борьбе смогут только те учебные заведения, которые *придают первостепенное значение повышению эффективности управления инновационной деятельности* и *ее активному стимулированию*. Следование данному принципу развития является непременным условием поддержания конкурентоспособности вуза как бизнес-единицы на рынке образовательных услуг в условиях глобализации и всеобщего перехода к инновационным факторам развития. Эти факторы реализуются посредством государственного регулирования. В первую очередь, необходимо осуществить кратное увеличение вложений в исследования и разработки, повышение качества образования и укре-

пление его связи с наукой, проведение кропотливой селекционной работы по кадровому обеспечению сферы НИОКР [3, с. 13].

Анализируя выявленные проблемы управления инновационной деятельностью в вузах Российской Федерации необходимо отметить, что, несмотря на активную и вполне справедливую риторику об абсолютной приоритетности перехода к инновационной модели развития, *острейший недостаток финансовых средств на осуществление инновационной деятельности и слабые стимулы к инновационной деятельности* – это общие проблемы образовательного, научного, промышленного секторов экономики постсоветских стран [1]. Их решение (по меньшей мере – существенное смягчение) возможно на пути разработки и практического внедрения эффективных методов экономического стимулирования инновационного процесса в высшем образовании на всех его уровнях.

Механизм экономического стимулирования инновационной деятельности в вузах

В целях преодоления сложившейся ситуации и повышения эффективности расходования средств инновационных фондов через создание механизма экономического стимулирования инновационной деятельности в вузах предложено часть средств из специально созданного фонда поддержки инноваций в высшем образовании направлять для стимулирования инновационной активности вузов и мотивации лиц, занимающихся инновационной деятельностью в высшем образовании. Концептуальной основой функционирования данного механизма является принцип экономического стимулирования на всех уровнях функционирования системы высшего образования: общегосударственном, вузовском, уровне структурных подразделений различного вида, а также менеджеров и специалистов.

Эффективность экономического стимулирования как важнейшей функции управления инновационной деятельностью должна основываться на объективной диагностике (оценке) уровня инновационной активности конкретных вузов (их подразделений, работников). Само экономическое стимулирование должно быть поставлено в прямую зависимость от результатов указанной диагностики – *рейтингового числа*, характеризующего уровень инновационной активности вуза, его подразделения, конкретного работника. В этом случае вузы, его подразделения и отдельные работники будут материально и морально заинтересованы в повышении своего рейтинга, а значит – в улучшении всех тех значимых факторов (критериев оценки инновационной деятельности), из которых собственно и складывается рейтинговая оценка.

В частности, расчетная формула доли фонда поддержки инноваций в высшем образовании, направляемой на стимулирование инновационной деятельности в вузах, имеет следующий вид (см. формулу 1):

$$ДФс = \frac{ДПр \cdot РЗП \cdot КПСО \cdot ДПЛ}{ФПИВШ \cdot 100}, (1)$$

где *ДФс* – доля фонда поддержки инноваций в высшем образовании, направляемая на стимулирование инновационной деятельности в вузах, %; *ДПр* – доля премии, стимулирующей инновационную активность, в средней заработной плате работников системы высшего образования, %; *РЗП* – размер средней заработной платы в системе высшего образования, руб.; *КПСО* – количество штатного профессорско-преподавательского состава со степенью доктора или кандидата наук в системе высшего образования, чел.; *ДПЛ* – доля премируемых лиц, %; *ФПИВШ* – размер фонда поддержки инноваций в высшем образовании, руб.

Абсолютная величина части фонда поддержки инноваций в высшем образовании, направляемой на стимулирование инновационной деятельности в вузах, рассчитывается с использованием формулы 2:

$$Фс = \frac{ДФс \cdot ФПИВШ}{100}, (2)$$

где *Фс* – размер части фонда поддержки инноваций в высшем образовании, направляемой на стимулирование инновационной деятельности в вузах, руб.

Далее на базе методики оценки (диагностики) уровня инновационной активности вузов (их структурного подразделения), позволяющей рассчитать их соответствующие рейтинговые числа, разработан и предложен механизм экономического стимулирования инновационной деятельности и повышения эффективности управления ею в вузах. Концептуальной основой функционирования данного механизма является принцип материального стимулирования на всех уровнях функционирования вуза, начиная с высшего учебного заведения в целом и заканчивая его структурными подразделениями. Возможно и необходимо выделять вузу дополнительное бюджетное финансирование из созданного для этих целей фонда стимулирования инновационной деятельности. Таковое должно зависеть от уровня инновационной активности вуза, его структурных подразделений промежуточного и низшего уровня (их суверенных рейтинговых чисел $R_{вi}$, $R_{пj}$, $R_{нk}$). Полученные вузом суммы, в свою очередь, могут и должны быть использованы для стимулирования (в зависимости от уровня инновационной активности) как структурных подразделений вуза, включая их руководителей, так и отдельных работников – специалистов.

Общая методология исчисления рейтинговых чисел, характеризующих инновационную активность

вузов и их структурных подразделений, положена в основу нижеприведенных формул расчета соответствующих рейтинговых чисел (см. формулы 3, 4, 5).

$$R_{в\,i} = \sqrt{W_1 X_{вi1}{}^2 + W_2 X_{вi2}{}^2 + ... + W_t X_{вit}{}^2}\ ,(3)$$

где $R_{вi}$ – значение рейтингового числа для *i*-го вуза; *t* – количество наблюдаемых факторов; W_t – вес *t*-го фактора; $X_{вit}$ – значение стандартизированного коэффициента для *i*-го вуза при *t*-м факторе.

$$R_{n\,j} = \sqrt{W_1 X_{nj1}{}^2 + W_2 X_{nj2}{}^2 + ... + W_t X_{njt}{}^2}\ ,(4)$$

где R_{nj} – значение рейтингового числа для *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза; X_{njt} – значение стандартизированного коэффициента для *j*-го структурного подразделения *промежуточного* уровня (факультета) *i*-го вуза при *t*-м факторе;

$$R_{н\,k} = \sqrt{W_1 X_{нk1}{}^2 + W_2 X_{нk2}{}^2 + ... + W_t X_{нkt}{}^2}\ ,(5)$$

где $R_{нk}$ – значение рейтингового числа для *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры) *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза; $X_{нkt}$ – значение стандартизированного коэффициента для *k*-го структурного подразделения *низшего* уровня (кафедры) *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза при *t*-м факторе.

Рейтинговые числа (см. формулы 3, 4, 5) ранжируются, в результате чего определяется место (ранг) объекта наблюдения – вуза или его структурного подразделения – среди других аналогичных объектов по уровню их инновационной активности. Наличие суверенного рейтингового числа у каждого объекта наблюдения дает возможность не просто ранжировать вузы страны или их структурные подразделения по степени причастности к инновационному процессу, но и иметь объективный критерий оценки последней, что имеет большое значение для создания и практического внедрения механизма экономического стимулирования инновационной деятельности в вузе.

Механизм распределения финансовых ресурсов из фонда стимулирования инновационной деятельности должен удовлетворять следующим условиям:

1) сумма, получаемая конкретным объектом наблюдения (вузом, его структурным подразделением) из фонда стимулирования инновационной деятельности, должна непосредственно определяться значением рейтингового числа (см. формулы 3, 4, 5) данного объекта, что призвано обеспечить стимулирующий эффект в направлении увеличения этого рейтинга и, соответственно, повышения инновационной активности вуза или его подразделения;

2) суммы, получаемые вузами или их подразделениями из фонда стимулирования инновационной деятельности, должны изменяться от нуля для объекта наблюдения, у которого значение рейтингового числа минимально, до максимального значения для объекта, имеющего наибольшее значение рейтингового числа.

С учетом указанных условий расчетная формула суммы, получаемой *i*-м вузом из фонда поддержки инноваций в высшем образовании с целью стимулирования инновационной деятельности, может иметь следующий вид (см. формулу 6):

$$Фв_i = \frac{Фс}{\sum_{i=1}^{n}\left(R_{в\,i} - R_{в\,\min}\right)} \cdot \left(R_{в\,i} - R_{в\,\min}\right),(6)$$

где $Фв_i$ – сумма, получаемая *i*-м вузом из фонда поддержки инноваций в высшем образовании для целей стимулирования инновационной деятельности, руб.; *n* – общее количество вузов, ед.; $R_{в\,i}$ – значение рейтингового числа i-го вуза (см. формулу 3); $R_{в\,min}$ – минимальное значение рейтингового числа из всех наблюдаемых вузов.

Формула расчета суммы, получаемой *j*-м структурным подразделением промежуточного уровня в вузе (факультетом) из инновационного фонда *i*-го вуза для стимулирования инновационной деятельности, имеет следующий вид (см. формулу 7):

$$Фn_j = \frac{Фв_i}{\sum_{j=1}^{m}\left(R_{n\,j} - R_{n\,\min}\right)} \cdot \left(R_{n\,j} - R_{n\,\min}\right),(7)$$

где $Фn_j$ – сумма, получаемая *j*-м структурным подразделением промежуточного уровня (факультетом) *i*-го вуза для стимулирования инновационной деятельности, руб.; *m* – общее количество структурных подразделений промежуточного уровня (факультетов) *i*-го вуза, ед.; R_{nj} – значение рейтингового числа для *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза (см. формулу 4); $R_{n\,min}$ – минимальное значение рейтингового числа из всех наблюдаемых *j*-х структурных подразделений промежуточного уровня (факультетов) *i*-го вуза.

Сумма, получаемая *k*-м структурным подразделением низшего уровня (кафедрой) из инновационного фонда *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза с целью стимулирования инновационной деятельности, рассчитывается по формуле 8:

$$Фн_k = \frac{Фп_j}{\sum_{k=1}^{p}\left(R_{н\,k} - R_{н\,\min}\right)} \cdot \left(R_{н\,k} - R_{н\,\min}\right), (8)$$

где $Фн_k$ – сумма, получаемая *k*-м структурным подразделением низшего уровня (кафедрой) *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза для стимулирования инновационной деятельности, руб.; *p* – общее количество структурных подразделений низшего уровня (кафедр) *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза, ед.; $R_{н\,k}$ – значение рейтингового числа для *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры) *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза (см. формулу 5); $R_{н\,min}$ – минимальное значение рейтингового числа из всех наблюдаемых *k*-х структурных подразделений низшего уровня (кафедр) *j*-го структурного подразделения промежуточного уровня (факультета) *i*-го вуза.

Необходимо подчеркнуть, что средства, направляемые на стимулирование инновационной деятельности, должны создаваться не только за счет распределения средств фонда поддержки инноваций в высшем образовании, но и за счет собственных средств вузов и их подразделений, образующихся в процессе реализации образовательных услуг и другой научно-технической продукции.

Экономическое стимулирование инновационной деятельности в качестве элемента кадровой политики

С целью повышения эффективности управления инновационной деятельностью в вузах страны мы предлагаем использовать систему материального стимулирования менеджеров системы высшего образования на основе изучения и анализа присущих им качеств, способствующих инновационному процессу в вузе. Очевидно, что использование указанной системы возможно при наличии эффективной *методики диагностики (оценки) качеств менеджера, необходимых для осуществления инновационной деятельности в вузе*. Оценка этих качеств может быть реализована на основе анализа величины совокупного отклонения качеств реального менеджера от соответствующих параметров, свойственных идеальному руководителю (см. формулу 9):

$$S_k = \frac{\sum_{j=1}^{n} w_j^2 \cdot \left(k'_j - k_j\right)^2}{\sum_{j=1}^{n} w_j^2 \cdot k_j^2} \cdot 100\ \%, (9)$$

где S_k – величина совокупного отклонения качеств реального менеджера от соответствующих параметров, свойственных идеальному руководителю, %; *n* – общее количество анализируемых качеств менеджера; *j* – порядковый номер анализируемого качества в их перечне; w_j – весовой коэффициент, характеризующий значимость *j*-го качества; k_j' – степень (оценка) проявления *j*-го качества у реального (оцениваемого) менеджера, баллы; k_j – степень (оценка) проявления *j*-го качества у идеального менеджера, баллы.

На базе анализа величины S_k с использованием специально разработанной шкалы в таблице определяется уровень профессиональной пригодности конкретного менеджера (см. табл. 1).

С другой стороны, параметр S_k непосредственно используется для определения величины стимулирующей премии менеджера. В частности, доля инновационного фонда *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры), предназначенная для премирования его менеджера, рассчитывается следующим образом (см. формулу 10):

$$ДПрМ_k = 35 - S_k, (10)$$

где $ДПрМ_k$ – доля инновационного фонда *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры), предназначенная для премирования его менеджера, %.

Таблица 1

Диагностика (оценка) качеств менеджера, необходимых для успешной инновационной деятельности в вузе

S, %	**0–15**	**15–25**	**25–35**	**>35**
Диагностическое заключение	*Высокая профессиональная пригодность менеджера.* Менеджер может быть рекомендован к занятию высших руководящих должностей, связанных с организацией научно-инновационной деятельности в вузе.	*Профессиональная пригодность менеджера.* Менеджер может быть рекомендован к занятию руководящих должностей, связанных с организацией и осуществлением научно-инновационной деятельности в структурных подразделениях вуза.	*Частичная профессиональная пригодность менеджера.* Менеджер может быть рекомендован к занятию должностей, связанных с осуществлением научно-инновационной деятельности в структурных подразделениях вуза.	*Профессиональная непригодность менеджера.* Требуется дополнительное обучение менеджера или его замена (при S > 50%).

Источник: собственная разработка автора.

Соответственно абсолютный размер стимулирующей премии менеджера рассчитывается по формуле 11:

$$ПрМ_k = \frac{Фн_k \cdot ДПрМ_k}{100}, (11)$$

где $ПрМ_k$ – размер премии менеджера, выделяемой *k*-м структурным подразделением низшего уровня (кафедрой) для стимулирования инновационной деятельности, руб.

Суммарное значение (размер фонда) стимулирующих премий сотрудников структурного подразделения низшего уровня (кафедры) определяется следующим образом (см. формулу 12):

$$ПФС_k = Фн_k - ПрМ_k, (12)$$

где $ПФС_k$ – премиальный фонд сотрудников *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры), предназначенный для стимулирования их инновационной активности, руб.

Для расчета премии каждого конкретного сотрудника структурного подразделения низшего уровня (кафедры) используется формула 13:

$$ПрС_{kz} = \frac{ПФС_k}{\sum_{z=1}^{t} P_{kz}} \cdot P_{kz}, (13)$$

где $ПрС_{kz}$ – премия *z*-го сотрудника, выделяемая из премиального фонда стимулирования инновационной активности сотрудников *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры), руб.; *t* – общее количество сотрудников *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры), чел.; P_{kz} – значение рейтингового числа для z-го сотрудника *k*-го структурного подразделения низшего уровня (кафедры).

Значение рейтингового числа P_{kz} в формуле 13 изменяется в интервале от 0 до 1,0 и назначается менеджером каждому подчиненному с учетом: вклада сотрудника в освоение средств, выделенных на финансирование научных исследований и разработок; наличия у него ученой степени; количества полученных им патентов; вклада сотрудника в освоение средств, выделенных на финансирование научных исследований и разработок из средств российских хозяйствующих субъектов; количества у сотрудника публикаций в международных изданиях, монографиях, учебных пособиях и научных изданиях; его вклада в освоение средств, выделенных на финансирование научных исследований и разработок из средств зарубежных источников; вклада сотрудника в разработку и создание объектов новой техники, технологий, материалов; количества опубликованных им научных статей; вклада сотрудника в освоение средств, выделенных на финансирование проектов из средств фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности; защиты сотрудником диссертации и т.д. (перечисленные факторы расположены в порядке уменьшения их значимости, определенной экспертами).

Выводы

1. Исследования, посвященные изучению проблемы качества образования, убедительно свидетельствуют о наличии взаимосвязи между хорошим (качественным) образованием и конкурентоспособностью вузов, которая, в свою очередь, существенно влияет на конкурентоспособность национальной экономики в целом. Значительное повышение качества образования возможно на пути внедрения в вузы инновационных методов обучения в рамках управления инновационной деятельностью в системе высшего образования.

2. Важнейшей функцией управления инновационной деятельностью в высшем образовании является ее экономическое стимулирование. Эффективность управления инновационной деятельностью в вузах и экономического стимулирования должна обеспечиваться объективной диагностикой (оценкой) уровня инновационной активности конкретных вузов (их подразделений, работников), причем само экономическое стимулирование должно быть поставлено в прямую зависимость от результатов указанной диагностики – рейтингового числа, характеризующего уровень инновационной активности вуза, его подразделения, конкретного работника. Стремление вуза, каждого его подразделения и отдельного работника повышать свой рейтинг заставит предпринимать меры по улучшению значимых факторов (критериев оценки инновационной деятельности), из которых складывается рейтинговая оценка, а значит, демонстрировать более высокую инновационную активность.

3. Наличие суверенного рейтингового числа у каждого объекта наблюдения дает возможность не просто ранжировать вузы или их структурные подразделения по степени причастности к инновационному процессу, но и иметь объективный критерий оценки последней, что имеет большое значение для создания и внедрения практического механизма экономического стимулирования инновационной деятельности в вузах. Указанный механизм функционирует на основе распределения части средств фонда поддержки инноваций в высшем образовании, а также собственных ресурсов вузов и их подразделений, образующихся путем реализации образовательных и прочих интеллектуальных услуг. Концептуальной

основой функционирования данного механизма является принцип экономического стимулирования на всех уровнях функционирования системы высшего образования: общегосударственном, вузовском, уровне структурных подразделений различного вида, а также менеджеров и специалистов.

4. Предлагаемая система сквозного (многоуровневого) стимулирования инновационной активности субъектов образовательной деятельности позволит поднять качество образовательных услуг за счет привития студентам умения генерировать и эффективно управлять инновациями. Это не только повысит конкурентоспособность страны на международном рынке образовательных услуг, но и насытит ее народное хозяйство творческими кадрами, а значит, поднимет ее престиж и глобальную конкурентоспособность.

Список литературы

1. *Байнев В.Ф.* Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт: монография. – Минск: Право и экономика, 2007. – 180 с.
2. *Бездудная А.Г.* Теория и методология формирования конкурентных преимуществ образовательных услуг в едином образовательном пространстве: монография. – СПб.: СПбГИЭУ, 2009. – 277 с.
3. *Марков А.В.* Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации. – Минск: Право и экономика, 2005. – 370 с.

Reference list

1. *Baynev V.* The transition to innovation economy under the conditions of interstate integration: Tendencies, problems, Belarusian experience: Monograph. Minsk: Law and Economics, 2007. 180 p.
2. *Bezdudnaya A.* The theory and methodology of formation of competitive strengths of educational services in the unified educational sector: Monograph. SBR.: Saint Petersburg State University of Engineering and Economics, 2009. 277 p.
3. *Markov A.* State innovation policy: Theoretical frameworks and implementation mechanism. Minsk: Law and Economics, 2005. 370 p.

УДК 338.2:711.455

Авджян Г.Д.,
кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры организации и планирования местного развития Кубанского государственного университета

ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ АТРИБУТОВ КУРОРТНОЙ ТЕРРИТОРИИ

В статье на основе положений методик, разработанных известными учеными в области маркетинга, определены и рассчитаны наиболее важные атрибуты некоторых курортных городов Краснодарского края. Выявлены проблемы, препятствующие продвижению Черноморских курортов, предложены бренды новых курортных дестинаций, определенных Инвестиционной стратегией Краснодарского края до 2025 г.

Ключевые слова: атрибут, дестинация, курортно-рекреационная услуга, мультиатрибутивная модель, рекреационная зона, рейтинг популярности, курортная инфраструктура

Avjyan G.,
PhD in History, Associate Professor, Professor of Chair of Organization and Planning of Local Development of the Kuban State University

ASSESSMENT OF SIGNIFICANCE OF ATTRIBUTES OF THE RESORT TERRITORY

In the article the most significant attributes of some resort cities of the Krasnodar territory have been determined and estimated on the basis of techniques provisions, developed by well-known scientists in the field of marketing. The challenges have been indentified that prevent the promotion of the Black Sea resorts and there have been offered brands of new resort destinations, curtained by Investment Strategy of Krasnodar territory until 2025.

Keywords: attribute, destination, resort-recreational service, multi-attributive model, recreation zone, audience rating, resort infrastructure

Повышение привлекательности курортной территории – это требование времени, определяемое возросшей конкуренцией в условиях развивающегося рынка курортно-рекреационных услуг. Общественная практика свидетельствует, что те курортные территории, в которых администрация понимает необходимость формирования ее привлекательности, получают большую заинтересованность со стороны инвесторов. Они наиболее востребованы со стороны граждан для отдыха и рекреации. В этой связи выявление механизмов формирования привлекательности места, особенно для территорий Краснодарского края, представляется весьма важной задачей.

Процесс формирования привлекательности территории является составным элементом территориального маркетинга, под которым Ф. Котлер понимает деятельность, предпринимаемую с целью создания, поддержания или изменения отношений и/или поведения, касающихся конкретных мест [2]. Применительно к курортной территории данные отношения формируются посредством продвижения ее бренда. Чтобы создать сильный бренд, администрации курортного города нужно сформировать четкий набор атрибутов, которыми обладает их город и на основе которых можно сформировать его позитивное восприятие у целевых аудиторий.

Что же следует понимать под атрибутом курортной территории?

Видный американский экономист Д. Траут предлагает называть атрибутом «собственное слово», которое должно быть «внедрено в сознание» [6].

Несколько иной позиции придерживается представитель Европейской маркетинговой школы – профессор Жан-Жак Ламбен. Под атрибутом он понимает «выгоду, которую ищет покупатель» [3, с. 111]. Из данного понятия атрибута видно, что центральной позицией этого определения атрибута выступает «выгода». Применительно к территориальному маркетингу такая «выгода» должна быть характерна для услуг, которые хочет получить потенциальный потребитель, посещая курортный город. Например, атрибутами курортной территории могут выступать такие ее характеристики, как количество мест размещения туристов, их классность, уровень сервиса при предоставлении услуг, транспортная доступность и т.д.

Атрибут является дискретной переменной, так как может приобретать различную значимость в зависимости от степени присутствия в оцениваемой территории. В таком случае говорят об уровне атрибута. Это

конкретное значение, которое может принимать тот или иной атрибут. Уровни атрибута характеризуют определенные аспекты предметной области, близкие между собой. Принято считать, что каждый атрибут должен иметь хотя бы два уровня. Все уровни атрибута должны быть взаимоисключающими. Например, уровнями для ценовой доступности курорта могут быть: стоимость транспорта; стоимость курортно-рекреационных услуг.

При исследовании значимости атрибутов территории обычно выявляются не отдельные ее характеристики, а целостные ее описания, которые называют профилями. Это описание территории с помощью выбранных атрибутов. Они могут быть полными, когда описание территории дается в терминах всех изучаемых характеристик, и неполными – в этом случае описание приводится с помощью части характеристик территории. Полные профили используются при небольшом числе атрибутов (5–7). По мнению Ж.Ж. Ламбена, увеличение числа уровней оценки сопровождается быстрым ростом числа концепций, которые респонденты должны сравнить и оценить, а это чревато информационной перегрузкой [4, с. 198].

Атрибуты территории обладают неодинаковой значимостью в глазах граждан. Основные позиции такой неоднозначности можно охарактеризовать следующим образом:

– разные группы граждан считают актуальными для себя разные свойства территории. Человек обращает больше всего внимания на характеристики, которые имеют отношение к его нужде;

– придание атрибутам курортной территории неодинаковой значимости со стороны отдыхающих. Речь в данном случае идет о тех ее характерных свойствах, которые в первую очередь приходят на ум потребителю услуг, когда он рассуждает о привлекательности того или иного места отдыха;

– убежденность в присутствии атрибутов в каждой оцениваемой территории. Убеждения людей основываются на собственном опыте и колеблются от знания подлинных характеристик курортного города или места отдыха до знаний, являющихся результатом избирательного восприятия, избирательного искажения и избирательного запоминания;

– потребитель услуг места отдыха приписывает каждому атрибуту функцию полезности, т.е. он оценивает, насколько будет удовлетворен каждой отдельной его характеристикой. Совокупность уровней атрибутов с наивысшей полезностью дает видение идеальной с точки зрения привлекательности территории;

– функция полезности для каждого атрибута формируется в сознании, ассоциируясь со степенью удовлетворенности;

– отношение к разным территориям складывается у людей в результате проведенной ими оценки. А выбор места отдыха осуществляется потребителями услуг по-разному.

Таким образом, с точки зрения человека, значимость атрибута отражает ценности и приоритеты, с которыми он связывает выгоды от получения курортно-рекреационных услуг, отдыхая на той или иной территории. Выгоды могут касаться самых разнообразных аспектов человеческого бытия: лучший сервис при минимальной цене, минимальное время на поиск нужной информации и т.д. Так как подобные цели, как правило, несовместимы, человек вынужден идти на компромисс и решать, что в каждой конкретной ситуации является для него важнейшим с учетом неполноты доступной ему информации.

Знание субъектами предоставления услуг приоритетов различных групп граждан позволяет им предлагать новые услуги, специально предназначенные для удовлетворения этих групп, разработать стратегию сегментации территории, целью которой является наилучшая ее адаптация к разнообразию потребностей граждан. Так, город Сочи предлагает услуги гражданам, которые отдают предпочтение высокому комфорту, сервису и готовы за это платить. Геленджик акцентирует внимание на удовлетворении потребностей молодежи.

При оценке значимости атрибута следует учитывать степень его значимости и воспринимаемого присутствия в товаре. Для удобства такой оценки Ж.Ж. Ламбен предлагает применять мультиатрибутивную модель (модель взвешенного отношения, или модель Фишбейна). Данная модель рассматривает товар как совокупность некоторых атрибутов. Она учитывает склонность потребителя оценивать не только важность атрибутов, но и степень присутствия данных признаков в товаре [3, с. 111].

Таблица 1

Мультиатрибутивная модель товара Фишбейна

объективные свойства	атрибуты	оценки атрибутов		частные полезности	полная полезность
		важность	присутствие		
C1	*A1*	*W1*	*X1*	*U2*	*U*
C2	*A2*	*W2*	*X2*	*U2*	
C3	*A3*	*W3*	*X3*	*U3*	
Cn	*An*	*Wn*	*Xn*	*U4*	

В табл. 1 приведены различные элементы, составляющие модель отношений. Комбинируя эти элементы, можно извлечь меру общей полезности, которую определенный покупатель приписывает той или иной марке товара. Общую полезность можно интерпретировать как детерминант вероятности приобретения товара покупателем.

Мультиатрибутивной модели товара соответствует формула (1).

$$A = \sum_{i=1}^{n} Wi\, Xi \quad (1)$$

Применение данной модели возможно и для оценки значимости атрибутов курортного города. При этом целесообразно сделать следующие допущения:

A – позиция человека по отношению к городу;

Wi – относительная важность для человека i-го атрибута курортного города;

Xi – воспринимаемая респондентом степень присутствия i-го атрибута;

n – число учитываемых атрибутов.

Важность атрибута представляет собой численное выражение степени влияния атрибута на предпочтение в целом. Она вычисляется на основе разницы между полезностями наиболее и наименее предпочитаемого уровня атрибута. Если эта разница велика, значит, человек, участвующий в оценке, более чувствителен к изменениям атрибута, и, следовательно, атрибут более важен. Важность i-го атрибута Ii выражается в процентах и равна:

$$Ii = \left(\frac{\cup maxi - \cup mini}{\sum_{i=1}^{n} (\cup maxi - \cup mini)} \right) \text{x}100\% \quad (2)$$

где:

Umaxi – значение полезности для наиболее предпочитаемого уровня внутри i-го атрибута;

Umini – значение полезности для наименее предпочитаемого уровня внутри i-го атрибута;

n – общее число атрибутов.

Воспользуемся данной моделью для оценки значимости атрибутов отдыхающими в городах Сочи и Геленджика [7].

Опрос граждан, отдыхавших в городах Сочи и Геленджике, показал, что основная масса (более 80%) представлена возрастной группой 20–47 лет. Количество женщин преобладает над количеством мужчин (в среднем на 15%). Исследование показало, что повторяемость отдыха в Сочи составила 43%, а 38,9% приехали впервые. Больше всего отдыхающих прибыло на курорт из Краснодарского края – 35%, Москвы и Московской области – 25,4%, Санкт-Петербурга – 13,6%, Ростовской области – 7,7%, а также из таких городов, как Мурманск, Ханты-Мансийск, Тюмень, Сургут, Волгоград и др.

На основе выводов экспертов и нормативных документов в качестве основных определим следующие возможные атрибуты:

– сочетание морской и горной зон для отдыха. На территории края имеется более одной тысячи километров пляжей, горнолыжные курорты, около 100 тысяч объектов историко-культурного наследия различных исторических эпох, месторождения лечебных грязей и минеральных вод. В сочинской Красной Поляне создан один из лучших в мире горнолыжных курортов, не уступающий по своему уровню европейским. За счет расположения трасс на разной высоте (68 сделаны на уровне более 1500 метров над уровнем моря, а остальные – в зоне искусственного оснежения) сезон катания здесь длится с декабря по май;

– уникальные рекреационные ресурсы. В Краснодарском крае на долю основных курортных центров – Анапы, Геленджика, Сочи, Туапсинского района – приходится 1238 предприятий санаторно-курортной отрасли, это почти 198 тысяч койко-мест [8];

– развитость постоянных международных транспортных связей. На территории Краснодарского края имеется 5 аэропортов (из них 3 международных аэропорта в Краснодаре, Сочи и Анапе); 8 морских портов; развитая сеть автомобильных и железных дорог. Маршрутная сеть Сочинского аэропорта включает 60 внутренних и зарубежных направлений [1];

– цена курортно-рекреационных услуг.

Оценка [9] важности возможных атрибутов курортных городов Сочи и Геленджика (табл. 2) показала, что доминирующим атрибутом данных курортных городов является «широкая и развитая сфера рекреационных и курортных услуг». На это указали 43,1% опрошенных респондентов.

Зная показатель важности, а он, как видно из табл. 2, по четырем атрибутам различен, можно построить мультиатрибутивную модель отношения к территории (табл. 3). Такая модель позволяет получить полную информацию о городе, его характеристиках, которые влияют на выбор места отдыха.

Таблица 2

Значение важности атрибутов гг. Сочи и Геленджика

№	Атрибут	Значение важности	Уровень выраженности	Полезность
1	уникальное сочетание морской и горной зон для отдыха	28,5%	наличие инфраструктуры горного кластера	3
			условия для пляжного отдыха	5

Окончание табл. 2

2	развитость международных транспортных связей	14,2%	наличие и качество автомобильных и железных дорог	3
			вокзалы, аэропорты, терминалы, системы регулирования дорожного, воздушного, речного и морского движения	4
3	широкая и развитая сфера рекреационных и курортных услуг	43,1%	многообразие природных и лечебных факторов	5
			качество управления санаторно-курортным комплексом	2
4	цена курортно-рекреационных услуг	14,2%	ценовая доступность услуг рекреации	5
			ценовая доступность транспорта	4

Таблица 3

Мультиатрибутивная модель отношений отдыхающих к гг. Сочи и Геленджику

	Степень присутствия		Показатель важности	Частные полезности	
	Сочи	Геленджик		Сочи	Геленджик
уникальное сочетание морской и горной зон для отдыха	5	3	0,285	1,425	0,855
развитость международных транспортных связей	3	3	0,142	0,426	0,426
широкая и развитая сфера рекреационных и курортных услуг	5	4	0,431	2,155	1,724
цена курортно-рекреационных услуг	5	5	0,142	0,71	0,71
общая полезность			1,0	4,716	3,715

Таким образом, город Сочи имеет наивысшую оценку. Ему, как показывают исследования, присущи такие значимые атрибуты, как уникальное сочетание морской и горной зон для отдыха, развитость международных транспортных связей, широкая и развитая сфера рекреационных и курортных услуг.

Выводы относительно значимых атрибутов, характерных для городов Сочи и Геленджик, подтверждаются и результатами исследований [10] по определению идеального курорта России, проведенными Национальным институтом содействия устойчивому развитию и повышению качества жизни [11]. Атрибуты идеального отдыха представлены в табл. 4.

Рейтинг популярности Черноморских курортов Краснодарского края, рассчитанный на основе коэффициента соответствия представлениям об идеальном курорте, представлен в табл. 5.

Первое место в рейтинге занимает курорт Сочи (К=9,13), далее с большим отрывом следует Анапа (К=6,21), на третьем месте – Геленджик (К=6,4), Адлер (К=6,17), на четвертом месте – Новороссийск (К=5,75), на пятом месте – Туапсе (К=5,69).

Таким образом, соответствуя идеальным представлениям о курорте, город Сочи имеет следующие наиболее существенные атрибуты: наличие современной развлекательной инфраструктуры, благополучное социальное окружение, международная известность места, продолжительность туристического сезона, наличие достопримечательностей, наличие маршрутов для шопинга. Анапа соответствует идеальным представлениям о благополучном социальном окружении, а Адлер – о транспортной доступности.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на высокую степень важности такого атрибута, как «развитость международных транспортных связей» (степень его присутствия респондентами оценена в 5 баллов, а присвоенный экспертами вес составляет 0,9), в транспортной доступности курортов существует ряд проблем.

Первое. Проблема транспортной доступности для автотуристов. Продолжительность пути от Туапсе до Адлера по узкой дороге, переполненной грузовиками, при наличии «пробок» на дороге занимает 6–8 часов. В этом случае у автотуристов возникает соблазн остаться на отдых в первом приглянувшемся месте на побережье [12].

Второе. Международные авиаперевозки. Несмотря на то, что на территории Краснодарского края расположены три аэропорта (Краснодар, Сочи и Анапа), имеющие статус международных, количество международных рейсов, особенно в аэропорты городов Сочи и Анапа, незначительно. Курорт Сочи связан авиалиниями в основном с некоторыми городами бывшего СССР (Минск, Ереван, Ташкент). Аэропорт Анапы вообще не принимает авиарейсы из зарубежных стран.

Это существенным образом сказывается на количестве иностранных туристов, посещающих эти города, следовательно, и на их узнаваемости во многих странах мира.

Результаты исследований ExLibris (рис. 1) [13] свидетельствуют о том, что российские регионы име-

Таблица 4

Значимые характеристики «идеального курорта»

Характеристики «идеального» курорта	Присвоенный вес
Уровень сервиса	1
Безопасность	1
Доступная цена	1
Чистое море и пляж	1
Наличие современной развлекательной инфраструктуры	1
Благополучное социальное окружение	1
Международная известность места	0,9
Транспортная доступность	0,9
Продолжительность туристического сезона	0,8
Наличие развлекательных мероприятий для детей	0,8
Наличие достопримечательностей	0,8
Наличие ухоженных спортивных площадок	0,7
Наличие SPA и оздоровительных учреждений	0,7
Уединенность	0,6
Возможность расплачиваться безналичным расчетом	0,5
Удобные транспортные развязки	0,5

Таблица 5

Рейтинг популярности Черноморских курортов Краснодарского края

Место	Курорт	Коэффициент соответствия
1.	Сочи	9,13
2.	Анапа	6,41
3.	Адлер	6,17
4.	Новороссийск	5,75
5.	Туапсе	5,69
6.	Геленджик	4,64

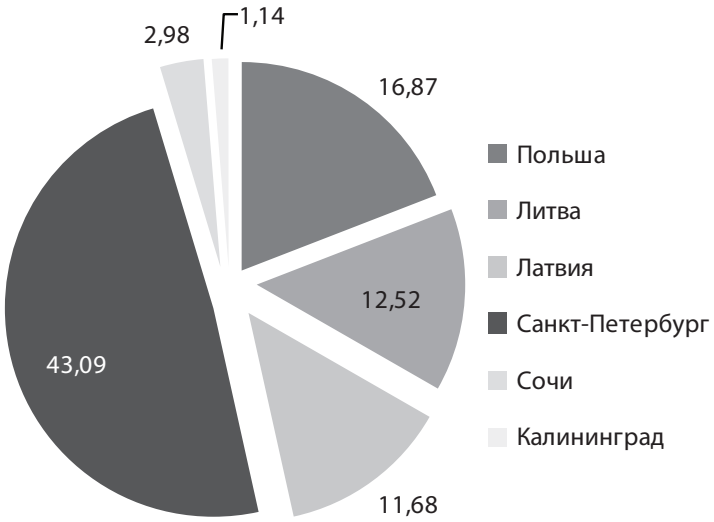


Рис. 1. Диаграмма сравнительной упоминаемости регионов РФ в контексте туризма в англоязычных СМИ (%)

ют незначительный уровень маркетинговой активности в сфере туризма, лишь единицы имеют оформленные программы маркетинговых мероприятий и замечены в прессе, на телевидении, в сфере туризма.

В последнее время реальную альтернативу городу Сочи составляет город-курорт Геленджик. По данным исследования агентства Penny Lane Realty, в 2014 г. в рейтинге курортов Краснодарского края пер-

вое место занял Геленджик, набрав в сумме 9,5 баллов по 10-бальной шкале.

На второй строчке расположилась Анапа – ее суммарный индекс привлекательности составил 8 баллов. На третьем месте – Кабардинка, на четвертом – Туапсе [14]. Лидирующие позиции Геленджика как города-курорта подтверждаются и Министерством курортов и туризма Краснодарского края. По итогам X юбилейного конкурса лидеров туристской индустрии Краснодарского края «Курортный Олимп – 2014» первое место было отдано городу-курорту Геленджику.

Объективные потребности развития Краснодарского края обусловливают актуализацию продвижения не только Черноморских курортов. В крае есть все возможности для функционирования нескольких горноклиматических курортов с современной инфраструктурой, которые позволяют совмещать занятия горнолыжным спортом с лечебно-оздоровительными процедурами и купанием в термальных источниках. Имеются места с самобытной культурой Кубани и казачества, территории, на которых возможно развитие центров агротуризма, туристских комплексов на базе крупнейших винодельческих хозяйств, предоставляющих услуги по дегустации вин и ознакомлению туристов с особенностями его производственного процесса. В соответствии с Инвестиционной стратегией Краснодарского края до 2025 г. такими территориями определены: Таманская рекреационная зона в границах Темрюкского района, Абраусская рекреационная зона в административных границах г. Новороссийска, город Ейск – бальнеоклиматический и грязевой курорт степной зоны, горно-климатический курорт «Лагонаки» (особая экономическая зона в Апшеронском районе), туристско-развлекательный центр «Золотые пески». Развитие курортно-рекреационной сферы данных территорий на сегодняшний день определено как важный сегмент экономики юга России.

Вместе с тем на развитии данных территорий существенным образом сказывается недостаточная система продвижения их туристского продукта, которая менее эффективна, чем аналогичные системы продвижения Черноморских курортов. Данный вывод подтверждается результатами опроса отдыхающих. Опрос проводился в 2015 г. в Сочи (N=120). Результаты изучения мнений отдыхающих показали, что данные курортные территории в основном известны жителям Кубани. Об этом, в частности, заявили 53% опрошенных респондентов, проживающих на территории Краснодарского края. 38% отметили, что знают об этих курортах, однако им ничего не известно о брендах данных территорий. Исследования показывают, что на этих территориях предпочитают отдыхать люди с низким уровнем дохода.

Жители других регионов, приехавшие на отдых на Черноморское побережье, слышали о данных территориях в основном как о территориальных единицах, а не дестинациях, которые обладают определенным туристско-рекреационным потенциалом. Данные аспекты позволяют сделать вывод о том, что эти курорты Краснодарского края на сегодняшний день не востребованы для большинства отдыхающих и туристов (рис. 2). Потребительские предпочтения отдыхающих в данном случае отдаются пляжному отдыху.

В этой связи возникает необходимость целенаправленного продвижения на рынок туристических услуг данных курортно-рекреационных центров Краснодарского края, формирования собственного бренда, который способствовал бы туристской привлекательности.

Построим возможный бренд рассматриваемых курортных территорий, взяв за основу положение о бренде города как символической виртуальной пси-

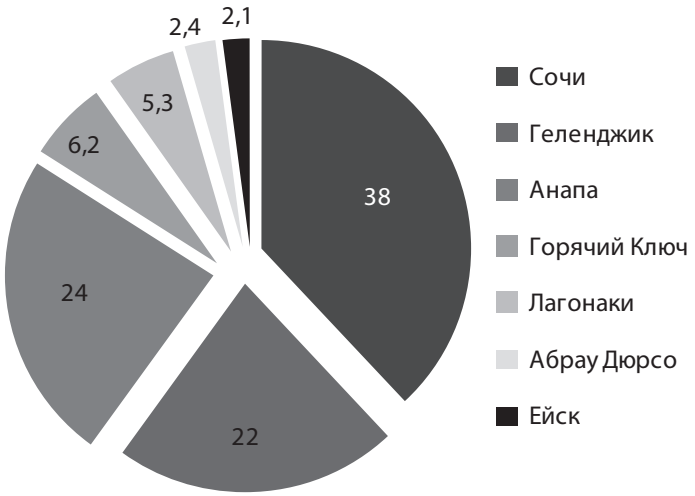


Рис. 2. Относительная привлекательность курортов Краснодарского края для отдыхающих из РФ в 2015 г. (без учета респондентов из Краснодарского края (%))

хо-эмоционально-социальной конструкции, воспринимаемой потребителями территории. Данная конструкция отражает совокупность геополитических, экосоциально-культурных, исторических, экономических и других характеристик территории, которые формируют представления о привлекательности данного места, его преимуществах по сравнению с другими территориями [5].

Анализ сайтов администраций муниципальных образований, отзывов отдыхающих в сети Интернет [15] (табл. 6) позволяет выделить следующие наиболее значимые характеристики рассматриваемых территорий и отношение к ним со стороны отдыхающих.

Из данных таблицы видно, что позитивные ассоциации жителей Краснодарского края при восприятии данных территорий в основном совпадают с ассоциациями приезжих. Наиболее популярны такие ассоциации, как «винный погреб Кубани», «арбузный рай», «Российская Шампань», «бриллиант Юга России». Город Ейск отдыхающими, прибывшими в Краснодарский край из других регионов РФ, больше воспринимается как «мир дружелюбия». Среди отдыхающих в Таманской рекреационной зоне бытует мнение, что эта территория позиционирует себя как место, где выращивают арбузы и виноград. 38% респондентов дивные места и красоту гор Апшеронского района называют «бриллиантом Юга России». Предлагаемые варианты брендов рассматриваемых территорий представляют собой возможный набор необходимых характеристик, позволяющих руководителям местных администраций сформировать их позитивное восприятие у целевых аудиторий, успешно функционировать в условиях конкуренции. Можно предположить, что именно об этих атрибутах вспомнят люди в первую очередь, когда встанут перед возможным выбором места отдыха.

Таким образом, механизм оценки атрибутов территории – сложный, многоступенчатый процесс, включающий в себя:

– определение характеристик территории, которые требуется сформировать;

– выбор конкретных методов и приемов определения наиболее важных атрибутов;

– определение важности конкретных характеристик, а также на их основе расчет общей полезности выявленных характеристик.

Таблица 6

Характеристики курортных территорий

№ п/п	Дестинация	Характеристика	Ассоциации (%)	
			отдыхающие	
			Краснодарский край	Другие регионы РФ
1	Таманская рекреационная зона	арбузный рай	31	61
		винный погреб Кубани	38	22
		царство лотоса	7	2
		царство рифов	7	2
		край тепла и солнца	17	13
2	Абраусская рекреационная зона	маленький рай	11	6
		Черноморская легенда	8	10
		Российская «Шампань»	73	81
		уголок, не тронутый цивилизацией	8	3
3	Город Ейск	экономный отдых	21	18
		романтическое место	25	17
		мир дружелюбия	54	65
4	Горно-климатический курорт «Лагонаки»	горная сказка	14	34
		горные забавы	58	28
		бриллиант Юга России	28	38

[7] Изучение проводилось путем выборочного опроса отдыхающих граждан в городах Сочи и Геленджике летом 2013 г. Было опрошено 280 человек. Исследование проводилось методом интервью с использованием специально составленной анкеты в гостиницах городов-курортов.
[8] Интервью министра курортов и туризма Краснодарского края Евгения Куделя о приоритетах развития отрасли. – Режим доступа: http://www.iip.ru/professional-opinion/intervyu-ministra-kurortov-i-turizma krasnodarskogo-kraya-evgeniya-kudelya-o-prioritetah-razvitiya-otrasli.
[9] Важность атрибутов рассчитывалась по формуле 2. При этом выставлялась рейтинговая бальная оценка (0–5). Суммарная оценка важности атрибута не превышает 100%. Для целевой аудитории (N=280). Umax и Umin была выведена средневзвешенная оценка как среднее значение от всех опрошенных респондентов.
[10] Сочи признан идеальным курортом для россиян. Сайт «Живая Кубань» – интернет- дневник Краснодарского края. – Режим доступа: http://www.livekuban.ru.
[11] Самый идеальный курорт России. – Режим доступа: http:// tourlib.net/statti_tourism/ideal_kurort.htm.
[12] О транспортной доступности курорта Сочи. – Режим доступа: http://na-more.su/forum/viewtopic.php?
[13] Маркетинг туристического потенциала региона – эффективные подходы и инструменты маркетинговой политики. – Режим доступа: http: //www.strategy.ru.
[14] Рейтинг курортов Черноморского побережья России – Режим доступа: http://stroy-obozrenie.ru.
[15] Таблица составлена автором на основе анализа сайтов администраций муниципальных образований, отмеченных в сети Интернет отзывов туристов об отдыхе.

Список литературы

1. *Бондаренко О.* В городе Сочи ценные ночи // Российская газета. 2014. 4 апреля.
2. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. – М., 1990. – 556 с.
3. *Ламбен Ж.Ж.* Стратегический маркетинг. Европейская перспектива. – СПб., 1996. – 89 с.
4. *Ламбен Ж.Ж.* Менеджмент, ориентированный на рынок. – СПб., 2007. – 800 с.
5. *Мещеряков Т.В.* Концептуальные положения по управлению территориальным маркетингом: институциональный подход. – СПб.: Изд-во СЗГТУ, 2010.
6. *Райс Э., Траут Д.*, 22 непреложных закона маркетинга: нарушайте их на свой страх и риск! – М., 2005 – 160 с.

Reference list

1. *Bondarenko O.* In Sochi there are costly nights // Rossiyskaya Gazeta. 2014. 4th of April.
2. *Kotler Philip*. Principles of Marketing. M., 1990. – 556 p.
3. *Lambin Jean-Jacques*. Strategic Marketing. A European Approach. SBR., 1996. – 89 p.
4. *Lambin Jean-Jacques*. Strategic and Operational Marketing. SBR., 2007. –800 p.
5. *Meshcheryakov T.* Conceptual provisions on the management of territorial marketing: An institutional approach. SBR.: Publishing by NWOTU, 2010.
6. *Ries Al, Trout Jack*. The 22 Immutable Laws of Marketing: Violate Them on Your Own Risk! M., 2005. – 160 p.

УДК 159.922.7

Петрова Е.А.,
доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и общей психологии, заведующая кафедрой социальной и общей психологии, декан факультета психологии, социальной медицины и адаптационно-реабилитационных технологий Российского государственного социального университета

Шкурко Н.М.,
кандидат психологических наук, научный сотрудник Московского института государственного управления и права

Козьяков Р.В.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной клинической психологии и инклюзивного образования Российского государственного социального университета

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СНИЖЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассмотрены социально-педагогические приемы, направленные на снижение агрессивности у младших школьников. Теоретико-методологической основой исследования выступили теории и исследования в области современной психологии, педагогики и социологии. По результатам исследования сформулированы рекомендации для психолого-педагогических служб, студентов факультета психологии и педагогики, повышающих квалификацию преподавателей и других специалистов.
Ключевые слова: агрессия, агрессивность, социально-педагогические психологические приемы, социально-психологические приемы

Petrova E.,
Doctor of Psychology, Professor of Chair of Social Psychology and General Psychology, Head of Chair of Social Psychology and General Psychology, Dean of the Faculty of Psychology, Social Medicine and Adaptation-Rehabilitation Technologies of the Russian State Social University

Shkurko N.,
PhD in Psychology, Research Fellow of the Moscow State Institute of Public Administration and Law

Koz'yakov R.,
PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Special Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

SOCIO-PEDAGOGICAL PRACTICES OF REDUCING THE AGGRESSION OF YOUNGER PUPILS

In the article there are the socio-pedagogical practices which have been directed at reducing the aggression in younger pupils. Theoretical-methodological basis of the research were theories and research in the field of modern Psychology, Pedagogy and Sociology. Based on the research findings, recommendations have been made for psychological-pedagogical services, the students of the faculty of psychology and pedagogy increasing their qualification as lecturers and other specialists.
Keywords: aggression, aggressiveness, socio-pedagogical psychological practices, socio-psychological practices

Работа с агрессивными детьми имеет особенности, так как специфика данной категории детей заключается в том, что они находятся в остром эмоциональном состоянии, следовательно, их поведенческие проблемы обусловлены именно высоким уровнем сенсорной, эмоциональной фрустрации, высоким уровнем страхов и тревоги, а также сильными чувствами обиды и вины. По этой причине на начальных этапах работы, направленной на снижение агрессивности, не показаны групповые формы, так как неизбежна отрицательная консолидация в группе, индивидуальная работа, соответственно, является наиболее эффективной.

Определить термин «агрессия» крайне сложно.

Л. Берковиц [3] обратил внимание на то, что одна из основных проблем в определении термина агрессии заключается именно в том, что данный термин подразумевает огромное разнообразие действий.

Д. Ричардсон и Р. Бэрон [4] дают определение такое: «Агрессия – это любая форма поведения, которая нацелена на причинение вреда или оскорбление другому, не желающему подобного обращения».

А.А. Налджазян [12] считает «агрессию врожденной неотъемлемой характеристикой поведения в живом мире, связанной с борьбой за выживание».

Зинченко В.П. и Мещеряков Б.Г. [11] дают такое определение: «Агрессия – это мотивированное деструктивное поведение, которое противоречит нормам сосуществования людей в обществе, наносит вред объектам, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (состояние напряженности, страха, отрицательные переживания)».

Х. Хекхаузен [18] пишет о спровоцированной или реактивной агрессии и спонтанной (не спровоцированной) агрессии. Исходя из цели, он выделяет инструментальную и враждебную агрессии.

Ряд авторов, в том числе Бэрон и Ричардсон, обязательным признаком агрессии считают причинение вреда или оскорбление лишь другому живому существу, которые не желают подобного обращения.

В кратком психологическом словаре А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского этот же признак относится и к самоубийству. Агрессор здесь выступает в роли собственной жертвы. Поэтому подобные действия не могут классифицироваться как агрессия.

С.В. Ардашева [1] определяет агрессию как деструктивное целенаправленное поведение, которое противоречит правилам и нормам сосуществования людей в обществе и, соответственно, наносит вред объектам нападения, причиняет физический ущерб людям или вызывает у них психологический дискомфорт.

Афиногенова С.В. [2] пишет о том, что агрессивность и конфликтность не тождественные свойства личности. Об этом также свидетельствует тот факт, что конфликтность больше выражена у женщин, а агрессивность – у мужчин.

Ричардсон Д., Бэрон Р. [4] замечают, что среди психологических особенностей, которые провоцируют агрессивное поведение, выделяют обычно недостаточное развитие коммуникативных навыков и интеллекта, неразвитость игровой деятельности, сниженный уровень саморегуляции, нарушения в отношениях со сверстниками, а также сниженную самооценку.

М.А. Сухая и О.А. Уточкина [17] изучили связь агрессивности с различными сторонами самосознания. Установлено, что самоуверенность и самосимпатия повышают гетероагрессию, но снижают аутоагрессию.

Таким образом, агрессивность – это устойчивая черта личности, которая проявляется в готовности именно к агрессивному поведению. Также это причинение вреда физического или психологического существу, не желающему подобного обращения. Этот термин определить крайне сложно, потому что он подразумевает огромное разнообразие действий. Существует большое число подходов к определению агрессии и агрессивности: агрессию делят на негативную и позитивную, на аутоагрессию и гетероагрессию, конструктивную, деструктивную и дефицитарную, выделяют реактивную (или спровоцированную) агрессию и спонтанную (ничем не спровоцированную), а также косвенную и прямую, вербальную и физическую и другие виды.

При построении теоретико-методологических оснований организации исследования мы использовали работы Ильина Е.П. [5], Кириленко И.П. [8], Козьякова Р.В. [6; 7], Морозова В.А. [9; 10], Орловой Е.А. [13], Романовой А.В. [14; 15], Петровой Е.А. [19; 20], Семечкина Н.И. [16].

В мировой практике психологи считают, что лучшим и, соответственно, наиболее эффективным способом снижения агрессивного поведения у детей является поведенческая терапия.

Многие авторы отмечают положительные результаты поведенческой терапии при работе с детьми, выделяя в качестве главного достоинства возможность контроля социальной среды, а также возможность воздействия на дезадаптивное поведение детей, относительно короткую продолжительность терапии.

Одним из наиболее популярных подходов к работе, направленной на снижение агрессивности у ребенка младшего школьного возраста, по праву считается арт-терапия. Она базируется на идеях традиционного психоанализа о том, что мысли и переживания, образующиеся в подсознании, чаще всего проявляются в форме образов и символов, а никак не словесно. Арт-терапевтические образы отображают все без исключения типы интуитивных действий: страхи, конфликты, память раннего возраста, дают возможность для формулировки агрессивных эмоций в общественно приемлемой форме.

Лепка либо рисование считаются неопасными методами разрядки напряжения. Данный способ очень хорошо подходит для работы с детьми. Он дает возможность возвратить ребенка в ту атмосферу, которая окружала его в момент работы над рисунком или поделкой: абсолютное принятие, признание плюсов, удовлетворение потребности в признании, положительном внимании. Освобождается психическая сила, которая расходуется на безрезультатную напряженность. Ребенок успокаивается. Демонстративность, негативизм, злость уступают место творчеству, инициативности.

Очень эффективны в работе с данными детьми формы арт-терапии, которые помогают создать атмосферу раннего рисования у детей, вернуть ребенка

именно в тот, доизобразительный, период. Этому способствует работа с бумагой, водой, песком, гуашью. Действия с бумагой: метать, разбрасывать, сжимать, разрывать, сминать. Действия с песком и с водой: полоскать руки в воде, выливать, пересыпать песок в воду, пропускать между пальцами песок. Действия с гуашью: делать линии и мазки разного характера (ритмичные, размашистые, широкие, длинные, точечные), смешивать краски (спонтанно или целенаправленно, на поверхности, в баночке), размазывать краску по какой– либо поверхности (стекла, стола, бумаги и т.д.; ладонью, пальцами, губкой, кисточкой и т.д.).

В процессе арт-педагогической деятельности в основе создания новых продуктов лежит система побуждений, из них центральными являются:

• кинезитерапия – лечебное воздействие движениями;

• вокалотерапия – лечение пением;

• музыкотерапия – лечение через восприятие музыки;

• библиотерапия – лечение чтением;

• изотерапия – лечение изобразительным искусством (декоративно–прикладное искусство, лепка, рисование).

Главные функции арт-терапии, которые направлены именно на снижение агрессивности у детей младшего школьного возраста:

– коммуникативно-рефлексивная – обеспечивает коррекцию нарушения общения, формирования адекватного межличностного поведения и самооценки;

– регулятивная – моделирование положительного психоэмоционального состояния, регуляция психосоматических процессов, снятие нервного напряжения;

– катарсистическая – освобождающая, очищающая от негативных состояний.

Для лучшего коррекционного эффекта социально-психологические приемы в любом из вышеописанных нами подходов должны быть нетрадиционными, ведь когда человек переживает необычный опыт, то у него ослабевают механизмы защиты, снижается контроль сознания.

Снижение агрессивности в поведении детей младшего школьного возраста в настоящее время проводится различными подходами с использованием следующих социально-психологических приемов:

• игра;

• изъятие из привычного окружения и помещение в корригирующую группу;

• творческое самовыражение;

• сублимирование агрессии в одобряемую социальную деятельность;

• сублимирование агрессии в спорт: хорошо приобщать к групповым видам спорта (баскетбол, футбол и другие), которые требуют именно навыков сотрудничества, в то время как индивидуальные высокоагрессивные виды спорта (карате, бокс) нежелательны;

• участие в тренинговой группе с целью формирования навыков конструктивного взаимодействия и адаптивного поведения.

Данные приемы находятся в прямой зависимости от степени педагогической запущенности, уровня воспитанности ребенка в целом, а также воспитательных возможностей школы и семьи, конкретной структуры и формы агрессивного поведения, образа жизни и окружения младшего школьника.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, отметим, что практически все ученые говорят о необходимости различать агрессивность как свойство личности и ситуативную агрессивность, которая возникает при наличии опасности и проходит, когда ребенку ничего не угрожает. Поскольку ситуативная агрессия нормальна и иногда даже необходима, ее не нужно корректировать.

Самыми эффективными социально-психологическими приемами снижения агрессивности детей младшего школьного возраста являются как индивидуальные, так и групповые, т.е. те приемы, которые учитывают характер психической патологии, индивидуальные особенности ребенка, структуру и форму агрессивного поведения, соотношение биологических и социально-психологических факторов, уровень социальной адаптации, а также индивидуальные условия воспитания младшего школьника.

Анализ современной психолого-педагогической литературы по данной проблематике позволяет сделать следующие выводы.

1. В исходном смысле «быть агрессивным» означало «двигаться в направлении цели без страха, промедления, без сомнения». Достаточно близкие слова-родственники данного понятия – это «регресс» и «прогресс».

В настоящее время есть много разных дефиниций, но одни из них именно смешивают понятия агрессивности и агрессии; а другие являются узкими и, соответственно, не охватывают всех форм и видов агрессивного поведения.

Таким образом, множество определений агрессии совмещает в себе несколько точек зрения – позицию субъекта агрессии, позицию внешнего наблюдателя, позицию объекта агрессии, при этом почти все ученые очень далеки от исходного значения и рассматривают агрессию как явление негативное.

2. Проведя анализ многочисленных исследований и подходов западных и отечественных ученых к данной проблеме, мы выделяем следующие причины агрессивного поведения младших школьников:

• агрессия как результат наказаний;

• агрессия как следствие негативного влияния воспитания в семье;

• агрессия как проявление Эдипова комплекса;

• агрессия как сильно выраженная направленность на других;

• агрессия как итог чрезмерной опеки, ограничения самостоятельности, свободы;

• агрессия как естественная реакция на постоянные насмешки над ребенком, на унижение его достоинства.

3. Диагностика агрессивности детей младшего школьного возраста – это выявление новых видов и признаков, факторов и причин возникновения, снижения и нарастания агрессивности. Объективность всей диагностики в этом случае обеспечивается именно выбором критериев, признаков и характеристик, которые не зависят от оценки и самооценки поведения людьми из близкого социального окружения.

В наши дни рассматривают:

– не экспериментальные методы – описание и регистрация возникающих инцидентов;

– экспериментальные методы исследования агрессии – исследователь контролирует переменные, независимые.

4. Работа с детьми, у которых выражена агрессия, имеет свою специфику, она заключается именно в том, что находятся они в эмоциональном, остром состоянии, следовательно, поведенческие их проблемы определены очень высоким уровнем сенсорной, эмоциональной фрустрации, сильными чувствами обиды и вины, высоким уровнем страхов и тревоги.

Наиболее эффективными социально-психологическими приемами снижения агрессивности этих детей являются те приемы, которые учитывают индивидуальные особенности, характер психической патологии ребенка, структуру и форму агрессивного поведения, соотношение социально-психологических и биологических факторов, уровень социальной адаптации, а также индивидуальные условия воспитания младшего школьника.

Выводы, сделанные нами в результате анализа литературы по проблеме исследования, мы рассматриваем как методическое и теоретическое обоснование экспериментальной части исследования.

Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи.

1. Обучение агрессивных детей способам выражения гнева в приемлемой форме.

2. Обучение детей саморегуляции, умению в разных ситуациях владеть собой.

3. Отработка навыков общения в конфликтных ситуациях у агрессивных детей.

4. Формирование в личности детей позитивных качеств.

Также для эффективной реализации программы мы руководствовались следующими принципами.

1. Принцип системности предупредительных, коррекционных и развивающих задач.

2. Принцип личностного подхода.

3. Принцип доступности задач, учета размера и уровня разнообразия использованного материала.

4. Принцип очередности, предполагающий постепенное усложнение занятий.

5. Принцип систематичности занятий.

Структура коррекционной работы с агрессивными детьми младшего школьного возраста включала в себя четыре направления:

1-ое направление: обучение агрессивных детей способам выражения гнева в приемлемой форме;

Задачи.

1. Научить умению выражать свое эмоциональное состояние.

2. Создать атмосферу принятия каждого, а также положительное эмоциональное состояние.

3. Снизить проявления негативного эмоционального состояния.

4. Научить вербализации своих чувств и мыслей.

2-ое направление: обучение детей умению владеть собой в разных ситуациях, т.е. обучение приемам саморегуляции;

Поставленные задачи.

1. Развивать самосознание детей.

2. Создать положительное эмоциональное состояние.

3. Снизить эмоциональное напряжение.

4. Учить навыкам самоконтроля.

5. Учить навыкам релаксации.

6. Тренировать психомоторные функции.

3-е направление: отработка навыков общения детей в разнообразных возможных конфликтных ситуациях;

Поставленные задачи.

1. Формировать выразительность движений.

2. Прививать новые формы поведения.

3. Учить распознавать все эмоции по внешним сигналам.

4. Учить принимать верные решения самостоятельно.

4-е направление: развитие и формирование позитивных качеств.

Задачи.

1. Формировать положительные качества: сопереживание, сочувствие, доверие к людям.

2. Формировать адекватное поведение.

3. Учить в соответствии с правилами и нормами регулировать свое поведение.

4. Формировать одобренные обществом моральные представления.

5. Учить ребенка осознавать свое поведение.

Эффективность данной программы должна выразиться:

• в повышении у детей культуры общения;

• в понижении уровня агрессивного поведения;

• в повышении у учащихся уровня межличностных взаимоотношений;

• в овладении приемами саморегуляции агрессивного поведения детей на основе самоанализа и самоконтроля;

• в повышении уровня мотивации к изменению своего неадекватного поведения.

В исследовании принимали участие 182 человека, из которых 89 – дети младшего школьного возраста, с 1-го по 4-ый класс, 89 – их законные представители и 4 учителя, работающих с детьми.

После проведения блока занятий по разработанной нами коррекционной программе у детей наблюдалась положительная динамика относительно снижения уровня агрессивных проявлений, что позволяет говорить о ее эффективности и возможности ее дальнейшего использования.

Экспериментальное исследование уровня выраженности агрессивных проявлений у детей младшего школьного возраста было направленно на решение ряда задач, а именно:

– подбор диагностических методик, направленных на диагностику агрессивности, а также выявление личностных свойств у детей младшего школьного возраста, склонных к агрессивным проявлениям;

– организацию первичной диагностики;

– обработку и представление результатов первичной диагностики;

– апробацию коррекционной программы, которая направлена на снижение агрессивности у детей данного возраста посредством социально– психологических приемов;

– проведение повторной диагностики с последующей обработкой полученных результатов и сопоставлением с данными, полученными в ходе первичной диагностики.

При решении вышеизложенных задач мы пришли к следующим выводам.

1. Деятельность по снижению уровня агрессивности включает в себя последовательную реализацию четырех этапов: подготовительный, деятельностный, продуктивный и заключающий.

2. В качестве методов, направленных на диагностику уровня агрессивности, а также выявление личностных свойств у детей младшего школьного возраста, склонных к агрессивным проявлениям, мы выбрали методики:

• тест-опросник Басса – Дарки, модифицированный О.Б. Бовль (2002 г.), направленный на изучение физической, косвенной и вербальной осознаваемой агрессии;

• проективная методика «Рисунок несуществующего животного» в модификации М.З. Друкаревич (2003 г.), направленная на определение неосознанной агрессии;

• анкета «Ситуационно-личностные реакции агрессивности у ребенка», которая заполняется педагогом, работающим в классе;

• опросник «Агрессивность ребенка глазами взрослого», который предлагается родителям учащихся;

• фрустрационный тест С. Розенцвейга – детский вариант (2002 г.), направленный на прогнозирование типов эмоциональных реакций ребенка на фрустрирующие ситуации, выявление направленности и характера данных реакций.

3. Обобщая полученные нами результаты первичного исследования, мы выявили, что большинство диагностированных детей младшего школьного возраста имеют высокий уровень выраженности агрессии – 56%, средний уровень – 25 % и всего 19% – низкий уровень выраженности агрессии. Также в ходе проведения экспериментального исследования, наблюдая за испытуемыми, мы заметили, что подавляющее большинство детей, которые склонны к агрессивности, обладают комплексом личностных свойств, а именно: неадекватная завышенная самооценка, ситуативная тревожность, робость, беспечность, независимость, низкая социальная нормативность, что является основанием для разработки и апробирования коррекционной программы, направленной на снижение агрессивности у младших школьников посредством социально-психологических приемов и с учетом выявленного комплекса личностных свойств детей, склонных к агрессивности.

4. После проведения блока занятий по разработанной нами коррекционной программе у детей наблюдалась положительная динамика относительно снижения уровня агрессивных проявлений, об этом свидетельствовали и результаты, полученные в ходе повторной диагностики; сводные данные говорят о том, что среди диагностированных нами детей младшего школьного возраста высокий уровень выраженности агрессии имеют 19%, 38% – средний уровень и 31% – низкий уровень выраженности агрессии, что позволяет говорить об эффективности коррекционной программы и возможности ее дальнейшего использования.

Цель научно-исследовательской работы – на основе изучения личностных свойств младших школьников, склонных к проявлению агрессивности, разработать социально-психологические приемы, направленные на снижение у них агрессивности.

Также нами была выдвинута гипотеза о том, что агрессивность детей младшего школьного возраста прямо пропорциональна их личностным свойствам,

следовательно, целенаправленное организованное коррекционно– психологическое воздействие с использованием социально-психологических приемов будет способствовать снижению агрессивных проявлений младших школьников.

Для реализации поставленной цели и гипотезы нами был разработан ряд задач теоретического, методического и экспериментального характера.

Теоретические задачи:

• анализ различных подходов к пониманию агрессии и агрессивности с целью выявления всех проблем предмета, постановка задач и методов исследования;

• изучение причин возникновения агрессивного поведения, а также проблем, возникающих при обучении и воспитании таких детей;

• описание существующих в психологии социально-психологических приемов снижения агрессивности у детей младшего школьного возраста.

Методические задачи:

• разработка алгоритма экспериментального исследования;

• подбор методического инструментария изучения уровня агрессивности у младших школьников;

• разработка коррекционной программы, направленной на снижение агрессивности у младших школьников, с использованием социально-психологических приемов.

Экспериментальные задачи:

• на экспериментальной основе определить уровень выраженности агрессивности у детей младшего школьного возраста;

• на основе полученных данных экспериментального исследования выявить психологические приемы, которые направлены именно на снижение разного уровня выраженности агрессивности у младших школьников;

• апробировать разработанную программу, направленную на снижение агрессивности у детей данного возраста.

Решая все вышеперечисленные задачи данной работы, мы пришли к следующим выводам.

1. Агрессивность – это такое свойство личности, которое возникает в процессе социализации под влиянием каких-либо факторов и приобретает дуальный характер в виде деструктивной или же конструктивной направленности.

2. Агрессивность в младшем школьном возрасте проявляется в различных формах – вербальных и физических актах, реакциях протеста, негативизме, нарушает многие адаптивные возможности личности. Также нами был обнаружен комплекс личностных свойств, отражающих агрессивность младших школьников, а именно: неадекватная завышенная самооценка, ситуативная тревожность, робость, беспечность, независимость, низкая социальная нормативность.

3. Агрессивные проявления у детей могут снижаться социально-психологическими приемами.

4. Составленная и апробированная нами коррекционная программа с использованием социально-психологических приемов является эффективным средством снижения агрессивности у младших школьников, о чем говорит положительная динамика относительно снижения уровня агрессивных проявлений после проведения блока ее занятий.

Результаты эмпирического и теоретического исследования по проблеме изучения социально-психологических приемов снижения агрессивности младших школьников дали нам возможность сформулировать рекомендации. Данные можно использовать:

• в деятельности психологической службы в целях оптимизации образовательно-воспитательной работы в начальной школе с учетом обнаруженных индивидуальных свойств у детей, склонных к агрессивности;

• при разработке проектов курсов с целью обучения учащихся вузов факультета психологии и педагогики, а кроме того, при повышении квалификации преподавателей и специалистов-психологов;

• в научно-исследовательской работе, сконцентрированной на исследовании пусковых механизмов детской агрессивности;

• для организации работы психологической службы в семейном консультировании, при этом внимание должно быть направлено на индивидуальные характерные черты агрессивных детей младшего школьного возраста, а кроме того, следует обратить внимание на своеобразные условия агрессивности, сопряженные с гендерными особенностями.

Список литературы

1. *Ардашева С.В.* Психолого-педагогические проблемы насилия над детьми: учебно-методическое пособие. Ставрополь, 2003. – 109 с.
2. *Афиногенова С.В.* Биологический и психологический пол в связи с профессиональными и спортивными интересами в подростковом и юношеском возрасте: автореф. дис. … канд. психол. наук. – СПб.: Питер, 2007. – 144 с.
3. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
4. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. – СПб.: Питер, 2001. – 330 с.
5. *Ильин Е.П.* Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.
6. *Козьяков Р.В.* Методика формирования социальной активности учащихся. – М., 2014. – 75 с.

7. *Козьяков Р.В.* Методы и методики диагностики эмоций. – М., 2013. –162 с.
8. *Кириленко И.Н.* Влияние семейных отношений на развитие агрессии в подростковом возрасте. – Ставрополь, 2007. – 215 с.
9. *Морозов В.А.* Ценностные ориентации личности в контексте различных психологических теорий // Человеческий капитал. –2015. – № 3 (75).
10. *Морозов В.А.* Феномен родительства как объект психологического познания // Человеческий капитал. – 2014. – № 11 (71).
11. *Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П.* Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 666 с.
12. *Налчаджян А.А.* Агрессивность человека. – СПб.: Питер, 2007. – 734 с.
13. *Орлова Е.А.* Влияние профессиональной деформации личности преподавателя средней школы на развитие конфликтности у подростков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки – 2013. – № 1.
14. *Романова А.В.* Роль экспрессии личности в процессе коммуникации // Психология социальности: межвузовский сборник научных трудов. – М., 2009.
15. *Романова А.В.* Психологическая компетентность педагога как инструмент профилактики конфликтов в педагогическом процессе // Человеческий капитал. – 2010. – № 6 (18).
16. *Семечкин Н.И.* Агрессия – доминирующий способ существования человека: СПб., 2011. – 440 с.
17. *Сухая М.А., Уточкина О.А.* Связь самосознания с агрессивностью // Ананьевские чтения – 2007: материалы научно-практической конференции. –СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 124 с.
18. *Хекхаузен Х.* Мотивация деятельности. – СПб.: Питер, 2003. – 860 с.
19. *Kozjakov R., Fomina S., Rybakova A., Sizikova V., Petrova E.* Educating social-profile specialists for working with a family of a child with health limitations: competence approach // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. – 2015. – Т. 6. – № 1.
20. *Petrova E., Zavarzina O., Kutyanova I., Kozyakov R.* Social and personal factors of stable remission for people with drug addictions // Psychology in Russia: State of the Art. – 2015. – Т. 8. – № 4.

Reference list

1. *Ardasheva S.* Psychological-pedagogical problems of child abuse: a teaching manual. Stavropol', 2003. – 109 p.
2. *Afinogenova S.* Biological and psychological gender in connection with professional and sports interests in adolescence and youthful age: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. SBR.: Piter, 2007. – 144 p.
3. *Berkowitz L.* Aggression: Causes, Consequences and Control. SBR.: Prime-Evroznak, 2001. – 512 p.
4. *Baron R., Richardson D.* Human Aggression. SBR.: Piter, 2001. – 330 p.
5. *Il'in E.* The psychology of aggressive behavior. SBR.: Piter, 2014. – 368 p.
6. *Koz'yakov R.* The methodology of formation of students' social activity. M., 2014. – 75 p.
7. *Koz'yakov R.* Methods and methodologies of emotions diagnostics. M., 2013. –162 p.
8. *Kirilenko I.* The influence of marital relations on the development of aggression in adolescence. Stavropol, 2007. – 215 p.
9. *Morozov V.* The value orientations of personality in the context of psychological theories // Human capital. 2015. № 3 (75).
10. *Morozov V.* The phenomenon of parenthood as an object of psychological knowledge // Human capital. 2014. № 11 (71).
11. *Meshcheryakov B., Zinchenko V.* The Big Psychological Dictionary. SBR.: Prime-Evroznak, 2003. – 666 p.
12. *Nalchajyan A.* Human aggression. SBR.: Piter, 2007. – 734 p.
13. *Orlova E.* The influence of professional deformation of the personality of a teacher in a secondary school on the development of proneness to conflict in adolescents // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological science. 2013. № 1.
14. *Romanova A.* The role of the expression of personality in the communication process // Psychology of sociality: Interuniversity collection of scientific works. M., 2009.
15. *Romanova A.* Psychological competence of the teacher as a tool for prevention of conflicts in the pedagogical process // Human capital. 2010. № 6 (18).
16. *Semechkin N.* Aggression is the dominant way of human existence: SBR., 2011. – 440 p.
17. *Sukhaya M., Utochkina O.* The connection of self-consciousness with aggression // Ananevskiy readings – 2007: Proceedings of scientific-practical conference. SBR.: Publishing office of Saint Petersburg State University, 2007. –124 p.
18. *Heckhausen H.* Motivation of Activity. SBR.: Piter, 2003. – 860 p.
19. *Kozjakov R., Fomina S., Rybakova A., Sizikova V., Petrova E.* Educating social-profile specialists for working with a family of a child with health limitations: competence approach // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. – 2015. – Т. 6. – № 1.
20. *Petrova E., Zavarzina O., Kutyanova I., Kozyakov R.* Social and personal factors of stable remission for people with drug addictions // Psychology in Russia: State of the Art. – 2015. – Т. 8. – № 4.

УДК 378.13

Лищина Г.Н.,
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии Российского государственного социального университета

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В статье анализируется необходимость развития профессионального мышления специалистов социальной сферы с учетом современной стратегии развития образования, усложняющей характер задач подготовки компетентных специалистов, что определяет цель и содержание их подготовки в вузе.
Ключевые слова: профессиональное мышление, специалист, социальная сфера, новые условия, стратегия развития, турбулентность, глобальные тренды, процессы регрессии, репозиционирование компаний, бренд

Lishchina G.,
Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of Chair of Family, Gender Policy and Youth Studies of the Russian State Social University

THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COGITATION OF A SPECIALIST OF SOCIAL SERVICES IN NEW CONDITIONS

The article analyzes the necessity of development of professional cogitation of the specialists of social services due to contemporary strategy of education development, complicating task character of training of competent specialists and that might define the goal and the content of their training at a higher education institution.
Keywords: professional cogitation, specialist, social services, new conditions, development strategy, disambiguation, worldwide trends, regression processes, repositioning companies, brand name

В эпоху перемен многие строят укрытия
и лишь немногие обретают крылья…
Марк Аврелий, римский полководец

Мы живем на стыке эпох, в новой экономической парадигме, когда мир стремительно развивается информационно, экономически, возникают новые условия, новые обстоятельства, новые глобальные тренды, которые невозможно не учитывать в современном контексте. К сожалению, как справедливо утверждают многие эксперты, в данных стремительно меняющихся условиях люди живут зачастую в стереотипной парадигме [1; 2; 6], явно ощущая влияние второй волны экономического кризиса, процессов регрессии и, как следствие, почти глубоко не задумываясь о сущности этих процессов, собственном отношении к ним и отсутствии стремления выявить на этой основе приоритетные направления своего дальнейшего развития. Понимание того, что само устройство экономических, бизнес-процессов имеет подвижную структуру, приводит к необходимости каждого из нас быть готовыми к нашей собственной «эпохе перемен», ведь термин «кризис» несет в себе дуальное смысловое значение: опасность и возможность. И в этих условиях важен выбор значения «возможность», важны те изменения, которые происходят в мышлении каждого из нас, поскольку бизнес-процессы стремительно меняются, а наше мышление при этом остается стереотипным. Мы забываем о том, что мы можем многое, что все достижимо в нашей жизни и профессиональной сфере деятельности. Современный меняющийся мир, где неизменно постоянным остается лишь нарастающая скорость изменений, постепенно приобретает характер «турбулентности». И данный технический термин очень точно, на наш взгляд, отражает эпоху перемен, когда каждый из нас вправе как можно чаще задавать себе вопросы: «Что изменилось? Как я могу вписаться в эти изменения? Что для этого мне предстоит сделать? Какими ресурсными возможностями я располагаю?»

Для того чтобы «вписаться» в изменяющиеся условия турбулентности, важно понимать характер глобальных трендов, оказывающих самое непосредственное влияние на современный контекст. Среди

них выделяются, например, адаптация, интеграция, информатизация, реклама, активность, сетевое партнерство, профессионализм. Обратимся к сущностным характеристикам указанных понятий в современном контексте:

– адаптация (означающая процесс, в ходе которого современный специалист должен вписаться в изменяющиеся условия, увидеть для себя другие, более позитивные и конструктивные возможности);

– интеграция (соединение частей в единое целое, объединение ресурсного потенциала; знание специалистом собственных потенциальных возможностей; сплочение команды, коллектива при выделении зон ответственности каждого в общем коллективном формате);

– информатизация (изменение информационной платформы профессиональной деятельности; внедрение электронной системы документооборота; расширение форматов игровых форм (например, флешмобы); увеличение скорости прохождения информации, зависящей только от скорости сетей и ресурсов, предоставляемых информационными платформами Google, Facebook, Twitter, Instagram и др.; необходимость владения информационными ресурсами каждым деловым человеком, его умение профессионального продвижения себя в сети Интернет);

– реклама («пластичность» специалиста, его умение профессионально «подать» и зарекомендовать себя; стать тем специалистом, которому будет доверять работодатель, стать интересным этому миру);

– активность (чем выше скорость перемен, тем больше ценится способность специалиста адаптироваться, его умение учиться, меняться, «вписываться» в турбулентность);

– сетевое партнерство как ключевой термин современного мира в самых разных контекстных форматах (дающее возможность новых конкурентных преимуществ и позволяющее обеспечить быстроту реакции специалиста на изменение конъюнктуры; переосмысление собственных ориентиров; объединение активных людей с надежной компанией в условиях репозиционирования крупных брендовых компаний; сила команды, сила партнерства);

– профессионализм (как некий базис современного специалиста, на котором будет выстаиваться его профессиональная деятельность; его желание продолжать обучение и дальнейшее собственное развитие).

Таким образом, характеризуя современные глобальные тренды, мы наблюдаем некую смысловую эволюцию ключевых (базовых) понятий, имеющих большое значение для подготовки специалиста социальной сферы. И в данном формате, когда современный рынок труда выступает экспертом, важно осознание специалистом своей уверенной позиции: чтобы завоевать доверие работодателя, необходимы серьезные изменения собственного профессионального мышления.

Наш многолетний опыт исследования проблемы развития профессионального мышления позволяет утверждать, что современная стратегия развития образования усложняет характер задач подготовки компетентных специалистов социальной сферы и обусловливает необходимость развития профессионального мышления. Оно выражается в умении принимать стратегические решения, разрабатывать тактику и осуществлять оперативную деятельность по их реализации. Профессиональное мышление специалиста любой профессиональной сферы характеризуется обобщенным и опосредованным отражением субъектом объектов профессиональной деятельности через анализ, сравнение, моделирование, прогнозирование, рефлексию; реализуется в способности специалиста решать профессиональные задачи, принимать компетентные решения, нести личную ответственность за их последствия, создавать индивидуальную концепцию своего дальнейшего профессионально-личностного совершенствования.

Как показывают результаты проводимых нами исследований [7; 8, с. 65–67], анализ научной литературы и образовательной практики, профессиональное мышление, как и мышление вообще, не является врожденным свойством личности. Это качество формируется в процессе профессиональной деятельности, является динамической характеристикой профессиональной компетентности специалиста, может продуктивно развиваться в процессе обучения и в период его целенаправленной самостоятельной работы. Эффективность профессиональной деятельности специалиста социальной сферы непосредственно зависит от уровня сформированности его профессионального мышления, которое осуществляется в условиях возникновения проблемных ситуаций, учитывая их сложность, противоречивость, неожиданность возникновения, несформулированность, необходимость принятия компетентного решения в условиях ограниченного времени.

С этих позиций принимаемое решение является показателем профессиональной компетентности специалиста социальной сферы. Данное обстоятельство нацеливает его на сформированность умений менеджера: видеть (выделить) проблему; компетентно сформулировать ее; найти оптимальное решение. Именно поэтому специалисту социальной сферы важно уметь правильно определять характер возникающих профессиональных проблем; разделять их на внешние (не зависящие от него) и внутренние (решаемые им); соблюдать этапность в решении профессиональной проблемы; разделять проблемы на внешние и внутренние; структурировать внутренние

проблемы; разделять внешние проблемы на частично решаемые и нерешаемые.

В рамках реализации основной профессиональной образовательной программы 39.03.03 «Организация работы с молодежью» нами были систематизированы и модифицированы различные виды проблемных заданий; учебных текстов, профессиональных ситуаций. В процессе занятий поэтапно отрабатывается полная классификация ситуаций: *стандартных* (типичных, имеющих одни и те же источники и причины возникновения); критических (неожиданных, требующих энергичных действий и радикального вмешательства); *экстремальных* (чрезвычайных, не имеющих аналогов); классификация стандартных ситуаций по дидактическим функциям (ситуации-иллюстрации, ситуации-упражнения, ситуации-оценки, ситуации-проблемы) [4, с. 103].

Целенаправленно применяются учебные тексты, специально смоделированные или подобранные на основе научной, психолого-педагогической литературы [3, с. 107; 5, с. 63–65; 6, с. 55; 9; 11; 12]. Они используются в качестве информативных заданий и направлены на развитие значимых областей профессиональных (аксиологических, методологических, теоретических, прикладных) знаний обучающихся.

Приведем пример отрывка подобного учебного текста: *«В условиях турбулентности нас ожидает новый вызов, есть опасность и есть возможность, что выбираешь ты? Ты готов принять вызов кризиса и развернуть себя в направлениях новых возможностей в изменяющихся условиях турбулентности?*

История знает много примеров становления успешности. Авраам Линкольн в 22 года не прошел в парламент, но в 51 год стал президентом США. Марк Аврелий – римский император, блестящий полководец, примерный супруг и отец, философ на троне, в 40 лет стал римским императором. И именно ему принадлежит одна фраза, которая поражает своей глубиной, современностью и мудростью: «В эпоху перемен многие строят укрытия и лишь немногие обретают крылья».

У каждого из нас в жизни есть своя эпоха перемен. Но есть то, над чем время не властно: это не слава, не богатство, а стремление понять, что ты меняешься, ты учишься жизни, ты учишься смотреть на все происходящее по-другому. И на этой глубоко философской основе ты начинаешь понимать свою уникальность как человека и специалиста-профи, ты начинаешь по-другому распознавать и оценивать «код уникальности» этой эпохи, базовых ценностей жизни, своих близких, своей команды, своего коллектива.

Для того чтобы «вписаться» в условия турбулентности, тебе необходимы следующие действия:

1) сначала стань интересным себе и тобой заинтересуется мир;

2) развивай свои менеджерские компетенции – будь профи, чтобы управлять собой и другими;

3) сформируй компетенции самопрезентации, используя при этом цифровые технологии для создания своего собственного бренда (ты сам как бренд специалиста-профи);

4) на базе компетенций успешного человека сформируй собственный стиль жизни (свой life-style: будь в балансе, будь профи, сделай себя, получи признание);

5) развивай свою собственную мотивацию (мотивация себя самого: ты сам знаешь, в каком направлении следует двигаться, какой результат ожидает тебя)».

Логика введения подобных учебных заданий соответствует объективным этапам усвоения знаний, умений и навыков (восприятие, осознание, осмысление информации; овладение опытом осуществления способов мыслительной и практической деятельности по образцу и в ситуациях выбора; приобретение опыта творческой деятельности). Количество и последовательность предъявления заданий определяются характером мыслительной нагрузки (объем задания в целом, набор компонентов, сложность процедур решения, количество необходимых этапов решения и др.); сформированностью положительной мотивации обучающихся на выполнение профессиональных заданий определенного типа; содержанием и логикой программного материала.

Обучающие задания отрабатываются на лекционных, практических занятиях, во время проведения практики, в процессе кружковой и самостоятельной работы обучающихся. *Логику реализации основной задачи обучения* можно проследить на примере изучения темы «Управленческие решения в процессе изменений». Основным результатом анализа проблемных ситуаций в процессе занятий являлось коллективное принятие обучающимися решения профессиональной проблемы. Этому способствовало применение метода мозгового штурма и его модификаций. Ценность метода заключалась в выдвижении каждым участником собственной идеи, которая впоследствии анализировалась и согласовывалась группой. На основе методики разрешения проблемных ситуаций, предложенной Джини Грехем Скотт [10, с. 182–185], мы разработали комплексное задание «Выработка альтернатив и решений» и внедрили его в ход *практического занятия по теме «Оценка управленческой ситуации»* как пример алгоритма с учетом пяти критериев выбора оптимального решения: правового, экономического, морально-психологического, критерия перспективы, критерия укрепления авторитета.

В период последующего изучения базовых моделей программы подготовки бакалавров обучение направлено на совершенствование умений обучаю-

щихся принимать компетентные профессиональные решения. Этому способствуют различные модификации педагогических тренингов, целью которых является развитие умений будущих специалистов социальной сферы формулировать варианты профессиональных решений, принятых и реализованных впоследствии в проблемных ситуациях любого уровня сложности.

На первом этапе тренинга участники распределяются на пять малых групп, каждому предлагается одна из проблемных ситуаций, предоставляется 15 минут на индивидуальное обдумывание и поиск вариантов решений. Изначально не ставится задача ограничивать себя проблемой качественной оценки решения: критерием выполнения задания является максимальное количество решений, каждое из которых кратко записывается (ключевыми словами) и нумеруется. Эксперты выбирают участника малой группы, набравшего максимальное количество (10 и более) вариантов решений, которому предоставляется право первого выступления. Все другие члены малой группы могут дополнять, не допуская повторов. Оптимальные варианты решений отбирает и комментирует экспертная группа.

В ходе второго этапа всех тренинговых занятий систематически применяются учебные тексты, направленные на развитие значимых областей аксиологических, методологических, теоретических, прикладных знаний обучающихся.

Список литературы

1. Будущее образования: глобальная повестка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/education/2015-09-15/8_schools.html http://www.asi.ru/news/39414/
2. *Вазина К.Я.* Саморазвитие человека и технологическая организация образовательного пространства : концепция, опыт / К.Я. Вазина. – Челябинск: Авт. шк. «Саморазвитие человека», 1997. – 240 с.
3. *Заярская Г.В., Баранова В.Н.* Социальные технологии формирования профессиональных компетенций специалистов по организации работы с молодежью // Молодежь и общество: сборник научных статей / Под общ. ред. Л.В. Тарасова. – Выпуск 2. – М.: Изд-во РГСУ, 2010.
4. *Де Крюйн П.* Подготовка кадров для управления предприятиями: пер. с фр. – М., 1986.
5. *Кузнецова О.И., Фодоря А.Ю.* Инновационные образовательные технологии преподавания учебных дисциплин социального профиля // Международный академический вестник. – 2015. – № 5 (11).
6. Компетентностный подход как фактор успеха будущего специалиста на рынке труда / Г.А. Резник, Ю.С. Пономаренко // Альма Матер. – 2011. – № 8.
7. *Лищина Г.Н.* Педагогические условия развития профессионального мышления руководителей школ в процессе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук. – Тула, 2004. – 231 с.
8. *Лищина Г.Н.* Формирование методологических подходов у обучающихся к решению проблем // Международный академический вестник. – 2015. – № 5.
9. *Мардахаев Л.В., Чемоданова Д.И., Соловьева Л.В.* Основы общей, специальной и социальной педагогики. – М.; Тула, 2007. – 503 с.
10. *Скот Д.Г.* Конфликты и пути их преодоления. – Киев, 1991.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «Организация работы с молодежью» от 20.10.2015. – Министерство образования и науки РФ.
12. *Хуторской А.В.* Педагогическая инноватика: учебное пособие для студ. высших учеб. завед. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.

Reference list

1. The future of education: A global agenda [Electronic resource]. – Access mode: http://www.ng.ru/education/2015-09-15/8_schools.html http://www.asi.ru/news/39414/
2. *Vazina K.* The human self-development and technological organization of education space: The conception, experience. Chelyabinsk: Aut. Sch. "The Human self-development", 1997. – 240 p.
3. *Zayarskaya G., Baranova V.* Social technologies of formation of professional competences of specialists on organization of work with youth: Collection of scientific articles "Youth and society" / Under the general editorship of L. Tarasov. Number 2. M.: Publishing office of RSSU, 2010.
4. *De Krujn P.* Personnel Training to Business Management: Translation from French / P. De Bruyne. M., 1986.
5. *Kuznetsova O., Fodorya A.* Innovation education technologies of teaching of academic disciplines of a social profile // International Academic Journal. 2015. № 5 (11).
6. Competence approach as a success factor of an intended specialist in the labour market / G. Reznik, Yu. Ponomarenko // Alma Mater. 2011. № 8.
7. *Lishchina G.* Pedagogical conditions of development of professional cogitation of school leaders in the process of continuing training: Thesis of PhD in Pedagogy. Tula, 2004. – 231 p.
8. *Lishchina G.* Development of methodological approaches to students ' problem-solving // International Academic Journal. 2015. № 5.

9. *Mardakhaev L., Chemodanova D., Solov'eva L.* Fundamentals of general, special and social pedagogy. M.; Tula, 2007. – 503 p.
10. *Scott G.* Conflicts and Ways to Overcome Them. Kiev, 1991.
11. Federal State Education Standard of Higher Education in the direction of preparation "Organization of work with youth" from 20.10.2015. – Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
12. *Khutorskoy A.* Pedagogical innovation theory: Textbook for students of highereducation institutions. M.: "Academy" Publishing center, 2008. – 256 p.

УДК 159.922.7

Орлова Е.А.,
доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ДОУ: ДИАГНОСТИКО-КОРРЕКЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В статье представлены результаты исследования по изучению условий оптимизации эмоционального состояния и эмоционального благополучия детей в детском саду. Показателями эмоционального благополучия детей старшего дошкольного возраста являются преобладание у них положительного эмоционального фона, устойчиво положительного отношения ребенка к детскому саду, к самому себе, ко взрослым и сверстникам, низкий уровень агрессии и тревожности, сформированность адекватных эмоциональных реакций.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональная сфера, личность, эмоциональное благополучие, дошкольник, образовательная среда дошкольного образовательного учреждения

Orlova E.,
Doctor of Psychology, Professor of Chair of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology of Faculty of Extreme Psychology of the Moscow City Psychological Pedagogical University

EMOTIONAL WELL-BEING OF CHILDREN IN THE EDUCATION ENVIRONMENT OF PRESCHOOL EDUCATION INSTITUTION (PSEI): DIAGNOSTIC-CORRECTIONAL ASPECT

The article presents the results of a study on optimization conditions of the emotional state and emotional well-being of children in nursery school. Indicators of emotional well-being of children of senior preschool age are the predominance of a positive emotional background at them, a steady positive attitude of the child to the nursery school, to oneself, to adults and peers as well as a low level of aggression and state anxiety, the formation of adequate emotional reactions.

Keywords: emotions, emotional sphere, personality, emotional well-being, preschooler, education environment of preschool education institution

В последнее время вопросы развития эмоциональной сферы детей-дошкольников привлекают пристальное внимание психолого-педагогической науки и практики. В то же время вопрос эмоционального благополучия детей дошкольного возраста остается весьма актуальным, так как многие зарубежные и отечественные исследователи (Джайнотт Х.А., А.Н. Леонтьев и др.) фиксируют многочисленные трудности в развитии эмоциональной сферы дошкольников, отрицательно влияющие на психическое, умственное, физическое развитие детей. Это обусловлено прежде всего тем, что в дошкольном возрасте закладываются основы личности ребенка, его психического и психологического здоровья. Проблема развития эмоциональной сферы ребенка является актуальной еще и потому, что эмоциональный мир играет важную роль в жизни человека.

Ряд известных педагогов и психологов (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, Т.А. Маркова, Я.З. Неверович, С.А. Рубинштейн, А.П. Усова, Д.Б. Эльконин и др.) отмечают, что позитивные эмоции способствуют повышению активной деятельности мозга и представляют собой мощный стимул для познания ребенком окружающего мира. Тем самым эмоциональное благополучие ребенка можно рассматривать как необходимое условие для возникновения и осуществления любой творческой деятельности ребенка и, конечно, развития его мыслительных процессов, в то время как негативные эмоции чаще всего ограничивают активность детей, заставляя их избегать нежелательных или вредных действий и выполняя своего рода защитную функцию в жизни ребенка. Однако необходимо подчеркнуть, что преобладание в эмоциональной сфере отрицательных переживаний приводит к нарушению функций мозга и психики ребенка. Несомненно, от характера эмоций во многом зависит наше отношение к самому себе, к другим людям и событиям, а также оценка личностью собственных действий и поступков.

Эмоции помогают ребенку приспособиться к той или иной ситуации. Благодаря развитию эмоциональной сферы ребенок может регулировать свое

поведение, избегая тех поступков, которые мог бы совершить под влиянием случайных обстоятельств и мимолетных желаний. Поэтому мы считаем необходимым не только изучать, но и развивать эмоциональную сферу дошкольника, так как эмоции «рассказывают» окружающим его взрослым о состоянии и внутреннем мире ребенка.

Целью проведенного нами исследования стало изучение условий оптимизации эмоционального состояния и эмоционального благополучия детей в детском саду.

Объектом исследования являлась эмоциональная сфера личности детей дошкольного возраста, а его предметом – эмоциональное состояние и эмоциональное благополучие детей в образовательной среде ДОУ.

В качестве гипотезы выступили следующие предположения.

1. Эмоциональное благополучие детей старшего дошкольного возраста – это такое состояние эмоциональной сферы ребенка, которое характеризуется преобладанием положительного эмоционального фона, устойчиво положительным отношением ребенка к детскому саду, к самому себе, к взрослым и сверстникам, низким уровнем агрессии и тревожности, а также сформированностью адекватных эмоциональных реакций.

2. Повысить уровень эмоционального благополучия старших дошкольников в условиях ДОУ может специально подобранный комплекс развивающе-коррекционных мероприятий, разработанный с учетом их эмоционального состояния и адекватный индивидуально-возрастным особенностям детей.

Анализ научно-теоретических основ развития эмоций показал, что эмоциональное благополучие в психологической науке рассматривается как компонент психологического здоровья в дошкольном возрасте. От эмоций, которые чаще всего испытывает и проявляет ребенок, зависит успешность его взаимодействия с окружающими людьми, а значит, и успешность его социального развития. Именно эмоциональное благополучие дошкольника является тем ресурсным проявлением личности, которое раскрывает ее самодостаточность, способность адекватно воспринимать себя и окружающих. Эмоциональный мир старших дошкольников имеет важное значение в воспитании и развитии детей. Эмоции и чувства оказывают влияние на все компоненты познания: мышление, внимание, воображение, восприятие, ощущение. Переживание положительных эмоций способствует яркому восприятию окружающего мира, улучшает процесс запоминания, так как эмоционально окрашенные события дольше сохраняются в памяти, быстрее же всего забывается нейтральная информация, но самое важное для развития эмоциональной сферы дошкольников – это способность научиться осознавать свои эмоции и управлять ими.

Понятие «эмоциональное благополучие» соотносимо с понятием «эмоциональное самочувствие», определяемым как ощущение или переживание ребенком эмоционального комфорта – дискомфорта, связанного с различными значимыми аспектами его жизни. И.Б. Куркина и Т.К. Марченко под эмоциональным благополучием ребенка дошкольного возраста понимают благоприятное нервно-психическое состояние ребенка, проявляющееся в хорошей и быстрой адаптации, адекватности поведения ребенка окружающим условиям и событиям, социально-приемлемых способах самоутверждения и самовыражения, положительном эмоциональном фоне, оптимистическом настрое, способности к эмоциональному сопереживанию, доброжелательном отношении к другим людям, равномерном и своевременном развитии психических процессов [2].

В своих работах А.Д. Кошелева отмечает, что дошкольник испытывает эмоциональное благополучие в дошкольном учреждении «когда он приходит в детский сад в хорошем настроении и в течение дня оно почти не меняется; когда деятельность его успешна или же переживается им как успешная благодаря внимательному отношению окружающих; когда отсутствует переживание опасности со стороны окружения; когда есть друзья, с которыми хочется играть и которые взаимно проявляют интерес; когда к ребенку хорошо относятся воспитатели и вообще все окружающие» [1].

По мнению Г.Г. Филипповой, эмоциональное благополучие ребенка является показателем оптимальности его развития и психического здоровья, в частности, оно состоит из «эмоции удовольствия – неудовольствия как содержания преимущественного фона настроения; переживания комфорта как отсутствия внешней угрозы и физического дискомфорта; переживания успеха – неуспеха в достижении целей; переживания комфорта в присутствии других людей и ситуациях взаимодействия с ними; переживания оценки другими результатов активности ребенка». Эмоциональное развитие дошкольника связано прежде всего с появлением у него новых интересов, мотивов и потребностей. Важнейшим изменением в мотивационной сфере выступает возникновение общественных мотивов, уже не обусловленных достижением узколичных утилитарных целей [4].

Экспериментальное исследование эмоционального благополучия детей проводилось на базе дошкольного отделения ГБОУ школы № 1466 г. Москвы. В исследовании принимали участие 60 старших дошкольников в возрасте от 6 до 7 лет, из них – 32 девочки и 28 мальчиков.

Эмпирическое исследование проводилось при помощи следующих диагностических методик, на-

правленных на изучение эмоционального благополучия детей.

1. "*Рисунок семьи*" (А.И. Захаров) – эта методика предназначена для работы с детьми старше 6 лет. Тест используется для исследования межличностных отношений ребенка с родителями, а также степени выраженности тревожности и агрессии, что отражает, в первую очередь, переживания и восприятие ребенком своего места в семье, отношение ребенка к семье в целом и отдельным ее членам...

2. "*Несуществующее животное*" (М.З. Дукаревич) – методика используется при обследовании детей и взрослых в качестве ориентировочной методики, данные которой помогают выдвинуть гипотезу об особенностях личности. Все признаки интерпретируются символично.

3. "*Кактус*" (М.А. Панфилова) – методика направлена на выявление состояния эмоциональной сферы ребенка, выявление наличия агрессии, ее направленности и интенсивности.

4. «*Нелепицы*» (Р.С. Немов) – стимульный материал методики предназначен для работы с детьми старше 5 лет. Тест используется для исследования эмоционального отклика на «нелепость» рисунка и умение объяснять смысловые ошибки изображения.

На первом этапе исследования было установлено, что из 60 испытуемых, принимавших участие в обследовании, с высоким уровнем эмоционального фона и эмоционального благополучия оказалось 30 детей или 50% от всего объема выборки; 14 (23%) детей оказались на среднем уровне эмоционального благополучия; низкие результаты по всем методикам показали 16 (26%) респондентов, у которых был выявлен нестабильный эмоциональный фон, высокая агрессивность и тревожность, а также несформированность адекватных эмоциональных реакций. Эти дошкольники с низким уровнем эмоционального благополучия составили экспериментальную группу.

В соответствии с поставленными задачами для повышения уровня эмоционального благополучия детей нами была составлена программа коррекционно-развивающих занятий, тематический план которых представлен в таблице 1.

При составлении программы коррекционно-развивающей работы мы опирались на результаты проведенного и описанного выше диагностического обследования дошкольников, а также использовали разработки и программы Н.Ю. Рекуновой «Страна Шутляндия», С.И. Семеняки «Уроки добра: коррекционно-развивающая программа для детей 5–7 лет», Н.С. Холодовой «Развитие и коррекция эмоционально- волевой сферы детей» и др.

После проведения коррекционно-развивающих занятий с использованием методов арт-терапии, игровых упражнений, сказкотерапии и т.д. в группе детей с низким уровнем эмоционального благополучия мы провели повторную диагностику эмоциональной сферы дошкольников.

Результаты повторного обследования дошкольников представлены в таблицах 2–5.

Статистическая обработка результатов повторной диагностики по U-критерию Манна – Уитни показала, что значимые изменения произошли по всем параметрам эмоционального благополучия, кроме показателей межличностных отношений в семье. Дети стали менее агрессивны и тревожны, более общительны, терпимы друг к другу, у них улучшилось понимание (осмысление) эмоций и повысился эмоциональный фон в целом.

На основании проделанной работы можно сделать следующие выводы: эмоциональное развитие дошкольника является одним из существенных условий, обеспечивающих эффективность процес-

Таблица 1.

Структура коррекционно-развивающей программы

Название раздела (блока):	Цель	Методы
1. Эмоционально-регулятивный блок («Эмоции и чувства»)	Научить детей распознавать и сознательно управлять своими чувствами и эмоциональными состояниями.	Игротерапия, изотерапия, музыкотерапия, психогимнастические этюды (тренинг эмоций).
2. Личностный блок («Общение, дружба и взаимодействие»).	Научить детей конструктивным способам общения и межличностного взаимодействия, а также разрешению конфликтных социальных ситуаций.	Нравственные беседы, ролевые игры, сказкотерапия, театрализованные игры, изотерапия.
3. Социально-адаптивный блок («Решение конфликтов. Стратегии совладания с проблемами»).	Развить у детей поисковую активность и психологическую готовность к решению трудных жизненных ситуаций, научить детей ориентироваться в разнообразных социальных ситуациях, думать и находить самостоятельное решение проблемы.	Изотерапия, сказкотерапия, игровой тренинг (ролевые игры).

са обучения и воспитания, его различных сторон. Те высокие нравственные, эстетические и интеллектуальные чувства, которые характеризуют развитого взрослого человека и которые способны

Таблица 2.

Показатели эмоционального фона по методике «Несуществующее животное» в экспериментальной группе

№ п/п	Критерии	Первичная диагностика		Повторная диагностика	
		Количество детей	%	Количество детей	%
1.	Защитная агрессия	7	44	5	31
2.	Вербальная агрессия	7	44	5	31
3.	Агрессия	11	67	9	56

Таблица 3.

Сравнительные данные по методике «Кактус» в экспериментальной группе

№ п/п	Показатели	Результаты первичного исследования		Результаты повторного исследования	
		Количество детей	%	Количество детей	%
1.	Агрессивность	10	62	8	50
2.	Импульсивность	4	25	3	19
3.	Эгоцентричность	3	19	3	19
4.	Демостративность и открытость	4	25	3	19
5.	Оптимистичность	5	31	5	31
6.	Скрытость и осторожность	1	6	1	6
7.	Тревожность	6	37	4	25
8.	Женственность	4	25	4	25
9.	Стремление к домашней защите и чувства семейной общности	0	0	2	12
10.	Отсутствие стремления к семейной защите и чувство одиночества	6	37	4	25
11.	Неуверенность в себе	3	19	2	12
12.	Экстравертированность	12	75	12	75
13.	Интровертированность	4	25	4	25

Таблица 4

Сравнительные данные по методике «Рисунок семьи» в экспериментальной группе

№ п/п	Показатели	Результаты первичного исследования		Результаты повторного исследования	
		Количество детей	%	Количество детей	%
1.	Большое расстояние между изображенными фигурами членов семьи, наличие барьеров, ограничений, рамок в рисунке, преобладание людей, предметов, наличие животных – это указывает на конфликтные отношения, недостаток эмоционального контакта, неудовлетворенность	9	56	6	37
2.	Наличие агрессивных поз (руки в стороны, пальцы растопырены) – указывает на враждебность	10	62	4	25
3.	Особенности изображения глаз (преувеличенные, чрезмерно прорисованные, очень маленькие, зачерченные) – это указывает на тревожность, нежелание видеть что-либо	7	43	11	69
4.	Размер изображений фигур (очень маленькие, очень большие) – это указывает на тревожность, неуверенность, низкую самооценку	8	50	6	37

Окончание табл. 4

5.	Реальное количество членов семьи не совпадает с нарисованным, наличие изолированных членов семьи – это указывает на нарушения межличностных отношений	6	37	3	19
6.	Особенности изображения ног (отсутствие ног или ступней, примитивное их изображение) – низкая бытовая ориентация, уход от реальности	8	50	4	25
7.	Особенности изображения ушей (отсутствие, очень маленькие)	14	87	9	56

Таблица 5.

Сравнительные данные по методике «Нелепицы» в экспериментальной группе

Баллы	Интерпретация	Результаты первичного исследования		Результаты повторного исследования	
		Количество детей	%	Количество детей	%
2	За отведенное время (3 мин.) нашли на картинке 7 нелепостей и объяснили, как должно быть на самом деле	3	19	7	43
1	За отведенное время (3 мин.) нашли на картинке 4–5 нелепостей и объяснили, как должно быть на самом деле, а остальные при помощи педагога по наводящим вопросам	8	50	5	31
0	За отведенное время (3 мин.) нашли на картинке 1–3 нелепостей и при помощи педагога объяснили, как должно быть на самом деле	5	31	4	25

вдохновить его на большие дела и на благородные поступки, не даны ребенку в готовом виде от рождения. Они возникают и развиваются на протяжении детства под влиянием социальных условий жизни и воспитания.

Необходимо использовать специально организуемые разные виды детской деятельности. Создание в этой деятельности условий для взаимоотношений с окружающими (взрослыми, сверстником, персонажем), а также включение ребенка в разнообразные жизненные ситуации, значимые и неподдельные для него, в которых выявился бы уже приобретенный и формировался новый эмоциональный опыт ребенка, – все это может обеспечить существенный воспитательный эффект, развить нравственные побуждения ребенка. Важнейшим результатом такой целенаправленной, определенным образом организованной деятельности является улучшение эмоционального климата в отношениях детей с взрослыми, со сверстниками, а также обогащение, расширение и коррекция (в случае необходимости) эмоционального опыта дошкольника.

Список литературы

1. *Кошелева А.Д.* Эмоциональное развитие дошкольника / под ред. А.Д. Кошелевой. – М.: Просвещение, 1985. – 176 с.
2. *Миланич Ю.М.* Психологическая коррекция эмоциональных умений у детей дошкольного возраста: дис… канд. психол. наук. – СПб., 1998. – 161 с.
3. *Прусакова О.А., Сергиенко Е.А.* Понимание эмоций детьми дошкольного возраста // Вопросы психологии. – 2006. – № 4.
4. *Фрайфель И.В.* Эмоциональное благополучие как условие развития физических качеств детей 4–5 лет в процессе двигательной деятельности: дис.... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 2013.

Reference list

1. *Kosheleva A.* Emotional development of preschooler / Under the editorship of A. Kosheleva. M.: Prosveshchenie, 1985. 176 p.
2. *Milanich Yu.* Psychological correction of the emotional skills at preschool age children: Thesis of PhD in Psychology. SBR., 1998. 161 p.
3. *Prusakova O., Sergienko E.* Understanding emotions by the children of preschool age // Issues of Psychology. 2006. № 4.
4. *Frayfel' I.* Emotional well-being as a condition of development of physical qualities of 4–5 years children in the motor activity: Thesis of PhD in Pedagogy . Ekaterinburg, 2013.

УДК 378

Баширова М.А.,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики, теории и методики начального образования, заведующая кафедрой педагогики, теории и методики начального образования филиала Дагестанского педагогического университета в г. Дербенте

Сеидова Р.С.,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, теории и методики начального образования филиала Дагестанского педагогического университета в г. Дербенте

Гасанова Н.А.,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка филиала Дагестанского государственного педагогического университета в г. Дербенте

КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ

В статье дается характеристика образовательной компетентности обучающихся, раскрывается противоречие между требованиями вуза и готовностью студентов к выбору и реализации собственной образовательной траектории, демонстрируется необходимость и возможность целенаправленного развития образовательной компетентности студентов в вузе. Авторы делают вывод о том, что реализация компетентностно-ориентированного подхода в образовательном процессе позволит качественно изменить подготовку специалиста и даст возможность заявить о социально-личностно-поведенческом результате образования. Инновационное развитие – долгосрочный приоритет российской экономической стратегии. А чтобы воплощать инновации в жизнь, необходим качественно новый образовательный уровень человеческого капитала. Тем самым возрастают требования к качеству профессиональной подготовки будущих специалистов.
Ключевые слова: высшее образование, образовательная компетентность, абитуриенты, личностное развитие студентов

Bashirova M.,
Doctor of Philology, Professor, Professor of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology, Head of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

Seidova R.,
PhD in Philology, Senior Lecturer of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

Gasanova N.,
PhD in Philology, Senior Lecturer of Chair of Teaching Methodology of the Russian Language of the Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

COMPETENCE-ORIENTED APPROACH IN HIGHER EDUCATION AS A QUALITY FACTOR OF TRAINING

The article fully describes the educational competence of trainees, it addresses the contradiction between requirements of a higher education institution and readiness of students to select and implement their own educational path; the article demonstrates the need and the possibility of purposeful development of the educational competence of students in a higher education institution. The article authors therefore conclude that the implementation of competence-oriented approach in educational process will allow improving the quality of specialist's training and it will provide the possibility to express about social-personal-behavioral result of education. Innovation development is a long-term priority of the Russian economical strategy. But to put innovations to life, a qualitatively new educational background of human capital is needed. Thereby, quality requirements for professional training of intended specialists are increased.
Keywords: higher education, educational competence, high school graduates, personal development of students

Компетентностный подход в образовании – это попытка привести образование в соответствие с потребностями рынка. В определении «компетентностного» подхода многие авторы исходят из того, что это практико-ориентированный подход, который предполагает достигнутый результат, приобретение опыта, по которому можно судить о степени компетентности [1].

Уровень и качество образования оказывают непосредственное воздействие на экономическое развитие общества. Высшее образование является частью социально-экономической системы и активно влияет на политический, научный, социальный, экономический, культурный облик российского общества. Поэтому качество образования есть социальная категория, определяющая состояние профессиональных компетентностей личности.

Проблема управления качеством отечественного образования в России остается одной из ведущих для теоретиков и практиков системы образования различных уровней. В настоящее время как высшее, так и среднее образование переходят к целеполаганию, задающемуся на языке компетентностей и компетенций. Развитие компетентности студента становится одной из основных задач любого вуза. Особый интерес представляет исследование ключевых компетенций как результативно-целевой основы компетентностного подхода. При этом проблема оценки уровня компетентности студентов не стандартизована, что важно при количественном определении уровня обладания студентом требуемыми компетенциями.

В последнее десятилетие теоретики и практики инновационного образования говорят о необходимости формирования у специалиста не только определенных знаний и умений, но и особых «компетенций», сфокусированных на способности применения их на практике, в реальном деле, при создании новой конкурентоспособной продукции, в разнообразных жизненных ситуациях. В результате возникает необходимость нового качества образования, обеспечивающего комплекс компетенций, включающий фундаментальные и технические знания, умение анализировать и решать проблемы с использованием междисциплинарного подхода, владение методами проектного менеджмента, готовность к коммуникациям и командной работе и т.д. Основные направления качественного обновления образования определены в ряде федеральных документов, в частности в «Национальной доктрине образования» (утверждена Правительством РФ 05.10.2000) и «Основных направлениях социально-экономической политики Правительства Российской Федерации», раздел «Модернизация образования» (Постановление Правительства РФ от 30.06.2000).

В качестве факторов, влияющих на качество образования, необходимо рассматривать не только кадровое, учебно-методическое, материально-техническое и другое обеспечение процесса обучения, но и характеристики «исходного материала», т.е. образовательную компетентность абитуриентов. Посмотрим на высшее образование с этих позиций, представив в роли центральной фигуры самого обучающегося. Функционально образовательную компетентность обучающегося можно рассматривать как достаточно сформированную совокупность его качеств, позволяющую самостоятельно, осознанно и эффективно выбирать и реализовывать собственную образовательную траекторию и осваивать выбранную образовательную программу.

Следует отметить, что, как и любые другие виды компетентности, образовательная компетентность имеет личностную основу и формируется в русле жизненных ценностей человека, в тесной взаимосвязи с его способностями ставить перспективные цели, проявлять инициативу, брать на себя ответственность, управлять своей деятельностью [3]. Она предполагает ценностное отношение к образованию, способность и готовность ставить и реализовывать цели собственной образовательной деятельности, решать проблемы и противоречия, возникающие в ней. Эти качества формируются и развиваются в течение всей жизни человека под влиянием стихийно сложившихся условий и в целенаправленно организованных процессах, переходя от своих предпосылок и первичных форм к наивысшему уровню – самообразовательной компетентности.

Каким образом оцениваются качества знаний учащихся на этапе перехода из школы в вуз? Высокие результаты единого государственного экзамена (ЕГЭ), позволяющие абитуриенту автоматически переходить в ранг студента, преимущественно диагностируют достигнутый уровень в освоении содержания образования, т.е. знаниево-технологическую готовность абитуриента к обучению в вузе, в которой косвенно отражена и когнитивная составляющая – уровень развития интеллектуальных способностей. Также в результатах ЕГЭ могут проявляться мотивационная и личностная составляющие образовательной компетентности. Хотелось бы полагать, что высокие результаты достигаются школьниками на основе внутренней мотивации, увлеченности учением, целеустремленности и ответственности, на основе понимания значимости приобретаемого опыта и собственного развития. Однако практика показывает, что продемонстрированный на ЕГЭ уровень достижений может быть результатом не только познавательной и личностной активности школьника, но и активности родителей и репетиторов, зачастую организующих и всецело контролирующих деятельность учащегося.

Что же касается важнейшей мировоззренческой составляющей, определяющей осмысленность выбора образовательной траектории и жизненного пути в целом, то на уровне теоретических представлений описать ее взаимосвязь с результатами ЕГЭ не представляется возможным. Контрольно-измерительные материалы, использующиеся в настоящее время в ЕГЭ, более ориентированы на предметные знания и умения. Предлагаемые на экзаменах по гуманитарным предметам эссе, требующие проявления своей позиции или личной интерпретации, оцениваются с точки зрения грамотности, наличия знаний, аргументации.

Таким образом, поскольку существующий инструмент, обеспечивающий отбор абитуриентов в вузы, не позволяет напрямую диагностировать образовательную компетентность (кроме ее знаниево-технологической и когнитивной составляющих, которые по этой причине исключены из дальнейшего анализа), предпримем попытку косвенно оценить качества современных выпускников школ с позиции представленного образа.

Вначале обратимся к некоторым фактам социальной реальности, которые позволяют судить о степени сформированности мировоззренческой, мотивационной и личностной составляющих образовательной компетентности у выпускников школ.

Известно, что в России одна из самых высоких в мире доля людей, получающих второе и даже третье высшее образование. Это кажется позитивным фактом, демонстрирующим ценность образования для россиян, а также потребности рынка труда в многопрофильных специалистах. Но если учесть, что по уровню участия населения в непрерывном образовании Россия находится далеко позади большинства европейских стран (на 25-м месте из 30-ти) и доля работающих не по специальности, полученной в учебном заведении, составляет 43% [1], то, вероятно, нужно искать и другое объяснение. На наш взгляд, необходимость второго высшего образования может быть также обусловлена тем, что первое профессиональное образование человек получает, недостаточно самоопределившись. Здесь нельзя не указать на то, что в России, по сравнению с другими развитыми странами, самая короткая продолжительность общего образования, и в 15–17 лет школьник уже должен определиться со своими профессиональными склонностями и интересами. Кроме того, абитуриент уже на этапе поступления выбирает будущую профессиональную деятельность и даже конкретную специальность, тогда как в вузах других стран есть возможность делать этот выбор позже без каких-либо временных или финансовых издержек.

Вышесказанное позволяет выдвинуть предположение о том, что многие выпускники школы подходят к выбору дальнейшей образовательной траектории без осмысления того, что «хочу», «могу» и «требуется», т.е. без самоопределения в отношении своего профессионального образования, с недостаточно сформированной способностью управлять своей жизнью. Опираясь на психологические исследования особенностей юношеского возраста, готовности к обучению в вузе и качеств субъекта образования, дадим обобщенную характеристику образовательной компетентности студентов в части трех важнейших характеристик: ценностного отношения к образованию, мотивации образовательной деятельности и личностных возможностей для самоуправления ею.

Более глубокий психологический анализ показывает, что в сознании юношей и девушек образование не имеет такой самоценности, как, например, профессиональная карьера или материальное благополучие. Оно воспринимается как средство, инструментальная ценность, обслуживающая реализацию ценностей – целей будущего. Таким образом, устойчивое ценностное отношение к образованию формируется только в контексте жизненных целей, на основе продуманности дальнейшего жизненного пути, выстроенной в сознании перспективы будущего. Однако сформированные у большинства старшеклассников на данном этапе возрастного развития представления о будущем еще в большой мере идеальны, не проверены практикой их воплощения в жизнь, не имеют достаточно прочных связей с реальностью, а потому не позволяют активно утверждать их в процессе выбора будущей профессии, вуза, образовательной траектории.

Это положение подтверждают результаты наших исследований, в течение последних лет демонстрирующие все большее количество абитуриентов, не проявляющих позицию ответственного субъекта выбора профессии. До четверти поступивших в вузы оценивают свой выбор как плохо обдуманный, ошибочный, случайный, сделанный под давлением родителей или сложившихся обстоятельств.

Недостаток таких качеств проявляется и в самоуправлении учебной деятельностью. Как показывают результаты наших исследований, всего пятая часть студентов первого курса и треть студентов второго курса не испытывают особых трудностей, оптимально используя свои ресурсы и добиваясь учебной эффективности без существенных перегрузок. Наиболее характерными для студентов являются регулятивные трудности, их испытывают до 70% студентов первого и второго курсов. Такие трудности субъективно проявляются в нехватке времени на подготовку к занятиям, неоптимальности режима дня (студенты указывают, что им приходится заниматься в ночное время), перегрузке во время сессии и т.п. Наличие регулятивных трудностей чаще всего говорит о неразвитости волевых процессов, системы самоконтроля и саморегуляции у данных студентов.

Однако неэффективная саморегуляция учебной деятельности студентов может быть обусловлена не только недостатком соответствующих умений, но и внешней мотивацией, отчужденностью от выполняемой деятельности. Недостаточный уровень развития мировоззренческой, мотивационной и личностной составляющих образовательной компетентности не позволяет надеяться на эффективность учебной деятельности таких студентов и соответственно обеспечивать высокое качество профессионального образования. В крайних вариантах свобода, предоставляемая вузом, превращается не в «свободу для», а в «свободу от», выбор становится случайным или ситуативным, учебная деятельность – неритмичной и неэффективной, соответственно, качество образования – недопустимо низким.

Опираясь на данные современных исследований, к группе с достаточно высоким уровнем образовательной компетентности можно отнести всего четвертую часть студентов-первокурсников (по разным данным, от 10 до 30%, лишь в нескольких, наиболее известных вузах эта цифра доходит до 70%). Проанализируем причины такого положения дел и на основе этого наметим пути решения поставленной проблемы.

Где и как формируется образовательная компетентность? Кажется, что ответ на этот вопрос очевиден – конечно, в школе. Именно в школе закладываются основы представлений о мире, развиваются учебные умения и навыки, происходит становление многих личностных качеств, и, самое главное, формируется отношение к образованию и понимание своей роли в нем. Ставятся ли в общем образовании цели, ориентированные на формирование образовательной компетентности обучающихся? Безусловно, тем более что этого требует и Государственный образовательный стандарт. Однако немаловажными являются вопросы о том, каким образом обеспечивается и как контролируется достижение этих целей.

Неоднократно отмечаемой особенностью массовой школы является то, что активность, самостоятельность, творчество школьников в обучении поддерживается крайне слабо, недостаточен учет субъективного опыта ребенка, его потребностей и интересов. Подменяя естественную активную и творческую деятельность человека пассивным восприятием и репродуктивным воспроизведением, стремление к автономности и осмысленности исполнительностью и дисциплиной, ценность приобретаемого опыта ценностью внешнего атрибута (отметки), а личностное самоутверждение подчиненностью и конформизмом, высока вероятность на выходе получить инфантилизм, иждивенческие настроения и даже выученную беспомощность. Поэтому неудивительно, что у многих школьников формируется пассивная позиция «пусть меня научат» и отношение к образованию как к чему-то внешне управляемому, где за ученика все решают другие.

Отдельный вопрос – содержание общего образования. Как показывают сравнительные исследования, в российской школе ученики изучают значительно меньше гуманитарных и социальных дисциплин, искусства, технологий. В школе ребенок получает множество знаний об объектах и явлениях окружающего мира, но крайне мало о себе самом, слабо стимулируется рефлексия учащимися процесса познания, имеющихся знаний и умений, собственного развития и особенностей, что сказывается как на формировании самосознания и мировоззрения, так и на личностном развитии.

Не случайно выпускники школы, попадая в ситуации выбора, зачастую ощущают нехватку таких оснований для принятия жизненных решений, как адекватные знания о своих возможностях, способностях, потребностях.

Конечно, указанные недостатки характерны не для всех школ, в образовательном пространстве страны намечаются тенденции к их преодолению. Однако учитывая, что главным фактором позитивных изменений в общем образовании является учитель, его мировоззрение, отношение к ребенку, творческий и личностный потенциал, можно предположить, что еще много усилий и времени потребуется для того, чтобы качественно изменить сначала отбор и подготовку учителей, а затем и массовую школу.

Но даже обновленная школа не даст гарантированно высокого результата образовательной компетентности выпускников. Дело в том, что развитие требуемых психологических новообразований не заканчивается к 18 годам. Взгляд на настоящее с позиции будущего, являющийся необходимым условием осознанного и ответственного жизненного выбора, а также ценностного отношения к образованию, у многих старшеклассников не сформирован потому, что в юношеском возрасте (17–23 года) еще продолжается активный поиск себя, построение в сознании перспективы будущего, определение ценностно-целевых ориентиров дальнейшей жизни, профессиональное самоопределение.

Следует также отметить, что возможности школы не безграничны. Значительную роль в личностном развитии играет семья и общество в целом. Например, важнейшим фактором формирования автономности ребенка признается характер детско-родительских отношений, повлиять на который школе практически невозможно. Также известно, что развитие любого психического образования и личности познающего субъекта в целом обусловлено не только тем, чему и как учили ребенка специально, но и тем, чему и как он научился в своей жизненной практике [4].

В этой связи настораживают тенденции расширения легкого мира развлечений и виртуальной реальности, «затягивающей» ребенка и затрудняющей формирование жизненных целей, становление профессиональных интересов. А когда ценности саморазвития и самореализации уступают в конкуренции гедонистическим и материальным, школе очень нелегко выполнять воспитательные функции.

В сложившихся условиях вузам необходимо искать пути преодоления противоречия между новыми требованиями к качеству образования, инновационными подходами к подготовке компетентного специалиста, с одной стороны, и неготовностью большинства студентов к такому обучению – с другой.

Применим системный подход для нахождения путей решения проблемы. В случае несоответствия какого-либо элемента функциональным требованиям системы, как правило, элемент заменяют, выбирая необходимый. В данном случае нельзя забывать, что наш «элемент» (студент) – центральный, ради которого и существует вся система. Поэтому возможен вариант подстройки системы под его характеристики. И, наконец, учитывая, что и система, и ее элемент находятся в постоянном развитии, можно активизировать их взаимное встречное движение. Таким образом, получаем три возможных пути решения проблемы.

Первый путь предполагает жесткий отбор абитуриентов, обладающих необходимым уровнем образовательной компетентности для осознанного и ответственного самоуправления профессиональным развитием.

Второй путь предполагает адаптацию образовательного процесса в высшей школе к возможностям обучающихся.

Наиболее оптимальный путь основан на положении о том, что и вуз, и студент – развивающиеся системы, а значит, способны не только выполнять свои функции или реализовывать потребности и имеющиеся качества, но и активно их совершенствовать.

Немаловажным фактором развития мировоззренческой и мотивационной составляющих образовательной компетентности является содержание образования, в первую очередь учебных дисциплин социальной и гуманитарной направленности, расширяющих представления студентов о проблемах и тенденциях развития общества, о человеке, его личностном и профессиональном развитии, об образовании и его функциях в современном мире.

Для продуктивного развития личностных основ компетентности (как образовательной, так и профессиональной) также необходимо нахождение оптимальной меры между самоорганизацией и внешним управлением. В том случае, когда человек не способен делать осознанный выбор, предвидя его последствия, ставить цели и направлять себя на их достижение, кто-то извне должен взять на себя функцию управления его деятельностью [2].

Итак, в условиях демократизации, вариативности, инновационности высшей школы образовательная компетентность студентов становится одним из важнейших факторов качества образования. Такая постановка проблемы требует пристального внимания не только к знаниям и интеллектуальным умениям абитуриента, но и к его мировоззренческим, мотивационным, личностным характеристикам.

Безусловно, идеи личностно-развивающего высшего образования и формирования образовательной компетентности не новы, но в свете современных тенденций развития общества и образования эти проблемы приобретают особую актуальность, которая будет стимулировать дальнейший научный поиск в данном направлении.

Таким образом, реализация компетентностно-ориентированного подхода в образовательном процессе позволит качественно изменить подготовку специалиста и даст возможность заявить о социально-личностно-поведенческом результате образования. Инновационное развитие – долгосрочный приоритет российской экономической стратегии. А чтобы воплощать инновации в жизнь, необходим качественно новый образовательный уровень человеческого капитала.

Список литературы

1. *Железов Б.В., Кудюкин П.М., Шувалова О.Р.* Эффективность системы образования: взгляд потребителя образовательных услуг // Вопросы образования. – 2009. – № 2.
2. *Коллегов А.К.* Диверсификация как основная тенденция развития высшего педагогического образования в России // Вестник ТГПУ. – 2010. – Выпуск 4 (94).
3. *Лызь Н.А., Лызь А.Е.* Компетентностно-ориентированное обучение: опыт внедрения инноваций // Высшее образование в России. – 2009. – № 6.
4. Развитие субъекта образования: проблемы подходы, методы исследования. – М., 2005.
5. *Сорокопуд Ю.В., Шкурко Н.М.* Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие для слушателей магистратуры, аспирантуры, курсов повышения квалификации. – М., 2015.

Reference list

1. *Zhelezov B., Kudyukin P., Shuvalova* O. Efficiency of the education system: The view of a consumer of educational services // Issues of education. 2009. № 2.
2. *Kollegov A.* Diversification as the major trend of development of higher pedagogical education in Russia // Bulletin of TSPU. 2010. Number 4 (94).
3. *Lyz' N., Lyz' A.* Competence-oriented training: The experience of implementation of innovations // Higher education in Russia. 2009. № 6.
4. The development of education subject: Issues, approaches and research techniques. M., 2005.
5. *Sorokopud Yu., Shkurko N.* Pedagogy and Psychology of higher school: Textbook for auditors of Master's program, postgraduate training program, courses of continuing education. M., 2015.

УДК 37.013

Бобрышов С.В.,
доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой воспитания, социализации и развития личности Ставропольского государственного педагогического института

Саенко Л.А.,
доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Северо-Кавказского федерального университета

Суменко Л.В.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры воспитания, социализации и развития личности Ставропольского государственного педагогического института

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ СВОБОДЫ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

В статье рассматриваются ценностные основы свободы и достоинства как социальных и педагогических феноменов. Показано их детерминационное влияние на организацию процессов воспитания и социализации личности. Определен комплекс педагогических характеристик феномена свободы в его проявлении на личностном уровне. Обоснованы идеи-принципы воспитания и социализации, предусматривающие реализацию феномена достоинства. Авторы делаю вывод о том, что овладение свободами через формирование отношения к свободе, стремление к проявлению свободы, отстаивание свободы и в аспекте личностных, и в плане социальных характеристик является одним из значимых оснований аксиологического подхода современной педагогики. При этом достоинство выражает совокупность присущих человеку качеств, благодаря которым он может быть способным к свободному и творческому созиданию.
Ключевые слова: воспитание, социализация, личность, аксиология, ценности, свобода, достоинство, культура

Bobryshov S.,
Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Chair of Training, Socialization and Personality Development of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Saenko L.,
Doctor of Sociology, Professor of Chair of Social Techniques of the North-Caucasus Federal University

Sumenko L.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Training, Socialization and Personality Development of the Stavropol' State Pedagogical Institute

THE PERSONIFICATION OF THE VALUES OF FREEDOM AND PERSONAL DIGNITY IN THE CONTEMPORARY SOCIAL-PEDAGOGICAL PROCESSES

The article deals the axiological fundamentals of freedom and dignity as social and pedagogical phenomena. There are shown their determination impact on the organization of training processes and personality socialization. A set of pedagogical characteristics of the phenomenon freedom in its manifestation on a personal level is determined. There are grounded ideas-principles of training and socialization, which are providing realization of the phenomenon dignity. The article authors concludes that the acquisition of freedoms through shaping an attitude to freedom, the conation to freedom manifestation, the defending freedom and in the aspect of personal, and by the way of social characteristics is one of key basis of the axiological approach of contemporary pedagogy. Herewith, the dignity is expressed the totally of inherent human qualities, by which it may be a capable of free and fruitful creativity.
Keywords: training, socialization, personality, axiology, values, freedom, dignity, culture

Смена идеологии привела к запуску макросоциальных процессов в российском обществе, повлекших за собой прогрессивные изменения, связанные в том числе с появлением в отечественной психологии и педагогике новых ценностных парадигм. Они обусловлены актуальными потребностями общества в новом типе личности, способной строить отношения с собой, с социумом на принципах гуманизма, добра, справедливости, свободы, профессионализма.

В этих условиях процессы развития, социализации и воспитания личности должны опираться на ряд фундаментальных ценностей, которые сами по себе, по крайней мере основные из них, остаются постоянными на различных этапах развития человеческого общества. Рассматриваемые в настоящей статье ценности – свобода и достоинство – как раз и образуют вечную сердцевину гуманистической ценностной ориентации как базового критерия качественной характеристики всей совокупности социальных и педагогических идей, концепций и практики, ориентированных на личность. Учитывая, что гуманистические ценности (ценность человека независимо от возраста и в целом человеческой жизни; значимость субъектности, т.е. личностного начала в человеке, и образования как одного из средств его развития; значимость свободы как высшей формы бытия человека и т.д.) онтологически взаимосвязаны с общечеловеческими ценностями, они позволяют «проявлять» подлинную человекоориентированную направленность социальных и педагогических движений [1, с. 202–209; 2, с. 45–58; 3].

Аксиология отмечает, что категория ценности применима, в первую очередь, к миру человека. Без человека и вне человека ценность существовать не может, так как представляет собой особый человеческий тип значимости предметов и явлений. В центре аксиологического мышления находится концепция взаимозависимости, взаимодействия двух миров – мира общества и мира человека (человеческого бытия). Соответственно и представления о базовых ценностях, целях, содержании, формах, методах и других компонентах воспитания и социализации должны непосредственно вытекать из анализа структуры, во-первых, бытия ребенка в мире, опираясь на такие его модусы, как любовь, вера, встреча, надежда, кризис, благодарность, терпимость, сопереживание и т.п., особенно так называемые «неустойчивые формы бытия», когда ребенок решает экзистенциональные проблемы овладения своим бытием [4, с. 98], а во-вторых, «вписанности» бытия ребенка в мир общества.

В мире взаимоотношений людей друг с другом, человека и общества важнейшими ценностными параметрами выступают *свобода* и *достоинство*. Именно эти феномены являются охранным ключом процесса развития человеческого общества.

Амплитуда проявления свобод в обществе между полюсами «много» и «мало» неоднородна. Она определяется как исторически, так и в аспекте различных культур. Однако между «много» и «мало» существует, очевидно, какой-то минимальный перечень свобод, независимо от того, в какие времена эти свободы реализуются. Каковы же эти свободы? Прежде всего следует уйти от ряда утилитарно-бытовых пониманий свободы. Это понимание свободы:

а) как нечто, что нам просто кто-то дозволяет, разрешает что-то делать. Когда на вопрос «Как нам это лучше сделать и когда?» получаем ответ «Делай что хочешь, как знаешь и когда хочешь», т.е. с подтекстом «ради бога, только отстань» (в данном случае свобода выступает как синоним «*нам разрешили*»);

б) как понимание того, что ты в своей деятельности неподконтролен кому-то конкретно или вообще никому. Например, ты свободен (!) тогда, когда можешь заниматься тем или иным бизнесом, и различные структуры государства не вмешиваются в твою деятельность (свобода здесь как синоним *неподконтрольности*);

в) как понимание того, что нам ничего не надо делать, никуда не надо идти, ни за что не надо отвечать. Для примера вспомним восклицание Пятачка в ответ на вопрос Винни-Пуха, не торопится ли тот куда-нибудь: «До пятницы я абсолютно свободен» (свобода как синоним *вакуума в делах и во времени*, который можно заполнить чем угодно);

г) как намерение поступать по-своему, независимо от кого бы то ни было или чего бы то ни было, потому что «мне так хочется, и пусть кто-нибудь попробует мне это запретить или спросить с меня». Вспомним здесь хотя бы езду полисменов и чиновников через две сплошные и по встречной полосе (такая свобода – это *проявление хамской силы*, синоним *вседозволенности*);

д) как характеристика того, что что-то не занято и может быть предметом освоения, обладания, присвоения в силу того, что на это что-то пока еще никто не покусился, или же это никому не надо. Это еще и случай, когда на право обладания этим чем-то объявлен конкурс. Например, свободная должность и т.д. (свобода как синоним *вакантности*);

е) как характеристика особенностей поведения, творчества, указывающая на приверженность к деятельности вне каких-то жестких рамок устоявшихся канонов и регламентов: свободный стиль, свободный художник и т.д. (свобода как *антоним стереотипности*).

Подобные представления о свободе, понимание разницы между свободой и несвободой определяются элементарным желанием человека иметь некую *возможность* или *право*, зачастую заранее ему хорошо известное и, предположительно, вожделен-

ное. Обретя эту возможность, человек и становится *в своих ощущениях* полностью свободен.

В современной цивилизации нет представления о свободе как об универсальном понятии, т.е. как *о понятии, смысл которого определяется внутренней сущностью человека, а состояние свободы фиксируется не критериями внешнего бытия, а собственно личностью*.

Это дает нам возможность вести речь о свободе как о некоей *духовной ценности*, которая существует в человеческом сообществе в принципе, не выдумана, не является подарком, а *выступает всеобщим универсальным регулятором человеческих отношений и взаимодействий*. Является таковой в силу того, что восходит к краеугольным основаниям выстраивания отношений, объективно обремененных *мультикультурностью народов*, соответственно, *насыщенных противоречиями*, препятствующими конструктивному взаимодействию, осложняющими диалог или вовсе препятствующими его установлению. *Свобода здесь – это, во-первых, сама возможность сделать выбор, а во-вторых, потребность и способность человека сделать для себя выбор*.

В основе понимания свободы и исходящих из нее *преимуществ, обязанностей, а иногда и «неудобств»*, сопровождающих жизнь *свободного человека*, лежит, с одной стороны, понимание многомерности феномена «свобода», а с другой – совокупность личностных качеств, способностей, знаний и умений, определяющих саму возможность человека быть свободным. Свобода проявляется в жизни многоплановым феноменом, имеющим в своей интерпретации многочисленные социокультурные напластования национального, расового, религиозного, возрастного, сексуального, социально-бытового и др. характера.

Выделим некоторые типы свободы и соответствующие требования к личности, предопределяющие способность реализовать данные разновидности свободы.

1. Свободы, определяемые **поликультурностью** общества:

– *свобода овладения социально-бытовой (житейской) культурой, а также индивидуального совершенствования в ней* предполагает развитую ориентированность и потребность в овладении культурой межличностного общения, проведения досуга, индивидуального и совместного труда, бытового и профессионального сотрудничества, соперничества в различных условиях социального взаимодействия (жизнь в городе, в селе, работа, учеба, отдых, участие в различных коллективах, движениях, организациях и т.д.);

– *свобода национального самоопределения и самопроявления* требует от личности знания и уважения национального (т.е. образ жизни, традиции, обычаи, обряды, материальная культура, язык и т.д.) как основы ментальности, как основы ощущения и переживания национальной свободы каждого народа, как источника его саморазвития и эволюции;

– *свобода религиозного самоопределения* предполагает не просто свободу отправления религиозных обрядов, возможность индивидуального соблюдения религиозных норм и канонов, а знание основ религий народов, понимание роли религии в формировании ментальности народов, уважение к вероисповеданию личности как к одной из основ ее духовной силы;

– *свобода семейного самоопределения* предусматривает осознание семьи как первичного, самого мощного фактора культурного самоопределения и саморазвития личности, как основы воспроизводства общества и культуры в целом; это понимание семьи как механизма фильтрации, синтеза, развития и трансляции норм и ценностей, предлагаемых личности для освоения.

2. Свободы, определяемые **поливозрастностью** общества:

– *свобода каждого быть и восприниматься достойной личностью безотносительно своего возраста* означает способность видеть в человеке прежде всего человеческое, значимое «здесь и сейчас», соответственно, и готовность признавать самоценность любого возраста, т.е. принимать любой возраст во всей полноте его преимуществ, слабостей, сложностей и возможностей; нацеленность осуществлять в мыслях и поступках одинаковое уважение как к «младу», так и к «стару» (что предполагает отказ от популярного взгляда на детей всего лишь как на «будущих граждан страны» – вот когда вырастешь, тогда и будешь иметь свой голос и взгляды, тогда и узнаешь, все поймешь, тогда тебе будет позволено, тогда делай, что хочешь и т.д., в то же время предполагает способность младшего поколения к уважению старших и старости «не за страх, а за совесть»);

– *свобода на сомнения и ошибки* требует признания за каждым человеком его естественного права на поиск, сомнения, ошибки в процессе личностного, гражданского и профессионального становления;

– *свобода для проявления каждым всей полноты заботы о «старых и младых»* предполагает развитость потребности и умения думать и заботиться о старших (старых), особенно когда и надобности-то в них уже особой нет, когда их слово и оценка ничего не значат, когда они не в помощь, а, что называется, в обузу; требует от взрослых овладения педагогической и психологической культурой воспитания младшего поколения, оказания педагогической помощи и поддержки каждому ребенку в процессе его индивидуального развития; требует постоянного совершенствования в культуре межвозрастного общения и взаимодействия.

3. Свободы, определяемые **полипрофессиональностью** общества:

– *свобода индивидуального выбора и овладения профессией* предполагает сформированность представлений о своих возможностях, знание требований профессиональной деятельности применительно к себе, знание перипетий социально-экономической ситуации, определяющих перспективность и востребованность той или иной профессии; способность делать выбор как исходя из осознания индивидуальных предпочтений и устремлений, так и с опорой на требования общества; понимание личностной значимости совершенствования в той или иной профессиональной сфере деятельности исходя из представлений о собственном пути и траектории личностного и профессионального роста; развитую мотивацию к целеустремленной работе по самосовершенствованию в аспекте требований профессии к личности;

– *свобода смены профессии и профессиональной самореализации* как основы достойного жизненного существования и личностного развития предполагает уважение ко всем видам и родам профессий, способность и стремление не просто искать профессию как перспективный, престижный или увлекательный вид профессиональной деятельности и место работы по душе, а именно как основу личностного развития, обретения высокого социального статуса и социальной стабильности; сформированность у личности широких социальных умений, полипрофессиональной компетентности и кругозора, потребности в постоянном профессиональном росте и совершенствовании; профессиональной мобильности.

4. Свободы, определяемые **открытостью** общества:

– *свобода для понимания общества и индивидуального смыслового самоопределения себя в нем и его для себя* предполагает сформированность у личности особого интегративного типа мышления (политического, правового, нравственного и т.д.), характеризующегося аналитичностью, оптимистичностью, прогностической направленностью и т.д.;

– *свобода для освоения общества и самореализации в нем* требует от личности способности адаптироваться в обществе, самореализовываться в нем посредством создания и участия в деятельности общественных движений, организаций, групп. В качестве ключевого требования выступает способность аккумулировать социальный опыт, дифференцировать его с точки зрения социальной и личностной значимости, транслировать, интегрировать его в различные культуры настоящего и будущего;

– *свобода для критики и самокритики* предполагает способность видеть реалии и перспективы развития общества (в политическом, правовом, экономическом, духовном и т.д. аспектах), разбираться в законах и механизмах его развития; ориентироваться в факторах, определяющих успешность и поступательность социального развития; видеть объективную и субъективную основу противоречий в обществе и пути их разрешения, видеть свое место и роль в процессах эволюции общества; уметь доказывать, убеждать, разъяснять, отстаивать свою позицию;

– *свобода для преобразования общества и своей личности* требует устойчивого проявления у личности социальной активности преобразовательного плана; способности актуализировать на уровне общественной и личностной значимости социальные задачи и нестандартно, творчески их решать; способности осуществлять гражданские поступки в ситуациях личностно и социально детерминированного выбора, в основе которых должен лежать синтез осознания необходимости социальных преобразований, осознания достаточности потенциала (способностей, знаний, умений, навыков) своей личности для успешности этих преобразований, а также высокого уровня личностной ответственности за результаты и возможные последствия преобразований;

– *свобода для выхода из общества* требует социальной смелости и разумности; оптимистической устремленности в будущее с позиций задач личностного самостроительства, самосовершенствования, самореализации; способности и взвешенной решимости интегрироваться в культуру иного социума, сохраняя высокую степень личностной самоидентификации; развитости культуры жизненного самоопределения.

5. Свободы, определяемые потенциальной **диалогичностью** общества:

– *свобода на вступление в равноправный диалог в любой сфере социального взаимодействия* требует от личности и общества установки на всемерное развитие партнерства и сотрудничества как универсальной формулы диалога, способностей и умений устанавливать, поддерживать и развивать межвозрастные, межполовые, межпрофессиональные, межконфессиональные и т.д. контакты и отношения; предусматривает сформированность личностной независимости, ясности и беспристрастности в оценках, суждениях, подходах, взглядах как важнейших личностных качеств, помогающих преодолеть деструктивную конфликтность в ситуациях встречи с иными социальными нормами, ценностями, отношениями, оценками, способами освоения духовной и материальной культуры;

– *свобода видеть, говорить, понимать и быть услышанным* означает развитость коммуникативной и эмпатийной сфер личности; готовность к деятельной включенности каждого в значимые для личности и общества события; способность к конструктивному взаимодействию, готовность доверять, идти на компромисс и т.д.

Таким образом, овладение свободами через формирование отношения к свободе, стремление к проявлению свободы, отстаивание свободы и в аспекте личностных, и в плане социальных характеристик является одним из значимых оснований аксиологического подхода современной педагогики. Перефразируя изречение Сартра о том, что человек – это существо, «приговоренное к свободе», можно сказать, что ныне человечество «приговорено к диалогу свобод». Осуществление этого приговора – дело каждого из нас.

Следующая рассматриваемая нами ценность – это *достоинство*. Данная категория большинством специалистов определяется как уважение и самоуважение человеческой личности, как мнение о человеке, в котором признается ценность личности; выражается характеристика человека с точки зрения его соответствия своему предназначению. Достоинство выражает совокупность присущих человеку качеств, благодаря которым он может быть способным к свободному и творческому созиданию [5, с. 287]. Анализ работ современных ученых и педагогов (Ш.А. Амонашвили, М.Н. Берулава, Е.В. Бондаревская, О.С. Газман, Б.С. Гершунский, О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюк, Н.А. Зимняя, Е.Н. Ильин, Е.И. Казакова, А.В. Мудрик, А.В. Петровский, В.В. Сериков, В.А. Сухомлинский, А.П. Тряпицына, Е.Н. Шиянов, И.С. Якиманская и др.) позволяет сформулировать ряд ключевых идей-принципов, раскрывающих педагогическое содержание достоинства в его восприятии и реализации в процессах воспитания и социализации:

– деятельное принятие самоценности ребенка, признание его интересов в качестве приоритетных наряду с интересами государства, армии, тех или иных «важных» социальных групп;

– признание приоритетом в целеполагании процессов социализации и воспитания ориентации на *развитие* личности (по Л.С. Выготскому, на «зону ближайшего развития»), на развитие у детей и подростков «потребности быть личностью» как ведущего мотива самоопределения, потребности в разноплановой личностной самореализации;

– способность видеть, а иногда и угадывать в ребенке всю глубину и богатство его проявляемого и скрытого личностного потенциала (интеллектуального, творческого, духовного и т.д.), отказ от мысли, что в «данном конкретном ученике мне все уже давно абсолютно ясно и понятно»;

– отказ от привычки и желания делать обобщающие суждения о личности ребенка на основании его отдельных действий и поступков, тем более лишь в какой-то одной из сфер личностного проявления, например в учебе, соответственно, формировать у себя, у ребенка и у окружающих изначальную установку на отношение к нему как к уникальному явлению, требующему вдумчивой, кропотливой работы по его изучению и пониманию;

– понимание того, что личность – целостное явление, она не формируется по частям: никакая сторона, грань личности не формируется в отдельности от других, при этом «количество граней разносторонности не имеет максимума». Отсюда понимание, что любая из проектируемых и реализуемых педагогических ситуаций, направленных на формирование той или иной культуры личности (нравственной, физической, интеллектуальной, правовой и т.д.), должна носить комплексный характер, а ее результат должен фиксироваться относительно всей структуры личности;

– осознание того, что ведущим механизмом, позволяющим преобразовать совокупность внешних влияний в собственно развивающие изменения, в новообразования личности как продукты развития, является ее деятельность (самодеятельность, подкрепленная мотивацией на саморазвитие, самосовершенствование, самореализацию). Развивающие личность процессы (во всей совокупности «картины человеческой личности») активизируются любым видом деятельности, организуемым в рамках педагогического процесса; каждая деятельность развивает не только узкий круг качеств личности, на который она непосредственно направлена, но и всю структуру личности, которая участвует в деятельности;

– отказ от априори принимаемой идеи о допустимости и целесообразности насильственного (пусть даже «педагогически освященного») «переустройства», «переделывания» души и тела всякого ребенка. Идеи, исходящей из популярных у взрослых представлений о том, что «ребенку от этого будет только лучше», «это для его же блага», «сейчас он еще ничего не понимает, а потом спасибо скажет». Безусловная приоритетность взгляда на него как на самоценное, саморазвивающееся, естественное, а потому социально и биологически сложное, динамичное явление, обладающее собственной логикой развития (саморазвития), которую «нельзя игнорировать или видоизменить», а можно лишь «вписаться в нее», приняв личность ребенка таковой, какая она есть;

– потребность обеспечить возможность занятия всеми участниками воспитательного процесса субъектной позиции; стимулировать развитие способностей к саморегуляции, к самоопределению (в частности, при постановке целей, поиске средств, форм и методов организации совместной деятельности, при планировании, выработке способов кооперации для достижения общего, значимого для всех результата воспитания), к самореализации, нацеленность на обеспечение самораскрытия [6, с. 267–271; 7, с. 243–247];

– адекватное включение в воспитательный процесс, в содержание педагогического взаимодействия всей совокупности субъектного опыта (знаний,

эмоций, чувств, переживаний, умений и т.д.) всех его участников; согласование этого опыта с социокультурными образцами, подлежащими интериоризации; создание условий для активного его использования при усвоении знаний, образцов деятельности, форм и способов поведения;

– стремление к персонализации педагогического взаимодействия, предусматривающей отказ от ролевых масок и жестко детерминированных ролевых предписаний в отношениях с воспитанниками и между самими воспитанниками;

– понимание того, что оценка результирующей стороны учебной, трудовой, творческой и другой деятельности ребенка (что он сделал, сконструировал, решил и т.д.) должна обязательно сопровождаться анализом и оценкой процессуальной стороны данной деятельности (как, при помощи чего, с использованием каких приемов и способов он делал, решал и т.д.). Только в этом случае педагог получает реальный доступ к пониманию механизмов, определяющих развитие той или иной культуры личности;

– ориентация на широко понимаемое и трактуемое благо и счастье ребенка, на всемерную помощь в развитии всех его многообразных интересов, на его социально-педагогическую поддержку, на создание вокруг него развивающей социокультурной среды и гуманной эмоционально-психологической, нравственной атмосферы.

Таковы общие подходы к содержательному наполнению принципов воспитания и социализации, основанных на детерминационной феноменологии свободы и достоинства.

Список литературы

1. *Бобрышов С.В.* К вопросу о построении системы гражданского образования и воспитания // Философия образования. – 2007. – № 3.
2. *Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н.* Аксиологический и культурологический подходы к исследованию проблем педагогического образования в научной школе В.А. Сластенина // Известия Российской академии образования. – 2000. – № 3.
3. *Котова И.Б., Шиянов Е.Н.* Философско-гуманистические основания современной педагогики. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1994.
4. *Лузина Л.М.* Человек в проблемном поле воспитания // Открытое образование для открытого общества: концепция, модели, технологии: методический дайджест / под ред. Т.В. Светенко, Е.Н. Яковлевой. – Псков: Изд-во ПГПИ им. С.М. Кирова, 2005.
5. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – Т. 1.
6. *Саенко Л.А.* Социальная ответственность учащейся молодежи: результаты исследования // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. –2015. – № 1 (46).
7. *Саенко Л.А., Пирогланов Ш.Ш.* Воспитание социальной ответственности военнослужащих: постановка проблемы // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2015. – № 2 (47).

Reference list

1. *Bobryshov S.* Revisiting the system construction of civil education and the training // Educational Philosophy. 2007. № 3.
2. *Isaev I., Shiyanov E.* Axiological and culturological approaches to the study of issues of pedagogical education in the V. Slastenin's scientific school // Proceedings of the Russian Academy of Education. 2000. № 3.
3. *Kotova I., Shiyanov E.* Philosophical and humanistic underpinnings of modern pedagogy. Rostov -on-Don: Publishing office of RSPU, 1994.
4. *Luzina L.* Human being in problem field // Open education for an open society: Conception, models, techniques: Methodical digest / Under the editorship of T. Svetenko, E. Yakovleva. Pskov: Publishing office of PSPI named after S. Kirov, 2005.
5. Russian Pedagogical Encyclopedia: In 2 volumes / Chief Editor V. Davydov. M.: Great Russian Encyclopedia, 1993. Vol. 1.
6. *Saenko L.* Social responsibility of studying youth: The results of studies // Bulletin of North-Caucasus Federal University. 2015. № 1 (46).
7. *Saenko L., Piroglanov Sh.* The training of social responsibility of military servants: The problem definition // Bulletin of North-Caucasus Federal University. 2015. № 2 (47).

УДК 37

Северова Н.Ю.,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Заец Т.В.,
старший преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, соискатель кафедры немецкого языка и современных технологий обучения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МАЛЫХ ГРУППАХ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ РАБОТЕ НАД АСПЕКТОМ «ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ» НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье описаны возможности применения современных технологий обучения на занятиях по домашнему чтению в контексте ранней профессионализации. Авторы демонстрируют возможности использования обучения в малых группах сотрудничества на начальном этапе обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Приводятся конкретные примеры организации обучения данной технологии.

Ключевые слова: обучение в сотрудничестве, межпредметные связи, проблемное обучение, ранняя профессионализация, коммуникативная компетенция

Severova N.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Chair of the German Language of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Zaets T.,
Senior Lecturer of Chair of the German Language of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Degree-seeking student of Chair of the German Language and Modern Teaching Technologies of the Moscow Institute of Foreign Languages of the Moscow City Pedagogical University

ORGANIZING THE ACTIVITIES IN SMALL GROUPS OF COOPERATION WHEN WORKING ON "HOME READING" ASPECT IN A FOREIGN LANGUAGE AT NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTION (IN THE CONTEXT OF THE GERMAN LANGUAGE)

The article describes possibilities of the use of modern teaching technologies at the lessons for home reading in the context of the early professionalization. The article authors are presented the possibility of the use of teaching in small groups of cooperation at initial stage of teaching foreign languages at non-language higher education institution. Particular examples of teaching organization of this technology are introduced in the article.

Keywords: cooperative teaching, intersubject communications, problem-based teaching, early professionalization, communicative competence

Начало XXI в. характеризуется в мировой педагогике распространением новых педагогических технологий, в основе которых лежат принципы гуманистической педагогики. Поиск новых методов и форм работы ведется в преподавании всех предметов по всем областям знаний. Иностранный язык также не остается в стороне.

Обучение иностранному языку в общепедагогическом плане опирается на антропоцентрическую парадигму, согласно которой личность учащегося находится в центре учебного процесса. В связи с этим в обучении любому предмету превалирует личностно ориентированный подход. Н.Д. Гальскова так формулирует преломление данной парадигмы примени-

тельно к обучению иностранным языкам: «Применительно к сущности языкового образования это означает, что обучающиеся в учебной ситуации должны проявлять свою собственную активность для решения коммуникативно-познавательных задач, носящих творческий и проблемный характер, и что при этом они должны осознать, что находятся в измерениях нескольких культур» [2, с. 7].

Уходит в прошлое догматическая система преподавания, в которой учитель являлся основным источником знания, и от учащихся требовалось для получения положительной оценки лишь воспроизводство готовых знаний, преподносимых преподавателем. Это вполне объяснимо. Такая система была оправдана в условиях ограниченного объема информации, когда знания по предмету можно было уложить в определенные рамки.

Сейчас мы живем в условиях информационного общества, где количество информации по каждой области знаний увеличивается уже не ежедневно, а ежеминутно. Современному человеку очень трудно адаптироваться к переработке колоссального объема информации, ведь первоочередной задачей становится отбор для себя той, которая жизненно необходима. Поэтому одной из первоочередных задач гуманистической педагогики становится формирование у обучающихся критического мышления, которое сможет, в первую очередь, обеспечить индивиду информационную безопасность, что в современных условиях активизации всякого рода негативной пропаганды является необходимым условием не только социализации, но и выживания личности.

Работа с источниками информации подразумевает активную деятельность самого человека. Поэтому еще одной неотъемлемой частью современного преподавания и обучения становится деятельностный подход. От пассивного усвоения знаний учащиеся переходят к активной познавательной деятельности. И здесь нельзя не отметить новую роль учителя. Современный учитель опирается не на догмы, а на познавательные потребности и интересы учащихся. Не воспроизводство готовых знаний находится теперь в центре учебного процесса, а активный поиск и переработка информации. И здесь не обойтись без еще одного понятия – прагматической направленности преподавания. К иностранному языку это относится не в меньшей, если не в большей степени, чем к другим предметам. Здесь мы исходим из того, что основной целью обучения иностранному языку является практическое владение им в ситуациях общения, т.е. прагматическая задача налицо.

Как известно, научиться любой деятельности можно лишь в процессе ее выполнения: чем больше упражняться, тем лучше будет результат. Поэтому деятельностный подход применительно к обучению иностранному языку находит самое широкое применение: от практики речи до активной работы с источниками информации на иностранном языке.

Все это обеспечивается благодаря воплощению на практике идей конструктивизма. Как отмечает Е.С. Полат, «… конструктивизм органично вписывается в гуманистическую парадигму, наглядно показывая способы организации познавательной деятельности учащихся, нацеленной на самостоятельное мышление и приобретение знаний» [4, с. 64].

Основоположником теории конструктивизма в педагогике является американский педагог и психолог Д. Брунер, который, в свою очередь, опирался на педагогические идеи Дж. Дьюи. В основе теории конструктивизма лежит все тот же гуманистический подход в педагогике. В нашей стране большой вклад в развитие и воплощение идей конструктивизма в жизнь внесли Е.С. Полат, А.М. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.

Основной идеей конструктивизма является создание учащимся своей собственной картины мира на основе нового знания, добытого из предыдущего опыта, а также построенного на ранее усвоенных знаниях. И здесь очень важна новая роль учителя: он должен не только предоставить учащемуся возможность познавать новое, но и направить его по пути познания. При этом чрезвычайно важно учитывать интересы и потребности обучающегося.

Это, на первый взгляд, противоречит тому факту, что обучение сейчас ведется на основе стандартов, в которых прописаны не только знания, но и основные компетенции. В наш век стандартизации это неизбежно. Однако наличие стандарта не отменяет использование гуманистического подхода. Во-первых, стандарт не противоречит установкам современной педагогики, а лишь подтверждает их. Во-вторых, стандарт не ограничивает преподавателей в выборе познавательной траектории, скорее, напротив, подталкивает их к этому. И, наконец, стандарт задает базовый уровень обученности, который творчески работающий учитель может дополнить и расширить, опираясь на контингент учащихся, учитывая индивидуальность каждого. Как справедливо утверждал Д. Брунер, «Общее образование должно стремиться стать обобщенным образованием, тренирующим способность выхода за пределы полученной информации…» [1, с. 239].

Современные педагогические технологии как раз направлены на реализацию данной цели. Настоящая статья посвящена одной из таких технологий, а именно обучению в малых группах сотрудничества.

Сама идея такого обучения не нова. Так, некоторые исследователи ссылаются даже на древних римлян, одному из которых принадлежит высказывание «обучающий учится дважды». О пользе обуче-

ния у своих товарищей говорил также Ян Амос Коменский. Г. Песталоцци писал об учебных возрастных группах. Однако в полной мере эта идея стала развиваться лишь во второй половине XX в. Впервые теоретически обосновать и практически воплотить методику взаимообучения в малых группах сотрудничества попытался Дж. Дьюи. Он предложил рассматривать учащегося как субъекта обучения, а познавательный процесс как самостоятельное решение проблем, удовлетворение потребности в получении знаний. Таким образом, обучение приобретает проблемный характер. Задача учителя – помочь учащимся сформулировать проблему и определить пути ее решения, исходя из индивидуальных особенностей каждого учащегося как личности. В процессе работы в малых группах сотрудничества происходит совместное решение проблемы, учащиеся учатся работать с информацией и делиться ею с другими, обучая таким образом друг друга. Само обучение приобретает личностно значимый характер, вследствие чего пробуждается познавательная активность учащегося. Психологической наукой неоспоримо доказано, что учебный материал усваивается в несколько раз лучше, если его усвоение связано не с пассивным восприятием информации (объяснение учителя), а с активной проблемно-поисковой деятельностью. В процессе совместной работы учащиеся получают возможность рассмотреть то или иное явление с разных точек зрения, находят способы разрешения противоречий, ставят проблемные задачи и совместно ищут пути их решения, а также учатся делать выводы и обобщения.

Идеи Дж. Дьюи развил Д. Брунер, большой вклад внесли также братья Р. и Д. Джонсон, Р. Славин, Ал. Аронсон и др., и с 70-х гг. XX в. метод обучения в малых группах сотрудничества стал неотъемлемой частью процесса обучения в гуманистической педагогике.

К настоящему времени сформировалось несколько моделей работы в малых группах сотрудничества. Будучи ограниченными рамками статьи, мы не можем перечислить их все, тем более что не это является целью данной работы, а применение вышеописанной методики к обучению иностранному языку, точнее, к тому аспекту, который получил название «домашнее чтение».

Далее будут рассмотрены возможности технологии работы в малых группах при работе над художественным произведением в условиях специализированного неязыкового вуза.

Следует отметить, что данная технология, возможно, применялась кем-то при работе над домашним чтением в специализированном неязыковом вузе (в нашем случае – это МГИМО (У) МИД России), но описана еще не была. Так что можно с полным правом заявить, что применительно к условиям обучения в таких вузах она описывается впервые.

В связи с этим представляется необходимым кратко охарактеризовать специфику обучения иностранному языку студентов-международников[1]. Особенностью подготовки является то, что студенты ориентированы на работу в международном пространстве. Это, в свою очередь, предполагает владение языком на соответствующем уровне (минимум B2 по шкале Совета Европы). Помимо этого, выпускник должен обладать соответствующими компетенциями в профессиональном общении. Следовательно, необходимо как можно раньше начать работу над языком профессии, иными словами, необходима ранняя специализация.

И тут возникает противоречие. Оно связано с тем, что большинство студентов на первом курсе начинают изучать немецкий язык с нуля. Поэтому первоочередной задачей становится овладение аспектом, который принято называть «общий язык». С другой стороны, учитывая, что до получения диплома бакалавра у студентов всего лишь четыре года, возникает вопрос о ранней профессионализации с целью качественной подготовки выпускников. Помочь в разрешении этого противоречия может как раз аспект «домашнее чтение».

Так как речь идет о языке профессии, то первоочередной задачей становится выбор художественного произведения. Принимая во внимание необходимость ранней профессионализации и специфику этапа обучения, можно сформулировать следующие критерии отбора книг:

– языковой уровень книги должен соответствовать уровню обученности студентов;

– тематика произведения должна коррелировать с профилем специальности;

– объем произведения должен быть таким, чтобы студенты смогли освоить содержание книги в течение одного семестра;

– произведение должно представлять для студентов интерес как с профессиональной точки зрения, так и с точки зрения сюжетной организации (иными словами, сюжет должен быть увлекательным и захватывающим);

– книга должна быть современной и актуальной (как в языковом, так и в содержательном плане).

Следует сразу оговориться, что эта задача обладает разной степенью сложности в зависимости

[1] Термин «студент-международник» хотя и не является официальным, тем не менее закрепился как устойчивое обозначение студента, обучающегося по специальности, в названии которой присутствует слово «международный»: «международное право», «международные отношения», «международные экономические отношения» и др. В контексте вуза он является лаконичной заменой более громоздкому обозначению, такому, например, как «студент, обучающийся по специальности «международная журналистика».

от факультета. Легче всего она реализуется для таких факультетов, как факультет международного права и международной журналистики. Для первого можно выбрать из большого числа детективов, так как содержащаяся там лексика по правовой тематике вполне обеспечивает раннюю профессионализацию. Во втором случае задача облегчается тем, что профессия журналиста охватывает столь широкий спектр тем и проблем, что подобрать произведение, соответствующее вышеперечисленным критериям, не составляет особого труда.

Проблема выбора произведения выходит за рамки тематики данной статьи, к тому же этот вопрос в силу своей важности заслуживает вообще отдельного рассмотрения, так как до сих пор этим никто всерьез не занимался.

Поэтому далее мы подробнее остановимся на том, что уже сделано в этом направлении, и непосредственно на организации работы над домашним чтением в малых группах сотрудничества.

Традиционно под малой группой принято понимать группу учащихся от трех до шести человек. Основным признаком работы в группе является отсутствие соревновательного момента, что характерно для современной гуманитарной педагогики. Работа в группе основана на взаимопомощи, взаимоуважении, взаимной поддержке и взаимном сотрудничестве, что предполагает тесное взаимодействие.

Итак, с целью оптимизации обучения в условиях ранней профессионализации было принято решение провести пробное обучение с использованием данной технологии. Целью пробного обучения являлось выявление эффективности данной методики при работе над домашним чтением и определение целесообразности применения ее на начальном этапе обучения иностранному языку в неязыковом вузе с учетом профессиональной направленности.

В качестве примера приведем аспект «домашнее чтение» на факультете международного права. Исходя из названных выше критериев, для чтения была выбрана учебная книга издательства Langenscheidt "Tödlicher Schnee".

Главный герой произведения (частный детектив) отправляется на отдых в Гармиш-Партенкирхен, где сталкивается с рядом преступлений, которые он вынужден расследовать. Ситуации, в которые попадают герои книги, стали отправной точкой для организации работы в малых группах сотрудничества.

Условия обучения иностранному языку студентов МГИМО благоприятствуют данной организационной форме: языковые группы насчитывают в среднем 7–8 человек, что позволяет сформировать от двух до трех малых групп.

Представляется необходимым поэтапно описать применение данной технологии к начальному этапу обучения иностранному языку в условиях ранней профессионализации на примере частного случая.

Подготовительный этап. На данном этапе студенты знакомятся с содержанием одной или нескольких глав из книги по домашнему чтению (в описываемом примере это главы 7–8, в которых найден убитым один из участников экологического конгресса, на место преступления прибывает полиция). Следующим шагом является работа над лексикой: из главы вычленяются коммуникативно значимые лексические единицы, а также лексика, имеющая непосредственное отношение к профилю подготовки. В случае со студентами факультета международного права это, например, такие слова, как „die Untersuchung" (расследование), „der Polizist" (полицейский), „der Zeuge" (свидетель), „das Opfer" (жертва) и др. Лексика закрепляется в процессе выполнения различных упражнений и лишь затем включается в коммуникацию.

Основной этап. Он, в свою очередь, состоит из этапа *сбора информации* и этапа *творческой интерпретации* собранной информации. Языковая группа делится на группы сотрудничества. Согласно «классической» интерпретации данной технологии, в каждой группе должны быть студенты с разной успеваемостью. Однако в условиях малой наполняемости групп это удается не всегда. Так, есть группы, где слабых студентов нет вообще. Есть и такие, где уровень всех студентов соответствует средним показателям (с небольшими колебаниями). Тем не менее, как показала практика, это не влияет на общую эффективность работы.

В случае деления языковой группы на две каждая малая группа получает свое задание. В рассматриваемом примере первая группа получила задание проверить алиби каждого персонажа. Для этого им необходимо было собрать как можно больше информации по каждому и проанализировать поведение рассматриваемых персонажей. На первом этапе каждый член группы получал задание по одному или двум персонажам, на которых он должен был составить «досье». Затем наступал второй этап, где каждый представлял свое «досье» на собрании группы. После этого происходило обсуждение, в ходе которого высказывались предположения по поводу возможного алиби либо, напротив, виновности того или иного персонажа в совершенном преступлении.

Задачей второй группы было рассмотреть «дело» с точки зрения полиции. Для этого студенты должны были ознакомиться с методами ведения уголовного дела. Студенты отнеслись к данному заданию с большим энтузиазмом, так как это отвечало их профессиональным интересам. При этом были задействованы межпредметные связи: подобных тем студенты касались в ходе изучения специальных дисциплин на родном языке. На этапе сбора информации были собраны сведения о том, какие методы применяются

при ведении дел подобного рода в Германии. На следующем этапе происходил сбор группы, где студенты обменивались информацией и намечали пути дальнейших действий при расследовании данного конкретного преступления, совершенного в книге.

В случае, когда в составе языковой учебной группы можно было выделить три малые группы сотрудничества, задание для третьей группы звучало так: «Сравните внутриведомственную организацию органов внутренних дел России и Германии. Выделите общие и специфические черты». Хотя данная тема находилась «в стороне» от содержания книги, тем не менее она была связана с ней тематически, ввиду профессиональных интересов студенты работали над ней также с энтузиазмом. В этом случае каждый член группы получал задание найти информацию, касающуюся работы того или иного отдела полиции. Затем на собрании группы данная информация была представлена, а в процессе обсуждения были выявлены черты сходства и различия. Данные сведения являются для студентов-международников весьма полезными, так как, помимо расширения межпредметных связей, способствуют расширению общего и профессионального кругозора, представляя собой страноведческую информацию.

В процессе работы студентами использовались следующие виды деятельности: поиск необходимой информации, систематизация добытых сведений, презентация, обсуждение в режиме «мозговой атаки», формулирование выводов и заключений. И все это на иностранном языке. Это оказало несомненное положительное влияние на мотивацию дальнейшего изучения языка, так как позволило обучающимся осознать для себя реальную возможность использования немецкого языка как средство общения в ситуациях, максимально приближенных к естественным коммуникативным ситуациям.

Что касается общеучебных умений, то студенты получили возможность проявить себя в условиях командной работы, осознать свою роль в деятельности коллектива, ощутить персональную ответственность за успех общего дела.

Вся работа проводилась под наблюдением преподавателя. В этой связи представляется уместным обозначить его функции.

Гуманитарная педагогика, в отличие от так называемой «традиционной», рассматривает преподавателя в несколько иной роли. Так, он не является единственным источником информации для обучающихся. Его роль заключается, помимо передачи знаний, в оказании помощи своим подопечным в получении ими новых знаний, а также в формировании необходимых компетенций. В зависимости от вида работ в процессе преподавания возникает перевес в ту или иную сторону. Например, когда необходимо объяснить трудный грамматический материал, преподаватель выходит на первый план, его задача – доступно объяснить студентам трудное правило. При работе же в малых группах сотрудничества преподаватель как бы отступает на второй план, передавая инициативу в руки студентов. Но на самом деле он постоянно находится в курсе событий, «держит руку на пульсе» и готов в любой момент прийти на помощь в случае затруднения. В этом случае основная его задача – вовремя подсказать и направить студентов по наиболее оптимальной образовательной траектории на пути к цели. Меняется роль, но не функция – она по-прежнему ведущая и направляющая сила в образовательном процессе.

Заключительным этапом является *подведение итогов работы и выставление оценок.* На этом этапе группы делятся друг с другом собранной информацией, происходит общее обсуждение и определение значимости проделанной работы, прежде всего лично для каждого. Согласно требованиям методики работы в малых группах, оценка выставляется всей группе. Это дает каждому дополнительную возможность оценить свой личный вклад в общее дело и наметить перспективы своего развития в этом направлении.

По итогам работы был проведен опрос студентов. Им предлагалось оценить эффективность работы в малых группах с точки зрения профессиональной направленности. Практически единодушно студенты отметили эффективность проделанной работы. В частности, было отмечено, что «КПД такой работы выше, чем если бы просто обсуждалось содержание книги». Действительно, помимо усвоения содержания прочитанного, студенты узнали много дополнительных сведений, касающихся их будущей профессии, от набора лексических единиц до тонкостей в различии работы органов внутренних дел в своей стране и в стране изучаемого языка.

Конечно, количество академических часов, отведенных на домашнее чтение, не позволяет поставить использование описанной технологии на постоянную основу. Однако это не значит, что нужно вовсе от нее отказаться. Кроме того, такая работа вносит разнообразие в сам процесс обучения, она, безусловно, способствует активизации когнитивных процессов, заставляет как студентов, так и преподавателей взглянуть на данный аспект под другим углом зрения.

Результаты пробного обучения позволяют сделать следующие выводы.

1. Выбор книги для домашнего чтения в соответствии со специализацией повышает мотивацию изучения иностранного языка.

2. Организация работы в малых группах способствует развитию коммуникативной компетенции в рамках профессионально ориентированного общения.

3. Активная совместная учебная деятельность студентов способствует развитию общеучебных умений, что является предпосылкой дальнейшего успешного обучения.

4. Вовлеченность участников группы в совместную работу способствует социализации учащихся в условиях иноязычного профессионально ориентированного общения.

5. Деятельность по поиску необходимой информации усиливает межпредметную направленность, что обеспечивает формирование целостных представлений о будущей профессии.

Решение поставленных проблем совместно в малой группе развивает проблемно-поисковые навыки, которые пригодятся студентам в их дальнейшей деятельности, а учет профессиональной направленности придает дополнительный стимул изучению иностранного языка: студенты уже с первого года обучения учатся видеть перспективу применения полученных знаний в профессиональной деятельности. Перспективной представляется дальнейшая разработка технологии работы в малых группах сотрудничества применительно к аспекту «домашнее чтение», причем не только в языковых вузах.

Список литературы

1. *Брунер Д.* Психология познания. – М., 1977. – 413 с.
2. *Гальскова Н.Д.* Основные парадигмальные черты современной методической науки // Иностранные языки в школе. – № 7. – 2011.
3. *Дьюи Дж.* Демократия и образование: пер. с англ. – М.: Педагогика-пресс, 2000. – 384 с.
4. *Полат Е.С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов вузов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 368 с.
5. Felix&Theo Leichte Lektüren. Deutsch als Fremdsprache in drei Stufen. Tödlicher Schnee. Stufe 2 – Langenscheidt KG, Berlin und München, 1991 – 48 p.

Reference list

1. *Bruner J.* The Psychology of Knowing. M., 1877. – 413 p.
2. *Gal'skova N.* The basic paradigmatic features of the contemporary methodical science // Foreign languages for schools. № 7. 2011.
3. *Dewey J.* Democracy and Education. Translation from English. M.: Pedagogika-Press, 2000. – 384 p.
4. *Polat E.* Modern pedagogical and information technologies in the education system: Textbook for students of higher education institutions / E. Polat, M. Bukharkina. M.: "Akademiya" Publishing Center, 2007. – 368 p.
5. Felix&Theo Leichte Lektüren. Deutsch als Fremdsprache in drei Stufen. Tödlicher Schnee. Stufe 2 – Langenscheidt KG, Berlin und München, 1991 – 48 p.

УДК 316. 77

Шилова В.А.,
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН

Гусейнова К.Э.,
магистрант, старший лаборант Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ РАБОТЫ СМК: ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИЗА ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Статья представляет собой краткое изложение результатов применения методики интенционального анализа СМК, проведенного в рамках проекта РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования». В своей статье авторы осуществляют анализ региональных печатных изданий, позволяющий определить, как население относится к реальным действиям властно-управленческих органов, а также к тому, какие проблемы позиционируются государством как первостепенные. Позиция населения в данном случае выражается в виде публикации текстов в независимых, «оппозиционных изданиях». Статья посвящена описанию роли региональных СМК в становлении новых секторов экономики в условиях кризиса, развитии предпринимательства, оказании социальной помощи жителям федеральных округов. В статье предпринята попытка соединить два концептуальных теоретико-методологических основания: интенциональный (мотивационно-целевой) анализ, разработанный Т.М. Дридзе, и подход к исследованию проблемных жизненных ситуаций, описанный Т.М. Дридзе, Н.Я Мазлумяновой и Г.П. Голубевой. Методика представляет собой комплекс процедур отбора и кодирования контента проблемных ситуаций, содержащихся в массовых коммуникативных текстах, и позволяет выделить обобщения относительно реальных проблем, с которыми имеют дело органы власти и управления в регионе. В статье авторы опираются на данные, полученные на примере исследования двух видов печатных изданий Республики Башкортостан. Анализируя эти данные, авторы показывают, насколько различны позиции населения и властной вертикали в вопросах, касающихся социально-экономического развития региона, его внутренних и внешних проблем.

Ключевые слова: социология управления, коммуникация, СМК, проблемно ориентированная методика интенционального анализа, интенциональный (мотивационно-целевой) анализ, интенция, проблемная ситуация

Shilova V.,
Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Scientific Secretary of the Center of Sociology of Management and Social Technologies of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Guseynova K.,
Master's student, Senior Laboratory Assistant of the Center of Sociology of Management and Social Technologies of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

PRELIMINARY RESULTS OF APPLYING METHODOLOGY OF INTENTIONAL ANALYSIS IN THE RESEARCH OF MCT PERFORMANCE: ACCORDING TO THE CONTENT OF ANALYSIS OF PRINTED SOURCES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article is a summary of the results of applying the methodology of MCT intentional analysis, which have been carried out within the project of the Russian Science Foundation "Civil Expertise of the Problem of Reforming the Power- Managerial Vertical in the Context of Processes of Socio-Cultural Modernization of Regions: From Conditions Monitoring to Forward – Looking Design". In the article the authors are analyzed regional printed sources, which allow determining how the population relates

to the real actions of power-managerial authorities as well as to what the problems is marketed as a paramount by the state. The attitude of the population, in this instance, is expressed in the form of publication of the texts in independent, "opposition media". The article describes the MCT regional role in the start-up of the most recent economy sectors under crisis, development of entrepreneurship, providing social assistance to residents of Federal regions. The article authors are attempted to connect the following two conceptual theoretic-methodological grounds: intentional (motivational-targeted) analysis, developed by T. Dridze and the approach to the research of problematic reality situations, described by T. Dridze, N. Mazlumyanova and G. Golubeva. The methodology is a set of procedures for the selection and coding of the content of the problematic situations, noted in the mass communicative texts and it allows to go on new level in reference to real problems , which regulatory and administrative authorities have dealings with. The authors of this article are supported by data, obtained on the example of research of two types of printed sources of the Republic of Bashkortostan. Analyzing these data, they have shown how various attitudes of the population and power vertical are in matters, relating to socio-economic development of the region, its internal and external problems.

Keywords: sociology of management, communication, MCT, problem directed methodology of intentional analysis, intentional (motivational-targeted) analysis, intension, problematic situation

Проблемно ориентированная методика интенционального анализа региональных СМК была разработана для решения задач проекта РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования») как процедуре анализа содержания печатных публикаций в связи с их оценкой деятельности властно-управленческой вертикали. Для того чтобы определить реальную роль властно-управленческой вертикали в том или ином регионе РФ, необходимо учесть позицию различных групп населения, которые находят свое выражение как в провластных (государственных), так и в оппозиционных СМК.

В процессе создания соответствующей методики мы обратились прежде всего к интенциональному (мотивационно-целевому) анализу, который был разработан Т.М. Дридзе в рамках семиосоциопсихологической парадигмы социальной коммуникации [3]. В отличие от многих других методик анализа текстов, данный подход позволяет ответить на вопросы: зачем? с какой целью написан текст? То есть прежде всего «выясняется мотив и цель (точнее – интенция как равнодействующая мотивов и цели) деятельности общения, в которой порождается интерпретируемый текст, а уж затем рассматривается тот материал (тема), на котором этот мотив и эта цель реализуются» [1]. Другая особенность данного метода состоит в том, что сам исследователь выступает в качестве респондента, так как ему приходится самостоятельно воспроизводить те или иные мотивационно-целевые структуры, которые были заложены в тексте. Следует отметить, что данный подход во многом зависит от субъективного отношения исследователя к типу проблемы, которая поставлена в статье. Важно не согласие с мнением автора (журналиста или другой конкретной персоны), а то, насколько исследователь сумел понять смысл написанного. Иными словами, смог ли он обнаружить и выделить основные логические узлы, сохранить чистоту анализа, способность воспринимать информацию опосредованно. Объективирование интерпретации данных – вот задача, которая стояла перед нами на данном этапе работы.

Вторым методолого-теоретическим основанием для нас стал подход к исследованию проблемных жизненных ситуаций, который был описан Т.М. Дридзе, Н.Я. Мазлумяновой, Г.П. Голубевой в рамках исследования, проведенного в Москве, в районе Арбат-Поварская [2, с. 213–245].

Т.М. Дридзе вместе с соавторами сформулировал ключевые определения, которые мы положили в основу разработки данной методики.

Жизненная ситуация индивида – совокупность значимых событий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на его мировосприятие и поведение в каждый конкретный период его жизненного цикла. Жизненные ситуации делятся на «устоявшиеся» и проблемные.

Проблемная жизненная ситуация – совокупность основных жизненных проблем индивида, а также факторов, влияющих на возникновение этих проблем, их сохранение и разрешение.

Проблемные жизненные ситуации возникают тогда, когда нарушается упорядоченность привычного жизненного течения, появляется необходимость решать ту или иную проблему. Это ситуация, которая

требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. Это выделение **«момента напряженности»** в жизненных ситуациях индивида.

Как аналитическая единица, **проблемная жизненная ситуация** позволяет сводить в одной модели общесоциальные, локальные и индивидуальные детерминанты качества и образа жизни людей, прослеживать их взаимовлияние. Это понятие является исходным и позволяет соединять локальные, социокультурные и конкретно-исторические ситуации, рассматривать их через человека, как через призму, через его запросы, через возможность их удовлетворить, а также через призму общества.

Диагностика и классификация проблемных жизненных ситуаций

Измерение напряженности проблемных жизненных ситуаций связано с количеством проблем, накопившихся у индивида, временем их существования и возможности их разрешения с учетом имеющихся жизненных и социокультурных ресурсов. С одной стороны, мы фиксируем проблемные жизненные ситуации, с другой стороны – мы воссоздаем их предысторию. В процессе ситуационно-биографического интервью выявляются жизненно важные проблемы и синдромы данных проблем.

Модели проблемных жизненных ситуаций

Структурно-факторная модель [2] опирается на понимание проблемной жизненной ситуации как отягощенной одной или несколькими жизненно важными проблемами. Задача стоит в выявлении основных элементов такой ситуации и структуры их связей. Количество жизненных обстоятельств и условий, влияющих на жизнедеятельность и жизневосприятие индивида, очень велико. Это прежде всего все компоненты среды (природные, рукотворные, социальные, информационно-символические) в том объеме, в каком они вовлечены в сферу его жизнедеятельности; личностные характеристики индивида (психофизические, демографические, статус-позиционные и проч.); особенности взаимодействия индивида со средой – специфические для данного человека модели поведения, деятельности, общения и взаимодействия с другими людьми в различных ситуациях, особенности восприятия людьми объективных условий собственной жизни в связи с индивидуальными потребностями и ценностными ориентациями, прошлым опытом, жизненными достижениями и неудачами; объективными (предоставляемыми индивиду обществом) возможностями для решения проблем и т.д. Кроме того, это и локальная социальная ситуация, в значительной мере определяемая принятыми в данном сообществе поведенческими образцами, нормами, традициями. Для построения структурно-факторной модели необходима информация о том, как жители воспринимают среду своего обитания, насколько эта среда отвечает их потребностям, с какими жизненными проблемами им приходится сталкиваться, насколько эти проблемы связаны с условиями жизни, как связаны проблемы между собой, какие типы проблемных жизненных ситуаций преобладают среди жителей данного населенного пункта.

Диахронная модель, структурно-функциональная, процессуальная [2]

При построении этой модели понятие проблемной жизненной ситуации используется в «узком смысле» – рассматривается только совокупность проблем и связанных с ними факторов.

Выделяются следующие составляющие и детерминанты проблематизации жизненной ситуации:

• основные жизненно важные проблемы, текущие и периодически возникающие (общий перечень и типология проблем);

• важность проблем с точки зрения респондента (компонент, отражающий рациональную оценку индивидом проблем);

• «острота» проблем с точки зрения респондента (компонент, отражающий эмоциональное отношение респондента к проблемам);

• продолжительность проблем (длительность существования проблем и предполагаемые сроки их разрешения);

• связи между проблемами в настоящем и прошлом;

• тип проблем (по специально разработанной типологии);

• факторы, влияющие на возникновение и существование проблем, – проблематизирующие факторы;

• факторы-катализаторы, косвенно влияющие на возникновение и существование проблемной ситуации (факультативные факторы);

• разрешимость проблем (вероятность решения) с учетом способов разрешения проблем и причин выбора этих способов; факторов, определяющих разрешимость проблем, – ресурсы (индивидуальные, социокультурные и проч.);

• возможность воздействовать на решение проблем;

• цена решения проблем (количество усилий, необходимых для их решения).

В качестве материала для анализа по проекту РНФ были выбраны местные и региональные издания средств массовой коммуникации в четырех регионах РФ. В каждом территориальном сегменте были отобраны 2 издания, представляющие, по мнению исследователей, противоположные политические направления (проправительственные и оппозиционные).

Апробация методики проблемно-ориентированного анализа проводилась по двум печатным органам на примере Республики Башкортостан, проправительственной газеты «Республика Башкортостан» и оппозиционной – «Bonus».

Каждое из этих изданий ориентировано на публикацию аналитических статей, в которых содержится описание и систематизация событийных фактов. Это своего рода детальная (реже обобщенная) презентация проблемной ситуации, контекст которой целиком и полностью зависит от лоббированных интересов издательства.

Согласно семиосоциопсихологической парадигме Дридзе Т.М., текст рассматривается как «коммуникативно-познавательная единица» [1], соответственно, единицей анализа в данном исследовании выступала одна публикация – проблемная статья, в которой говорилось о работе местных (региональных) органов власти, а также ее «интенция», указывающая на цели и характер представления информации. Каждая статья имеет собственные закономерности структурной организации, отсюда можно сделать вывод о численности и типах этих структурных элементов, а также о характере их внутренних связей (предикативности). После определения данных структур заполняется матрица анализа, в основе которой содержатся текстуальные индикаторы, призванные выявлять скрытые механизмы «овеществления в коммуникативном акте» заданной интенции.

Для решения подобных задач нами была разработана проблемно ориентированная матрица интенционального анализа данных, состоящая из перечня необходимых показателей: тема, основная проблема, ее виды и тип, с каких позиций рассматривается проблема, кто субъект (носитель), оценка работы местных органов власти и т.д., где каждый индикатор выступает в качестве открытого или полузакрытого вопроса.

Следует отметить, что подобная схема составляется на основе выделения шести уровней проблемной ситуации, без которых структура коммуникативного акта считается незавершенной. Здесь 1-й уровень: цель и мотивация текстовой коммуникации; 2-й уровень: тезисы и контртезисы; 3-й уровень: аргументы и контраргументы; 4-й уровень: иллюстрации; 5-й уровень: социокультурные фоны; 6-й уровень: фоны к фонам. Определение социокультурного фона статьи, а также ее проблемной ситуации – главное отличие интенциональной методики от дискурс-анализа. Особенности последнего заключаются в составлении смысловой картины как системы плавных, взаимосвязанных языковых и логических элементов. В то время как мотивационно-целевой анализ указывает на нелинейность коммуникативного акта, «во временном фактическом следовании его разных компонентов их иерархичность по отношению к интенции, как правило, не соблюдается» [3]. Примером этому может служить ситуация, когда в тексте наряду с экономической политикой попутно обсуждаются спортивные или культурные события, которые логически не связаны друг с другом, но представлены в одной статье.

В результате интерпретации данных можно определить группы, в интересах которых статья была написана; сходство и различие позиций активных объектов (авторов) с властной политикой местного руководства.

На первом этапе была осуществлена сплошная выборка статей издания за первое полугодие 2015 г. с 01.01.2015 по 01.07.2015. Далее экспертным путем были отобраны 8–10 проблемных статей за каждый месяц. Объем финального корпуса статей по каждому региону составил 100 публикаций. Из них, как было уже сказано, 50 статей были взяты из проправительственной (государственной) газеты, другие 50 – из оппозиционного, т.е. независимого издания.

Применение методики проблемно ориентированного анализа потребовало от исследователя прохождения некоторых ступеней, без учета которых невозможно провести грамотный интенционный анализ.

1 ступень – знакомство с данными. Перед началом анализа необходимо было внимательно изучить проблемную статью. Особенность данного этапа состояла в том, что без глубокого погружения в текст и его повторного чтения почти невозможно уловить логически взятые узлы и смыслы, которые в нем содержатся.

2 ступень – первичное заполнение ПО-МИА (проблемно ориентированная методика интенционального анализа). После первого (неглубокого) прочтения статьи обычно начинаем заполнение матрицы по тем критериям, которые не требуют детального анализа. Например, название статьи, ее автор, тема и жанр, сколько точек зрения в ней содержится, время существования проблемы.

3 ступень – подробное заполнение ПО-МИА. Этот этап подразумевает неоднократное прочтение текста, а также первичную кодировку данных в матрице. В результате мы заполнили следующие показатели: тип и описание основной проблемы, с каких позиций рассматривается проблема, субъект (носитель проблемы), кто виноват и от кого зависит решение, участие местных органов власти, позиция журналиста, определение конкретных виновных, уровень проблемы и степень ее решаемости, локализация, наличие механизма решения и его вариативность, наличие/отсутствие ресурсов для решения проблем.

4 ступень – определение интенции. На этом этапе необходимо было составить основной вывод статьи как результат его аналитической работы. Здесь также был дан ответ на главные вопросы, которые лежали

в основе мотивационно-целевого анализа, а именно: определение основной интенции текста, ее тип и характер, а также эмоциональная окрашенность статьи.

5 ступень – методическая рефлексия. В процессе анализа у исследователя могут возникнуть различные вопросы, от решения которых может зависеть результат исследования. Для этого в МИА включается специальное поле – «методические отметки», в котором дается комментарий к каждому вопросу, вызвавшему затруднение.

Результаты сравнительного анализа проправительственной газеты «Республика Башкортостан» и оппозиционной – «Bonus».

Анализ публикаций, содержащих проблемную ситуацию, показал различия тематической направленности газет. Тематический пул газеты «Республика Башкортостан» характеризуется большим многообразием, в этой связи сложно выделить отдельные проблемные темы, пользующиеся популярностью. С небольшим перевесом лидируют проблемы «поддержки малого и среднего бизнеса» (13% публикаций от общего количества статей газеты) и «строительства и приобретения жилья» (10%). Газета «Bonus» делает акцент на освещение нескольких проблемных тем, вокруг которых выстраивается проблемный дискурс – «обеспечение рабочими местами» (23% публикаций), «строительство и приобретение жилья» (15%), «благотворительность» (15%), «работа поликлиник и больниц» (13%), «коррупция в органах власти» (13%), «поддержка малого и среднего бизнеса» (13%). Можно отметить и жанровые различия проблемных материалов. Так, газета «Республика Башкортостан» чаще использует следующие жанры: репортаж (40%), интервью (18%) и информационная статья (18%), а газета «Bonus», помимо репортажей (26%), использует аналитический жанр (23%).

По-разному реализуется газетами и стратегия освещения проблемных ситуаций.

Из таблицы 1 следует, что в освещении проблемных ситуаций газета «Bonus» чаще придерживается одной точки зрения (40%) в освещении проблем, а газета «Республика Башкортостан» учитывает две и более. Кроме того, газета «Республика Башкортостан» при описании проблемы в большинстве публикаций (56%) делает акцент на том, что местные органы власти руководят процессом разрешения сложившейся ситуации, в газете «Bonus» такие ссылки содержатся только в 25% случаев.

В газете «Bonus» в половине публикаций (50%) указывается конкретный виновник сложившейся проблемной ситуации, в газете «Республика Башкортостан» таких указаний заметно меньше – в 23% случаев.

Есть разница и в типах решаемости проблем. Газета «Республика Башкортостан» освещает решаемые проблемы (50%) в 60% случаев макроуровня (страна), а газета «Bonus» – сложные проблемы (75%) и в 78% случаев на мезоуровне (регион, город).

Также мы зафиксировали разницу в эмоциональной окрашенности при подаче материала разными газетами (таблица 2). В газете «Республика Башкортостан» преобладает позитивная окрашенность, в газете «Bonus» –негативная, что неудивительно.

Таблица 1.

Количество точек зрения в освещении проблемных ситуаций газетами «Республика Башкортостан» и «Bonus» в %

Как рассматривается проблема? (угол зрения)	Название газеты	
	«Республика Башкортостан»	«Bonus»
Одна точка зрения	25	40
Две точки зрения	10	8
Много точек зрения	65	53
Всего	100	100

Таблица 2.

Эмоциональная окрашенность при освещении проблемных ситуаций газетами «Республика Башкортостан» и «Bonus» в %

Эмоциональная окрашенность статьи	Название газеты	
	«Республика Башкортостан»	«Bonus»
Негативная окрашенность	8	8
Преобладает негативная окрашенность	28	65
Нейтральная	0	3
Преобладает позитивная окрашенность	45	23
Позитивная окрашенность	20	3
Всего	100	100

Таблица 3.

Характер интенции в освещении проблемных ситуаций газетами «Республика Башкортостан» и «Bonus» в %

Характер интенции	Название газеты	
	«Республика Башкортостан»	«Bonus»
Конструктивная	83	38
Нейтральная	5	3
Деструктивная	10	55
Скрытая	3	5
Всего	100	100

Таблица 4.

Интенции в освещении проблемных ситуаций газетами «Республика Башкортостан» и «Bonus» в %

Интенция статьи	Название газеты	
	Республика Башкортостан	Bonus
Все вокруг «плохо», всех надо обругать (негативная)	8	5
Все вокруг «хорошо», жизнь налаживается, всех надо похвалить (позитивная)	23	5
Привлечь внимание к проблеме органов власти	13	23
Привлечь внимание общественности к проблеме	40	55
Привлечь внимание общественности, призвать к протестам, посеять смуту (деструктивная)	0	5
Отчитаться, написать статью для галочки	8%	
Воздействовать, пропагандировать определенные взгляды	8%	3%
Манипулировать общественным мнением (скрытое, завуалированное воздействие)	3%	5%
Всего	100%	100%

Характер интенций (таблица 3) и сами интенции (таблица 4) у газет также различаются. Газета «Республика Башкортостан» занимает, скорее, конструктивные позиции. Здесь часто используется интенция «все вокруг «хорошо», жизнь налаживается», а газета «Bonus» больше склоняется к деструктивным призывам, используются интенции «привлечения внимания», «призыва к протесту».

Апробация проблемно ориентированной методики интенционального анализа позволяет выявить общий региональный проблемный пул, зафиксировать коммуникативные стратегии СМК в освещении проблемных ситуаций. В дальнейшем сопоставление полученных нами данных с данными массового и экспертного опросов по проекту позволит выйти на новый уровень обобщения взаимосвязей между особенностями информационного поля региона и оценками властно-управленческой вертикали. Уже сейчас можно сказать, что исследование коммуникативных стратегий СМК может тесно корреспондироваться со шкалой оценок деятельности всей властно-управленческой вертикали: с позициями сторонников, противников и относительно нейтральных категорий населения («срединники»), что представляет большой практический интерес.

Список литературы

1. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. – М., 1984,
2. *Дридзе Т.М., Мазлумянова Н.Я., Голубева Г.П.* Диагностика проблемных и локальных социальных ситуаций в реконструируемом московском микрорайоне «Арбат-Поварская» // Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: от социальной диагностики к профилактике конфликтных ситуаций и конструктивному диалогу заинтересованных сторон. – М., 2005.
3. Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: КРАСАНД, 2015.

Reference list

1. *Dridze T.* Textual activity in the structure of social communication: Issues of semiosociopsychology. M., 1984.
2. *Dridze T., Mazlumyanova N., Golubeva G.* Diagnosis of problem and local social situations in the reconstructed

Moscow “Arbat-Povarskaya” district // Socially well-thought-out urban development in the mode of forward-looking design: From a social diagnosis to prevention of conflict situations and constructive dialogue of interested parties. M., 2005.
3. Sociology of management: Theoretical-applied explanatory dictionary / Executive editor A. Tikhonov. M.: KRASAND, 2015.

УДК 159.9
ББК 74.00

Пиканина Ю.М.,
психолог лаборатории психологической поддержки студентов учебно-методического центра «Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодежной среде» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

ПРОГРАММА ОПТИМИЗАЦИИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТНОЙ НАДЕЖНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ПРОФИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ МГТУ ИМ. Н.Э. БАУМАНА)

В статье рассмотрена возможность психологического обеспечения саморегуляции специалистов инженерного профиля, предложена Целевая программа для реализации в рамках профессиональной подготовки инженеров МГТУ им. Н.Э. Баумана. Обоснованы цели, задачи каждого этапа программы. Определены принципы организации и проведения социально-психологических технологий формирования саморегуляции. Обозначены предполагаемые результаты программы по уровням освоения способов саморегуляции.
Ключевые слова: саморегуляция, личностная надежность, психофизическое благополучие, здоровьесберегающая деятельность

Pikanina Yu.,
Psychologist of the Laboratory of Psychological Support for Students of Training Center "Health Saving Technologies and Drug Abuse Prevention among Young People" of the Bauman Moscow State Technical University

OPTIMIZATION PROGRAM OF SELF-ADJUSTMENT OF PERSONAL SUSTAINABILITY OF TECHNICAL SPECIALISTS (THROUGH THE EXAMPLE OF BAUMAN MOSCOW STATE TECHNICAL UNIVERSITY)

The article considers the possibility of psychological ensuring of self-adjustment of technical specialists and it has proposed Target Program to be implemented in the framework of professional training of engineers in Bauman Moscow State Technical University. There are substantiated goals, objectives of each stage of the program. Principles of organization and conduct of socio-psychological technologies of self-adjustment formation have been defined. In the paper there are denoted intended results of the program by levels of ensuring methods of self-adjustment.
Keywords: self-adjustment, personal sustainability, psychophysical well-being, health saving activity

Необходимость разработки и реализации Целевой программы оптимизации саморегуляции специалистов инженерного профиля (далее – программа) диктуется рядом обстоятельств: актуальностью поиска средств, позволяющих специалистам оптимально преодолевать нагрузки, снимать эффекты перенапряжения и адекватно адаптироваться к динамичности жизни [2]. В результате научно-технического прогресса человек все чаще встречается с различными проблемами гипокинезии, гиподинамии и физической детренированности, которые негативно отражаются на его психофизиологических возможностях и здоровье как в быту, повседневной жизнедеятельности, так и в процессе профессиональной деятельности [9]. Обеспечение личностной надежности с помощью средств саморегуляции поведения и деятельности возможно после специально организованного обучения специалистов в процессе общей профессиональной подготовки [10]. Специалисты, научившиеся владеть собой, имеющие развитую психотехнику личной саморегуляции, являются наиболее успешными людьми как в профессии, так и в личной жизни [8].

1. Проведенный теоретико-методологический анализ по проблеме исследования, разработанная теоретическая модель саморегуляции как фактора обеспечения личностной надежности и анализ результатов констатирующего эксперимента были положены в основу Целевой программы оптимизации саморегуляции личностной надежности специалистов [17, с. 178–185].

Целью программы является формирование у специалистов инженерного профиля индивидуального стиля саморегуляции на основе получения личного опыта саморегуляции в условиях здоровьесберегающей профессиональной среды в интересах оптимизации личностной надежности специалистов.

Индивидуальный стиль саморегуляции является систематизирующим фактором обеспечения личностной надежности в профессиональной деятельности и вне ее, повышения самостоятельности и осознанности в освоении профессиональных навыков, конструктивного взаимодействия в межличностных отношениях [7, с. 172–178].

Основные задачи программы.

1. Формирование у специалистов осознанной мотивации на продолжительное участие в саморазвитии необходимых психологических навыков саморегуляции личностной надежности, индивидуального стиля саморегуляции специалистов инженерного профиля [12].

2. Оптимизация направленности здоровьесберегающей профессиональной среды на стимулирование, эмоциональное подкрепление у специалистов саморегуляции собственных внутренних ресурсов психофизического компонента личностной надежности; коррекцию и нормализацию психофизического гомеостаза [15, с. 112–116].

3. Целенаправленное включение в проведение различных просветительских мероприятий (СМИ, волонтерского движения и т.д.), лекций, семинаров, психологических тренингов, оздоровительных мероприятий, направленных на актуализацию обеспечения личностной надежности и предотвращение рисков нарушений [19].

Основные принципы программы.

– Принцип добровольного согласия на участие в Целевой программе.

– Единства диагностики и психокоррекции для обеспечения результативности программы [13].

– Принцип дифференцированного, индивидуального подхода к участникам программы, учет актуального психофизического состояния специалиста, индивидуальных характерологических черт, личного опыта овладения способами саморегуляции [3, с. 5–12].

– Системности и комплексности здоровьесберегающих мероприятий, а именно, взаимодействие различных специалистов, имеющих единую цель, гибкую структуру и механизмы обратной связи, которые позволяют корректировать текущие задачи обеспечения личностной надежности и являются индикаторами эффективности реализации программы [18].

– Принцип последовательности развития саморегуляции, опирающийся на фундаментальный принцип «замещающего онтогенеза» (А.В. Семенович, Б.А. Архипов).

Саморегуляция специалиста как деятельность осуществляется на нескольких взаимосвязанных уровнях: когнитивном, эмоционально-волевом и операциональном [5]. Формы и методы работы на перечисленных уровнях различаются по своему содержанию и в программе представлены разными блоками. Работа в экспериментальной группе планируется на полгода и включает различные формы групповых и индивидуальных психологических занятий: лекции, семинары, тренинги [16].

1. Когнитивный блок программы включает в себя разъяснение участникам и осмысление ими целей и задач саморегуляции [20, с. 181–187]. Когнитивный уровень продиктован актуальностью проблемы. Это инновации в образовании, связанные с поиском внутренних резервов обеспечения личностной надежности в профессиональной подготовке будущих инженеров с учетом психофизиологических особенностей формирования индивидуального стиля профессиональной деятельности и личностной саморегуляции современной молодежи [4, с. 30–38]. Когнитивный уровень реализуется в просветительской и профилактической деятельности профессионального сообщества через включение в средства массовой информации: газет «Бауманец», «Вузовский вестник», теле– и радио– внутривузовских передачах; на собраниях студенческого актива, административных совещаниях и т.д., информации о возможности использования различных способов саморегуляции как внутреннего ресурса обеспечения личностной надежности инженера.

Мотивация применения саморегуляции для обеспечения надежности создается у специалистов при наличии положительного опыта у значимой (референтной) группы [11]. Поэтому необходимо проводить просветительскую работу с разъяснением способов саморегуляции и возможности применения для саморегуляции поведения [6]. В качестве такой группы может выступать организованная группа волонтеров среди студенческой молодежи МГТУ, необходимо организовывать обмен опытом саморегуляции по принципу «равный равному», который позволяет доступно рассказывать о преимуществах здорового образа жизни и возможностях саморегуляции собственного здоровья. В качестве примерных тем можно предложить обмен положительным опытом по решению различных проблем, таких как отказ от курения, алкоголя, решению социальных вопросов [17]. Кроме того, актуальность поиска и применения внутренних ресурсов создается за счет востребованности личностной надежности внешними условиями [18]. Востребованность создается за счет применения обратной связи системы, например, административные меры и санкции референтной группы.

Реализация программы позволит более эффективно использовать потенциал профессиональной

среды, что позволит совмещать образовательную и практическую деятельность с задачами завершения профессионального высшего образования инженеров и формирования их как личностно надежных специалистов.

Мотивационно-смысловая сфера саморегуляции включает себя следующие практические этапы.

– Осознание смысла происходящего и собственных потребностей – регулирование соответствия между смыслом и потребностью [22, с. 15–23]. Управление иерархией ведущих потребностей. Выполнение индивидуальных заданий по составлению временной перспективы, самодиагностики собственных приоритетов, ценностей помогает осознать свои ближние и дальние цели, увидеть мотивационную направленность [21]. Актуализация потребности к самовыражению, саморазвитию и самореализации обеспечивается смысловым уровнем саморегуляции.

– Регулирование ситуационной независимости мотивации, т.е. устойчивость мотивации во времени, когда на повседневное поведение человека оказывают решающее влияние перспективные цели и текущие действия, соотносится с ранее принятыми планами и соображениями [14]. Недостаточность ситуационной независимости мотивации приводит к импульсивности, к риску поведения подверженному влиянию внешних обстоятельств [1, с. 67–85].

Во время специально организованных дискуссий на актуальные темы специалистам предлагается потренироваться высказывать и отстаивать собственное мнение и проявлять необходимую гибкость при работе в группах и совместном решении ситуаций [20].

Блок эмоционально-волевой саморегуляции включает в себя коррекцию навыков эмоционально-волевой саморегуляции: управления собственными эмоциями, импульсивностью поведения, регуляции внутренних энергетических ресурсов, исходный уровень которых определяется психофизическим компонентом: особенностями нервной системы, психики, физическим здоровьем в целом; отношение к возможностям саморегуляции для коррекции собственного состояния и поведения.

Позитивное отношение к саморегуляции создается при приобретении положительного опыта применения навыков саморегуляции, который специалист может получить во время работы на специально организованных психологических тренингах. Тренинг является одним из наиболее эффективных способов воздействия на личность, так как с помощью групповых методов позволяет за сравнительно непродолжительное время решить задачу интенсивного формирования и развития профессионально значимых навыков и умений, а также скорректировать неадекватное поведение (Л.А. Петровская). Возможность использования тренинга для психокоррекции поведения и состояния специалистов отражена в ряде исследований психологов в области психологии труда, таких как В.Л. Марищук, 1982; А.Б. Леонова, 1988; А.С. Кузнецова, 1993; Ю.Е. Маряшин, А.В. Бердичевский, 2009 и др.

В разработке программы использовался богатый опыт по психогигиене труда и способов реабилитации специалистов экстремальных профессий: Л.Г. Дикая, 2002; В.Л. Марищук, 1982; Ю.Е. Маряшин, 2005; А.Б. Леонова, 1988; А.С. Кузнецова, 1993 и др. Методологическую базу Программы составили работы Х.М. Алиева, 2004; Е.А. Воробьевой, 1998; А.Б. Леоновой, 1987; В.А. Марищука, 1998; Ю.Е. Маряшина, 2005; Г.А. Мысиной, 2010 и др.). Основой комплекса психомоторной коррекции послужила программа телесных психотерапевтов Е.А. Воробьевой, Е.А. Сафроновой, А.В. Семенович (апробирована на испытуемых разных возрастов), разработка которой была основана на достижениях выдающихся психофизиологов П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна, телесных психотерапевтов В. Райха, А. Лоуэна, Фельденкрайза и др.

На значимость психомоторно-регулирующего тренинга для использования в повседневной жизни и профессиональной деятельности, для коррекции и восстановления функционального состояния специалистов, сохранения их уровня психомоторного статуса указывали Ю.Е. Маряшин, 2005; Ли Канг Хи, 2005; А.И. Бердичевский, 2011 и др. Цель состоит в том, чтобы развить способность двигаться с минимумом усилий и максимумом эффективности не посредством увеличения мускульной силы, а посредством возрастающего понимания того, как тело работает (метод Фельденкрайза). По Фельденкрайзу, для осознания и изменения движений необходима спокойная работа двигательных участков коры головного мозга. Чем кора активнее, тем меньше мы сознаем тонкие изменения в деятельности. Гармонизируя работу коры и уменьшая уровень возбуждения, можно достичь гораздо более богатого осознания, что позволяет пробовать новые сочетания движений, которые были невозможны, пока мозг и мышцы действовали по старым ограниченным стереотипам. Упражнения по заземлению и центрированию (метод А. Лоуэна) направлены на развитие внутренней устойчивости и чувства уверенности в ситуациях любого уровня сложности.

В Программе методика психомоторной коррекции используется для получения осознанного опыта управления внутренними ресурсами тела, для формирования устойчивости поведения в целом.

Принципы проведения Целевой программы оптимизации саморегуляции для специалистов инженерного профиля:

– комплексность в применении методов саморегуляции (двигательные, дыхательные, суггестив-

ные, вербальные, невербальные, релаксационные, мобилизирующие и др.);

– индивидуализация в подборе приемов саморегуляции и условий их применения с учетом особенностей и функционального состояния нервной системы, адекватности ситуации, с учетом индивидуального опыта, интересов, склонностей и других особенностей личности;

– активность в применении приемов саморегуляции, выражающаяся в мотивации овладения навыками и самоконтроле сознательного применения соответствующих приемов;

– диалогизация взаимодействия и обратная связь, благодаря чему человек может корректировать свое последующее поведение, заменяя неудачные способы общения новыми, проверяя их воздействие на окружающих;

– самодиагностика, т.е. самопознание, осознание и формирование собственных индивидуальных задач.

В программе предусмотрено практическое освоение различных способов эмоционально-волевой саморегуляции на базе Центра психологической поддержки студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана, где созданы условия для реализации основного принципа формирования навыков эмоционально-волевой саморегуляции: через осознание собственных эмоций и чувств – приобретение личного опыта самоуправления в благоприятной психологической атмосфере.

Самопознание эмоций происходит через саморефлексию, самоанализ, самодиагностику. На занятиях предусмотрены различные формы групповой работы: социально-психологические тренинги, аутотренинги, дискуссии на актуальные темы по вопросам взаимодействия в профессиональном коллективе, в межличностном общении, отрабатываются навыки высказывания собственного мнения, выслушивания мнения других. В программу включена индивидуальная работа: оформление самонаблюдений в виде эссе, дневников по результатам прохождения аудио-и видеотренингов, просмотра тематических фильмов, индивидуальных консультаций.

С целью формирования операционального (личного) опыта регулирования собственного поведения и состояния в программу введены отдельные специализированные блоки: тренинг психомоторной саморегуляции, комплекс тонизирующих физических упражнений, занятия по обучению специалистов аутотренингу, релаксации, визуализации. Для проведения тренинга психомоторной коррекции необходимо просторное, проветриваемое помещение с ковровым покрытием. Периодичность занятий с участниками эксперимента должна составлять не менее 2-х раз в неделю по 1,5 ч. в течение полугода.

В начале каждого занятия по психомоторной саморегуляции проводятся разминочные физические упражнения, которые способствуют адекватной мышечной нагрузке для активации энергии общего тонуса в целом, для профилактики мышечных зажимов. В процессе выполнения упражнений формируется навык создания собственных образных представлений с элементами идеомоторной тренировки с приемами внушения и самовнушения. За основу этого комплекса взята апробированная на контингенте рабочих микроэлектронного производства программа А.Б. Леоновой и О.Н. Могилевой. Комплекс физических упражнений является средством, необходимым и достаточным для приобретения мышечной массы, иначе «расслаблять будет нечего» (В.Л. Марищук, Ю.Е. Маряшин).

Обучение техникам медитации и релаксации необходимо проводить в специально оборудованном помещении с помощью программ аудио– видеокомплекса «Диснет», в которые включены методики релаксации и мобилизации на основе аутотренинга, позитивного самовнушения, техники визуализации, музыкотерапии и цветотерапии Л.П. Гримака, В.П. Потапова по обучению мышечному расслаблению через ощущения внутреннего тепла, для освоения навыков расширения сосудов внутренних органов, навыков мобилизации, управлению сердцебиением за счет визуализации. Работа техник медитации и релаксации основана на следующем принципе: все системы организма стремятся научить человека быть более расслабленным, более «естественным» как во время отдыха, так и в действии, чтобы устранить ненужное напряжение, которое мы несем, учат позволять телу быть эффективным, вместо того чтобы осваивать бесполезные навыки и наращивать мышцы. Целесообразно осознать отрицательные стереотипы, привычки, которые мешают естественной мудрости, координации, гармонии души и тела.

Индивидуальный стиль саморегуляции предполагает наличие широкого репертуара и адекватных ситуации выбора методов и способов саморегуляции. Формирование индивидуального стиля саморегуляции происходит в результате осознания личностных компесаторных механизмов, рисков личностной надежности и смысловой регуляции собственного поведения и состояния (В.И. Моросанова, В.М. Крук). В соответствии с требованиями внешней среды, собственного актуального психофизического состояния специалиста, личного опыта владения способами саморегуляции становится ведущей определенная функция саморегуляции, для реализации которой и происходит выбор соответствующего метода саморегуляции (таблица 1).

Обучая навыкам саморегуляции, формируя автономный стиль деятельности и высокий уровень субъективного контроля, можно воздействовать на работоспособность специалистов, их активность и эмоциональную устойчивость. Приобретенный опыт це-

Таблица 1

Функции и методы психической саморегуляции

Функции	Мотивационно-смысловые методы	Эмоционально – волевые методы
Релаксирующая	Психотерапевтические техники осознания потребностей, мотивационное консультирование	Дыхательные техники, методы мышечной релаксации
Коммуникативная	Техники позитивного мышления	Психологическая поддержка, техники коммуникативного тренинга, прием «Я-высказывания» и др.
Активирующая	Самовнушение, аутотренинг	Активизирующие движения, применение массажа и самомассажа
Компенсаторная	Изменение направленности сознания; самоисповедь, самоубеждение, достижения в досуговой деятельности	Тонические и сложно координированные движения, арт– терапия, танцевально-двигательные упражнения, физкультура и спорт
Организационная	Самоменеджмент	НЛП-техники

лесообразно применять в реальной жизненной обстановке, осознанно регулируя свое состояние и поведение адекватно требованиям окружающей обстановки.

Уровень сформированности личного опыта саморегуляции исследуется на четвертом этапе формирующего эксперимента с помощью диагностической батареи, что позволяет корректировать индивидуальные и групповые занятия Целевой программы.

Для анализа результативности программы принимаются следующие критерии уровня владения приобретенными навыками саморегуляции.

Низкий (непродуктивный) уровень использования методов саморегуляции характеризуется низкой общей активностью, переживанием состояния утомления, негативными эмоциями, психическим напряжением, плохим самочувствием, профессиональными неудачами, негативным отношением личности к себе и другим.

Среднему (малопродуктивному) уровню свойственны отсутствие стабильности в саморегуляции, внутреннем алгоритме управления саморазвитием; чередование успехов и неудач в профессиональной деятельности; поверхностные представления личности о собственном потенциале.

Высокий (высокопродуктивный) уровень отличается успешным освоением методов саморегуляции; развитыми психологическими умениями и навыками; эмоциональной устойчивостью; снижением тревожности, агрессивности, внутренней конфликтности, апатичности и раздражительности личности.

После реализации Целевой программы запланирован промежуточный срез и итоговая оценка базовых показателей саморегуляции и личностной надежности специалистов. В случае недостаточности уровня саморегуляции необходима индивидуальная коррекция выбора методики и сроков выполнения заданий программы.

Список литературы

1.*Григорьев А.А., Козьяков Р.В.* Особенности создания методики исследования эстетической в области литературного творчества // Журнал гуманитарных наук. 2014. № 8.
2. *Дикая Л.Г.* Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в условиях экстремальной деятельности: автореф. дис… д-ра психол. наук. – Курск, 2002.
3. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. – 1995. – № 1.
4. *Козьяков Р.В.* Имидж успешного руководителя в представлении менеджеров и рядовых сотрудников // Полиграфист. – 2012. – № 56.
5. *Козьяков Р.В.* Развитие коммуникативной компетентности у будущих учителей в системе непрерывного педагогического образования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2014.
6. *Козьяков Р.В., Орлова Е.А.* Корпоративная культура как элемент имиджа организации // Имиджелогия – 2008: имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности: материалы VI Международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е.А. Петровой. – М., 2008.
7. *Козьяков Р.В.* Психология и педагогика. Ч. 2. Педагогика – М.: Директ-Медиа, 2013. – 727 с.
8. *Козьяков Р.В.* Методы и методики диагностики эмоций. – М., 2013.
9. *Козьяков Р.В.* Психофизиология профессиональной деятельности. – М., 2013.
10. *Козьяков Р.В.* Психология профессионального общения. – М., 2014.
11. *Козьяков Р.В.* Психология переговоров. – М., 2014.
12. *Козьяков Р.В.* Методика формирования социальной активности учащихся. – М., 2014.

13. *Козьяков Р.В.* Психология. – М., 2014.
14. *Козьяков Р.В.* Психология имиджа. – М., 2014.
15. *Козьяков Р.В.* Формирование у подростков и молодежи позитивного имиджа независимой от наркотиков личности как фактор укрепления имиджевой политики России // Имидж национального единства и процветания России: материалы XII Международного симпозиума по имиджелогии, 12–14 июня 2014 г., Севастополь – Москва / под научн. ред. Е.А. Петровой, 2014.
16. *Котик М.А.* Общие понятия о надежности человека-оператора и законах саморегуляции. – Таллин: изд-во «Валгус», 1974. – 166 с.
17. *Крук В.М.* Психологические механизмы обеспечения личностной надежности специалиста // Российский научный журнал. – 2012. – № 4 (29).
18. *Маряшин Ю.В.* Комплекс психомоторной саморегуляции как средство психофизиологической подготовки и повышения надежности лиц опасных профессий: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – СПб.: СПб. гос. университет, 2005.
19. *Моросанова В.И.* Психология саморегуляции: учебное пособие. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2012.
20. *Миронов А.С.* Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса (на примере Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана) // Мир образования – образование в мире. – 2015. – № 1.
21. *Семикин Г.И., Мысина Г.А.* Здоровьесберегающие технологии и профилактика девиантного поведения в образовательной среде: учебное пособие. – М.: изд-во МГТУ им Н.Э. Баумана, 2013.
22. *Семикин Г.И., Мысина Г.А.* Психофизическое здоровье будущих специалистов // Человеческий капитал. – 2013. – № 9 (57).

Reference list

1. *Grigor'ev A., Koz'yakov R.* Features for developing a method of aesthetic research in the field of literary creation// Journal of the Humanities. 2014. № 8.
2. *Dikaya L.* The psychology of self-adjustment of the functional state of the subject in conditions of extreme activity: Synopsis of a thesis of Doctor of Psychology. Kursk, 2002.
3. *Konopkin O.* Psychicological self-adjustment of voluntary activity (structural-functional aspect) // Issues of Pshycology.1995. № 1.
4. *Koz'yakov R.* The image of a successful head in the representation of managers and employees // Typographer. 2012. № 56.
5. *Koz'yakov R.* The development of communicative competence of intended teachers in system of continuous pedagogical education: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. M., 2014.
6. *Koz'yakov R., Orlova E.* Corporate culture as an element of the image of the organization // Imageology – 2008: The image as a tool of attraction and competitiveness: Proceedings of the VI International Symposium of Imagology / Under the editorship of E. Petrova. – M., 2008.
7. *Koz'yakov R.* Psychology and Pedagogy. Part 2. Pedagogy. M.: Direct -Media, 2013. 727 p.
8. *Koz'yakov R.* Methods and techniques of emotions diagnostic. M., 2013.
9. *Koz'yakov R.* Psychophysiology of professional activity. M., 2013.
10. *Koz'yakov R.* Psychology of professional communication. M., 2014.
11. *Koz'yakov R.* Psychology of talks. M., 2014.
12. *Koz'yakov R.* The methodology of formation of students' social activity. M., 2014.
13. *Koz'yakov R.* Psychology. M., 2014.
14. *Koz'yakov R.* Image psychology. M., 2014.
15. *Koz'yakov R.* Formation of positive image of independent of drug use personality among adolescent and youth as a factor of strengthening of the image policy of Russia // The Image of national unity and prosperity of Russia: Proceedings of the XII International Symposium on Imageology, 12th–14th of June, 2014, Sevastopol – Moscow / Under the scientific editorship of E. Petrova, 2014.
16. *Kotik M.* General concepts on the reliability of the human operator and the self-adjustment principles. Tallinn: "Valgus" Publishing house, 1974. 166 p.
17. *Kruk V.* Psychological mechanisms to ensure the personal sustainability of the specialist // Russian scientific journal. 2012. № 4 (29).
18. *Maryashin Yu.* Complex psychomotor self-adjustment as a means of psycho-physiological training and improving the sustainability of persons of dangerous professions: Synopsis of a thesis of Doctor of Psychology. SBR.: Saint Petersburg University, 2005.
19. *Morosanova V.* The psychology of self-adjustment: Textbook. SBR.: "Nestor-History" Publishing house, 2012.
20. *Mironov A.* Psycho-pedagogical support of educational process (Through the example of Bauman Moscow State technical University) // World of education – education in the world. 2015. № 1.
21. *Semikin G., Mysina G.* Health saving technologies and prevention of deviant behavior in the educational environment: Textbook. M.: Publishing office of Bauman Moscow State Technical University, 2013.
22. *Semikin G., Mysina G.* Psychophysical health of intended specialists // Human capital. 2013. № 9 (57).

УДК 37.034

Ковров В.В.,
кандидат педагогических наук, доцент, директор Центра научных исследований Московского института государственного управления и права

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ДИХОТОМИЯ ВЫБОРА ЦЕЛЕЙ ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ[1]

В статье рассматриваются вопросы, связанные с актуализацией процесса нравственного воспитания детей и молодежи в период модернизации отечественной системы образования; подчеркивается, что данная проблема приобретает особую значимость в условиях глобальной трансформации практически всех сфер жизнедеятельности человека, динамики социокультурных процессов, влияющих на систему нравственных ценностей взрослеющего человека и его референтного окружения.

В статье обсуждаются методологические подходы к пониманию проблемы диалектики нравственных ценностей, целей, содержания и технологий процесса воспитания в широкой образовательной практике, обосновываются подходы повышения результативности нравственного воспитания в образовательной организации, минимизации социальных рисков и угроз, деструктивно влияющих на ценностно-нормативную сферу духовно-нравственного в культуре и в образовании.

Ключевые слова: образование личности, воспитание человека, нравственное воспитание, нравственные нормы и ценности, дихотомия нравственных целей и ценностей, развитие личности.

Kovrov V.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Center of Scientific Research of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE MORAL VALUES IN SOCIAL REALITY: THE DICHOTOMY OF CHOICE OF TRAINING AIMS IN CONTEMPORARY EDUCATIONAL PRACTICE

The article presents issues, which are related to the updating the process of moral training of the children and the youth in the period of modernization of the national education system; it is emphasized that this issue is assuming the special importance in the conditions of global transformation of all life sphere, virtually, in the dynamics of socio-cultural processes, which are affecting on the moral values system of maturing human and its referent surroundings.

This article discusses methodological approaches to the understanding of the issue of the dialectics of moral values, aims, contents and technologies of training process in the broader educational practice; there are substantiated approaches of enhancing the efficiency of moral training in an education institution, approaches of minimization of social risks and threats, which are destructively influencing on value-normative sphere of spiritual and moral in culture and education.

Keywords: personality formation, human training, moral training, moral norms and values, dichotomy of moral aims and values, personality development

В современной действительности жизнедеятельность людей понимается в контексте глобальных кризисных явлений, обусловленных феноменологией влияния факторов самых различных сфер «культурно-исторической палитры мира» XXI столетия: антропологической, экологической, экономической, социально-политической. Системно проявляющийся кризис, с позиции гуманитарного научного знания, поставил человечество на грань выживания. По сути, системно изменившийся по всем параметрам современный социум поставил перед научным сообществом ключевую методологическую задачу ос-

[1] Публикация статьи осуществлена в рамках гранта Президента РФ от 01.04.2015 №266/79-1 «Риски формирования российской идентичности в современной образовательной практике (на материале изучения жизнедеятельности учащихся в образовательных организациях Автономной Республики Крым)».

мышления рисков и угроз существующей реальности, поиск ответов на вопрос: что же собой представляет современный человек и его жизненное пространство в условиях актуализации противоречий его развития, воспитания и успешной социализации.

В отечественной исторической традиции эта миссия осуществлялась различными социальными институтами, в первую очередь семьей и школой, реализующими процесс «воспитания личности», цель которого определялась в «наставлении ребенка на путь», в предоставлении ученику целостного знания о мире. Сущность воспитания опредмечивалась посредством организации коллективно-творческой совместной деятельности детей и взрослых (просоциальной по целям и содержанию), в процессе которой взрослеющий ребенок приобретал опыт «социальных проб и ошибок», осваивал нормативность добра и зла, долга и ответственности, совести и чести, порядочности и достоинства, товарищества и дружбы.

Отечественная общеобразовательная школа была основана, как пишет С. Кара-Мурза, на «университетской» культуре в противовес «мозаичной» культуре и давала общий, целостный, дисциплинарный свод знаний, несмотря на то, что школы довольно сильно различались между собой по стартовым условиям, например, сельская школа по ресурсам значительно отличалась от городской (и тем более – столичной), однако тип образования, культурные ценности у всех были классически «университетскими»; «школа провинции» давала ученикам то же самое ядро культуры и ту же картину Вселенной, что и ученикам лучших столичных школ [4].

В 70-е гг. XX в. известный американский психолог, профессор Корнелльского университета Ури Бронфенбреннер провел исследование, построенное на сопоставлении двух систем воспитания детей – в Советском Союзе и Соединенных Штатах Америки, результаты которого были отражены в его книге «Два мира детства. Дети в США и СССР» [2]. Эта работа вызвала большой интерес не только потому, что она включала фундаментальный анализ материалов советских и американских работ в области образования, но и содержала многочисленные факты образовательной практики из личных наблюдений автора.

У. Бронфенбреннер отмечал, что, в отличие от американской школы, в советской школе огромное значение придается не только обучению, но и воспитанию. Воспитание, которое предлагала наша отечественная школа, было принципиально ориентировано на парадигму нравственности в жизнедеятельности ученических коллективов, в «событийность» детско-взрослого школьного сообщества. Ценность «развивающего воспитания в открытой социальной среде» была положена в основу личностного развития ученика в целостном педагогическом процессе [2].

Образование, ориентированное на воспитание, – это процесс творчества и сотворчества педагогов, психологов, учеников и их родителей, всей педагогической общественности, всего социума, заинтересованного в его эффективности и результативности. Это процесс преодоления безликости, обращение к личности ученика, к его потребностям, принятие его личных целей. Учет самобытности личности, своеобразия возрастных этапов, особенностей социального и культурного контекстов жизни, сложностей и неоднозначностей внутреннего мира воспитанника – это лишь некоторые психолого-педагогические условия, необходимые для полноценной жизни и реализации творческих сил каждого воспитанника и связанные с нравственным воспитанием и личностным становлением взрослеющего человека, с развитием инновационных процессов в образовательном учреждении [5; 7].

Сегодня в мире произошла значительная трансформация практически всех сфер жизни человека. Динамика социокультурных процессов поставила его перед дихотомией выбора нравственных ценностей (ориентиров), поиском ответа на вопрос: как быть, чтобы быть, и не просто быть, а быть на должном уровне? Человеку приходится выбирать «между тем, что есть правильно (нравственно), и тем, что легко». И сегодня все в большей степени проявляющийся «кризис нравственности» обусловлен ситуативной прагматикой, стремлением человека к достижению личных эгоистических устремлений быстрым и легким способом.

Переформатирование отечественного ценностного культурно-образовательного пространства привело к возрастанию количества людей с ярко выраженными эмоциональными проблемами, живущими в состоянии перманентного эмоционального дискомфорта. Беспокойство вызывает значительное увеличение количества детей, подростков и молодежи, находящихся в состоянии аффективной напряженности и беспомощности. Это вызвано наличием постоянного чувства незащищенности и отсутствием опоры со стороны близкого окружения. Наблюдается рост явлений одиночества, отвержения, тревожности. Отмечается их недостаточная социальная компетентность, их беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты. Но самое главное – в настоящее время все в большей степени на первый план у представителей молодого поколения выдвигаются волевые и соматические ценностные ориентации. Наблюдается негативная динамика культурных и общественных ценностных ориентаций [10].

Проблемы, связанные с человеческими ценностями, относятся к числу важнейших научных проблем – философских, психологических, педагогиче-

ских. Это объясняется той ролью, которую играют ценности в развитии человека и общества. Д.А. Леонтьев отмечает: ценности (как норма) выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой социальной группы, культуры, нации, для человечества в целом [3, с. 27–54]. С методологических позиций гуманитарного знания (философии, культурологии, социальной психологии) разрушение ценностной основы неминуемо ведет к кризису личности и общества, выход из которого возможен только на пути обретения новых ценностей.

Необходимость пристального внимания к проблеме морально-нравственного воспитания, развития нравственного сознания человека приобретает в последние годы все большую актуальность. Не случайно, выступая на молодежном форуме на Селигере 31 июля 2012 г., Президент В.В. Путин отметил: «Нет ничего более важного в обществе, чем морально-нравственные принципы, на которых оно основано. Ничего. Все остальное вторично. Человечество просто ничего другого не изобрело, кроме нравственных и моральных ценностей, изложенных в основных мировых религиях…».

С.Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» следующим образом раскрыл фундаментальную взаимосвязь психологической науки и нравственности: «Человек (субъект, личность) и его психика формируются и развиваются в процессе и в результате (изначально практической) деятельности – игровой, учебной, трудовой и т.д., т.е. социальной по своей сути. Тем самым человек включается во все более сложную систему отношений с другими людьми. Когда моральное содержание таких отношений приобретает ведущее значение, деятельность выступает в новом качестве – как поведение (в нравственном, а не в бихевиористском смысле слова)» [9].

По мнению С.Л. Рубинштейна, можно выделить два основных способа существования человека и, соответственно, два типа отношения к жизни: первый – жизнь без рефлексии, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. Здесь нравственность – это естественное состояние человека, неведение зла. Второй способ связан с появлением рефлексии. Именно здесь начинается либо путь к душевному опустошению, нравственному скептицизму или к моральной неустойчивости, либо к построению нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе [9].

Воспитывая «человеческое в человеке», мы неизбежно обращаемся к сфере ценностей, которые могут быть общечеловеческими и личными. Общечеловеческие ценности – это идеалы, имеющие одинаковый для всех смысл, которыми человек руководствуется в своих поступках и отношениях с людьми. Личные ценности представляют смысл только для самого человека.

Кроме того, систему ценностей можно представить в виде дихотомии: это ценности, которые являются традиционными, и ценности, сложившиеся под влиянием современных негативных общественных тенденций (антиценности).

Чтобы понять тектонический культурный сдвиг в сторону антиценностей, который произошел в нашей стране, необходимо обратиться к теории, называемой «окно Овертона» и разработанной в середине 1990-х гг. Джозефом П. Овертоном. В его концепции представлено так называемое «окно (возможности)» – реакции социума на различные, широко обсуждаемые в обществе идеи. В соответствии с этой идеей на концах некоего континуума находятся экстремальные полярные действия или решения по какой-либо проблеме.

Все проблемы находятся где-то вдоль этого стратегического континуума, который в общих чертах может быть обрисован или подразделен на следующие секторы (шаги): Немыслимое, Радикальное, Приемлемое, Разумное, Популярное, Политика. Идеи могут постепенно становиться более или менее приемлемыми. При этом следует учесть, что эти идеи или определенные ценности могут подменяться или маскироваться с помощью эвфемизмов, для того чтобы стать приемлемыми в глазах общества. Так, «жадность» можно назвать «экономностью» или «бережливостью», «отказ от рождения детей» – «социально ответственным поведением», «предательство идеалов» – «прагматизмом», «конформизм» – «здравым смыслом» и т.д.

При этом все, что требуется от большинства людей, которые считают ту или иную проблему недопустимой, – это бездействие. Люди, которые считали некоторые вещи недопустимыми, тем не менее молчаливо принимали изменения в культуре и нравственности, не обращая внимания на серьезные риски и угрозы традиционным общественным ценностям, способствуя, таким образом, своим молчаливым непротивлением разрушению системы традиционных ценностей [8].

Нам представляется, что современные, глобальные по своей сути и значению цивилизационные вызовы в социальной сфере в определенной степени проявляются как риски и конкретные угрозы. В сфере нравственного (допустимого в культуре и в образовании) в качестве ценностно-нормативного заявляются следующие принципы.

1. Плюрализация стилей жизни; возможности личности в выборе различных вариантов самопроявления, которые зависят от ее внутреннего мира (ценностной сферы), а также от уровня благосостояния и демократичности условий жизни.

2. Ориентация на жизненный успех – направленность на достижение высоких результатов на жиз-

ненном пути, завоевание вершин карьерного роста, получение высокого социального статуса, популярности, славы. Ориентация на успех обусловлена сменой общественных ценностей.

3. Консьюмеризация, т.е. ориентация на потребление (одна из центральных тенденций современного общества), исповедование такой иерархии ценностей, где наивысшие позиции занимает потребление. Причем последнее становится регулятором поведения личности не только в этой сфере, но и в других формах общественного бытия, во многом делая личность примитивной, обесценивая другие аспекты человеческого бытия.

4. Гедонизация жизни, которая проявляется в стремлении получать от жизни удовольствие, направлять усилия на достижение комфорта, развлечений, беззаботного существования.

5. Либерализация жизни (в контексте повседневной жизни), означающая ослабление ограничений для личности во всех сферах жизни, снятие табу и запретов на определенные формы поведения.

6. Информатизация жизни, увеличение насыщенности, интенсивности коммуникационных связей личности, резкое возрастание разнообразной информации, зачастую несущее негативные аспекты.

7. Публизация жизни, т.е. перемещение жизни из закрытого частного режима в открытый для общественности, коллектива режим [7].

В то же время существуют так называемые «вечные» или «универсальные» ценности, которые являются значимыми во все времена, при любом типе общественных отношений. К ним относят любовь, дружбу, любовь к родителям, к Родине, доброту, справедливость, щедрость, честность, добросовестность, трудолюбие и т.д. Базовым «вечным» ценностям России как общинной цивилизации противостоят следующие принципиально иные ценности или антиценности (называем вещи своими именами, избегая эвфемизмов), ведущие к разрушению иерархии традиционных ценностей, к нравственной энтропии и духовному распаду:

• коллективизм, общинность, соборность – индивидуализм, автономность, самодекларирование;

• любовь к людям, всечеловечность, сердечность, душевность – себялюбие;

• патриотизм (где родился – там и пригодился, любовь к малой родине, любовь к Родине) – мобильность, космополитизм (модель «неокочевника», «космополита», сформулированная Ж. Аттали), т.е. человека без «корней» в родной культуре, в родном языке, в национальной истории, готового свободно передвигаться по земному шару вслед за свободно перемещающимся капиталом;

• сложный красивый образный русский язык, любовь к русскому языку, русской словесности, классической русской литературе (учителю нравственности), престиж (регулярного домашнего) чтения, поэтических вечеров – чтение бульварной литературы (палп-чтиво, детективы, любовные романы, желтая пресса), повсеместное использование англицизмов, латиницы, сетевого жаргона (сленга), смысловое опустошение языка;

• скромность, сдержанность, достоинство – гордыня, амбициозность, расточительность напоказ, стремление к славе, известности, дешевой популярности любой ценой и любыми средствами, стремление к самоутверждению, демонстративность в поведении, желание и умение выделиться (слыть фриком), привлечь внимание любым способом, преувеличить свои способности (получить 5 минут славы по Энди Уорхолу, строить модель популярности по реалити-шоу «Дом – 2»);

• примат духовности над материальным, нестяжательство, потребительский аскетизм – личная нажива, «монетарные ценности», консьюмеризм (безудержное потребление), удачный бизнес, богатство, материальное процветание и преуспевание;

• добротность, прочность, качество, долговечность, надежность, штучность – новизна, яркость, популярность, одноразовость;

• альтруизм, благотворительность, меценатство, бессребренничество – эгоизм, выгода, прибыль, ростовщичество, тяга к наживе, высмеивание финансовых «лузеров»;

• самоограничение, аскетизм – гедонизм, возведенный в принцип; наслаждение любой ценой (игромания, наркомания, агрессивная сексуальность); эстетика «гламура»;

• высокая отечественная культура – массовая культура, «мыльные» оперы, «пустые» сериалы, бульварная литература, желтая пресса, телевизионные зрелища, порнография и ненормативная лексика;

• жертвенность, преданность идеалам, искренность, открытость – шкурничество, конформизм, ренегатство, предательство идеалов;

• активная социальная позиция, ощущение сопричастности, пассионарность, желание быть сильными и способными самим делать свою жизнь, жизнь своей страны и семьи счастливой – равнодушие («моя хата с краю»), безответственность, слабость, эскапизм;

• социальная справедливость, порядочность – социальное и экономическое неравенство (с экономической и социальной несправедливостью тесно связана моральная); оправдание коррупции, оправдание положения содержанки, цинизм;

• традиционная семья, неприкосновенность семьи – разрушение традиционного гендера, семья с партнерскими свободными отношениями, гражданский брак, гостевой брак; стиль «чайлдфри» (от англ.

childfree – свободный от детей) – отсутствие детей и сознательное нежелание когда-либо иметь их, стиль «чайлдхейт» – ненависть к детям как таковым, демонстрирующий презрение к «плодящемуся быдлу»;

• связь поколений в семье, уважение и авторитетность старости, возраста, мудрости – нуклеарная семья (мама, папа, ребенок); отказ от межпоколенных связей; отрицание авторитетов, презрение к старости, культ вечной молодости и молодого тела;

• любовь и верность, всемерное проявление заботы – свободные сексуальные отношения, отсутствие обязательств;

• честный, добросовестный труд (дело, работа), – мошенничество, биржевые манипуляции, ростовщичество; бездельничество, тунеядство, иждивенчество;

• уважение к человеку труда, труд на производстве, гордость за свой завод, овладение рабочей профессией, практическое мастерство – гордость за принадлежность к «элите» – менеджерам, дизайнерам, юристам и т.д., стремление быть безликим «офисным планктоном», который не строит, а «обустраивает»;

• уважение к человеку науки, профессионализм, формирование экспертного научного сообщества, уважение к процессу научной дискуссии, этика ученого – коррупция, плагиат, «купленные» диссертации, дискредитация науки;

• оптимистическая вера в возможности человеческого рассудка, его способность преодолевать заблуждения, познавать и деятельно переустраивать мир на разумных и справедливых основаниях – вера в магию, колдовство, мистические способы постижения мира.

• стабильность, уверенность в завтрашнем дне – адаптация (необходимость приспосабливаться к кратковременным стратегиям каждодневного выживания, быть «изменяющимся человеком в изменяющемся мире»);

• романтика, ассоциирующаяся с постижением, жаждой нового, жаждой перемен, с походами, приключениями и испытаниями, подвигами и героизмом – цинизм, прагматизм, суета повседневности, мелочность, пошлость, мещанство, жажда «красивой» жизни, обывательское отношение к миру;

• трудолюбие, преодоление трудностей, коллективные и индивидуальные усилия – гедонизм, комфорт, благополучие;

• ответственное, укладывающееся в социально безопасные рамки поведение – ничем не ограниченная личная свобода;

• дружба народов, понимание, «симфонизм» культур – политкорректность, толерантность, мозаичный мультикультурализм;

• всемирная отзывчивость, сочувствие, сострадание и сорадование – озлобление, нетерпимость (при прямо противоположной риторике), стремление злорадствовать и радоваться чужой беде, чужому несчастью, чужим ошибкам, чужому падению;

• жажда правды, выступления против лжи, поиски истины, борьба за справедливость, разграничение добра и зла – нравственный и культурный релятивизм в стиле «все оттенки серого», относительность всего и вся;

• мир, добрососедство, милосердие, взаимопомощь, человеколюбие, защищенность, безопасность, ненасилие – агрессивность, жесткость, жестокость, насилие, человеконенавистничество, пренебрежение людьми и т.д.

В результате, в зависимости от доминантных ценностных нормативов, определяющих сущность той или иной воспитательной парадигмы в широкой образовательной практике, мы можем получить:

1) личность, обладающую чувством собственного достоинства, проектирующую и строящую новое позитивное (справедливое) настоящее и будущее человечества *или* «добропорядочного гражданина, работника и потребителя», обладающего конкурентоспособностью на отечественном и мировом рынке труда;

2) личность, обладающую целостным представлением о мире, о добре и зле *или* личность, обладающую массой отрывочных знаний по принципу «мозаичной культуры» и т.д.

Система ценностей играет определяющую роль в жизни общества, она выступает в качестве объединяющего, сплачивающего начала. Ценности охватывают все сферы жизни и деятельности человека и общества, а система ценностей определяет основные принципы взаимоотношений индивида и общества. Зачастую истинные ценности перестают являться абсолютными мотиваторами каждодневного поведения, но они окончательно не исчезают. Система истинных ценностей ждет актуализации, переключения на активный режим функционирования для своего дальнейшего развития. И сегодня по-прежнему актуальным является (и должно вызывать озабоченность государства и общества) деградация воспитательного компонента и примитивизация духовно-нравственного воспитания в широкой образовательной практике. Это особо значимо в период модернизации российского образования, когда при обновлении содержания и организации образовательного процесса должны быть значительно актуализированы его воспитательные функции [7, с. 145–153].

Однако приходится констатировать, что при организации образовательного процесса происходит девальвация ценности воспитания (как специально организуемого процесса), заметна минимизация (примитивизация) нравственно-нормативного в содержании и педагогических технологиях, что снижает воспитательную и социализирующую функции образования. К этому добавим, что фиксируемые бюро-

кратизация и избыточное администрирование, авторитарность в управлении воспитательным процессом в различных по типу образовательных организациях (учреждениях) не позволяют создать необходимые психолого-педагогические условия для нравственного становления и развития личности молодого человека [1, с. 109–113; 5, с. 85–92].

Совершенно очевидным является то, что современные вызовы нравственному становлению и развитию молодежи нужно защищать от агрессивной пропаганды вседозволенности и насилия, примитивизма и цинизма, учить достойно жить в меняющемся социуме, создавая «островки безопасности» в различных образовательных средах и проектировать в них дружественную социальную среду. С другой стороны, необходимым является активное использование в массовой образовательной практике технологий критического мышления, способствующих личностному самоопределению и развитию культуры рефлексии взрослеющего человека, формированию собственных взглядов и позиций, основанных на нравственном и ненасильственном взаимодействии с окружающими его людьми.

Список литературы

1. *Антонова А.В., Ковров В.В.* Воспитательная система школы и обеспечение психологической безопасности образовательной среды // Российский научный журнал. – 2013. – № 4 (35).
2. *Бронфенбреннер У.* Два мира детства. Дети в США и СССР. – М.: Прогресс, 1976. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1021155/Bronfenbrenner_-_Dva_mira_detstva._Deti_v_SShA_i_SSSR.html (дата обращения: 10.02.2016).
3. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Западная и русская школа: в чем суть нашего выбора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL.:http://rodnayaladoga.ru/index.php/lepta/index.php/component/authorlist/author/7-volgin-i-l (дата обращения: 05.02.2016).
5. *Ковров В.В.* Актуализация воспитательного компонента в современной образовательной практике // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2015.
6. *Ковров В.В.* Духовно-нравственное воспитание как фактор обеспечения психологического здоровья личности современного школьника в безопасной образовательной среде // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – Т. 3. – № 3.
7. *Ковров В.В., Оганесян Н.Т.* Проблема актуализации традиционных отечественных ценностей в современной образовательной практике // Российский научный журнал. – 2013. – № 7 (38).
8. *Сохань Л.В.* Искусство жизнетворчества (Предназначение. Жизнетворчество. Судьба): социологические очерки, социально-психологические эссе, интервью, глоссарий: в 2 т. – Киев, 2010. – Т. 1.
9. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999.
10. *Фельдштейн Д.И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века (доклад на общем собрании РАО). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.raop.ru/content/Feldshtein_sobr_2012.doc. html (дата обращения: 06.02.2016).

Reference list

1. *Antonova A., Kovrov V.* The training system of schools and the provision of psychological safety of the education environment // Russian scientific journal. 2013. № 4 (35).
2. *Bronfenbrenner U.* Two Worlds of Childhood: US and USSR. Moscow: Progress, 1976. [Electronic resource]. Access mode: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1021155/Bronfenbrenner_-_Dva_mira_detstva._Deti_v_SShA_i_SSSR.html (Date of access: 10.02.2016).
3. *Leont'ev D.* Value as the interdisciplinary conception: Experience of multidimensional reconstruction // Issues of philosophy. 1996. № 4.
4. *Kara-Murza S.* The school of the West and the Russian: What is the essence of our choice [Electronic resource]. Access mode: URL.:http://rodnayaladoga.EN/index.php/lepta/index.php/component/authorlist/author/7-volgin-i-l (Date of access: 05.02.2016).
5. *Kovrov V.* Updating the training component in contemporary educational practice // Pedagogy and Psychology: Current issues of theory and practice: Proceedings of the V International scientific-practical conference. Cheboksary, 2015.
6. *Kovrov V.* Spiritually-moral training as a factor of ensuring the psychological health of the personality at the contemporary pupil in a safe educational environment // Bulletin of Vyatka State University of Humanities. 2012. Vol. 3. № 3.
7. *Kovrov V., Oganesyan N.* The issue of actualization of traditional national values in contemporary educational practice // Russian scientific journal. 2013. № 7 (38).
8. *Sokhan' L.* The art of creative life (Destination. Creative life. Destiny): Sociological sketches, socio-psychological essays, interviews and glossary: In 2 Vol. Kyiv, 2010. Vol. 1.
9. *Rubinstein S.* Fundamentals of General Psychology. SBR.: Piter Kom, 1999.

10. *Fel'dstein D.* Issues of psychological and pedagogical sciences in the spatially-temporal situation of the XXI century (The report at the General Meeting of RAE). [Electronic resource]. Access mode: http://www.raop.ru/content/Feldshtein_sobr_2012.doc. html (Date of access: 06.02.2016).

УДК 378

Медведицкова Л.В.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

В статье рассмотрены основные подходы и роль психолого- педагогических знаний в процессе подготовки полицейских кадров в странах Западной Европы и Америки. В странах Западной Европы и США элементы психологической подготовки в обучении полицейских имели место с самого начала введения обязательной профессиональной подготовки для сотрудников полиции, что было связано с профессиональной необходимостью проведения сложных оперативных действий, напрямую зависящих от психологических знаний сотрудников, принятия важных управленческих решений. Автор приходит к выводу о том, что непрерывное, неустанное повышение качества психолого-педагогической подготовленности сотрудников полиции выступает обязательным, важнейшим рычагом, механизмом достижения успехов в обеспечении жизнедеятельности правового государства.
Ключевые слова: сотрудники полиции, психолого-педагогические знания, социально-педагогическая осведомленность

Medveditskova L.,
PhD in Law, Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Law, Criminal Science and Criminal-Penal Law of Stavropol' Branch of Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING OF POLICE OFFICERS IN FOREIGN COUNTRIES

The article describes the basic approaches and the role of psychological-pedagogical knowledge in the process of police training in Western European countries and America. In Western European countries and in the USA the elements of psychological preparation in the training of police officers have been the case with the beginning of insertion of the mandatory professional training for police officers, caused by professional necessity of performing complex operative actions, which are directly depended from psychological knowledge of staff, making of major management decisions. The article author comes to the point that continuous, incessant quality improvement of psychological-pedagogical preparedness of the police officers is performed as a mandatory, an important driver, a mechanism for achieving success in ensuring life-sustaining activity of legal State.
Keywords: police officers, psychological-pedagogical knowledge, social-pedagogical awareness

Повышение внимания к психолого-педагогическим аспектам профессиональной подготовки сотрудников полиции за рубежом в последние 20–30 лет потребовалось в связи с изменениями в концепции полицейской деятельности и смещением акцентов на функцию социального обслуживания населения.

В этой связи возникла необходимость вооружения полицейских глубокими психологическими знаниями, касающимися взаимодействия с населением и разрешения конфликтов методами оказания оперативной психологической помощи при вмешательстве в семейно-бытовые конфликты, способами сохранения индивидуальной выдержки полицейских, борьбы со стрессами и т.д.

К началу XXI в. в передовых зарубежных странах сложилась система непрерывного профессионального образования полицейских.

Европейские полицейские учебные заведения имеют статус, приравненный к общегосударственной образовательной степени, конвертируемой и вне деятельности полиции. Суть американской традиции профессионального полицейского образования – принятие на учебу в полицейские академии, колледжи, учебные центры людей, уже имеющих ту или иную образовательную степень, при этом обучающиеся должны дополнять ее профессионально-правовой составляющей, не расцениваемой как дипломированное образование.

Например, подготовка полицейских в США имеет трехуровневое строение:

1) первоначальное обучение поступающих на службу в полицию в учебных центрах, академиях и других специальных учебных заведениях, принадле-

жащих территориальным полицейским органам; этот уровень соответствует полной общеобразовательной ступени или среднему профессиональному образованию;

2) многопрофильная подготовка полицейских разных специальностей, среднего руководящего состава полиции в ведомственных образовательных учреждениях или учебных центрах под эгидой центральных органов полицейского управления; этот уровень соответствует степени бакалавра или несколько ниже;

3) подготовка управленческих кадров полиции, старших и высших офицеров в полицейских академиях, учебных центрах либо других ведомственных образовательных учреждениях, а также в общих университетах по специальным программам, относящимся к полицейской, юридической, управленческой и тому подобной специализации; минимальным обычно является диплом бакалавра, максимальным – диплом магистра либо какая-нибудь ученая степень (послевузовское образование) [1, с. 167–171].

Параллельно с основными уровнями профессионального ведомственного образования действует широкая многопрофильная сеть дополнительного образования: повышение квалификации, усовершенствование и переподготовка полицейских кадров – все это функционирует как на базе учебных заведений, так и в форме служебной подготовки непосредственно на местах.

Кроме возможности получить ведомственное образование, все больше полицейских откомандировываются или самостоятельно поступают в общегражданские университеты, институты, колледжи. Участились случаи приема на работу в полицию людей, уже имеющих одно или даже два высших образования.

Каждый выпускник заранее знает место своей будущей службы и должность. Это связано с тем, что местные органы власти и органы полиции принимают непосредственное участие в рекрутировании и отборе кандидатов на учебу, в управлении учебным заведением, его финансировании.

В странах Западной Европы и США элементы психологической подготовки в обучении полицейских имели место с самого начала введения обязательной профессиональной подготовки для сотрудников полиции, что было связано с профессиональной необходимостью:

• проведения сложных оперативных действий, напрямую зависящих от психологических знаний сотрудников;

• принятия важных управленческих решений и т.д.

Концептуальные основы психологической подготовки сотрудников американской полиции закладывались еще с начала XX в. Научное осмысление проблем, с которыми связана психолого-педагогическая подготовка, началось в 1931 г., когда в США исследовательская группа комиссии Вихершема осуществила первое систематизированное изучение американской системы уголовного правосудия.

Исследователи опрашивали сотрудников, собирали демографические данные об их этнической принадлежности, роде деятельности родителей, размере и структуре семьи, образовательном уровне, социальном окружении в детском возрасте. Вторая волна научного интереса к личности полицейского обнаружилась в конце 50-х гг. и достигла пика в начале 70-х публикацией книги Альберта Риса «Полиция и население». Было констатировано, что ключом к решению проблемы улучшения действий полиции является многокомпонентный профессионализм и уровень образования.

Гуманистические концепции профессиональной подготовки оказались востребованы в конце 60-х гг. XX в., когда полиция многих зарубежных стран Западной Европы и США столкнулась с необходимостью вмешательства в массовые беспорядки, обусловленные социальной напряженностью, в том числе межнациональными, этническими и религиозными конфликтами.

Актуализация социального начала в деятельности полиции потребовала организации и соответствующей подготовки.

Психолого-педагогическая подготовка сотрудников полиции имеет уровневые различия. Так, на *начальном* уровне ее характеризуют прежде всего следующие направления:

• обучение общению с населением, коллегами (в том числе других служб), средствами массовой информации;

• развитие профессионально значимых качеств личности: внимания, наблюдательности, памяти и т.д.;

• обучение умению снимать стрессы, которые отрицательно влияют на самочувствие и состояние здоровья.

На уровне *первоначальной подготовки* сотрудникам дается информация о сложности и динамике данного социального пространства и о месте в нем полиции.

Продвинутый уровень психологической подготовки предполагает развитие у полицейских социально-организационных умений, способности к согласованному взаимодействию с населением. Психологическое обучение направлено на приобретение навыков, которые должны помочь полицейскому избежать конфликтов в процессе общения с гражданами и правильно вести себя в конфликтных ситуациях. Кроме того, полицейских учат налаживать контакты с различными группами населения (детьми, женщинами, национальными и секс-меньшинствами,

представителями средств массовой информации и государственными служащими).

Подготовка управленческого звена полиции включает развитие умений руководить, принимать решения, координировать действия сотрудников, планировать материальные, финансовые и людские ресурсы, организовывать действия населения для поддержания общественного порядка [7, с. 86–90].

Лиц, занимающих руководящие посты в высшем «эшелоне» полицейской иерархии, готовят по принципу: только высокообразованный, профессионально-компетентный человек может руководить полицейскими органами, включающими не только громадные материально-технические ресурсы, но и самый сложный и значимый «человеческий ресурс». Их обучают создавать благоприятный морально-психологический климат среди персонала, строить оптимальные деловые взаимоотношения с сотрудниками, предупреждать и разрешать конфликты. Человековедческие психологические и педагогические знания и умения обязательны для управленца. Они составляют менталитетную основу его деловых успехов, устойчивого профессионального рейтинга и людского признания.

Многие исследователи считают, что не следует выделять взаимоотношения с населением в отдельный предмет, лучше вводить элементы этого курса во все части программ полицейской подготовки. В то же время большинство применяемых на практике программ психологической подготовки сотрудников полиции за рубежом построено на основе специальных курсов занятий семинаров самостоятельной подготовки, что позволяет добиться углубленного и качественного их обучения.

Кроме того, в некоторых странах (Франция) считается, что психология должна преподаваться не узкими специалистами-психологами, а специально подготовленными юристами, которые смогут адаптировать содержание к потребностям права.

Есть и категории работников, которым достаточен еще меньший объем педагогической подготовленности – **социально-педагогическая осведомленность.** Эта категория должностных лиц и сотрудников активно не решает педагогические задачи. Их связь с педагогикой выражается в том, что они своим поведением в общении с людьми и решении сугубо профессиональных задач оказывают на них, часто даже не осознавая этого, воспитательное и отчасти обучающее воздействие, которое может быть и отрицательным. Это особенно характерно для работников муниципального и государственного управления, медицинских учреждений, таможенной, пограничной, налоговой служб, судебных исполнителей, работников разных канцелярий, дежурных служб, рядовых полицейских патрульно-постовой службы, сотрудников разрешительных и охранных подразделений и многих других. Их профессиональной деятельности всегда присуще *социально-педагогическое влияние* на других людей, которые обращаются к ним по разным вопросам. Это влияние поведения, действий, общения, решений, применяемых санкций, даже внешнего вида, выражения лица, позы, тона разговора, разъяснений, убеждений, требований и т.п.

Социально-педагогическое влияние, например, оказывает и чисто правоохранительное действие: успех/неуспех в поддержании и наведении порядка в общественных местах, задержание правонарушителя по горячим следам, раскрытие и расследование получившего общественный резонанс преступления, освобождение заложников, пресечение готовящегося террористического акта, приговор суда, проверка документов сотрудником полиции и пограничным нарядом и т.д.

Социально-педагогический эффект в таких случаях присутствует всегда и предстает как побочный результат профессиональных действий. Этот эффект выражается в возникновении у граждан:

• привычек организованного, вежливого, культурного, дисциплинированного и правомерного поведения в учреждениях, общественных местах и в быту;

• новых или измененных социально-политических, нравственных, правовых и других выводов, оценок, знаний, взглядов, убеждений, привычек поведения;

• уважения к власти и ее служащим, в формировании представлений о них как о стражах порядка, справедливости, закона, защищающих интересы граждан, их права и безопасность и пр.;

• веры в справедливость, убежденности в возможности добиться восстановления своих нарушенных прав;

• побуждений к отказу от ряда вредных поведенческих и бытовых привычек, повышению требовательности к себе, уважительному отношению к другим;

• новых знаний и умений по вопросам, относящимся к компетентности лица, которое вступает с ними в контакт;

• представлений о качествах работников той или иной организации и мнения о том, что она собой представляет [6].

Социально-педагогическое влияние на граждан в разовых контактах может быть и незначительным, но таких контактов у большинства сотрудников полиции и граждан много (например, только у сотрудников дорожных служб их бывает до 30–40 млн в год), они часты и в итоге сливаются в мощный поток непрерывных социально-педагогических воздействий на граждан.

Этот опыт жизни весьма прочен, и если он был негативным, то потом словесными разъяснениями, как правило, ничего не изменить. Существенно и то, что впечатления граждан от общения с конкретным работником полиции переносятся уже на всю организацию (учреждение, фирму, предприятие, правоохранительные органы), в которой он работает (на ее имидж), и даже на положение в стране, на то, что собой представляет власть в ней.

При этом крайне важна степень осознанности или неосознанности сотрудниками полиции своего социально-педагогического влияния на население. Важно понимать, хотят ли они достигнуть пусть незначительного, но нужного результата при каждом контакте с гражданином, умеют ли делать для этого то, что надо. Ответы на данные вопросы свидетельствуют об особой грани профессионализма сотрудника полиции – **социально-педагогической осведомленности.** Последняя представляет собой совокупность:

• *социально-педагогических знаний* о влиянии своей личности, поведения, общения, решения профессиональных вопросов на граждан, посетителей, клиентов;

• *развитой педагогической чуткости* к соответствующим аспектам своей профессиональной деятельности;

• *социально-педагогических знаний, навыков и умений* о способах регуляции собственного поведения, должного оказать положительное обучающее и воспитывающее влияние на граждан, посетителей, клиентов;

• *чувств, ответственных* за тот воспитательный результат, который получает во время общения с ним каждый гражданин, посетитель, клиент;

• *социально-педагогических установок* на достижение положительного социально-педагогического эффекта при каждом контакте с любым гражданином, посетителем, клиентом [3].

Вооружение сотрудников полиции знаниями в области социально-педагогической осведомленности осуществляется в странах Западной Европы и США в специальных профессионально-педагогических учреждениях, на курсах первоначальной профессиональной подготовки, по месту службы или самостоятельно.

Следует отметить, что положительный опыт зарубежных стран при подготовке сотрудников полиции активно изучается и внедряется в практику подготовки и повышения квалификации сотрудников полиции России [2, с. 295–299; 4, с. 71–73; 5, с. 27–28].

Таким образом, в условиях современной жизни, ее социальных, гуманитарных, моральных, правовых и иных проблем расширение различных видов психолого-педагогической подготовки крайне необходимо. Например, в странах Евросоюза, которые столкнулись с острой проблемой, связанной с притоком мигрантов, срочно разрабатываются новые методы работы, проводится специальное обучение сотрудников.

В странах Западной Европы, США и др. отчетливо понимают, что никакие законы, приказы, инструкции, программы ничего не изменят в обществе и любой организации, пока граждане страны не станут более образованными, воспитанными и развитыми. Ничто не изменится к лучшему, пока не будут работать эффективнее все службы, связанные с обеспечением правопорядка в стране, пока не повысится психолого-педагогическая подготовленность их сотрудников, пока не воплотятся в жизнь самые лучшие намерения и планы. Огромную роль в этом процессе должны играть непосредственно правоохранительные органы. Поэтому непрерывное, неустанное повышение качества психолого-педагогической подготовленности сотрудников полиции выступает обязательным, важнейшим рычагом, механизмом достижения успехов в обеспечении жизнедеятельности правового государства.

Список литературы

1. *Петренко Д.А.* Зарубежный опыт организации профессионального обучения полицейских // Научно-методические проблемы подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел: сборник материалов VI Межвузовской научно-практической конференции / под общей редакцией Л.И. Тимошенко, С.Н. Кашина. – 2013.

2. *Петренко Д.А., Чеджемов С.Р.* О необходимости интеграции российского и зарубежного опыта в организации профессиональной подготовки инструкторско-педагогических кадров полиции по боевой и физической подготовке на основе компетентностного подхода // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – № 12.

3. Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / под редакцией В.Я. Кикотя и А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

4. *Устинова Л.Г.* Конструирование технологий воспитания сотрудников ОВД // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1 (44).

5. *Устинова Л.Г.* Применение комплексного подхода в процессе организации воспитания коллектива сотрудников ОВД // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2 (45).

6. Юридическая педагогика / под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004.
7. *Цветков В.Л.* Полицейская психология: опыт Испании // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 4 (59).

Reference list

1. *Petrenko D.* Foreign experience of planning of professional training of police officers // Scientific-methodological issues of training instructional-pedagogical staff for combat and physical training for internal affairs agencies: Proceedings of the VI Interuniversity scientific - practical conference / Under the general editorship of L. Timoshenko, S. Kashin. 2013.
2. *Petrenko D., Chedzhemov S.* About the necessity of integration of the Russian and foreign experience in planning of professional training of instructional-pedagogical staff of police on combat and physical training on the basis of competence approach // Bulletin of University (State University of Management). 2014. № 12.
3. Applied legal pedagogy in internal affairs agencies: Textbook for cadets and auditors of education institutions of the Ministry of Interiors of Russia, having a law profile / Under the editorship of V. Kikotya and A. Stolyarenko. M.: UNITY-DANA, 2008.
4. *Ustinova L.* The design of training technologies of law enforcement officials// World of science, culture, education. 2014. № 1 (44).
5. *Ustinova L.* The implementation of integrated approach in planning of training of law enforcement officers staff // World of science, culture, education. 2014. № 2 (45).
6. Legal pedagogy / Edited by Professor V. Kikotya, Professor A. Stolyarenko. M.: UNITY-DANA, Law and Right, 2004.
7. *Tsvetkov V.* Police psychology: The Spanish experience // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2014. № 4 (59).

Авджян Г.Д.,
кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры организации и планирования местного развития Кубанского государственного университета
e-mail: Kadet_67@mail.ru

Avjyan G.,
PhD in History, Associate Professor, Professor of Chair of Organization and Planning of Local Development of the Kuban State University

Анфимова А.Ю.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Университета «Дубна»
e-mail: ladyannstyle@mail.ru

Anfimova A.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State and Municipal Management of the "Dubna" University

Бажанов С.В.,
доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, академик Петровской академии наук и искусств
e-mail: svb-1956@mail.ru

Bazhanov S.,
Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of Department of Prosecutorial Supervision Issues and Consolidation of Legality in the Economic Sphere of Research Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Academician of Peter's Academy of Arts and Sciences

Баширова М.А.,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики, теории и методики начального образования, заведующая кафедрой педагогики, теории и методики начального образования филиала Дагестанского педагогического университета в г. Дербенте
e-mail: bashirova.maida@mail.ru

Bashirova M.,
Doctor of Philology, Professor, Professor of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology, Head of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

Блинов А.Г.,
доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: rollo@mail.ru

Blinov A.,
Doctor of Law, Head of Chair of Criminal Law and Criminal-Executive Law of Saratov State Academy of Law

Бобрышов С.В.,
доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой воспитания, социализации и развития личности Ставропольского государственного педагогического института
e-mail: inst-per@gmail.com

Bobryshov S.,
Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Chair of Training, Socialization and Personality Development of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Бокова Л.Н.,
заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Федерального Собрания Российской Федерации
e-mail: tarasov.tam@yandex.ru

Bokova L.,
Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Building of the Federal Assembly of the Russian Federation

Бочкарев С.В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: Pkb-spb@yandex.ru

Bochkarev S.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of International Law of the Herzen
State Pedagogical University of Russia

Володарская Е.А.,
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник истории организации науки
и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
e-mail: eavolod@gmail.com

Volodarskaya E.,
Doctor of Psychology, Leading Researcher of History of the Organization of Science and Science Studies
of Institute for the History of Natural Science and Technics named after S. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

Гасанова Н.А.,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания
русского языка филиала Дагестанского государственного педагогического университета в г. Дербенте
e-mail: gacan33@mail.ru

Gasanova N.,
PhD in Philology, Senior Lecturer of Chair of Teaching Methodology of the Russian Language
of the Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

Гулиева М.М.,
кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Ингушского государственного университета
e-mail: bird20gmail.com

Gulieva M.,
PhD in Political Science, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law
of the Ingush State University

Гусейнова К.Э.,
магистрант, старший лаборант Центра социологии управления и социальных технологий
Института социологии РАН
e-mail: liksedar@mail.ru

Guseynova K.,
Master's student, Senior Laboratory Assistant of the Center of Sociology of Management and Social Technologies
of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Данилина Е.И.,
доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного
и муниципального управления Московского института государственного управления и права
e-mail: danilina05@mail.ru

Danilina E.,
Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of State and Municipal Management of the Moscow Institute
of Public Administration and Law

Деметрадзе М.Р.,
доктор политических наук, профессор, профессор Института социологии РАН
e-mail: Demetradze1959@mail.ru

Demetradze M.,
Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Institute of Sociology
of the Russian Academy of Sciences (ISRAS)

Дорская А.А.,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: adorskaya@yandex.ru

Dorskaya A.,
Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia

Ефремова И.А.,
кандидат юридических наук, доцент, докторант, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: efremova05@ya.ru

Efremova I.,
PhD in Law, Associate Professor, Doctoral student, Associate Professor of Chair of Criminal and Criminal-Executive Law of the Saratov State Academy of Law

Заец Т.В.,
старший преподаватель кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, соискатель кафедры немецкого языка и современных технологий обучения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета
e-mail: rebel111@mail.ru

Zaets T.,
Senior Lecturer of Chair of the German Language of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Degree-seeking student of Chair of the German Language and Modern Teaching Technologies of the Moscow Institute of Foreign Languages of the Moscow City Pedagogical University

Ковров В.В.,
кандидат педагогических наук, доцент, директор Центра научных исследований Московского института государственного управления и права
e-mail: lev23@list.ru

Kovrov V.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Center of Scientific Research of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Козьяков Р.В.,
кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной клинической психологии и инклюзивного образования Российского государственного социального университета
e-mail: kozyakovpoman@yandex.ru

Koz'yakov R.,
PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Special Clinical Psychology and Inclusive Education of the Russian State Social University

Крупеня Е.М.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Московского городского педагогического университета
e-mail: Krupenyaem@yahoo.com

Krupenya E.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law of Law Institute of the Moscow City Pedagogical University

Лищина Г.Н.,
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии Российского государственного социального университета
e-mail: Lgn2010@mail.ru

Lishchina G.,
Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of Chair of Family, Gender Policy and Youth Studies of the Russian State Social University

Марченко Е.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Университета «Дубна»
e-mail: jenny_marc@mail.ru

Marchenko E.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State and Municipal Management of the "Dubna" University

Медведицкова Л.В.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: beer@land.ru

Medveditskova L.,
PhD in Law, Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Law, Criminal Science and Criminal-Penal Law
of Stavropol' Branch of Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia

Ольховик И.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономические теории»
Белорусского национального технического университета
e-mail: olhovik-irina@mail.ru

Ol'khovik I.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair "Theoretical Economics" of the Belarusian National Technical University

Орлова Е.А.,
доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета
экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета
e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

Orlova E.,
Doctor of Psychology, Professor of Chair of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology of Faculty
of Extreme Psychology of the Moscow City Psychological Pedagogical University

Пашенцев Д.А.,
доктор юридических наук, профессор, консультант по научной работе Московского института
государственного управления и права, профессор кафедры теории и истории государства
и права Московского городского педагогического университета
e-mail: dp-70@mail.ru

Pashentsev D.,
Doctor of Law, Professor, Consultant for Research Activity of the Moscow Institute of Public Administration
and Law, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City Pedagogical University

Петрова Е.А.,
доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и общей психологии, заведующая кафедрой
социальной и общей психологии, декан факультета психологии, социальной медицины и адаптационно-
реабилитационных технологий Российского государственного социального университета
e-mail: petrova-sorina@yandex.ru

Petrova E.,
Doctor of Psychology, Professor of Chair of Social Psychology and General Psychology, Head of Chair of Social
Psychology and General Psychology, Dean of the Faculty of Psychology, Social Medicine and Adaptation-
Rehabilitation Technologies of the Russian State Social University

Пиканина Ю.М.,
психолог лаборатории психологической поддержки студентов учебно-методического центра
«Здоровьесберегающие технологии и профилактика наркомании в молодежной среде»
Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
e-mail: kalinka@mail.ru

Pikanina Yu.,
Psychologist of the Laboratory of Psychological Support for Students of Training Center "Health Saving Technologies
and Drug Abuse Prevention among Young People" of the Bauman Moscow State Technical University

Продченко И.А.,
кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Государственного НИИ Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: iprodchenko@mail.ru

Prodchenko I.,
PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

Саенко Л.А.,
доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Северо-Кавказского федерального университета
e-mail: rendez@mail.ru

Saenko L.,
Doctor of Sociology, Professor of Chair of Social Techniques of the North-Caucasus Federal University

Северова Н.Ю.,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
e-mail: north14@gmail.com

Severova N.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Chair of the German Language of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Седых Т.В.,
кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: irks@mail.ru

Sedykh T.,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Chair of Criminal Process of Stavropol' Branch of Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia

Сеидова Р.С.,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, теории и методики начального образования филиала Дагестанского педагогического университета в г. Дербенте
e-mail: seidova@gmail.com

Seidova R.,
PhD in Philology, Senior Lecturer of Chair of Pedagogy, Theory and Basic Education Methodology of the Derbent Branch of the Dagestan State Pedagogical University

Скребнева Н.А.,
аспирант Московского института государственного управления и права, преподаватель Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова
e-mail: rio@migup.ru

Skrebneva N.,
Postgraduate student of the Moscow Institute of Public Administration and Law, Lecturer of the Moscow State Medical-Dental University named after A. Evdokimov

Собянина С.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Туристический бизнес и сервис» Московского государственного машиностроительного университета
e-mail: sob-sw@mail.ru

Sobyanina S.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of "Tourism Business and Service" of the Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)

Сопнева Е.В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: sopneva@mail.ru

Sopneva E.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Law, Stavropol' Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Interiors of Russia

Суменко Л.В.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры воспитания, социализации и развития личности Ставропольского государственного педагогического института
e-mail: 2324856@gmail.com

Sumenko L.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Training, Socialization and Personality Development of the Stavropol' State Pedagogical Institute

Третьякова Е.С.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала Московского института государственного управления и права в Пермском крае
e-mail: Es-tret@mail.ru

Tret'yakova E.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of Branch of the Moscow Institute of Public Administration and Law in Perm Kray

Чеботарев В.Е.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета, анализа и аудита Московского института государственного управления и права
e-mail: v.tchebotarev@mail.ru

Chebotarev V.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Economics, Accounting, Analysis and Audit of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Чеботарева А.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент юридического института Московского государственного университета путей сообщения
e-mail: anna_galitskaya@mail.ru

Chebotareva A.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Law Institute of the Moscow State University of Railway Engineering

Шамаров П.В.,
аспирант Национального института имени Екатерины Великой
e-mail: shamarov@front.ru

Shamarov P.,
Postgraduate student of Ekaterina the Great National Institute of Russia

Шикула И.Р.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Московского института государственного управления и права
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Shikula I.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Criminal-Legal Disciplines of the Law Faculty of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шилова В.А.,
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН
e-mail: vshilova@yandex.ru

Shilova V.,
Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Scientific Secretary of the Center of Sociology of Management and Social Technologies of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Шкодинский С.В.,
доктор экономических наук, профессор, начальник отдела Государственного НИИ Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinskiy S.,
Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the State Research Institute of Systematic Analysis of Accounts Chamber of the Russian Federation

Шкурко Н.М.,
кандидат психологических наук, научный сотрудник Московского института государственного управления и права
e-mail: nshkurko@mail.ru

Shkurko N.,
PhD in Psychology, Research Fellow of the Moscow State Institute of Public Administration and Law

Шутурова Х.М.-Б.
ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ингушского государственного университета, соискатель Юридического института Северо-Кавказского федерального университета
e-mail: shuturova2011@yandex.ru

Shuturova Kh.,
Teaching Fellow of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of Ingush State University, Degree-seeking student of the Law Institute of North-Caucasus Federal University

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие **тематике** журнала. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае:

• несоблюдения автором правил оформления рукописи;

• несоответствия материала тематике журнала.

Журнал «Вестник Академии права и управления» является междисциплинарным и охватывает следующие области знания:

• Юридические науки

• Экономические науки

• Педагогические науки

Требования к оформлению статей

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке. Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

• Материал представляется в текстовом редакторе – Microsoft Word (.doc).

• Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).

• Шрифт (гарнитура) – Times New Roman или Arial.

• Размер шрифта (кегль) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.

• Абзацный отступ («красная строка») – 1,5 см.

• Межстрочный интервал – одинарный.

• Выравнивание текста – по ширине.

• Автоматическая расстановка переносов.

Статья снабжается пристатейным **списком литературы** (на русском и английском языках), оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (т.е. схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру. Каждый рисунок должен быть представлен также в виде отдельного графического файла (.jpg; разрешение – не менее 250 dpi (точек)) и/или качественной (пригодной для сканирования) копии.

Обозначения у кривых и на осях графиков должны быть достаточно крупными и разборчивыми.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

В формулах в качестве символов следует применять буквенные (символьные) обозначения греческого и латинского алфавита – курсивом. Знаки математических действий и символы функций +, - , /, ?, sin, lg, exp и т.п. – прямым шрифтом. Буквенные обозначения и числовые коэффициенты необходимо расшифровывать в тексте или непосредственно после формулы. Размер шрифтов в формулах должен быть таким же, как и в основном тексте (14). Следует избегать использования редактора формул Word (Equation Editor).

Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57].

Ссылки на Интернет – ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы) или 30 машинописных страниц формата А4) **.** Редакция оставляет за собой право на сокращение статей большего объема или размещение их в двух номерах.

К рукописи прилагается:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Петров.doc»).
2. Аннотация (600 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

Редакционная коллегия информирует авторов о принятии их авторских материалов к публикации. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (42)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2016. – 216 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 17.03.2016
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 25,1

Адрес редакции:
115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064 приложение № 16